

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

ЭДДА. Т. I.

Сл.

~~Э-18~~

ЭДДА

СКАНДИНАВСКИЙ ЭПОСЪ

T $\frac{72}{66}$

716

ПЕРЕВОДЪ

ВВЕДЕНИЕ, ПРЕДИСЛОВІЕ И КОММЕНТАРИИ

С. СВИРИДЕНКО

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ДРЕВНЕ-СКАНДИНАВСКАГО ЯЗЫКА
ВЪ СТИХАХЪ РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА,
УДОСТОВНЕННЫЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМИИ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. И С. САБАШНИКОВЫХЪ

1917

752114-38
D-8137

Типо-литография Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

Э Д Д А

ВВЕДЕНИЕ.

Въ статьѣ профессора Э. А. Брауна, предпосылаемой моему труду, читатель найдетъ рядъ специальныхъ историко-филологическихъ свѣдѣній относительно того литературнаго памятника, которому присвоено названіе Старшей или Стихотворной Эдды. Уважаемый ученый, въ настоящее время являющійся въ Россіи авторитетнѣйшимъ знатокомъ германской филологіи, по моей просьбѣ изъявилъ согласіе (за которое онъ позволить мнѣ въ этомъ мѣстѣ печатно выразить ему мою глубокую признательность) взять на себя общедоступное изложеніе филологической характеристики памятника. Такъ что мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на ней въ моемъ введеніи.

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь лишь необходимыми сжатыми указаніями.

Древне-скандинавская (норвежская по своему племенному источнику) литература получила свое настоящее развитіе въ Исландіи, колонизированной въ IX—X вв. христіанской эры, на ряду съ представителями другихъ племенъ, и норвежскими выходцами, не желавшими подчиниться королевскому произволу объединителя Норвегіи Гаральдра Гарфагра.

Въ XII вѣкѣ положено начало мѣстной исландско-норвежской письменности, основателемъ которой считается Ари Торгильссонъ (ум. 1148 г.), первый начинатель исландской исторіографіи, а въ извѣстномъ смыслѣ и всей прозаической литературы своихъ единоплеменниковъ, достигшей въ сравнительно короткій срокъ богатаго расцвѣта. Обособленные на своемъ одинокомъ сѣверномъ островѣ, лежавшемъ у границъ тогдашняго обитаемаго міра, не

безпокоиные крупными внѣшними врагами, не подвергавшіеся— по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ—истребительнымъ походамъ христіанскихъ фанатиковъ, беспощадно искоренявшихъ всѣ продукты народной языческой литературы у тѣхъ (южныхъ) германскихъ племенъ, на которыя распространялась сфера ихъ дѣятельности, — обитатели Исландіи свободно могли пользоваться досугами долгихъ, почти полярныхъ зимъ, чтобы записать перешедшія отъ предковъ повѣсти о родныхъ богахъ и герояхъ, исторіи своихъ и норвежскихъ вождей и королей, свои обычаи, вѣрованья и народные законы. Древніе исландскіе авторы оставили богатое прозаическое наслѣдіе, въ которое входитъ, кромѣ произведеній мифологическаго и фольклорнаго характера, множество историческихъ біографій (прежде всего норвежскихъ королей, затѣмъ выдающихся вождей, а послѣ принятія христіанства въ Исландіи— епископовъ), также монографій, относящихся къ исторіи Исландіи, Норвегіи, Даніи и островныхъ колоній, наконецъ, рассказы о путешествіяхъ, объ открытіяхъ Гренландіи и Сѣверо-Американскаго материка, произведенныхъ около 1000 г. отважными скандинавскими мореплавателями, и т. д. Къ этому времени относится рядъ сагъ, описывающихъ судьбы отдѣльныхъ исландскихъ родовъ, повѣствуя о нихъ въ повседневно-реалистическомъ тонѣ, хотя и съ примѣсю легендарныхъ элементовъ, что побуждаетъ Геринга называть саги этого типа своего рода „историческими романами“, служащими однако превосходнымъ источникомъ для изученія культурно-бытовыхъ условій той эпохи ¹⁾). На ряду съ развитіемъ исторіографической литературы надо упомянуть о другихъ попыткахъ научнаго изслѣдованія со стороны исландскихъ представителей средневѣковой образованности: въ области математики, астрономіи, реторики, грамматики и возникавшей лингвистики. Переводная прозаическая литература Исландіи также отличалась значительнымъ богатствомъ, включавшимъ средне-европейскіе и греческіе элементы, даже восточныя вліянія.

¹⁾ Лица, владѣющія нѣмецкимъ языкомъ, могутъ познакомиться съ древними исландскими сагами въ прекрасномъ художественномъ переводѣ Артура Бонуса (Arthur Bonius) въ его сборникахъ *Zslandsberbuch*, I, II—München, 1907, 1908; дополнительный томъ III съ обширнымъ историко-литературнымъ введеніемъ.

Поэтическая литература Исландіи, выросшая на почвѣ норвежской поэзіи, далеко выдвинулась по своимъ результатамъ надъ первоначальнымъ норвежскимъ источникомъ.

Въ Норвегіи изслѣдователи предполагаютъ еще до IX вѣка широкое развитіе поэтическаго творчества, первоначально несомнѣнно всецѣло остававшагося въ области устной передачи, такъ какъ начало его относится къ эпохѣ, предшествовавшей распространенію письменъ. Да и когда появились, перейдя на сѣверъ отъ южныхъ германскихъ племенъ, письмена—древніе руническіе знаки (происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще не можетъ считаться опредѣленнымъ съ увѣренностью, но по всей вѣроятности коренится отчасти въ заимствованіи и приспособленіи знаковъ греческой и латинской азбуки, отчасти въ видоизмѣненіи еще болѣе древнихъ, исконно германскихъ письменъ) ¹⁾, даже и тогда они лишь изрѣдка могли служить для записыванья поэтическихъ произведеній, поскольку послѣднія не представляли собою заклинаній. Надмогильныя надписи и изреченія, помѣтки на оружіи и уборахъ, сообщающія имя собственника или мастера въ слѣдующемъ родѣ „Меня (мечъ) сдѣлалъ такой-то“,—вотъ на что обыкновенно употреблялись руническія письмена. Могкъ считаетъ однако несомнѣннымъ, что нѣкоторыя изъ древнихъ пѣсенъ были уже записаны и въ руническую эпоху, хотя и высказывается противъ предположенія Б. Ольсена, чтобы такія записи могли быть многочис-

1) Въ настоящее время достаточно выяснено, что древнія „унаслѣдованныя отъ Одина“ руны, о которыхъ говорится въ пѣсняхъ и сагахъ, несомнѣнно, не тождественны съ тѣмъ, что стали называть рунами впоследствии, т.-е. простыми письменами. Но считать послѣднія сплошь заимствованными изъ латинской или греческой азбуки мѣшаетъ то обстоятельство, что не относительно всѣхъ знаковъ рунической азбуки можно съ несомнѣнностью показать, изъ какихъ именно латинскихъ или греческихъ буквъ они получились. Вѣрнѣе всего, что къ иноземнымъ заимствованіямъ присоединено было нѣсколько видоизмѣненныхъ древне-германскихъ письменъ. Новѣйшія изслѣдованія выводятъ происхожденіе руническаго алфавита отъ греческаго курсива (См. Friesen. Om runskriftens Nærkomst. Uppsala, 1904). Съ этой теоріей, однако, невозможно согласиться безъ оговорокъ. Интереснѣйшія данныя, хотя радикально расходящіяся съ ходячими научными воззрѣніями, относительно рунической письменности—имѣются въ замѣчательномъ трудѣ Г. Листа. G. List. Das Geheimnis der Runen. Wien, 1908.

лenni и заключать не только пѣсни, но и значительную часть прозаической литературы ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ руническія записи пѣсенъ до насъ не дошли ²⁾. Сохранившіяся записи пѣсенъ Эдды принадлежать уже эпохѣ, когда руническій алфавитъ былъ замѣненъ новымъ, близко воспроизводившимъ латинскій, что совершилось къ XII вѣку въ Исландіи, гдѣ къ тому времени развилась и процвѣтала возникшая въ норвежскомъ отечествѣ исландцевъ народная поэзія.

Поэтическія произведенія норвежско-исландской литературы многочисленны и разнообразны: Въ числѣ ихъ были и древнія сказанія о богахъ и герояхъ, и дидактическія стихотворенія, и пѣсни въ честь современныхъ авторамъ вождей и конунговъ, прославлявшія ихъ доблести, подвиги и побѣды; были и короткія стихотворенія въ видѣ отдѣльныхъ строфъ, *lausag vísur*, вызванныхъ впечатлѣніемъ минуты и имѣвшихъ разнообразное содержаніе — любовную лирику, эпиграммы, загадки и т. п. ³⁾. Тѣ произведенія, которыя вошли въ поэтическій сборникъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ Эдды, стоятъ въ извѣстномъ смыслѣ особнякомъ въ исландско-норвежской литературѣ; авторы ихъ намъ неизвѣстны; первоисточникомъ ихъ, несомнѣнно, являлось первобытное народное творчество, безыскусственное, почерпавшее свое содержаніе изъ древней сокровищницы народнаго самосознанія. Частью, быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ подвергались литературной переработкѣ отдѣльныхъ позднѣйшихъ авторовъ; но первоначальные ихъ элементы — сказанія и миѳы, составляющіе ихъ содержанія — являются созданіемъ безымяннаго вдохновенія древняго племенного духа. Лица, впослѣдствіи написавшія эти пѣсни, были лишь поздними пересказчиками, а не авторами ихъ. По духу своему и стилю эти пѣсни отличаются

1) Björn Ólsen. *Runerne i den oldislandske Literatur*. Kbh., 1890.

2) Что онѣ дѣйствительно существовали, достаточно доказывается приводимую Могкомъ цитатою: *fa fannsk visa fessi á Sauctafelli ristin á keffi* (найденa „пѣсня, врѣзанная на круглой палкѣ“), за чѣмъ слѣдуетъ самая „врѣзанная“ пѣсня, о которой идетъ рѣчь. (*Sturlunga sag*. I. 341. 15).

3) По характеру замысла и содержанія, эти стихотворенія нѣсколько напоминаютъ испанскія народныя *cantares* — короткія строфы, обыкновенно въ 4 строки съ болѣе или менѣе случайнымъ содержаніемъ, передаваемымъ въ сжатой и тщательно округленной формѣ.

отъ произведеній тѣхъ болѣ позднихъ скандинавскихъ стихотворцевъ, которые намъ поименно извѣстны; видно, что онѣ принадлежать иному кругу творчества. Прежде, однако, чѣмъ обратиться къ ихъ характеристикѣ, надо сказать нѣсколько словъ о другихъ, отличныхъ отъ нихъ, продуктахъ исландской литературы.

Въ то время какъ тѣ древнія пѣсни, которыя потомству суждено было узнать изъ сборника Эдды, еще переходили, видоизмѣняясь и перерождаясь, изъ устъ въ уста, продолжая свое постепенное поэтическое развитие,—въ это же время развивалось и крѣпло въ Исландіи новое поэтическое творчество, уже не безымянное и коллективное, а имѣющее своими носителями опредѣленныхъ авторовъ,—творчество литературное въ болѣ тѣсномъ смыслѣ,—принадлежащее опредѣленной категоріи лицъ (куда могъ попасть всякій, обладающій соответствующими способностями, отъ пастуха до короля,—но которая фактически не распространялась на всѣхъ) въ противоположность древнему, не сосредоточивавшемуся въ подобной категоріи, народному творчеству.

Связь съ послѣднимъ имѣлась, несомнѣнно, и въ литературныхъ произведеніяхъ историческихъ исландскихъ скальдовъ, но въ гораздо меньшей степени и съ меньшею непосредственностью, нежели въ эддической поэзіи.

Относительно литературы скальдовъ, общей по своему племенному источнику съ пѣснями Эдды, но проникнутой иными принципами и отлившейся въ иныя формы, я ограничусь здѣсь лишь самыми сжатыми указаніями. Можно назвать рядъ именъ извѣстнѣйшихъ исландскихъ скальдовъ¹⁾, оставившихъ крупное поэтическое наслѣдіе, сохранившееся частью и до нашихъ дней. Въ X вѣкѣ знаменитый Эгиль Скаллаграмссонъ, Эйнаръ Скаллаграммъ, Ульфръ Уггассонъ, произведенія котораго носили извѣстный архаическій характеръ, сближающій ихъ съ про-

1) Въ этомъ сжатомъ перечнѣ я сознательно обхожу одного изъ талантливейшихъ скальдовъ: ирландца Кормака. Его національность, выразившаяся очень опредѣленно въ содержаніи и духѣ его произведеній, не позволяетъ включить его въ характеристику норвежско-исландскихъ пѣвцовъ той поры.

изведеніями старѣйшихъ норвежскихъ скальдовъ. Въ XI вѣкѣ Гуннлаугръ Ормстунга (Змѣиный языкъ) и Сиггватръ Тордарссонъ, во всѣхъ отношеніяхъ выдающаяся личность, крупный поэтъ и образованный по тому времени человекъ, подвижникъ и совѣтникъ короля Олафа Святого, собравшаго вокругъ себя цѣлую плеяду скальдовъ, а затѣмъ его сына Магнуса; затѣмъ Торариннъ Лофтунга, Арнорръ Ярласкальдъ, Тйодольфръ Арнорссонъ, одинъ изъ придворныхъ пѣвцовъ короля Гаральда Гардради, который и самъ обладалъ поэтическимъ дарованіемъ, достаточно богатымъ и самобытнымъ, чтобы признать этого энергичнаго завоевателя однимъ изъ наиболѣе выдающихся скальдовъ той эпохи. Въ XII вѣкѣ, несмотря на замѣтный качественный упадокъ искусства скальдовъ, оно еще имѣло достаточное число представителей, изъ которыхъ можно назвать Эйнара Скуласона, а также авторовъ стихотворной поэтики Háttalykill ярла Рогнвальда и Галльра Торариннссона. Въ концѣ XII вѣка приходившая въ упадокъ поэзія скальдовъ пережила эпоху новаго краткаго процвѣтанія благодаря произведеніямъ Снорри Стурлусона, крупнаго исландскаго ученаго, историка и автора знаменитой поэтики Háttatal — стихотворной, какъ и Háttalykill, и задающейя цѣлью исчерпать всѣ возможные виды и формы тогдашняго стихосложенія. Снорри создалъ и рядъ другихъ поэтическихъ произведеній (пѣсни, прославляющія короля Сверрира, и др.), но его слѣдуетъ признать скорѣе искуснымъ версификаторомъ, чѣмъ поэтомъ, хотя и настоящимъ мастеромъ въ области художественной прозы; несомнѣнно, онъ по природѣ былъ гораздо болѣе ученый-энциклопедистъ, нежели скальдъ, и ученый крупный, едва ли не первый настоящій историкъ средне-вѣковья, оставившій въ своей Heimskyngla образецъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающагося историческаго повѣствованія.

Въ XIII вѣкѣ поэзія скальдовъ приходитъ въ окончательный упадокъ.

Темы этой поэзіи, въ большомъ количествѣ образцовъ дошедшей до насъ, отличались, какъ видно уже изъ предыдущаго, значительнымъ разнообразіемъ: прославленіе вождей и королей, описаніе битвъ и въ особенности морскихъ походовъ, въ послѣдствіи христіанскіе гимны и славословія христіанскимъ божествен-

нымъ личностямъ, дидактика, лирика, въ томъ числѣ любовная, подчасъ памфлетъ, а также короткія, въ нѣсколько строкъ, стихотворенія, сочиненныя на всевозможные жизненные эпизоды—все это нашло въ скальдической поэзи многообразное выраженіе. Характернымъ для этой поэзи является то обстоятельство, что въ ней, почти съ самаго ея возникновенія, а съ теченіемъ времени все замѣтнѣе и сильнѣе—господствуетъ такое соотношеніе между формою и содержаніемъ, при которомъ на первомъ планѣ оказывается форма. Выборъ эпитетовъ, построеніе фразы, взаимное соотношеніе метафоръ—играютъ главную роль, при чемъ возрастающее стремленіе къ возможно большей изысканности осложняетъ стихотворную форму до такой степени, что содержаніе, по большей части несложное, совершенно ступшевуется передъ этой замысловатой оболочкой. Ритмы, довольно простые въ древнѣйшей поэзи, различнымъ образомъ развиваются и комбинируются, достигая большой сложности. Эпитеты становятся все вычурнѣе, метафоры нагромождаются одна на другую и переплетаются между собою, распространяясь на всѣ образы, почти на всѣ слова какого-нибудь стихотворенія, такъ что въ немъ не оказывается почти ни одного слова, которое надо было бы понимать въ прямомъ смыслѣ: всѣ они употреблены въ переносномъ значеніи, при чемъ ближайшій фигуральный смыслъ зачастую тоже оказывается метафорой, снова требующей разгадки, и т. д. Поэтъ, напр., называетъ змѣй „рыбамн равнины“; сигъ (sigr) есть видъ рыбы, поэтому „сигъ равнины“ означаетъ змѣю; драконы, змѣи, согласно повѣрью, стерегутъ золотыя сокровища и лежатъ на нихъ, поэтому золото называется мѣстопробываніемъ, „краемъ змѣй“, отсюда „край сиговъ равнины“ означаетъ „край змѣй“, т. е. золото. Далѣе, женщина украшаетъ себя золотомъ, и поэтому обозначается словами „страна золота“, а поставивъ вмѣсто „золота“ обозначающую его метафору, поэтъ говоритъ: „страна края сиговъ равнины“, что означаетъ „женщина“. Вдобавокъ слова не ставятся въ ихъ естественномъ порядкѣ—laut lyngs sikiar—а дѣлается соединеніе: lautsikiar lyngs, и связанныя другъ съ другомъ слова не находятся рядомъ, а, такъ сказать, разсыяны по всему стихотворенію,—въ промежутки же между ними вста-

влены другія подобныя же метафоры ¹⁾. Трудно даже себѣ представить, какую невѣроятную запутанность вносятъ подобныя риторическіе приемы въ произведенія скальдовъ. Въ стихотвореніяхъ, подобныхъ цитируемому мною, оказывается головоломное нагроможденіе всевозможныхъ образовъ и понятій—за исключеніемъ только тѣхъ, о которыхъ на самомъ дѣлѣ должно говорить въ стихотвореніи—такъ какъ они скрываются за многосложными комбинаціями метафоръ. Конечно, сложность не всегда одинаково велика; и надо помнить, что для современниковъ скальдовъ было сразу понятно большинство тѣхъ метафоръ, которыя приводятъ въ недоумѣніе теперешняго читателя. Для тогдашнихъ цѣнителей, поэзія скальдовъ не обладала тою ребусообразною головоломностью, которую она получаетъ въ нашихъ глазахъ. Но отъ этого она была не въ меньшей степени искусственна и условна; и невозможно отрицать въ ней ту гипертрофію стилистическихъ украшеній, то чудовищное развитіе формы за счетъ содержанія, которое всегда понижаетъ художественную цѣнность произведенія,—въ особенности цѣнность общечеловѣческую, выходящую за предѣлы данной эпохи и данной культурной среды.

Несмотря на отдѣльные положительные элементы поэзіи скальдовъ, несомнѣнно имѣющіеся и въ ней, въ особенности у старшихъ ея представителей (Эгиль Скалагримссонъ)—на красивыя эпическія черты, на яркое и самобытное вдохновеніе единичныхъ образчиковъ болѣе здороваго творчества, на удачныя лирическіе мотивы и мѣткія сатирическія выходки, на выразительные афоризмы и глубокіе подчасъ отголоски извѣстнаго міросозерцанія, характернаго для соотвѣтствующей культурной эпохи—несмотря на все это, поэзія скальдовъ, въ общемъ, представляетъ собою нѣчто въ высшей степени искусственное и мало причастное настоящему искусству, продуктъ извѣстнаго литературнаго жонглерства, доведеннаго порою до высокаго техническаго совершенства, но рѣдко заключающаго въ себѣ тѣ жемчужины духа, которыя во всѣ времена составляютъ принадлежность истинной поэзіи. Съ культурно-исторической точки зрѣнія, продукты этой литературы

¹⁾ Въ Сагѣ о Гуннлаугрѣ—*Gunnlaugs saga Ormstungu* 11-е изъ приводимыхъ стихотвореній.

въ высшей степени интересны; какъ произведенія міровой поэзіи—они, за единичными исключеніями, не поднимаются выше уровня посредственности ¹⁾).

Совершенно инымъ духомъ, иными приёмами творчества вѣтъ отъ тѣхъ безымянныхъ древнихъ пѣсень, сильная передача которыхъ на русскій языкъ является задачей настоящаго труда.

Именно къ XII вѣку (къ концу его или началу XIII), когда поэтическое творчество скальдовъ постепенно вырождалось и угасало—относится первая, не сохранившаяся до нашего времени запись пѣсень Эдды. Сохранились лишь списки съ этой записи, изъ которыхъ самый древній, Codex Regius, принадлежитъ вѣроятно концу XIII вѣка. Что и оригинальная рукопись XII вѣка была именно запись (а не созданное въ ту эпоху произведение)—давно съ полною несомнѣнностью установлено изслѣдователями Эдды. Только относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пѣсень можно предполагать, что онѣ сложились приблизительно въ эпоху составленія сборника, этой эпохѣ могутъ принадлежать также интерполяція, въ особенности прозаическія вставки, введенныя мѣстами въ древнія пѣсни, дополняемыя и поясняемыя ими. Въ общемъ же, Эдда—сборникъ старыхъ, различныхъ по авторамъ, по времени и мѣсту возникновенія, пѣсень.

Своимъ названіемъ Эдда—подобно нѣкоторымъ другимъ выдающимся произведеніямъ міровой литературы ²⁾—обязана недоразумѣнію.

Въ 1643 году исландскій епископъ Бринйольфъ Свейнсонъ нашель рукопись (пергаментъ), принадлежавшую второй половинѣ XIII в. и заключающую двадцать девять эпическихъ пѣсень, заимствованныхъ изъ болѣе древняго сборника, того самаго, о которомъ говорилось выше, относившагося къ концу XII вѣка и

¹⁾ Противоположное мнѣніе пытается защищать Мейсснеръ въ своей горячей, но мало убѣдительною лекціи о поэзіи скальдовъ (вышло отдѣльной брошюрой), гдѣ онъ указываетъ художественныя красоты скальдическихъ произведеній и отстаиваетъ литературные принципы этого вида творчества.

Н. Meißner. Skaldenprosa. Ein Vortrag. W. Niemeyer. Halle 1904.

²⁾ Хотя бы „Метафизикъ“ Аристотеля.

утраченного. Рядъ отрывковъ изъ этихъ пѣсенъ приводится въ видѣ цитатъ въ прозаическомъ изложеніи мифологическихъ и героическихъ преданій, принадлежащемъ Снорри Стурлусону и вмѣстѣ съ его *Hattatal* носящемъ общее названіе „Edda“—что, вѣроятно, означало: „Поэтика“ или нѣчто аналогичное. Бринйольфъ отнесъ это заглавіе къ тѣмъ мифамъ и сказаніямъ, которые передаются у Снорри; и, рѣшивъ, на основаніи приводимыхъ послѣднихъ строфъ, что источникомъ Снорри послужила вновь открытая безымянная рукопись—назвалъ эту рукопись тоже „Эдда“. Бринйольфъ же рѣшилъ, что составителемъ (если не авторомъ) сборника долженъ былъ быть не кто иной, какъ знаменитый исландскій ученый Сэмундръ Мудрый (1056—1133), *Saemundur Sigfússon enn frófe*, извѣстный своими путешествіями по Европѣ, своими не дошедшими до насъ историческими трудами и широкими познаніями, а также быстро сложившеюся фантастическою репутаціей чудодѣя и волшебника. Поэтому Бринйольфъ озаглавилъ найденный сборникъ:

„Эдда Сэмундра Мудраго“. Новѣйшія изслѣдованія выяснили съ полною несомнѣнностью, что Сэмундръ не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ рукописи, приписана она ему была безъ всякихъ основаній—просто потому, что легендарная слава Сэмундра давала точку опоры „всегда господствующему въ научныхъ кругахъ¹⁾ стремленію приписывать крупныя безымянные произведенія какому-нибудь историческому или даже мифическому автору“.

Такимъ образомъ „Эдда Сэмундра“—на самомъ дѣлѣ очевидно и не Эдда, и не Сэмундра. Но если имя Сэмундра теперь уже можно считать отброшеннымъ, то названіе Эдды укоренилось съ незыблемою прочностью, и даже въ большей степени связалось съ найденною Бринйольфомъ рукописью, чѣмъ съ дѣйствительно носящею это заглавіе Эддою Снорри. Обыкновенно, когда говорится просто „Эдда“—подразумѣвается не Эдда Снорри, а другая, которую иногда также обозначаютъ названіемъ „Старшей или Стихотворной Эдды“ (въ отличіе отъ „Младшей“ или прозаической, какъ называютъ Эдду Снорри).

¹⁾ По мѣткому выраженію Геринга.

Старѣйшимъ и наиболѣ цѣннымъ спискомъ Эдды является найденная Бриниольфомъ рукопись, получившая названіе Codex Regius и находящаяся въ Кор. Копенгагенской Библіотекѣ. Относительно другихъ списковъ, а также позднѣйшихъ печатныхъ изданій Эдды—читатель найдетъ общія свѣдѣнія въ Указателѣ литературы, и въ статьѣ О. Брауна.

Какъ сказано, Эдда представляетъ собою сборникъ поэтическихъ произведеній: сказаній о богахъ и древнихъ герояхъ.

Вопреки прежней теоріи, считавшей эти сказанія продуктомъ обще-сѣвернаго народнаго творчества и относившей ихъ возникновеніе къ эпохѣ между 400 и 800 гг., новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ созданіемъ исключительно древне-скандинавскаго творчества; наиболѣ раннія изъ нихъ относятъ къ IX вѣку, большинство къ X, а нѣкоторыя даже къ болѣе поздней порѣ. Разумѣется, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ Эддѣ фигурируютъ мифическіе и сказочные мотивы, принадлежащіе глубочайшей древности—уже не только обще-скандинавской, но и обще-германской, даже обще-арійской. Самыя пѣсни принадлежатъ скандинавскому міру; сюжеты ихъ зачастую получены отъ другихъ германскихъ племенъ. Народныя преданія могли цѣлыми столѣтіями странствовать изъ устъ въ уста, пока не закрѣпились окончательно въ формѣ пѣсни. Если не подлежитъ сомнѣнію, что эти пѣсни, отдѣленные другъ отъ друга вѣковыми промежутками, не могли быть созданіемъ одного автора—то многія данныя говорятъ въ пользу того, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ свое время продуктомъ индивидуальнаго литературнаго творчества. Такова, напр., „Пѣснь объ Альвиссѣ“, гдѣ искусственность построенія, выдержанность плана и техническое мастерство выполненія заставляютъ предполагать единоличнаго автора. Напротивъ, другія пѣсни (Пѣснь о Тримрѣ, напримѣръ) архаичностью, наивностью замысла, эпическимъ спокойствіемъ и ровностью тона, подчасъ и первобытною грубостью деталей—побуждаетъ видѣть въ нихъ элементы старѣйшаго народнаго творчества, лишь пересказанные, быть можетъ, устами позднѣйшаго пѣвца. Наконецъ, возможна и коренная обработка единичнымъ авторомъ мотива, заимствованнаго изъ народной поэзіи. Такъ, рѣзко замѣтное соединеніе народнаго и литературнаго элемента представляетъ собою, по моему мнѣнію,

Пѣснь о Гѣмирѣ, гдѣ крайне простой и наивный, мѣстами почти нескладный древній миѣ въдвинуть въ рамки уже вполнѣ опредѣлившагося явно-искусственного, даже слегка манернаго литературнаго стиля.

При всемъ своемъ разнообразіи, пѣсни Эдды имѣютъ, до извѣстной степени, общее содержаніе. За исключеніемъ немногихъ произведеній дидактическаго характера (Hovamol), это—поэтическія повѣствованія о древнихъ герояхъ и о богахъ.

Своеобразный, оживленный и красочный міръ открывается намъ въ этихъ пѣсняхъ: сжато, но сильно и правдиво очерченные образы, яркіе характеры, полные драматизма конфликты личностей и страстей въ божескомъ и человѣческомъ существованіи, трагическія повѣсти побѣды и гибели, въ томъ числѣ величавая эпопея о міровыхъ судьбахъ, о возникновеніи и разрушеніи міра, въ которомъ непрестанно осуществляется борьба между разрушительными силами первобытнаго хаоса и воплощенными въ богахъ началами устроенія и гармоніи—все это на фонѣ суровой мощной сѣверной природы, населенной безконечнымъ множествомъ таинственныхъ стихійныхъ обитателей, и исполинскихъ чудовищъ, и нѣжныхъ ласковыхъ духовъ... Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей скандинавской древности Александръ Бугге ¹⁾ въ удачныхъ выраженіяхъ характеризуетъ типичныя черты Эдды: „Это поэтическое произведеніе, которое по глубинѣ мысли и ясности въ изображеніи человѣческаго, по драматической сжатости дѣйствій—стоитъ на одной высотѣ съ благороднѣйшими созданіями искусства этого типа, какія существуютъ. Здѣсь надъ нами не раскидывается, какъ въ безсмертномъ эпосѣ Гомера, вѣчно радостное, ясное, безоблачное небо; мы не плывемъ, въ сіяніи „Зари съ розовыми перстами“, по тихимъ волнамъ „пурпурнаго моря“ мимо цвѣтущихъ береговъ, населенныхъ прекрасными, гармоническими людьми. Здѣсь нѣтъ роскошнаго дѣвственнаго лѣса образовъ, тропической фантазіи индійскаго героическаго эпоса. Здѣсь нѣтъ дикости и кипящихъ страстей ирландскихъ сказаній... Въ этихъ пѣсняхъ какъ бы звучитъ битва—гдѣ мечи встрѣчаются съ меча-

¹⁾ Котораго не надо смѣшивать съ извѣстнымъ С. Бугге, о чьей теоріи будетъ рѣчь ниже.

ми, гдѣ клинки какъ молніи разрѣзають воздухъ; все рѣзко и сжато; вездѣ обмѣнъ словъ и драматическое движеніе—нѣтъ пространныхъ картинъ, длинныхъ описаній, нѣтъ земедляющихъ отступленій, какъ почти во всѣхъ эпическихъ произведеніяхъ... Образы словно изваяны рѣзцомъ, они стоятъ передъ нами, выпуклые и полные жизни“... ¹⁾

Для Эдды въ высшей степени характерна эта жизненность, яркость и ясность, рѣзко отличающія ее отъ такихъ, проникнутыхъ мистической фантастикой, произведеній, какъ нѣкоторыя индійскія поэмы и нѣкоторыя кельтскія сказанія. Въ самыхъ сказочныхъ элементахъ Эдды всегда проявляется извѣстный здоровый реализмъ, органическая близость къ живому человѣчному бытію. По этому поводу я позволю себѣ повторить здѣсь сказанное мною въ другомъ моемъ трудѣ и объ эпическомъ мірѣ Эдды, столь непохожемъ на призрачную, туманную обстановку мистическихъ легендъ позднѣйшаго христіанскаго средневѣковья—которую иногда несправедливо навязываетъ мнѣніе читающей публики и языческимъ германскимъ преданіямъ, проникнутымъ совершенно инымъ духомъ:

Это міръ реальной жизни, міръ подчасъ грубой, но могучей человѣчности, здоровой силы и буйныхъ страстей, міръ дѣятельной воли и мужества.

Удары боевыхъ мечей объ крѣпкія брони, гордый бѣгъ корабля къ чужимъ берегамъ за добычей и славой, шипѣніе пѣннаго меда въ тяжелыхъ задранныхъ рогахъ, скрипъ зерна подъ увѣсистымъ ручнымъ жерновомъ—вотъ образы и обстановка этихъ сказаній: битвы, походы, тяжелый трудъ, опасныя охоты, шумные пиры... Все сильно и ярко, все дышитъ жизнью.

Боевыя раны до костей, праздничныя здравицы допьяна; струны, лопающіяся подъ рукой всплывшаго пѣвца, кольчуга, разрывающаяся отъ порывистаго дыханія разгнѣваннаго витязя... Громкій голосистый хохоть вмѣсто мистической улыбки полупризрачныхъ героевъ средневѣковой легенды; яркій свѣтъ и вольный воздухъ вмѣсто трепетнаго сумрака, наполненнаго ладаннымъ дымомъ средне-

¹⁾ N. Bugge. Die Wicinger 228. Авторизирте Überttragung aus dem Norwegischen von Dr. S. Hungerland Halle. 1906.

вѣковаго храма. Безстрашное, презирающее смерть мужество, суровая доблесть и бодрая жизнерадостность; міросозерцаніе въ высшей степени положительное и дѣятельное; и, какъ идеаль по-смертнаго блаженства—не туманные чертоги расплывчатаго созерцательнаго рая, а крытая золотыми щитами Валгалла, гдѣ властитель боговъ надѣляетъ своихъ избранниковъ добрымъ оружіемъ и ежедневно водить ихъ въ битву, чтобы послѣ жаркаго боя вернуться въ свѣтлый чертогъ для веселаго пира, для пѣсень и мудрыхъ бесѣдъ...

Конечно, элементъ отвлеченной сознательности существуетъ и въ этомъ мірѣ: въ загадочныхъ прорицаніяхъ древнихъ вѣдуній, въ вѣщей мудрости Норнъ и Одина.

Глубина и сложность не чужды этой мудрости, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается вѣчныхъ міровыхъ тайнъ, происхожденія и участи міровъ. Но въ этихъ глубокихъ и сложныхъ созданіяхъ германскаго духа—на первомъ планѣ не мистическія фантазіи, а твердая, послѣдовательная, логичная мысль, ищущая истины. И отвлеченная міровая философія (подразумѣвая подъ философіей, конечно, не науку, а извѣстное идейное построеніе, создавшееся изъ тогдашнихъ взглядовъ на Вселенную и божество или божества) уравнивается богатымъ запасомъ практической жизненной мудрости—ясной, трезвой, мотивированной. Даже въ религіозной области мистицизмъ почти совершенно чуждъ древнегерманскому язычеству: культъ и обрядность просты, доступны каждому, нѣтъ спеціальнаго класса жрецовъ, хранящихъ тайну божественнаго откровенія¹⁾. Всякій полноправный членъ народной общины самъ приносить жертвы богамъ и совершаетъ обряды.

¹⁾ Существуетъ, правда, теорія, расходящаяся съ установившимися въ наукѣ взглядами,—согласно которой у древнихъ германцевъ существовало эзотерическое религіозное ученіе, съ тайнымъ мистическимъ культомъ, хранителями котораго являлись немногіе посвященные. Главнымъ представителемъ этой теоріи можно считать въ настоящее время Гвидо Листа [См. G. List. Die Armanenschaft der Ario-Germanen и др. его сочиненія]. Этотъ даровитый знатокъ германской древности отстаиваетъ свои оригинальные взгляды съ большимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ, проявляя обширную эрудицію и нерѣдко поразительный интуитивный даръ; но доводы его лишены документальной доказательности (Соч. печ. Wien Verlag d. Guido-List-Gesellschaft).

Разумѣется, въ обрядахъ есть символика, въ вѣрованіяхъ есть элементы таинственнаго; но то и другое не на первомъ планѣ, общій тонъ міровоззрѣнія остается реальнымъ и простымъ. Волшебное и сверхъестественное фигурируетъ въ германскихъ преданіяхъ довольно умѣренно и всегда съ сильнымъ реалистическимъ колоритомъ. Символическая подкладка нѣкоторыхъ сагъ отличается, по большей части, строгою простотою, очень далекою отъ той фантастической запутанности, какая характеризуетъ, на примѣръ, легенды древняго Востока.

Излишне распространяться о томъ, какой богатый матеріалъ даетъ сѣверный эпосъ для характеристики не только языческаго міросозерцанія древнихъ германцевъ, но и вообще культурной оболочки древне-германскаго міра во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ; не только о заоблачномъ существованіи боговъ въ ихъ свѣтлыхъ горнихъ чертогахъ, но и о повседневной, обычной, земной жизни людей съ ея убожествомъ и благополучіемъ, съ ея горестями и радостями.

Изъ этихъ сжатыхъ, по большей части отмѣченныхъ драматическимъ колоритомъ пѣсень, мы знакомимся не съ одними образами и характерами боговъ, героевъ, исполиновъ,—но и съ обстановкою германскихъ жилищъ той эпохи, въ которую возникли пѣсни, съ оружіемъ, утварью, одеждой, съ устройствомъ кораблей и охотничьихъ приспособленій, съ обычаями и повѣртіями, съ правилами домашняго обихода и предписаніями народной врачебной науки,—словомъ, со всѣмъ матеріальнымъ укладомъ жизни и также съ ея духовными, религіозными и правовыми основами. Мы знакомимся отчасти и съ ландшафтами странъ, гдѣ возникли пѣсни—съ норвежскими лѣсами, скалами и фйордами, съ исландскими вулканическими скалами и скудными порослями, а прежде всего и больше всего: съ моремъ, настоящею родиною древнихъ викинговъ, которую они умѣютъ описывать съ большимъ богатствомъ красокъ, съ большею силою и краснорѣчіемъ, нежели что-либо другое въ природѣ...

Эпоха, въ которую возникаютъ—еще не пѣсни Эдды, но эпическіе мотивы этихъ пѣсень—это VI—VIII вв. христіанской эры. Исторія сѣверныхъ племенъ въ эту пору почти совершенно скрыта отъ взора изслѣдователей. Только догадки

позволяютъ говорить о крупныхъ народныхъ передвиженіяхъ, о взаимномъ треніи племенъ—эти условія, вездѣ сопутствовавшія появленію древняго народнаго эпоса, несомнѣнно имѣли мѣсто и въ данномъ случаѣ. Исторически закрѣпленъ свидѣтельствомъ Прокопія обратный переходъ сѣверно-германскаго племени Геруловъ отъ Карпатскихъ горъ въ Скандинавію въ началѣ VI вѣка; это народное движеніе могло занести на сѣверъ мотивы готскихъ преданій объ Эрманарихѣ и Дитрихѣ (Теодорихѣ). Около этой же поры вѣроятно проникли въ скандинавскій міръ южныя сказанія о Зигфридѣ (на сѣверѣ: Сигурдръ) и Нифлунгахъ, о кузнецѣ Виландѣ (Вёлундръ), о битвѣ на поляхъ Каталаунскихъ и т. д.—изъ устъ франковъ, въ послѣдствіи отдѣленныхъ саксами отъ сѣверно-германскихъ племенъ, постепенно обособившихся отъ другихъ вѣтвей германской расы и въ этомъ обособленіи, какъ указано выше, счастливо сохранившихъ часть сокровищницы мифа и фольклора, почти всецѣло утратившейся на югѣ.

Отъ этой древнѣйшей поры не осталось ни именъ, ни произведеній; но несомнѣнно, что въ эту эпоху уже возникло поэтическое зерно позднѣйшихъ эддическихъ пѣсенъ,—первобытныя художественныя повѣствованія о герояхъ и богахъ.

Настоящимъ образомъ слагались эти пѣсни уже въ историческое время, въ IX вѣкѣ, въ эпоху викинговъ. И тогда онѣ не писались еще, а устно передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію, постепенно принимая законченный обликъ. Родиною пѣсенъ Эдды считается Норвегія—за оговоркою, относящеюся къ единичнымъ побочнымъ вліяніямъ.

Время, когда нарождаются эти пѣсни—бурное, боевое время; его наполняютъ, правда, уже не грандіозные, стихійные перевороты эпохи переселенія, но мѣстныя племенные распри, острия, напряженныя. Древній родовой строй съ его своеобразнымъ патриархальнымъ демократизмомъ борется противъ возникающаго своевластія отдѣльныхъ вождей, мелкихъ королей, наполняющихъ всю страну раздорами и смутами—сталкиваясь съ свободолобивыми представителями прежняго строя, съ вольными норвежскими землевладѣльцами и приводимые взаимнымъ соперничествомъ къ кровавымъ распрямъ между собою. Гаральдръ Гарфагръ, объединитель Норвегіи, положилъ конецъ этой войнѣ мелкихъ деспо-

товъ; и положилъ начало единоличному произволу норвежскихъ конунговъ, отъ котораго независимые духомъ сторонники старой свободы стали спасаться въ Исландію.

Богатыя, интенсивныя силы бродили въ тотъ вѣкъ въ норвежскомъ племени. Самымъ яркимъ, получившимъ всемірно историческое значеніе проявленіемъ этихъ силъ были морскіе походы викинговъ. Огромною энергіею и предприимчивостью должны были обладать эти люди, чтобы пускаться за добычею и приключеніями въ отдаленнѣйшія моря—на своихъ примитивныхъ судахъ (полупарусныхъ, полу-весельныхъ), безъ картъ, безъ плановъ, безъ компасовъ или какихъ-либо подобныхъ инструментовъ, безъ лоцмановъ на мѣстѣ прибытія (разъ они являлись туда въ качествѣ враговъ); объѣздивъ Сѣверное море и Балтійское море, отправляясь въ невѣдомый путь по Атлантическому океану, чтобы оттуда проникнуть въ Средиземное море. Не только до Италіи и до Греціи, но до самаго Иерусалима добирались эти безстрашные мореходы; на западѣ они открыли сѣверо-американскій материкъ, на сѣверѣ Гренландію и рядъ мелкихъ острововъ.

Отчаянная смѣлость, желѣзная выносливость и независимое, строптивое самосознаніе увѣренныхъ въ своей силѣ бойцовъ; своеобразная „пригодность на всѣ руки“, благодаря которой одинъ и тотъ же человекъ умѣетъ и ковать оружіе, и коптить окорока, и тачать обувь, и играть на арфѣ, и варить пиво, а иногда даже подписывать начальную букву своего имени—и кромѣ того, конечно, умѣетъ, какъ это долженъ умѣть всякій, владѣть оружіемъ; на ряду съ этимъ первобытная яркая впечатлительность и необузданность—вотъ типичныя черты скандинавскаго воителя эпохи викинговъ ¹⁾.

Воинственный характеръ этого вѣка своеобразно отразился въ древне-скандинавскомъ языкѣ. Въ богатомъ древне-скандинавскомъ словарѣ оказывается удивительное обиліе словъ для обозначенія оружія (мечъ, напр., называется „hjoŕg“, „glafil“, „sax“, „sverf“,

¹⁾ Къ характеристикѣ этой эпохи и этого типа см. прекрасную работу А. Бугге (выше, стр. 15).

Ŕ. N i e d e r. *Islands. Kultur zur Wikingerzeit.* Zena. 1913.

Также R. W e i n h o l d. *Alt nordisches Leben* (обнимаетъ также и болѣе ранній культурный періодъ).

и т. д.) и множество метафоръ и эпитетовъ, заимствованныхъ изъ боевого обихода. Большинство собственныхъ именъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, связаны этимологически съ боемъ, битвой, оружіемъ. Слова „hildr“, „ginnr“— война, бой— являются распространеннѣйшими элементами женскихъ именъ. Слово *sigr* „побѣда“—служить для образованія цѣлаго множества именъ мужскихъ и женскихъ ¹⁾). Битва была священнымъ дѣломъ, — желаннымъ, угоднымъ богамъ. Въ бою находилъ себѣ просторъ избытокъ жизненной мощи и проявлялась древняя доблесть—въ дѣлахъ суровыхъ и кровавыхъ, но закалявшихъ крѣпость тѣла и духа.

Пѣсни Эдды создавались въ эпоху борьбы, движенія, могучаго размаха силъ— и отсюда этотъ живой духъ, проникающій ее, эта напряженность, яркость, выпуклость, о которой говорилось выше. Эта эпоха была проникнута мощнымъ индивидуализмомъ: сильные характеры въ ней выдѣлялись и властвовали, личности часто отливались въ очень своеобразныя формы, онѣ не нивелировались обществомъ, не подгонялись къ извѣстнымъ условіямъ— а если условія были не по нимъ, эти люди, недолго думая, разрушали мечомъ всѣ загражденія, возникавшія на ихъ пути. Древнія скандинавскія саги (безразлично, историческаго или легендарнаго содержанія) переполнены образами въ высшей степени самобытныхъ, своеобразныхъ людей, посвоему устраивавшихъ свою жизнь, и почти всегда предпочитавшихъ умереть, нежели поступиться въ чемъ-либо своею индивидуальностью. И по отношенію къ богамъ древніе обитатели Скандинавіи ведутъ себя такъ же независимо, какъ по отношенію къ людямъ. Не существуетъ обособленнаго сословія жрецовъ, всякій полноправный воинъ можетъ приносить жертвы и совершать обряды— молиться какъ и гдѣ ему угодно, когда угодно и кому угодно; или не молиться вовсе. На ряду съ этимъ—неумолимая строгость въ исполненіи долга чести—въ вѣрности слову, обѣту, обязанности кровной мести, въ вѣрности вождю или названному брату; гордая любовь къ славѣ и презрѣніе къ смерти. Этотъ самобыт-

1) *Sigarr, Sigurðr, Sigmundr, Sigrun, Siglinn, Sigtryggr, Sigrifr, Siggeirr, Sighvatr, Sigbjorn*, etc. Сколько мнѣ извѣстно, ни въ какомъ другомъ языкѣ нѣтъ ничего подобнаго.

ный, подчасъ своевольный и мятежный духъ древнихъ скандинавскихъ воителей наложилъ свою печать на образы Эдды. Тотъ же духъ жилъ и въ норвежскихъ выходцахъ, населившихъ Исландію, гдѣ окончательно создалось и увѣковѣчилось большинство пѣсенъ Эдды. Тамъ, въ болѣе спокойныхъ историческихъ условіяхъ только кристаллизировалось, упрочилось въ поэтическихъ образахъ Эдды то, что кипѣло, бродило, бушевало въ норвежской отчизнѣ. Говоря о художественномъ и культурно-историческомъ значеніи Эдды, нельзя обойти молчаніемъ ту въ высшей степени своеобразную и столь же рискованную теорію, которую выдвинулъ на этотъ счетъ извѣстный ученый С. Бугге, оспаривающій національную подлинность Эдды и попытавшійся показать ¹⁾, что чуть ли не весь пантеонъ мифологическихъ образовъ и весь циклъ сказаній, заключающихся въ Эддѣ—на самомъ дѣлѣ вовсе не является продуктомъ древне-германскаго міровоззрѣнія, а лишь переработаннымъ до неузнаваемости результатомъ заимствованій изъ христіанскихъ легендъ и изъ классической эллино-римской литературы. Заимствованія эти совершены, будто бы, скандинавскими витязями во время ихъ завоевательныхъ походовъ въ VIII вѣкѣ на Британскіе острова, гдѣ среди мѣстныхъ (ирландскихъ) жителей хранилось, якобы, достаточно богатое наслѣдіе христіанской и эллино-римской культуры.

Противъ этой теоріи, развитой дальше въ томъ же направленіи Эл. Гуго Мейеромъ ²⁾, справедливо высказались серьезные изслѣдователи Эдды и германскихъ древностей. Герингъ удачно суммируетъ (въ своемъ введеніи къ нѣмецкому переводу Эдды) главныя соображенія, дѣлающія совершенно недопустимою подобную гипотезу. „Если бы послѣдняя была вѣрна“, говоритъ онъ, „то тѣ ирландцы, отъ которыхъ викинги почерпали свои свѣдѣнія, должны были бы обладать капитальнѣйшими познаніями не только въ латинской, но и въ значительной части греческой литературы, знать во всѣхъ подробностяхъ содержаніе гомеров-

¹⁾ Въ своихъ *Studien über die Entstehung der nordischen Götter und Helden-Sagen*.

²⁾ О книгѣ Эл. Гуго Мейера см. статью А. Н. Веселовскаго „Вѣщаніе Вельвы (Völuspá) и новѣйшая экзегеза“ (Разысканіе въ области русскаго духовнаго стиха, вып. 6, Спб. 1891 г.).

скаго эпоса и сочиненій Виргилія, кромѣ того знать длинный рядъ старыхъ миѳологовъ, схолиастовъ и комментаторовъ, Гигина, Дареса, Диктиса, Апполодора и Сивилины книги, затѣмъ на ряду съ Библіей—книгами Ветхаго и Новаго Завѣта — еще и все неисчерпаемое море апокрифической литературы и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, эти ирландцы должны были обладать такою же ученостью, какъ самъ С. Бугге; и вдобавокъ безпрестанно пускать въ ходъ всю эту ученость при своихъ разговорахъ съ сѣверными пиратами (которые вѣдь отнюдь не съ образовательною цѣлью совершали набѣги на Британію). Далѣе, теоріи Бугге противорѣчитъ то обстоятельство, что у старѣйшихъ норвежскихъ скальдовъ IX в. ¹⁾ мы находимъ ту же, вполне развитую миѳологию, что и въ пѣсняхъ Эдды; невозможно, чтобы это развитіе совершилось въ теченіе немногихъ десятилѣтій (что пришлось бы признать, допуская взглядъ Бугге, приписывающаго созданіе эддическихъ образовъ эпохѣ викинговъ). Противорѣчитъ мнѣнію Бугге и то, что при теоріи подобныхъ заимствованій остается совершенно загадочнымъ рядъ образовъ, вполне естественно объяснимыхъ, если смотрѣть на нихъ какъ на продукты стихійныхъ миѳовъ“...

Не мѣшаетъ также указать на одно общее свойство теоріи Бугге, и даже всѣхъ вообще „теорій заимствованія“. Свои выводы они основываютъ прежде всего на параллеляхъ и аналогіяхъ—считая возможнымъ видѣть заимствованія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказываются тождественные или хотя бы сходные миѳическіе мотивы. Между тѣмъ, нѣтъ ничего рискованнѣе такого способа заключеній. Въ очень многихъ случаяхъ приходится наталкиваться на сходные и даже тождественные миѳы тамъ, гдѣ о заимствованіи явно не можетъ быть и рѣчи. Неосвѣдомленный читатель, встрѣтивъ въ Эддѣ сказаніе о міровомъ потопѣ (превратившаяся въ море и затопившая землю кровь исполина Имира), охотно повѣритъ тому, что здѣсь имѣло мѣсто заимствованіе изъ Библии; но онъ иначе отнесется къ дѣлу, если ознакомится съ древне-ассирійскимъ сказаніемъ о потопѣ, относительно котораго ясно, что оно не можетъ быть заимствованіемъ изъ болѣе позд-

¹⁾ Герингъ имѣетъ въ виду авторовъ тѣхъ эддическихъ пѣсенъ, которыя относятся къ IX в.

ней Библии (а развѣ лишь, наоборотъ, первоисточникомъ сказанія); и придется уже совершенно отказаться отъ гипотезы заимствования по отношенію къ вѣрованію американскихъ караибовъ, гдѣ оказывается тоже преданіе о потопѣ, притомъ съ поражающими на первый взглядъ аналогіями: „когда властитель зла, Эпель, одержалъ верхъ въ мѣрѣ, то высшій богъ послалъ на землю великія воды, отъ которыхъ могъ спастись только одинъ человекъ въ челнѣ... Впослѣдствіи крыса принесла ему колосъ маиса съ вѣстью, что вода убываетъ. И тогда онъ снова населилъ землю тѣмъ путемъ, что бросалъ камни черезъ себя (которые и обратились въ живыя существа)“¹⁾... Общее содержаніе преданія явно близится къ библейскому разсказу и его ассирійской параллели, а способъ новаго заселенія людьми сходится съ греческимъ преданіемъ о Девкаліонѣ. Между тѣмъ нечего и думать о какомъ-либо заимствovanіи сказанія ассирійцами у караибовъ, или наоборотъ. Если же принять во вниманіе, что аналогичный мотивъ фигурируетъ въ вѣрованіяхъ еще нѣсколькихъ народовъ (и не только, напр., индусовъ, но даже обособленныхъ съ незапамятныхъ временъ въ своей замкнутой культурѣ китайцевъ), то станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ заимствovanіемъ, а съ древнѣйшимъ миѣическимъ мотивомъ, общимъ цѣлому ряду племенъ, не связанныхъ между собою рѣшительно ничѣмъ и никогда не приходившихъ въ соприкосновеніе—мотивомъ, по всей вѣроятности отражающимъ въ себѣ воспоминаніе о вполнѣ реальномъ геологическомъ переворотѣ, въ большей или меньшей степени коснувшемся всего современнаго ему человѣчества²⁾. У тѣхъ же караибовъ существуетъ преданіе о томъ, какъ верховный богъ (до потопа) сотворилъ человека, какъ и другія существа, „изъ отрубленныхъ вѣтвей дерева“. Никто не станетъ отрицать, что аналогія съ эддическимъ сказаніемъ о сотвореніи людей изъ двухъ древесныхъ стволовъ напрашивается здѣсь въ гораздо большей степени, чѣмъ относительно цѣлаго ряда якобы аналогичныхъ мотивовъ у Бугге (укажу для примѣра по меньшей мѣрѣ сомни-

1) G. Hoff. Geschichte des Teufels, B. I. S. 2. Brockhaus. Leipzig. 1869.

2) См. Неймайеръ. Геология. Переводъ съ 2-го нѣмецк. изд. проф. В. Улигомъ. Т. I. ст. 341 „Всемирный потопъ“.

тельную аналогію — вдобавокъ построенную на очень неясной строфѣ „Пѣсни о Фйольсвидрѣ“, 16—между цѣлебными свойствами плодовъ дерева Лэрадръ, которые, будучи положены въ огонь, благотворно вліяли на разрѣшеніе роженицы, и благотворнымъ дѣйствіемъ листьевъ Древа жизни въ Апокалипсисѣ, XXII, 2: „и листья древа для исцѣленія народовъ“) ¹⁾. Однако врядъ ли кому-нибудь вздумается доказывать, что всевѣдущіе ирландцы Бугге были знакомы, кромѣ всего прочаго, еще и съ мифологіей американскихъ караибовъ—задолго до начала какихъ-либо сношеній между европейскими племенами и Америкой. Но тамъ, гдѣ нѣтъ налицо физической невозможности заимствованія, Бугге строитъ (какъ въ указанномъ примѣрѣ съ Иггдрасилемъ и Древомъ жизни) свои заключенія зачастую на самыхъ произвольныхъ основаніяхъ. Такъ, онъ считаетъ источникомъ мифа о борьбѣ Торра съ міровымъ Змѣемъ Йормунгандромъ—съ одной стороны, средневѣковую христіанскую легенду о Левіаѳанѣ и борьбѣ съ нимъ Христа, съ другой—греческій мифъ о борьбѣ Геракла съ Ахелойемъ. Обѣ параллели—если сравнивать христіанское и греческое сказаніе съ соотвѣтствующими отрывками Эдды—оказываются притянутыми за волосы; гораздо болѣе близкую и свободную аналогію можно бы провести между скандинавскимъ мифомъ о борьбѣ Торра съ Йормунгандромъ и древнимъ вавилонскимъ преданіемъ: боги посылаютъ на бой противъ своего исконнаго врага, предводительницы чудовищъ исполинской змѣи Тіамать,—представляющей собою не что иное какъ порожденіе или, вѣрнѣе, воплощеніе мірового Океана—храбрѣйшаго изъ боговъ, Мародука, повелителя солнца и грозы, супруга котораго считалась богиней плодородія. Вооруженный молніей, Мародукъ выѣзжаетъ на своей колесницѣ противъ Тіамать. Во время поединка съ Мародукомъ подвластные ему вѣтры заставляють великую змѣю такъ широко разверзнуть пасть, что она не можетъ закрыть ея... и т. д. ²⁾.

¹⁾ Bugge. Studien.

²⁾ См. Г. Ф. Зіеле. Geschichte der Religion im Altertum bis auf Alexander den Großen. Deutsche autorisierte Ausgabe von G. G e h r i c h. Göttingen, 1896, В. I.

Здѣсь аналогіи съ образами Эдды поразительны: Йормунгандръ, заклятый врагъ боговъ и союзникъ чудовищъ, является воплощеніемъ Океана въ образѣ исполинской змѣи ¹⁾; въ послѣднемъ поединкѣ съ Торромъ, она разверзаетъ свою пасть отъ земли до неба; и Торръ, богъ грозы, ѣдетъ на колесницѣ, вооруженъ молніей, и женатъ на Сифѣ—богинѣ плодородія. Во всякомъ случаѣ, вавилонскій мифъ несравненно ближе къ эддическому разсказу, чѣмъ легенды о Левіаѳанѣ и Ахелойѣ. Значить ли это, что разсказъ Эдды заимствованъ изъ вавилонскихъ таблицъ, гдѣ клинообразными письменами увѣковѣчена повѣсть о боѣ Мародука съ Тіаматъ? Очевидно, нѣтъ. Въ частности относительно Торра,—руководясь аналогіями, гораздо естественнѣе было бы придти къ указанію филиаціи мифа отъ древне-арійскаго—сохранившагося въ индусскомъ сказаніи объ Индрѣ, поражающемъ молніею великую змѣю Vritra ²⁾. Въ этомъ сказаніи тоже гораздо больше сходства съ мифомъ о Торрѣ и Йормунгандрѣ, чѣмъ въ мифѣ о Гераклѣ, борющемся съ Ахелоемъ, который на время (чтобы ускользнуть) принимаетъ образъ змѣи. Можно найти множество примѣровъ почти полного совпаденія мифологическихъ образовъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ предположеніе заимствованій явилось бы полнѣйшею безсмыслицею. Укажу еще одинъ примѣръ. Одинъ возвращался въ Азгардъ изъ страны исполиновъ въ образѣ птицы-орла; и исполинъ Грѣсвельгръ, производящій вѣтеръ взмахами своихъ крыльевъ, сидитъ на сѣверѣ у края неба въ образѣ громаднаго орла. Таковы образы Эдды. Обращаясь къ мифамъ другихъ религій, мы находимъ у вавилонянъ ³⁾ указанія на то, что Мародукъ изображался съ орлиною головою; у курдовъ-эзди ⁴⁾ (религія которыхъ, быть можетъ, связана съ халдейскими источниками)—преданіе о божествѣ Мелекъ-Таусѣ, который, въ образѣ громадной птицы, летаетъ надъ міровымъ океаномъ, при чемъ другой, высшій богъ, сидитъ на растущемъ посреди этого океана

¹⁾ (Этимологически) именно змѣи (ormr), а не дракона.

²⁾ A. Lang. *Mythes, cultes et religion*. Traduit par Leon Marillier. Felix Alcan. Ed. Paris. 1896.

³⁾ *Æthièle*, о. с.

⁴⁾ *Journal Asiatique*, 1882, 1885.

деревъ—тоже въ образѣ птицы; наконецъ, что всего замѣчательнѣе, у ирокезовъ, сіу и другихъ американскихъ индѣйцевъ ¹⁾—оказывается повѣствованіе о томъ, какъ Великій Духъ (верховное божество) леталъ надъ міромъ въ образѣ огромной птицы, и касался крылами водъ океана ²⁾. По системѣ Бугге, подобныхъ аналогій было бы совершенно достаточно, чтобы предполагать заимствованіе; но въ данномъ случаѣ даже трудно рѣшить, какое предположеніе оказалось бы болѣе нелѣпо—то-ли, что скандинавскіе скальды заимствовали у американскихъ индѣйцевъ представленіе о божествѣ въ образѣ птицы, или что ирокезы почерпнули его у курдовъ, или еще какая-нибудь комбинація въ томъ же родѣ. Нельзя не признать, что матеріала для миѳологическихъ параллелей здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ цѣломъ рядѣ миѳологическихъ моментовъ у Бугге, гдѣ онъ считаетъ себя въ правѣ видѣть заимствованія—какъ сказано, только потому, что нѣтъ налицо абсолютной невозможности послѣднихъ. Даже если бъ не было всѣхъ приведенныхъ выше доводовъ противъ теоріи Бугге, нельзя не согласиться, что такое основаніе шатко. Изученіе исторіи религіи у различныхъ народовъ уже давно показало, что возникновеніе совершенно аналогичныхъ миѳическихъ мотивовъ возможно безъ всякаго заимствованія у представителей разнообразнѣйшихъ народностей. Это достаточно объясняется однородностью человѣческой психологіи, благодаря которой религіозныя представленія—особенно первобытныя—склонны облекаться въ однѣ и тѣ же формы; въ особенности, когда онѣ слагаются подъ вліяніемъ стихійныхъ явленій, дѣйствующихъ аналогичнымъ образомъ на первобытное сознаніе халдея и карайба, норвежскаго викинга и ирокеза ³⁾. На

1) *Roßoff*, о. с.

2) Уже Лангъ дѣлаетъ сопоставленіе между *Одиномъ*, похищающимъ въ образѣ орла чудесный медъ пѣсни, и *Индрою*, похищающимъ въ образѣ сокола священный напитокъ боговъ, сому, и наконецъ *Йелемъ*—похищающимъ, въ образѣ ворона, священную воду.

Аналогія поразительна, безконечно ярче большинства выдвигаемыхъ Бугге аналогій; заимствованіе же невѣроятно.

3) См. на этотъ счетъ интереснѣйшія параллели и обобщенія капитальнаго труда Ланга (см. выше, стр. 25).

ряду съ этимъ не мѣшаетъ указать и на натянутость нѣкоторыхъ лингвистическихъ аргументовъ Бугге—въ родѣ указанія, что имя *Boos* у Сакса Грамматика должно было получиться изъ „Аякса“,—потому что викинги, будто бы слышавшіе его отъ ирландцевъ, смѣшали „Аяксъ“ со словомъ *aíthesh*, которое въ переводѣ на норвежскій языкъ означало земледѣльца—„*bui*“,—и которому потомъ придана была латинизированная форма *Boos*. Этотъ Боусъ у Сакса является мстителемъ за смерть Бальдеруса; и Бугге выставляетъ (якобы доказанное такимъ образомъ) тождество Боуса съ Аяксомъ въ качествѣ подтвержденія того, что убитый Боусомъ-Аяксомъ убійца Бальдеруса дѣйствительно Парисъ, убійца Ахиллеса, какъ это пытается вывести авторъ изъ нѣсколькихъ столь же сомнительныхъ доказательствъ; и что все сказаніе о Бальдрѣ заимствовано изъ Иліады и ея классическихъ комментаторовъ. При всемъ остроуміи и при всей эрудиціи, какія проявляетъ авторъ такой аргументаціи—бросается въ глаза ея искусственность. Къ тому же, такой ученый какъ Бугге не могъ не знать, какое шаткое основаніе представляетъ вообще сопоставленіе именъ для какихъ бы то ни было рѣшающихъ выводовъ. Созвучіе греческаго *θεός* (богъ) и мексиканскаго *theotl* (имя верховнаго божества ацтековъ) несомнѣнно; однако же изъ этого явнаго созвучія именъ рѣшительно ничего не слѣдуетъ въ смыслѣ установленія связи между эллинскою и мексиканскою мифологіей; хотя фонетически эти имена можно бы связать легко—гораздо легче, чѣмъ показать происхожденіе имени *Nunir* изъ *Opeus*, какъ это пытается сдѣлать Бугге ¹⁾).

Наконецъ, надо замѣтить, что во многихъ случаяхъ аналогіи, открываемыя Бугге, заключаются въ такихъ общечеловѣческихъ чертахъ, которымъ рѣшительно нѣтъ надобности быть позаимствованными, чтобы одинаково встрѣчаться въ самыхъ различныхъ литературныхъ памятникахъ. Такова аналогія между Торромъ и Геракломъ, что оба бьются съ чудовищами и „могутъ много выпить“, такова параллель между Фриггъ, плачущей надъ убитымъ

1) Эффектную параллель въ стилѣ Бугге можно бы также провести между скандинавскимъ *Asator* и именемъ армянскаго святаго *Asatur*.

Бальдромъ, и скорбящую Богоматерью—точно во всѣ времена и у множества другихъ племенъ не фигурируютъ герои, способные много выпить; и въ особенности, точно образъ матери, плачущей объ убитомъ сынѣ,—не такой общечеловѣческой образъ, который можно найти рѣшительно у всѣхъ народовъ.

Возвращаясь къ Герингу и приводимымъ имъ доводамъ противъ теоріи христіанско-классическихъ заимствованій Эдды, можно привести его же словами и то простое заключеніе, которое лишаетъ данную теорію ея главнаго отрицательнаго доказательства: „Высказывалось удивленіе по поводу богатства сѣверо-германскаго пантеона, по поводу громаднаго обилія мифическихъ разсказовъ (количество которыхъ, какъ показываетъ рядъ сохранившихся и для насъ неясныхъ ссылокъ, нѣкогда было еще гораздо больше) по сравненію съ относительно бѣдностью южно-германскаго преданія. Между тѣмъ этотъ фактъ объясняется очень просто. Известно, что по отношенію къ южно-германскимъ племенамъ миссіонерская дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ началась очень рано... въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ярый фанатизмъ римскихъ пастырей былъ направленъ на безпощадное искорененіе всего языческаго (прежде всего народныхъ вѣрованій, преданій и пѣсенъ), тогда какъ на сѣверѣ въ теченіе всего перваго тысячелѣтія христіанскаго счисленія германцы имѣли возможность безпрепятственно поклоняться національнымъ богамъ и воспѣвать ихъ дѣла и судьбы въ пѣсняхъ и сагахъ, которымъ и впослѣдствіи, въ христіанскую эпоху, удалось избѣгнуть преслѣдованія и уничтоженія со стороны близорукихъ изувѣровъ“.

Теорія Бугге въ настоящее время представляетъ скорѣе всего интересъ научнаго парадокса ¹⁾; и если мнѣ показалось нужнымъ отвести ея характеристикѣ сравнительно большое мѣсто въ настоящемъ введеніи, то только потому, что, желая дать представленіе объ Эддѣ и такому читателю, который приступитъ къ ней безъ всякой историко-литературной подготовки, мнѣ хотѣлось оградить его отъ понятнаго недоумѣнія, могущаго возникнуть у неподготовленнаго человѣка, если бы онъ случайно

¹⁾ Въ еще большей степени относится сказанное ко взгляду Мейера, доводящаго эту теорію ad absurdum.

натолкнулся гдѣ-нибудь на этотъ парадоксальный, но какъ будто опирающійся на многотомную эрудицію взглядъ.

Научное изученіе Эдды, естественно, привело наиболѣе авторитетныхъ изслѣдователей къ выводу, что она не только является настоящимъ продуктомъ народнаго древне-германскаго творчества (что не исключаетъ, конечно, случайныхъ иноземныхъ вліяній—однако лишь поверхностно и въ частностяхъ, не въ существѣ дѣла), но и продуктомъ въ высшей степени типичнымъ, характернымъ, истиннымъ выраженіемъ духа той эпохи и того племени, которые создали ее.

При этомъ въ культурныхъ и миѳологическихъ элементахъ Эдды замѣтно сказывается первоначальная связь между южно-германскими и сѣверно-германскими племенами. Не только образы, но и въ нѣкоторыхъ случаяхъ самыя имена боговъ остались общими на сѣверѣ и на югѣ: Лóки (Логи) = Логе; Тиръ = Тіусъ, Ціу; Фриггъ, Фрѣйа = Фрйа и т. д. И цѣлый рядъ миѳологическихъ и легендарныхъ элементовъ сѣверныхъ сказаній всплываетъ въ видѣ различныхъ отголосковъ въ томъ немногомъ, что сохранилось изъ миѳическаго и фольклорнаго наслѣдія не-скандинавскихъ германскихъ племенъ.

То обстоятельство, что сохранилось столь немного благодаря искоренительной дѣятельности христіанскаго фанатизма, еще увеличиваетъ цѣнность сѣверной литературы и въ частности Эдды, какъ религіознаго и культурнаго памятника.

Для ученаго Эдда всегда будетъ являться богатѣйшею сокровищницей миѳологическихъ, лингвистическихъ, культурно-историческихъ данныхъ, открывающей безконечные горизонты изслѣдователю древне-германской жизни и народной психологіи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Для обыкновеннаго читателя она останется однимъ изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній міровой литературы, способнымъ глубоко привлекать и захватывать духъ—независимо отъ какихъ бы то ни было историко-литературныхъ соображеній.

Герингъ справедливо указываетъ, что разнородное происхожденіе пѣсенъ Эдды обуславливаетъ собою и неравноцѣнное поэтическое достоинство; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ представлять лишь умѣренную привлекательность для современнаго вкуса, по

самому своему содержанію (напр., избыливающая сухими перечнями пѣснь „Рѣчи Гримнира“), иныя слишкомъ искажены пробѣлами въ текстѣ или неудачными поздними интерполяціями, чтобы производить цѣльное впечатлѣніе.

Но смѣло можно сказать, что большинство пѣсенъ обладаетъ непреходящею поэтическою цѣнностью, не нуждающейся ни въ какихъ комментаріяхъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе всякаго читателя, сколько-нибудь чуткаго къ поэзіи вообще. „Прорицаніе Провидицы“ съ ея грандіозными эпическими образами, съ проникающимъ ее величавымъ трагизмомъ міровой эпопеи, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе даже въ прозаическомъ пересказѣ. Глубоко захватываютъ и мѣстами неотразимо трогаютъ многіе моменты героическихъ пѣсенъ съ ихъ яркимъ, живымъ и правдивымъ поэтическимъ изображеніемъ разнообразнѣйшихъ человѣческихъ страстей. Образцы задушевнаго лиризма можно найти въ такихъ пѣсняхъ, какъ „Пѣснь о Свѣпдагрѣ“ и „Пѣснь о Скѣрнирѣ“. Таковы, напр., слова, которыми Фрѣиръ жалуется на страданіе своей неудовлетворенной любви къ дочери исполина, красавицѣ Гердрѣ:

Какъ я люблю ее—въ свѣтѣ отъ вѣка
 Больше никто не любилъ!
 Но нѣтъ никого среди асовъ и альфовъ,
 Кто бы нашему браку былъ другъ.

Прекрасны слова Фрѣира въ концѣ пѣсни, когда Скѣрниръ общается ему свиданіе съ любимою красавицей „черезъ девять ночей“:

Длинна одна ночь, длиннѣе двѣ ночи!
 Не знаю, какъ выдержать три...
 Мѣсяць не разъ мнѣ короче казался,
 Чѣмъ ожиданія часы!

И глубоко запечатлѣваются въ душѣ образы такой пѣсни, какъ „Смертный путь Брѣнгильдрѣ“, гдѣ при короткомъ объемѣ заключается столько мощи, истинно-поэтической красоты и драматизма, что простая древняя пѣснь съ этой стороны не уступаетъ, быть можетъ, и гениальной драматической вариации Рихарда Вагнера на тему стариннаго сказанія о любви Сигурдра и Брѣнгильдрѣ. Какъ уже сказано, не во всѣхъ пѣсняхъ Эдды одинаково

много красоты и поэтического богатства. Но даже въ наименѣе привлекательныхъ для современнаго читателя разсѣяны цѣннѣйшіе самородки древней народной поэзіи и мудрости. Въ той самой пѣснѣ „Рѣчи Гримнира“, о которой упоминается выше какъ объ одной изъ менѣе цѣнныхъ для читателя нашей эпохи, невольно приковываютъ вниманіе тѣ строфы, гдѣ перечисляются имена Одина

Назывался я Тайнымъ, и Странникомъ звался я,
Властелиномъ и Шлема Носителемъ.

.....

Многоликимъ, Правдивымъ, Разгадчикомъ истины,
Разящимъ и Радостнымъ въ браняхъ.

Богомъ съ окомъ благимъ, Богомъ съ огненнымъ взоромъ
Сокровеннымъ, Коварнымъ, Мѣняющимъ образы...

.....

Побѣды Отцомъ и Сраженій Отцомъ,
Кораблей Повелителемъ, Всадникомъ Грознымъ,
Отцомъ называюсь я всѣхъ и всего...

.....

Создателемъ, богомъ боговъ.

Это не болѣе, какъ перечень; но изъ этого перечня, если вдуматься въ смыслъ всѣхъ этихъ именъ, вырастаетъ величественный и глубокий образъ таинственнаго бога, поражаетъ то всеобъемлющее внутреннее богатство, какимъ одарила этотъ образъ уже въ древности народная фантазія.

Въ мало популярной пѣснѣ „Рѣчи Вафтруднира“ на ряду съ суховатыми миеологическими экскурсами оказывается затронутымъ тонкій и глубокий психологическій моментъ въ поразительномъ вопросѣ Одина:

Что сказано Одиномъ на ухо сыну,
Когда на кострѣ онъ безъ жизни лежалъ?

Грозный Властитель битвъ, который, склонившись надъ тѣломъ своего убитаго любимца, ожидающаго огненнаго погребенія, тихо шепчетъ на ухо этому безотвѣтному мертвецу какія-то, никому другому не слышныя слова,—это такой поэтический, чутко-художественный и неотразимо трогательный образъ, которымъ въ зна-

чительной мѣрѣ искупается дидактическая холодность предшествующихъ строфъ. И врядь ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что во всѣхъ тѣхъ пѣсняхъ Эдды, которыя считаются мало поэтическими и малохудожественными,—можно найти подобныя жемчужины неподдѣльной поэзіи и художественной красоты. Впрочемъ, надо помнить, что такія пѣсни составляютъ весьма незначительное меньшинство; за большинствомъ же давно упрочилась заслуженная слава прекрасныхъ и яркихъ образцовъ языческой поэзіи германскаго Сѣвера.

Характеристика Эдды, какъ поэтическаго произведенія, съ внутренней чисто художественной стороны представляетъ задачу въ высшей степени интересную и до сихъ поръ далеко не выполненную, едва только намѣчаемую всѣми писавшими на эту тему. Критика Эдды принадлежала до сихъ поръ почти исключительно ученымъ специалистамъ, сосредоточивающимъ все свое вниманіе на научномъ анализѣ Эдды, какъ литературнаго „памятника“, на соображеніяхъ мѣологическихъ, лингвистическихъ, культурно-историческихъ и т. д., и лишь вскользь касаясь художественной оцѣнки, естественно выходившей за предѣлы ихъ компетенціи. Между тѣмъ изъ отзывовъ тѣхъ же специалистовъ явствуетъ, насколько цѣненъ долженъ бы быть всесторонній, если не исчерпывающій, то по крайней мѣрѣ возможно болѣе полный и обстоятельный анализъ Эдды именно съ художественной, поэтической точки зрѣнія. Можно вообще сказать, что недостатокъ внутренняго поэтическаго анализа нѣкоторыхъ прекрасныхъ продуктовъ народнаго творчества, по сравненію съ исчерпывающими подробнѣйшими разборами ряда произведеній, принадлежащихъ отдѣльнымъ авторамъ, составляетъ чувствительный пробѣлъ въ исторіи литературы. Тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ такой анализъ могъ бы въ видѣ побочныхъ результатовъ дать отвѣты на нѣкоторые изъ вопросовъ, остающихся неразрѣшенными для сухой чисто филологической критики, не считающейся съ поэтической сущностью даннаго произведенія.

Нечего и говорить о томъ, что всякая попытка подобной—даже частичной—критики содержанія Эдды совершенно не входитъ въ задачи настоящаго труда. Я не считаю возможнымъ и болѣе подробно останавливаться здѣсь на цѣляхъ и методѣ этой

критики; мнѣ лишь хотѣлось подчеркнуть важное значеніе и желательность ея примѣненія къ такимъ памятникамъ міровой литературы, какъ Эдда, по отношенію къ которымъ, на мой взглядъ, обыкновенно отводится черезчуръ первенствующее мѣсто изученію оболочки и слишкомъ мало удѣляется вниманія внутреннему содержанію.

На этомъ я заканчиваю свое введеніе, имѣющее цѣлью дать читателямъ общее представленіе о томъ произведеніи, которому суждено въ моемъ переводѣ впервые полностью появиться на русскомъ языкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ЭДДЫ.

„Предисловіе, которое, противъ обыкновенія, надо прочесть“.

Проф. А. И. Введенскій „Курсъ лекцій по логикѣ“.

Полнаго перевода Эдды на русскій языкъ до сихъ поръ не существуетъ (не только перевода, сдѣланнаго съ оригинала, но хотя бы перевода съ нѣмецкаго или датскаго перевода) ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Полнаго прозаическаго пересказа не существуетъ также. Имѣются только крайне малочисленные переводы (почти всѣ въ прозѣ) и—въ нѣсколько бѣльшемъ числѣ—пересказы отдѣльныхъ пѣсенъ, еще чаще—отрывковъ пѣсенъ; рядъ пѣсенъ до сихъ поръ не переводился даже въ отрывкахъ.

Въ Исторіи Среднихъ вѣковъ подъ редакціей Стасюлевича ¹⁾ имѣется (т. II, ст. 236) переводъ весьма старательной, но очень устарѣвшей (1835 г.) и наивной ²⁾ статьи Рено „О характерѣ религіи Одина“ ³⁾, съ достаточнымъ количествомъ ошибокъ ⁴⁾ и въ особенности произвольныхъ обобщеній, не оправдаемыхъ памятниками. Переведена статья не полностью. За нею слѣдуетъ „Извлеченіе изъ старой Эдды“—повидимому долженствующее представлять собою пересказъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Эдды; но пересказъ этотъ до такой степени не соотвѣтствуетъ

1) Исторія Среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, М. Стасюлевича. Типографія Стасюлевича. Спб. 1906.

2) Иначе, какъ наивно, нельзя назвать такую характеристику скандинавскаго міросозерцанія, гдѣ говорится, что скандинавы въ своемъ „равнодушіи“ къ смерти „вполнѣ утратили инстинктивную любовь къ жизни“.

3) Re u n a u d. La religion d'Odin.

4) Вольва оказывается дочерью (!) Одина.

оригиналу, что дать понятіе о немъ можно, приведя параллельно содержаніе текста Эдды и того, что имѣется въ этой русской передачѣ (сдѣланной, вѣроятно, на основаніи какого-нибудь французскаго ¹⁾ пересказа). Первый отрывокъ озаглавленъ Волу-Спа ²⁾, что могло бы заставить думать, что „Vqluspq“ здѣсь приводится полностью. На самомъ дѣлѣ изъ 66 строфъ имѣется здѣсь 25, притомъ въ слѣдующемъ видѣ:

Э Д Д А ³⁾.

9. Всѣ божества пошли на мѣста ⁴⁾ совѣщаній, всесвятые боги, и держали совѣтъ о томъ, кто долженъ создать толпу (племя) карловъ изъ крови Бримира, и изъ членовъ Блáiна?

10. И Мотсбгниръ былъ со-творенъ первымъ изъ всѣхъ карловъ, а вторымъ Дуриннъ. Они сдѣлали множество человѣческихъ изображеній въ землѣ, какъ сказалъ Дуриннъ.

ПЕРЕСКАЗЪ ВЪ ИСТ.
СРЕД. ВѢК.

9. Боги снова сошлись у трона всесвятого божества для совѣщаній. Кто долженъ быть главою и правителемъ божьихъ твореній. (Dvergen — отк. нѣм. Zwergen, маленькіе люди въ противоположность вышеупомянутымъ великанамъ) изъ рода ли Бримера или потомства Длена?

10. И былъ поставленъ надъ всѣми людьми Мюгъ-Зегнеръ (кормилецъ), а за нимъ Дюринъ (Торрь) [!!]. Люди изготовили множество человѣческихъ изображеній на землѣ и говорили: да будетъ на землѣ Дюринъ.

¹⁾ Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ пересказовъ нѣтъ подобныхъ неправильностей. Мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы такія искаженія могли получиться при переводѣ съ подлинника. Судя по нѣкоторымъ формамъ именъ (Дюринъ, Мюгъ-Зегнеръ, Аанъ) можно скорѣе всего предположить, что оригиналомъ служилъ французскій пересказъ датскаго перевода.

²⁾ „Прорицаніе Провидицы“. Переводчикъ не переводитъ заглавія (и склоняетъ его по-русски, точно это собственное имя „въ Волу-Спѣ“, ст. 242).

³⁾ Стихотворный переводъ и толкованіе см. въ текстѣ.

⁴⁾ „Мѣста“ въ смыслѣ „престолы, сѣдалища“.

11. Нйэ и Нйди, Нёрдри и Сúdри, Аустри и Вэстри, Альтйофрѣ, Двáлиннѣ, Нарѣ и Нáиннѣ, Нйдингрѣ, Дáиннѣ, Бйфуррѣ, Бóфуррѣ, Бóмбуррѣ, Нóри, Аннѣ и Анаррѣ, Аи, Мйóдвйтнирѣ.

12. Вигрѣ и Гáндальфрѣ, Вйндальфрѣ, Тóриннѣ, Троррѣ и Трайиннѣ, Текрѣ, Литрѣ и Витрѣ, Нирѣ и Нйрадрѣ, Рёгиннѣ и Рáдсвйдрѣ; теперѣ я въ точности перечелъ всѣхъ карловъ.

Въ послѣдующихъ строфахъ передача еще болѣе необычайна:

Э Д Д А.

20. Оттуда пришли дѣвы, много знающія, три (дѣвы) изъ того чертога, что стоитъ подѣ деревомъ: одну зовутъ Урдрѣ, другую Вердáнди—онѣ рѣжутъ кору—третья Скульдѣ. Онѣ налагали завѣты, онѣ избирали жизненные жребіи дѣтямъ живущихъ, возвѣщали судьбы.

21. Я помню, какъ въ мірахъ была первая война, когда они (боги) закололи копьями Гúльвейгъ и сожгли ее въ жилищѣ у Гара (Óдина). Трижды сожгли ее, трижды рожденную;

11. Земля была раздѣлена на части: Нордѣ (сѣверѣ) также Ниде, Нордре, Зюдре, Аустерѣ, Вестерѣ, высоко пробѣгающій Дуалинѣ, Биворѣ, также Баварѣ, Бумбуррѣ, Норе, Аанѣ, также Аннарѣ—Аэ, Мйодвйтнирѣ.

12. Правителями этихъ частей были названы: Вейгурѣ, Гандольфурѣ, Виндальфурѣ, Траинѣ, Текурѣ, Торинѣ, Трорѣ Литурѣ и Витурѣ, Нарѣ и Ниродурѣ. Вотъ я и назвалъ всѣхъ по порядку людей.

ПЕРЕСКАЗЪ ВЪ ИСТ. СРЕД. ВѢК.

19 (20). Откуда произошли три всезнающія дѣвы: одна называется Урдрѣ (прошедшее) другая Верданда (настоящее) и третья, родившаяся изъ Черепахи, (?) Скульда.

20 (21). Я могу рассказать и о первомъ челоуѣкоубійствѣ на землѣ, когда корысть сошла съ кровожадностью и господень домъ былъ сожженъ.

часто жгутъ ее снова, но она живеть.

24. Одинъ бросилъ копье противъ (вражескаго) воинства—тогда была первая въ мірахъ война—разрушена была ограда крѣпости асовъ, воинственные ваны ¹⁾ попирали поле битвы.

21. Но онъ три раза былъ сожженъ и три раза спасался, даже чаще! но зло живеть и теперь.

24. Тогда воспрянулъ Одинъ и напалъ на народъ, и такъ начались человѣкоубійства, и у Азовъ разрушены были ихъ укрѣпленія, а побѣдоносныя дружины Ванера (другое имя Одина) одержали побѣду.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно. За *Vqlusrc* слѣдуетъ сдѣланное въ такомъ же стилѣ „извлеченіе“ изъ *Hvamat* (тоже озаглавленное такъ, точно приводится все произведеніе; на самомъ дѣлѣ 32 строфы—изъ 163-хъ), подписанное,—очевидно *bona fide*—именемъ легендарнаго „составителя“ Эдды, вдобавокъ, не вѣрно ²⁾ написаннымъ: „Семундъ-Сигфуссонъ“. Далѣе передается, какъ историческій фактъ, легенда о написаніи имъ Эдды. Затѣмъ слѣдуютъ,—сдѣланныя въ такомъ же духѣ, какъ изъ *Vqlusrc* и *Hvamat*—выдержки изъ Снорровой Эдды. „Пересказы“ эти мѣстами прямо приводятъ въ недоумѣніе фразами въ родѣ слѣдующей (251):

„Но!.... изъ мозга вышли грозныя облака“.

(Что имѣлось въ виду при изобрѣтеніи этого страннаго восклицанія „Но!....“ котораго въ подлинникѣ нѣтъ и слѣда?)

Затѣмъ приведено, въ довольно правильной, хотя суховатой передачѣ Грановскаго, содержаніе ряда пѣсенъ изъ эпического цикла пѣсенъ о Сигурдѣ.

1) Стихійныя божества, воевавшія съ асами въ древнее время.

2) Неправильно соединеніе обоихъ именъ „тире“,—точно это двойное имя, а не имя и „отчество“, какъ оно есть на дѣлѣ.

Въ Исторіи всеобщей Литературы подъ редакціей проф. А. Кирпичникова ¹⁾ имѣется въ статьѣ Кирпичникова „Германскій національный эпосъ“ пересказъ отрывковъ Эдды, въ переводахъ Грановскаго, а также Грота (о переводѣ послѣдняго будетъ рѣчь ниже, по поводу сборника Чудинова). Съ радостью можно отмѣтить, что общія краткія свѣдѣнія объ Эддѣ, даваемая этимъ трудомъ, при большой неполнотѣ (неизбѣжной уже въ силу тѣсныхъ рамокъ, поставленныхъ самою задачею труда,—Исторіи всеобщей литературы) и нѣкоторой устарѣлости ²⁾, по крайней мѣрѣ не грѣшатъ никакими серьезными ошибками и включаютъ указаніе на ложность научнаго мѣта о Сэмундѣ, какъ авторѣ Эдды—столь желанное въ русской литературѣ въ виду того упорства, съ какимъ повторяютъ эту басню немногія русскія изданія, касающіяся Эдды ³⁾. Какъ крупный промахъ надо только отмѣтить выноску на ст. 161, гдѣ говорится, что „и эти пѣсни (о Нифлунгахъ) и прозаическій пересказъ „Младшей Эдды“ и „Вольсунга Саги“ неоднократно изложены по-русски“. Слѣдуетъ указаніе на Буслаева, Грановскаго и Чудинова. Изъ этой выноски можно заключить, что существуютъ полныя и точныя пересказы цикла пѣсенъ о Нифлунгахъ и даже всей Снорровой Эдды: ничего подобнаго нѣтъ. Всѣ пересказы представляютъ собою болѣе или менѣе произвольныя переложенія—всѣ они неполны (въ особенности о пересказѣ Снорровой Эдды не можетъ быть и рѣчи), и во всѣхъ сопровождающихъ ихъ статьяхъ и поясненіяхъ

¹⁾ „Всеобщая исторія литературы“, составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Спб. изд. Карла Риккера. 1885 (т. II. Исторія средневѣковой литературы).

²⁾ 1885. Между тѣмъ, именно за послѣднія десятилѣтія появились капитальные труды Могка, Геринга, Мюлленгофа.

Въ 1908 г. начало выходить и лучшее въ настоящее время изданіе текста Эдды, сдѣланное Сіймонсомъ.

³⁾ Упомянутое выше изданіе Стасюлевича, сборники Чудинова. Даже въ большемъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (I изд.) (т. XII, А) авторъ замѣтки „Земундъ Мудрый“ съ совершенно неумѣстною осторожностью замѣчаетъ, что участіе его въ изложеніи Эдды „сомнительно“ (Спб. 1894).

встрѣчаются—даже иногда у Грановскаго—крупныя ошибки, обусловленные недостаточнымъ изученіемъ текста Эдды (вообще въ эпоху появленія даннаго труда; или же только у даннаго автора) или недостаточнымъ знакомствомъ съ литературою предмета.

Пересказъ отрывковъ Эдды имѣется также въ „Исторіи всемірной литературы“ Зотова.

Въ другихъ крупныхъ трудахъ по исторіи и исторіи литературы относительно Эдды имѣются обыкновенно только краткія упоминанія или сжатые общія характеристики.

А. Н. Веселовскимъ сдѣланъ прекрасный прозаическій переводъ *Völuspá*—въ его статьяхъ „Вѣщаніе Вельвы и новѣйшая экзегеза“¹⁾,—дающій, по поводу книги Э. Г. Мейера, подробный научный разборъ памятника.

Нѣсколько пѣсень приведены въ „Сборникъ скандинавской поэзіи“ подъ редакціей Чудинова. 1875. Для характеристики редактируемыхъ Чудиновымъ переводовъ обращаясь къ тому его изданію, которое отличается большею полнотою, нежели упомянутый сборникъ, и включаетъ, кромѣ пѣсень. вошедшихъ въ послѣдній, еще рядъ другихъ.

Въ 1897 году появилось изданіе (Русская классная бібліотека, изд. подъ редакціей Чудинова), озаглавленное „Старшая Эдда (Семунда Мудраго), сборникъ мифологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсень въ переводахъ русскихъ писателей“. Изд. Глазунова, Спб. Несмотря на это заглавіе, книга вовсе не заключаетъ въ себѣ полного перевода Эдды, а, какъ указывается въ предисловіи, слѣдующее: 2 мифологическія пѣсни—Пѣснь Валы („Прор. Пров.“) и, говоритъ авторъ предисловія: „къ этому же отдѣлу мы позволили себѣ присоединить оригинальное стихотвореніе А. Н. Майкова „Пѣснь о Бальдурѣ“, прекрасно передающее мифъ объ этомъ

¹⁾ А. Н. Веселовскій. Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха XVIII, XXIV, выпускъ VI.

Аполлонъ сѣвера“. Далѣ приводится въ прозаическомъ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ „Пѣсни Высокаго“ (Изр. Выс.), затѣмъ стихотворный переводъ Кудряшевымъ „Пѣсни о Велундѣ“ и, наконецъ, всѣ въ прозаическихъ переводахъ, 14 героическихъ пѣсень.

Это изданіе, во многихъ отношеніяхъ, въ высшей степени не-удовлетворительно. Самое предисловіе (анонимное) съ первой же страницы вызываетъ недоумѣніе, такъ какъ авторъ его, повидимому, недостаточно знакомъ съ Эддой и съ литературой предмета. Онъ высказываетъ въ видѣ безапелляціоннаго утвержденія ложное свѣдѣніе о составленіи Эдды Семундомъ Мудрымъ — легенду, которая издавна оспаривалась, а ко времени изданія этой книги (1897) была уже окончательно опровергнута компетентными изслѣдователями.

Также категорически высказываетъ онъ другую литературную легенду ¹⁾, что заглавіе Эдды означаетъ „Прабабушка“ — ни слова не говоря о дѣйствительномъ происхожденіи этого заглавія, котораго вовсе не носила найденная Бриниольфомъ рукопись ²⁾.

Далѣ, утвержденіе, что стихотвореніе Майкова „прекрасно передаетъ“ миѣ о Бальдрѣ — показываетъ, что авторъ предисловія несомнѣнно не знакомъ съ этимъ миѣомъ. Поэма Майкова — гладко написанная, мѣстами красивая фантазія на эддическую тему, въ нѣкоторыхъ частностяхъ хорошо отражающая древнегерманское міросозерцаніе (во вступительной части, напр., въ словахъ скальда о судьбѣ. Впрочемъ, вся эта часть пропущена въ изданіи Чудинова). Но разумѣется и самъ Майковъ не могъ считать ее „передачею“ миѣа о Бальдрѣ, такъ какъ къ послѣднему примѣшаны совершенно посторонніе элементы: произвольныя варіаціи на темы „Прорицанія Провидицы“, заимствованныя изъ героическаго эпоса черты. Майковъ сначала переноситъ на своего Бальдура рассказъ о богѣ Фрѣирѣ, впервые увидѣвшемъ Гердръ, примѣшивая къ этому рассказу эпизодъ съ волшебникомъ-великаномъ, совершенно не въ стилѣ Эдды, скорѣе въ духѣ „Тысячи

1) Возникшую въ связи съ собственнымъ именемъ „Эдда“ въ „Сказаніи о Ригѣ“.

2) См. введеніе.

и одной ночи“¹⁾); затѣмъ поэтъ передѣлываетъ и по-своему комбинируетъ сказаніе Эдды объ усыпленной Одиномъ валькирии Брингильдръ, которую долженъ былъ пробудить и взять въ жены величайшій изъ героевъ Сигурдръ. Майковъ дѣлаетъ изъ этого какую-то восточную сказку, въ которой злой волшебникъ-великанъ усыпилъ свою дочь Нанну, при чемъ она лежитъ въ ледяномъ дворцѣ, окруженномъ пламенемъ, и на ней неизвѣстно почему надѣтъ доспѣхъ воина (что естественно въ Эддѣ у воительницы Брингильдръ, но теряетъ всякій смыслъ въ данномъ случаѣ); въ роли же Сигурдра является Бальдуръ, проникающій сквозь пламя, чтобы взять Нанну въ жены... Ясно, что по меньшей мѣрѣ рискованно называть передачу (да еще „прекрасною“) мифа о Бальдрѣ произведеніе, гдѣ оказываются подобные эпизоды, не имѣющіе ничего общаго съ мифами о Бальдрѣ, каковы они въ Эддѣ и въ сагахъ. Даже въ разсказѣ о смерти Бальдра, гдѣ Майковъ стремится сохранить содержаніе подлинной саги, введены совершенно произвольные элементы, какъ изображеніе поведенія Лѳки, весьма не соответствующее его образу и поведенію въ Эддѣ²⁾. Достопримѣчательнѣе всего то, что всѣ тѣ отрывки поэмы Майкова, которые приведены въ изданіи Чудинова—написаны частью на сюжетъ сагъ (прозаической Снорровой Эдды), частью на темы героическаго эпоса (какъ показано выше, въ крайне произвольной переработкѣ); изъ „мифологическихъ пѣсенъ Эдды“, къ которымъ ее присоединяетъ составитель сборника — не заимствовано здѣсь ни одной строки, только мѣстами попадаются отдѣльныя выраженія и образы, выхваченные изъ „Прорицанія Провидицы“ (изъ той же

1)

...Вдругъ слышенъ

Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
 Великанъ—и закричалъ, затопалъ,
 Сталь грозить на Бальдура, а дѣву
 Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ;
 И она какъ мертвая упала.

2)

Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
 Испугался больше всѣхъ: руками
 Ухватившись за голову, мигомъ
 Убѣжалъ изъ Асграда. По правдѣ,
 И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ...

Völuspá, которая въ сборникѣ приведена цѣликомъ, и слѣдовательно не могла имѣться въ виду при включеніи поэмы Майкова въ сборникъ). А та единственная часть поэмы, которая дѣйствительно является передачею одной изъ пѣсенъ Эдды („Пѣсни о Путникѣ“) и болѣе или менѣе выдержана Майковымъ въ эддическомъ стилѣ—діалогъ Одина съ Валой—эта та часть какъ разъ и выпущена. Ясное дѣло, что только человѣкъ, не имѣющій понятія объ Эддѣ, могъ предполагать, что онъ удачно замѣняетъ „миеологическую пѣснь“ „Семундовой“ Эдды, — приводя своеобразную поэтическую фантазію Майкова, съ сохраненіемъ всѣхъ ея, чуждыхъ Эддѣ, эпизодовъ, и съ исключеніемъ единственнаго мѣста, дѣйствительно взятаго изъ „Семундовой“ Эдды ¹⁾.

Лучше всего дѣло обстоитъ въ сборникѣ съ переводомъ Грота. Тутъ имѣется, по крайней мѣрѣ, добросовѣстный трудъ знающаго человѣка. Однако и его переводъ „Видѣніе Валы или Вѣльвы“ во многомъ производитъ неудовлетворительное впечатлѣніе. Съ перваго взгляда подавляетъ ужасающая тяжеловѣсность формы и полное отсутствіе какого бы то ни было ритма. Переводъ напечатанъ, какъ стихи—отдѣльными строками съ заглавными буквами; но врядъ ли возможно усмотрѣть хотя бы прозаическій (не говоря уже о стихотворномъ) ритмъ въ такихъ строкахъ (49, 50):

Гримирь ѣдетъ съ востока, щить передъ нимъ;
 Змѣй, обвивающій землю, извивается въ ярости,
 И взрываетъ глубину морскую, орель весело клокчетъ,
 Блѣднымъ клювомъ раздираетъ трупы; пушенъ корабль
 ногтяной... и т. д.

Можно бы думать, что, при такомъ полномъ пренебреженіи къ формѣ, переводчику удастся по крайней мѣрѣ точная передача содержанія. Но переводъ кишитъ крупными ошибками, начинающимися съ первой же строфы. Въ оригиналѣ: (1, III) „Viltu at

¹⁾ Я не имѣю въ виду отрицать поэтическія достоинства поэмы Майкова *an iud fuit fides*; мнѣ только надо было показать, что въ качествѣ „передачи“ эддическаго сказанія она безусловно недопустима и несомнѣнно никогда не предназначалась самимъ Майковымъ для этой цѣли.

ek, Valfafér, vel fyg telja...“ т.-е. „Ты, Вальфадирь¹⁾, хочешь, чтобы я рассказала...“ и т. д.

У Грота:

„Хочешь ли ты, я расскажу чудеса Вальфадера?²⁾ В оригиналѣ говорится о „карлахъ“ (9, IV: dverga), Гротъ переводить „сонмъ духовъ“. В оригиналѣ сказано (объ одномъ изъ волковъ, рожденныхъ отъ Фенрира): „Fyllesk fjorve feigra manna“. („Онъ будетъ питаться тѣлами умершихъ людей“, 41, I).

У Грота:

„Онъ насыщается жизнью низкихъ людей“.

Переводъ совершенно неожиданный, въ особенности слово „низкихъ“, на которое нѣтъ никакого намека въ подлинникѣ. (Трудно предположить, чтобы переводчикъ былъ способенъ смѣшать скандинавское „feigr“ — умершій, мертвый, съ нѣмецкимъ „feig“ — трусливый, низкій). В оригиналѣ говорится: „аfr Surtar fan sefe of hleufer“ („прежде чѣмъ родичъ Суртра выступить въ путь“, 47, IV).

У Грота:

„Пока сынъ Суртура не пожретъ Óдина“.

Объ Óдинѣ въ этой строкѣ не сказано ни слова, о „сынѣ“ Суртра нѣтъ рѣчи не только здѣсь, но и нигдѣ во всей Эддѣ³⁾; Óдина долженъ пожрать волкъ Фенрирь, сынъ Лóки — который, быть можетъ, дѣйствительно подразумѣвается подъ „родичемъ“ Суртра (но, быть можетъ, и нѣтъ), а „пожретъ“ получилось отъ смѣшенія глаголовъ hleura и gleura (последнее, ошибка въ текстѣ, въ которой Гротъ неповиненъ). Вообще наиболѣе важныя ошибки въ переводѣ Грота обязаны своимъ происхожденіемъ прежнему неправильному чтенію текста Эдды (Бальдръ оказывается „кровавымъ богомъ“ вмѣсто „кроткаго бога“, 32, I; обитатели Муспелля плывутъ съ сѣвера на кораблѣ, тогда какъ на дѣлѣ они должны мчаться съ юга сухимъ путемъ, 51 и 52). Гротъ, конечно, не отвѣтственъ за эти ошибки, но онѣ лишаютъ его переводъ значительной доли цѣнности послѣ того, какъ возста-

1) В а л ь ф а д и р ь — „Отець-битвь“, Óдинь..

2) Насколько извѣстно, у Суртура и не было никакого сына.

новлено правильное чтеніе цѣлаго ряда строкъ „Прорицанія“, раньше понимавшихся иначе, или остававшихся непонятными. Не всегда удачны и комментаріи къ переводу Грота, гдѣ часто безъ оговорокъ высказываются спорныя (и въ то время спорныя) положенія и гдѣ попадаются замѣчанія въ родѣ слѣдующаго:

„Видаръ (отъ veḥr — вѣтеръ) — нѣмой Ась, богъ бурь“. Здѣсь столько же ошибокъ, сколько утверждений. Видарръ не нѣмой, а только „молчаливый Ась“; имя его не отъ veḥr, а отъ vidr — лѣсъ; veḥr — значитъ не „вѣтеръ“, а „погода“ и „зима“; богъ бурь не Видарръ, а Одинъ. Надо согласиться, что отъ подобной выноски не слишкомъ обогатятся свѣдѣнія читателя по скандинавской мифологіи. Нечего и говорить о томъ, что въ комментаріи то и дѣло встрѣчаются неподходящія выраженія то классическаго, то христіанскаго происхожденія: Ёль названа тартаромъ, Одинъ — Богомъ-Саваоомъ и т. п. Вдобавокъ весь переводъ крайне небрежно прокорректированъ: напечатано въ одномъ мѣстѣ „Гармъ“, въ другомъ „Горнь“; вмѣсто „волкъ“ напечатано „воинъ“ (ст. 9), вмѣсто богини Ёльинъ оказалось имя нарицательное, и получился слѣдующій удивительный стихъ (53):

„Тогда новое бѣдствіе разразится надъ глиной“.

(Подобныхъ курьезовъ вообще не мало въ сборникѣ Чудинова.)

Обращаясь къ единственному стихотворному переводу сборника — переводу Кудряшевымъ „Пѣсни о Велундѣ“, можно, по счастью, сказать, что онъ довольно удовлетворителенъ, если не считать нѣкоторой безвкусицы въ подборѣ русскихъ выраженій — въ родѣ того, что Велундъ „медальоны (sic!) выковаль чудно“, или „взялъ онъ ее пивомъ“ (переводъ обѣихъ этихъ фразъ вдобавокъ и безусловно ошибоченъ), и нѣсколько частныхъ промаховъ, а также небрежности въ передачѣ именъ, чѣмъ, впрочемъ, грѣшитъ въ еще большей степени Гротъ. Въ переводѣ Кудряшева есть извѣстная ритмичность и мѣстами художественность.

Остальные переводы сборника — прозаическіе. Небольшой отрывокъ изъ „Изреченій Высокаго“, названный въ предисловіи „Пѣснь Высокаго“, а въ текстѣ „Рѣчь Высокаго“, заимствованъ изъ „Исторіи Среднихъ вѣковъ“ Стасюлевича и представляетъ собою очень маленькую выдержку изъ самой обширной среди всѣхъ пѣсенъ

Эдды: изъ 163 строфъ оригинала въ сборникъ приведено 33. За исключеніемъ этого отрывка, а также переведенной Грановскимъ „Первой пѣсни о Гудрунѣ“, эти прозаическіе переводы „вновь переведены для настоящаго изданія и печатаются здѣсь въ первый разъ“. (Предисловіе.)

Къ сожалѣнію, не сказано, съ какого языка сдѣланы эти переводы. Я, однако, считаю несомнѣннымъ, что они сдѣланы не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода, и вотъ почему. Въ „Третьей пѣснѣ о Сигурдрѣ“¹⁾ строфа 35 (по другому счисленію 36 или 34) начинается словами: „Я не нуждалась, чтобы мужчина предложилъ мнѣ утренній свадебный подарокъ“. Послѣднія слова напечатаны курсивомъ и пояснены въ выноскѣ словомъ: *Morgengabe*. Между тѣмъ ни этого слова, ни всей фразы въ скандинавскомъ подлинникѣ нѣтъ. Въ Эддѣ сказано просто и прямо: „*Né vildak þat, at mik verr áette*“—„Я не хотѣла, чтобы мужъ имѣлъ меня“. Очевидно, фраза, которую переводчикъ, подписывающійся А. Ч., считаетъ нужною пояснить въ выноскѣ, заимствована имъ изъ нѣмецкаго перевода. Очевидно также, что скандинавскій оригиналъ ему не знакомъ, иначе ему не было бы надобности воспроизводить фразу, нуждающуюся въ комментированьи и не имѣющуюся въ подлинномъ текстѣ (тѣмъ болѣе, что переводъ прозаическій, — стало быть, никакія формальныя соображенія не могли тутъ играть роли); г. А. Ч. считалъ эту фразу принадлежащею подлиннику. Есть и другія доказательства того, что переводъ дѣлался съ нѣмецкаго перевода. На стр. 65 г. А. Ч. пишетъ въ выноскѣ слово „бургъ“, не существующее на русскомъ языкѣ. Очевидно, онъ заимствовалъ его, не измѣняя, изъ того текста, съ котораго переводилъ; но въ оригиналѣ Эдды слова *burg* тоже не существуетъ (было бы *borg*—замокъ, чертогъ), въ нѣмецкомъ же будетъ именно *Burg*, которое г. А. Ч. и заимствовалъ, по всей видимости, изъ нѣмецкаго текста.

Что до качествъ самого перевода—или, вѣрнѣе, пересказа нѣмецкаго перевода—г. А. Ч., то его нельзя признать стоящимъ выше посредственности. Въ немъ много неточностей и достаточно прямыхъ ошибокъ въ родѣ недоразумѣнія въ „Пѣсни о

1) „Краткая пѣсня о Сигурдрѣ“ (*Sigurfarkviða en skamma*).

Фáфнирѣ“ (отъ 31 стрф. и дальше), гдѣ маленькія лѣсныя птички превратились въ орловъ и вороновъ ¹⁾), которыхъ г. А. Ч. заставляеть „пѣть“, при чемъ счетъ у него идетъ слѣдующимъ образомъ: первый орель, второй орель, третій орель, четвертый орель, пятый воронъ, шестой орель... И такихъ промаховъ въ переводѣ г. А. Ч. не мало. Слогъ перевода тяжелый, нехудожественный, неуклюжій и проникнутый безнадежнымъ ремесленнымъ прозаизмомъ. Вся поэзія оригинала исчезла въ этой передачѣ — отъ живой красоты скандинавскаго эпоса остался сухой скелетъ.

Если мнѣ показалось умѣстнымъ остановиться на изданіи Чудинова, то потому, что этотъ сборникъ по объему (изъ 36 пѣсенъ Эдды приведено 16; 17-мъ является отрывокъ „Рѣчи Высокаго“) остается все-таки наиболѣе полной попыткой ознакомить русскую публику съ Эддой въ доступномъ изданіи, и мнѣ хотѣлось показать, насколько мало онъ отвѣчаетъ своему назначенію — насколько, слѣдовательно, желательно появленіе изданія, могущаго хоть нѣсколько успѣшнѣе послужить этой цѣли.

Пожалуй, удачнѣе всего въ сборникѣ выдержки изъ солидныхъ, хотя сильно устарѣвшихъ и во многомъ отставшихъ отъ современнаго изслѣдованія статей: Буслаява „Древне-сѣверная жизнь“ и Грота „Очеркъ скандинавской мифологіи“. Удачны также „картинки“, какъ называетъ ихъ авторъ предисловія — воспроизведеніе двухъ рисунковъ проф. Деллера: „Вала“ и „Смерть Бальдера“, „на которой изображенъ весь сѣверный Олимпъ съ Одиномъ во главѣ“ и картины „Сигурдъ—убійца Фáфнира“. Но заявленіямъ предисловія и тутъ не вполне слѣдуетъ вѣрить, потому что послѣдняя картина гораздо больше подходитъ, какъ иллюстрація, къ II дѣйствию „Зигфрида“ Рихарда Вагнера, чѣмъ къ Сигурдру Эдды, а „весь сѣверный Олимпъ“ оказывается исчерпаннымъ семью богами, изъ которыхъ узнать можно только Одина, Браги, Бальдра, Готра и Лóки; не видно ни Торра, одного изъ главныхъ представителей скандинавскаго пантеона, ни бога войны Тира, ни

¹⁾ Слово оригинала *igra* — названіе маленькой птички: существуетъ только сомнѣніе, обозначаетъ ли оно поползня или трясогузку (*Motacilla alba*). Но въ этомъ названіи нѣтъ даже отдаленнаго сходства со словами, обозначающими орла (*orn*) и ворона (*hrafn*). Врядъ ли подобное недоразумѣніе имѣлось уже въ нѣмецкомъ переводѣ.

Нйордра, ни Ульфра, ни Фрёира, ни Видарра, ни Геймдальра, не говоря уже о второстепенныхъ и позднѣйшихъ божествахъ. Изъ богинь нарисованы только двѣ: повидимому, Фриггъ и Фрёйа. Но въ общемъ этотъ маленькій и плохо воспроизведенный рисунокъ, несомнѣнно, въ большей степени проникнуть духомъ скандинавскаго эпоса, чѣмъ весь сборникъ Чудинова.

Въ выпускѣ IV Записокъ Неофилологическаго Общества (Спб., 1910) помѣщенъ сдѣланный К. О. Тиандеромъ прозаическій переводъ и научный разборъ пѣсни „Hǫvatǫl“, озаглавленной переводчикомъ „Притчи Одина“.

Изъ этого перевода исключены тѣ строфы, которыя авторъ считаетъ интерполяціей.

Въ 1911 году, немного времени спустя послѣ того, какъ была представлена въ Императорскую Академію Наукъ рукопись моего перевода Эдды, поступила въ продажу брошюра г-жи З. Тулубъ: стихотворный переводъ одной изъ пѣсенъ Эдды, а именно *Vǫluspá*.

Передъ переводомъ Грота трудъ г-жи Тулубъ имѣетъ то преимущество, что свободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ и грубыхъ неправильностей (обусловленныхъ въ гротовскомъ переводѣ неудовлетворительнымъ чтеніемъ въ его время подлиннаго текста) и что написанъ довольно гладкими стихами. Но этимъ преимущества ограничиваются. Не говоря о томъ, что переводъ сдѣланъ не съ подлинника, а, повидимому, съ нѣмецкаго перевода Геринга, совершенно несомнѣнно, что переводчица вовсе не ознакомилась съ этимъ подлинникомъ, не поинтересовалась ни точною передачею содержанія, ни формою. По отношенію къ послѣдней переводчица поступаетъ вполнѣ произвольно. Въ довольно небрежно составленномъ предисловіи послѣ несовсѣмъ яснаго опредѣленія того, что такое аллитерація, слѣдуетъ немотивированное и вполнѣ неосновательное заявленіе, что въ русскомъ переводѣ „аллитерацію, конечно (sic!), нельзя удержать“. Если бы г-жа Тулубъ внимательно слѣдила за русскою переводною литературой, то могла бы убѣдиться хотя бы на переводѣ г. В. П. Коломійцевымъ ваг-

неровскаго „Кольца Нибелунга“¹⁾), что аллитерація въ русскомъ переводѣ иноземнаго аллитераціоннаго произведенія вполнѣ возможна. О ея примѣнимости и значеніи въ русскомъ переводѣ Эдды я говорю ниже, въ предисловіи къ своему переводу.

Не сохраняя въ своей стихотворной передачѣ аллитераціи, этой характернѣйшей особенности оригинала, г-жа Тулубъ отступаетъ и отъ ритма послѣдняго, избравъ по неизвѣстной причинѣ для своего перевода короткія хорейныя строки, по 8 въ строфѣ, при чемъ вся строфа завершается строкой съ краткимъ окончаніемъ. Трудно подыскать ритмъ, менѣе подходящий для „Прорицанія Провидицы“, нежели именно этотъ. Если бы переводчица попросила кого-нибудь, знакомаго съ языкомъ Эдды, прочесть ей вслухъ хотя бы пару строфъ оригинала, я не сомнѣваюсь, что простое ритмическое чутье не позволило бы ей остановиться на этомъ отрывистомъ плясовомъ размѣрѣ, столь рѣзко расходящемся съ ритмомъ подлинника. Даже незнакомому съ языкомъ бросается въ глаза это несоотвѣтствіе:

Примѣръ (Völuspö, 44):

Geyr Garmr mjök fyr Gniphaheller
Festr mon slitna, en freke rinna!
Fjölþ veit fröfa, fram sék lengra
Umb ragna rök, róm sigtva²⁾).

Переводъ г-жи Тулубъ:

Громко лаеъ Гарумъ
Передъ Гнипагеллой,
Волкъ, сорвавъ оковы,
Убѣжить... я много
Знаю: я предвижу

1) Изд. Юргенсона, Москва. 1-я часть перевода вышла въ свѣтъ раньше книжки г-жи Тулубъ.

2) Мой переводъ:

Лаеъ песь Гармръ у пещерь Гнипагѣллира.
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Гибель мудрыхъ Азовъ,
Вижу неизбѣжность
Гибели боговъ.

Не говоря о прозаизмѣ перевода, о недопустимомъ въ Эддѣ переносѣ фразы изъ строки въ другую—неподходящій размѣръ измѣняетъ весь характеръ строфы, даетъ построение, совершенно несоотвѣтствующее подлиннику.

Къ содержанію „Völuspô“ переводчица отнеслась такъ же небрежно, какъ къ формѣ—несмотря на то, что въ предисловіи справедливо указывается на содержательность и значительность мифологическихъ пѣсенъ Эдды. И текстъ, и примѣчанія равно свидѣлствуютъ о незнакомствѣ съ древне-сѣверной мифологіей, и въ частности съ эддическимъ пантеономъ и міросозерцаніемъ. Постоянно вставляя отъ себя въ текстъ различныя „словечки“ для размѣра (МВ: произвольно выбраннаго), переводчица на каждомъ шагу проявляетъ это незнакомство; результатомъ являются грубѣйшія ошибки. Такъ, исполинъ Имиръ превращается въ „царя Юмира“, богъ Лóки названъ „гигантомъ“, къ Ванамъ прибавленъ, ради ритма, эпитетъ „злые“, никогда не примѣнявшійся къ нимъ (такъ какъ Ваны, наоборотъ, отличаются благодѣтельными свойствами), говорится о „счисленіи лѣтъ“—грубая ошибка въ эддической пѣсни, такъ какъ характернѣйшею особенностью германской хронологіи является счисленіе именно зимами, а не лѣтами; имя норны Урдръ переводчица считаетъ названіемъ рѣки, и говоритъ объ „истокѣ Урды“, и т. д. Небрежность доходитъ до того, что и въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ оказываются противорѣчія; на стр. 11, Мíмиръ названъ „богомъ мудрости“ (совершенно недопустимое отступленіе отъ Эдды), а на стр. 15 онъ правильно характеризуется, какъ „водяной духъ“. (Различіе между богами и духами въ текстѣ Völuspô вполне опредѣленно.) На стр. 20 сообщается, что пѣтухъ Фіаларъ, неправильно названный „пур-“ отъ сна боговъ—тогда, какъ по тексту Эдды овъ, а великановъ; а на слѣдующей же стр. говорится, что не Фіаларъ, а Гуллинкамби будитъ во всемъ, рѣшительно, видно основательное незддическихъ пѣсенъ; ясно, что это область, со-

вершено чуждая переводчицѣ, повидимому случайно взявшейся за нее. Незнаніе языка приводитъ къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ курьезамъ: въ родѣ превращенія норны въ рѣку, и т. п. Переводчица не отнеслась внимательно даже къ нѣмецкимъ переводамъ Эдды и повторяетъ въ строфѣ 47 крупную ошибку, возможную только при современномъ Гроту чтеніи текста, и устраненную изъ всѣхъ новѣйшихъ изданій Эдды. Примѣчанія и предисловіе показываютъ какъ будто бы претензію на научную обработку перевода: между тѣмъ, въ текстѣ не отмѣчены дѣлаемые пропуски нѣкоторыхъ интерполяцій, не указаны и сохраненныя въ переводѣ позднѣйшія вставки, сомнительныя мѣста, и т. п. Въ переводѣ изобилуютъ неподходящіе термины, рѣжущіе ухо въ эддической пѣсни: „царь“, „гиганты“, „шашки“, говорится о „каскадѣ (!) Ёдина“, и т. д.; для размѣра вставляются такія—звучныя, но невысказанныя въ Эддѣ выраженія, какъ „другъ луны туманной“ (о солнцѣ); эта фраза, которой въ подлинникѣ нѣтъ и помина, вдвойнѣ недопустима—и въ виду неэддическаго характера эпитета „туманная луна“, и оттого, что въ мифологической пѣсни нельзя произвольно вводить подобные образы, когда въ скандинавскомъ пантеонѣ солнце—богиня, а мѣсяць—божество мужского рода. Для размѣра же постоянно прибавляются переводчицей къ тексту, въ самыхъ неподходящихъ случаяхъ, слова вродѣ „ужь“, „вдругъ“, „а“, „и“, въ особенности послѣднее; тогда какъ въ сжатомъ, строгомъ языкѣ „Прорицанія“ вообще отсутствуютъ всякія лишнія слова, и въ частности соединительные союзы встрѣчаются очень рѣдко. Въ подлинникѣ строка чрезвычайно рѣдко начинается съ „и“, и никогда не начинается строфа съ этого слова; въ переводѣ же г-жи Тулубъ „и“ появляется въ началѣ строки болѣе 40 разъ... Имена произвольно искажаются ради ритма, ударенія въ нихъ ставятся то правильно, то неправильно.

Изъ всѣхъ этихъ частныхъ создается общее впечатлѣніе, очень далекое отъ того, которое вызывается эддическимъ подлинникомъ. Въ особенности несчастный выборъ размѣра способствуетъ этому; съ музыкальной стороны, размѣръ этотъ соотвѣтствуетъ приблизительно ритму „крейць-польки“. Переложить на подобный ритмъ величественныя суровыя строфы „Völuspá“—это немногимъ лучше, чѣмъ запѣть „Коль славень“ на мотивъ Камаринской. И это до-

сально, потому что переводчица до известной степени несомненно обладает поэтическим даромъ, и владѣеть стихомъ; къ тому же, ея переводъ, по крайней мѣрѣ, не безграмотенъ, какъ бывають иногда ремесленные русскіе переводы. Но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ безспорно дастъ читателю только неполное и искаженное представленіе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ пѣсенъ Эдды.

Указанными произведеніями ограничивается, сколько мнѣ известно, все сдѣланное до настоящаго времени въ русской литературѣ въ смыслѣ передачи на русскомъ языкѣ пѣсенъ Эдды.

Въ стихотворной формѣ существуетъ, слѣдовательно, кромѣ разобраннаго перевода г-жи Тулубъ — переводъ только одной изъ тридцати шести пѣсенъ ¹⁾ этого богатѣйшаго памятника древне-германской поэзіи: переводъ Völundarkviða Кудряшевымъ. Можно съ натяжкой считать опытомъ поэтической передачи — тотъ отрывокъ поэмы Майкова „Бальдуръ“, который заимствованъ изъ „Пѣсни о Путникѣ“ (хотя подлинника Эдды Майковъ не зналъ).

Вотъ все, что мнѣ удалось найти въ русской литературѣ по части передачи пѣсенъ Эдды.

Такъ какъ настоящій трудъ является первымъ полнымъ переводомъ пѣсенъ Эдды на русскій языкъ, при чемъ имѣлось въ виду воспроизвести въ немъ не только содержаніе, но до известной степени и форму древне-скандинавскаго подлинника — я нахожу необходимымъ предпослать ему нѣкоторую общую характеристику этой формы, а также указать тѣ основные принципы, которыми я руководюсь въ ея русской передачѣ.

Мнѣ не представляется умѣстнымъ подробно говорить о метрическихъ особенностяхъ Эдды, каковыми онѣ являются въ древне-скандинавскомъ подлинникѣ. Интересующіяся этимъ лица могутъ обратиться къ специальнымъ сочиненіямъ ²⁾. Сжатое и доступное

¹⁾ 35, если не считать, какъ это дѣлають нѣкоторые, Grottasongr („Пѣснь о Гротти“).

²⁾ G. Sieber's. См. Указат. Лит.

изложеніе основныхъ принциповъ стихосложенія Эдды читатель найдетъ у Геринга (въ его введеніи къ нѣмецкому переводу Эдды)¹⁾. Здѣсь я лишь кратко укажу тѣ существенныя особенности формы, которыя имѣютъ значеніе и для переводчика, и для читателя перевода.

Во-первыхъ, дѣленіе на строфы, всегда законченныя по содержанію, обособленныя одна отъ другой логически и грамматически и состоящія (за рѣдкими исключеніями) изъ четырехъ строкъ. Принципъ этотъ проходитъ черезъ всѣ пѣсни Эдды, за исключеніемъ одной только „Пѣсни о Гѣрбардрѣ“, форма которой вообще изобилуетъ отступленіями отъ всѣхъ основныхъ нормъ стихосложенія.

Во-вторыхъ, аллитерація, т.-е. подборъ одинаково звучащихъ согласныхъ въ началѣ тѣхъ слоговъ, на которые падаетъ удареніе (*kalla vindofne vaner*) или созвучіе однородныхъ гласныхъ, если слогъ начинается съ гласнаго (*kalla álfar ártala*).

Въ-третьихъ, ритмъ или размѣръ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. опредѣленное чередованіе ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ въ строкѣ.

На ряду съ этими основными, важнѣйшими особенностями, можно указать еще второстепенныя: опредѣленное протяженіе строкъ— т.-е. число стопъ въ каждой изъ нихъ, и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ чередованіе длинныхъ строкъ съ короткими; также имѣющее иногда мѣсто чередованіе долгихъ окончаній съ краткими (въ концѣ строкъ); и, наконецъ, чередованіе долгихъ и краткихъ слоговъ. Изъ всѣхъ указанныхъ особенностей только послѣдняя такого свойства, что русскому переводчику приходится безповоротно отказаться отъ ея передачи, такъ какъ долгота и краткость слоговъ (по крайней мѣрѣ, въ ясной и замѣтной формѣ) отсутствуетъ въ русскомъ языкѣ. Но этотъ недостатокъ мало чувствуется именно въ данномъ случаѣ, по отношенію къ древне-германской метрицѣ, гдѣ долгота и краткость слоговъ не играютъ господствующей роли (какъ, напримѣръ,

1) Die Edda. Die Lieder der sogenannten älteren Edda. Uebersetzt und erläutert von Hugo Gering. Mecher's Klassiker Ausgaben. Leipzig und Wien.

въ метрикѣ древне-греческой), что позволяетъ отнести эту особенность въ разрядъ второстепенныхъ.

Предстоитъ выяснитъ, какъ обстоитъ дѣло съ тѣми элементами древне-германскаго стихосложенія, которые были здѣсь выдвинуты, какъ основные: спрашивается, посколькѣ желательно и достижимо воспроизведеніе послѣднихъ въ русскомъ переводѣ?

Относительно перваго пункта—дѣленія на строфы—не придется много говорить. Слишкомъ ясно для всякаго, какая огромная разница не только въ формѣ, но и въ настроеніи, въ тонѣ произведенія—существуетъ между непрерывной цѣпью стихотворныхъ строкъ, связанныхъ одна съ другою, и рядомъ строго разграниченныхъ строфъ¹⁾. Очевидно, что эту особенность переводчикъ можетъ и долженъ сохранить въ своей передачѣ.

Не такъ просто рѣшается вопросъ о другой основной особенности эддическаго стихосложенія: объ аллитераціи. На ней поэтому приходится остановиться подробнѣе.

¹⁾ Предлагаю читателю сравнить съ этой точки зрѣнія нижеприведенные отрывки двухъ произведеній одного изъ наиболѣе блестящихъ художниковъ формы среди русскихъ поэтовъ, Алексѣя Толстого:

I. Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣздье Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ, какъ тяжесть, оперся

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгають стада,
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты —

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь, и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразный живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда...

.....

(„Драконъ“).

II. Надъ древними подъямляся дубами,
Онъ островъ нашъ отъ недруговъ стерегъ;
Въ войну и миръ равно честимый нами,

Несмотря на несомнѣнные примѣры въ древне-русской поэзіи ¹⁾, показывающіе, что аллитерація отнюдь не чужда духу русскаго языка, какъ иногда утверждается недостаточно освѣдомленными противниками аллитераціоннаго стиха—надо сказать, что употребленіе послѣдняго въ современной русской поэзіи не переходитъ области попытокъ ²⁾. И приходится нерѣдко слышать утверженіе, что „современный русскій языкъ не приспособленъ“ къ аллитераціи, якобы даже „русское ухо“ не можетъ ея воспринимать. Я рѣшительно отвергаю подобную точку зрѣнія. Русскій языкъ во все не такъ бѣденъ, русское ухо вовсе не такъ грубо—чтобы не быть въ состояніи примѣниться къ своеобразнымъ особенностямъ аллитераціоннаго стиха. Напротивъ, русскій языкъ безконечно богатъ во всѣхъ отношеніяхъ и открываетъ для аллитераціоннаго стихосложенія такой просторъ, что лучше и желать нечего. Что до „русскаго уха“ и его способности къ воспріятію аллитераціи—то я, конечно, не предполагаю, что каждый русскій читатель сразу, безъ навыка, уловить гармонію всякой аллитераціи, даже слабой (съ созвучіемъ лишь немногихъ и не находя-

Онъ зорко вокругъ глядѣлъ семью главами,
Нашъ Ругевить, непобѣдимый богъ.

Курился дымъ ему отъ благовоній,
Его алтарь былъ зеленью обвить,
И много разъ, на кучахъ вражбихъ броней
У ногъ своихъ закланныхъ видѣлъ доней
Нашъ грозный богъ, нашъ славный Ругевить.

.....
(„Ругевить“).

Здѣсь намѣренно выбраны два отрывка съ тождественнымъ ритмомъ (пятистопный ямбъ съ чередованіемъ мужскихъ и женскихъ окончаній), съ аналогичнымъ стилемъ,—эпическимъ, нѣсколько архаичнымъ; съ аналогичнымъ настроеніемъ спокойнаго вначалѣ повѣствованія. И, несмотря на все это, огромная разница получается во всемъ складѣ обоихъ произведеній—исключительно благодаря тому, что въ одномъ случаѣ имѣются тѣсно связанныя, переливающиеся одна въ другую терцины, а въ другомъ—обособленные, замкнутыя пятистрочныя строфы.

1) Слово о Полку Игоревѣ.

2) Вяч. Ивановъ, Бальмонтъ, Чехихинъ въ своемъ переводѣ текста „Тристана и Изольды“ Вагнера.

шихся рядомъ словъ); но я утверждаю, что каждый замѣтитъ аллитерацію, напр., въ слѣдующихъ словахъ:

„Обрядъ браннаго братства“.

Конечно, неподготовленный читатель не сможетъ назвать замѣченную особенность „аллитераціей“, но это вѣдь совершенно неважно;—важно, чтобы самая звуковая особенность была замѣчена. А это всегда имѣетъ мѣсто при подобныхъ случаяхъ сильной и повторной аллитераціи. При чтеніи же цѣлаго произведенія, написаннаго аллитераціоннымъ стихомъ—у читателя очень быстро является привычка улавливать это созвучіе согласныхъ—даже тамъ, гдѣ оно выражается гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ въ приведенномъ примѣрѣ. Совершенно несомнѣнно, что русскому уху нисколько не чуждо благозвучіе такихъ аллитераціонныхъ сочетаній, какъ „тихія темныя тѣни“, „вольныя воды“, „буйная буря“, и т. п.

Здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ. Признавъ, что аллитерація въ русскомъ стихѣ возможна и замѣтна, остается рѣшить: нужна-ли она съ эстетической стороны—иными словами: красива-ли она? По моему глубокому убѣжденію, всякое рѣшеніе этого вопроса можетъ быть только чисто субъективнымъ. Для меня лично не подлежитъ сомнѣнію высокая красота аллитераціоннаго стиха (на любомъ изъ языковъ, въ какихъ только мнѣ случалось встрѣчать его)—красота въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе строгая и болѣе утонченная, чѣмъ благозвучіе рифмованныхъ стиховъ. Разумѣется, не будетъ недостатка и въ представителяхъ противоположнаго мнѣнія. Но по отношенію къ моей непосредственной задачѣ—русскому переводу Эдды—вопросъ о красотѣ аллитераціоннаго стиха не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, и вотъ почему. Если о красотѣ аллитераціи можно спорить, то никакіе споры немислимы по отношенію къ ея глубокому своеобразію. Это своеобразіе такъ сильно, оно налагаетъ такой ярко-оригинальный отпечатокъ на древне-германское стихосложеніе—что устранить изъ него аллитерацію значило бы лишить его характернѣйшаго основнаго элемента. Поэтому, разъ въ русскомъ языкѣ аллитерація возможна—русскій переводчикъ Эдды обязанъ всѣми силами стремиться сохранить ее: онъ этимъ сохра-

нить существеннѣйшую особенность формы оригинала. Не бѣда, если между читателями возникнутъ разногласія относительно большей или меньшей красоты аллитераціоннаго стиха—во всякомъ случаѣ всѣ читатели почувствуютъ его оригинальность, органически присущій ему своеобразный звуковой „ладъ“.

Я здѣсь намѣренно оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ объ эмоциональномъ значеніи аллитераціи, въ частности о связи преобладанія опредѣленныхъ согласныхъ съ опредѣленнымъ колоритомъ настроенія. Я лично считаю въ своемъ переводѣ съ этой стороною дѣла—но въ виду спорности и сложности вопроса признаю неудобнымъ вдаваться здѣсь въ его разсмотрѣніе. Интересныя данныя на этотъ счетъ, читатель найдетъ въ брошюрѣ Вольцогена ¹⁾, хотя и связанной по темѣ съ единичнымъ произведеніемъ, но дающей много интереснаго и цѣннаго и въ смыслѣ общаго освѣщенія проблемы. Мнѣ не представляется ни позволительнымъ, ни нужнымъ опираться на психологическое значеніе аллитераціи какъ на аргументъ въ пользу ея примѣненія въ русскомъ переводѣ Эдды: желательность этого примѣненія я считаю достаточно доказанной высказываемыми выше соображеніями о характерности для Эдды аллитераціоннаго стиха.

Если я считаю аллитерацію необходимой въ русскомъ переводѣ Эдды, то я этимъ не хочу сказать, что возможно или хотя бы желательно сохранить ее въ томъ именно видѣ, въ какомъ она имѣется въ оригиналѣ. Соблюденіе всѣхъ условій аллитераціоннаго стихосложенія Эдды представляется мнѣ не только невозможнымъ, но и въ принципѣ ненужнымъ: такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ условій тѣсно связаны съ языкомъ оригинала и по отношенію къ другому языку получаютъ совершенно иное значеніе. Въ древне-германскомъ (и въ частности въ древне-скандинавскомъ) стихосложеніи аллитерація выражается въ согласованіи начальныхъ звуковъ слова (Anlaut): на начальномъ звукѣ слова въ этомъ языкѣ всегда стоитъ удареніе и поэтому фактически аллитерація является въ древне-германскомъ стихѣ созву-

1) H. von Wolzogen. Poetische Lautsymbolik. Psychische Wirkungen der Sprachlaute im Stabreime (aus R. Wagner's „Ring des Nibelungen“). Leipzig. Ed. Schöningh. 1876.

чіемъ согласныхъ (и изрѣдка гласныхъ), начинающихъ собою ударенный слогъ. Такъ какъ воспріятіе аллитераціи цѣликомъ зависитъ отъ ударенія, то очевидно необходимо въ каждомъ языкѣ, примѣняя аллитерацію, сообразоваться съ мѣсто-нахожденіемъ ударенныхъ слоговъ. Ясное дѣло, что къ аллитераціи исключительно на первыхъ слогахъ—неизбѣжной въ языкѣ, гдѣ только на этихъ слогахъ стоитъ (единственное или главное) удареніе,—совершенно незачѣмъ стремиться, если имѣешь дѣло съ языкомъ, въ которомъ, какъ въ современномъ нѣмецкомъ или въ русскомъ, удареніе можетъ отсутствовать на первомъ слогѣ и помѣщаться на любомъ изъ остальныхъ слоговъ. Это значило бы безъ всякой надобности сокращать словарь, имѣющійся въ распоряженіи переводчика, и лишать себя возможности пользоваться цѣлымъ рядомъ благозвучныхъ аллитераціонныхъ сочетаній—только потому, что въ эти сочетанія входятъ слова, гдѣ аллитерирующимъ можетъ оказаться второй, или третій, или послѣдній слогъ. Напротивъ, такими сочетаніями слѣдуетъ пользоваться, такъ какъ они вносятъ въ стихъ богатое разнообразіе созвучій—нисколько не отступая отъ основного принципа аллитераціоннаго стиха. Такъ именно примѣняли и примѣняютъ аллитерацію современные нѣмецкіе поэты ¹⁾, въ томъ числѣ такой чуткій возсоздатель древне-германской поэзіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ Феликсъ Данъ, наприм., въ слѣдующей строкѣ:

Si, die Winde, wie weh'n sie geschwinde!

Въ этой строкѣ, отличающейся рѣдкимъ аллитераціоннымъ благозвучіемъ, въ послѣднемъ словѣ удареніе и аллитерація прихо-

¹⁾ Не всѣмъ извѣстно, насколько употребленіе аллитераціи въ современной поэзіи распространено, и какъ много образцовъ прекраснѣйшихъ аллитераціонныхъ стиховъ можно найти у современныхъ поэтовъ—не только у такихъ, которые извѣстны систематическимъ примѣненіемъ аллитераціи (какъ Йорданъ, Рюкертъ, Данъ), но, напр., у Гейне. У послѣдняго мы находимъ въ стихотвореніи *Frühling*—тонкую, необыкновенно мелодичную комбинацію аллитераціи, римы и ассонанса:

Die Wellen blinken und fließen dahin—
Es liebt sich so lieblich im Senzel..

и. ф. мѣ.

дятся на серединномъ слогѣ (geschwinde). Такого же рода аллитерацію допускаетъ и Рихардъ Вагнеръ, напр.:

или: Da flatterte junges Geflügel auf...
 Ein herrlich Gewässer
 Wogt vor mir... („Siegfried“.)

Такъ же поступаетъ и Герингъ въ своемъ переводѣ Эдды, постоянно употребляя созвучія въ родѣ слѣдующаго:

Der Ruhm, den der Todte errang...

Въ данномъ случаѣ, правда, имѣется составное слово. Но рѣшительно нѣтъ причинъ не распространять этого принципа и на несоставныя слова.

Въ допущеніи такихъ созвучій (вытекающихъ изъ самой природы языка, отличающагося разнообразіемъ удареній, какъ нѣмецкій или русскій) нѣтъ въ сущности никакого отступленія отъ древне-скандинавскаго ритма Эдды. Ритмъ всякаго произносимаго, хотя бы мысленно, стиха оказывается въ зависимости отъ чередованія удареній и числа слоговъ—отъ ихъ долготы или краткости тамъ, гдѣ таковыя существуютъ—но никогда не отъ распредѣленія слоговъ и удареній по словамъ ¹⁾. (Этимъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что, слыша какой-нибудь стихъ на незнакомомъ языкѣ, можно зачастую безошибочно опредѣлить его размѣръ и при этомъ совершенно не быть въ состояніи указать число и распредѣленіе словъ.) Недаромъ установилось издавна обыкновение при графическомъ изображеніи ритма совершенно не считаться съ количествомъ и распредѣленіемъ словъ и оставлять безъ обозначенія то и другое.

¹⁾ Для сравненія можно взять хотя бы три стиха изъ Лермонтовскаго „Демона“.

I ... „Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“...

II ... „Спѣвались хоры легкихъ птицъ“.

III ... „Несокрушимый мавзолей“...

Здѣсь разнообразіе въ числѣ словъ (въ первомъ случаѣ 8, во второмъ 4, въ третьемъ 2) нисколько не мѣшаетъ звуковому единообразію ритма.

Поэтому нельзя считать погрѣшностью противъ стихосложенія подлинника—употребленіе переводчикомъ древне-скандинавскихъ пѣсенъ такихъ словъ, гдѣ аллитерирующими оказываются не первые слоги.

Другимъ вполне позволительнымъ и естественнымъ отступленіемъ отъ древней формы аллитераціи—я считаю допущеніе аллитераціи между такими согласными, которыя, будучи одинаковыми по звуку въ современномъ (русскомъ или нѣмецкомъ) языкѣ, оказываются не однородными морфологически. И въ этомъ случаѣ я слѣдую Герингу, справедливо отвергающему воззрѣніе Симрока, согласно которому аллитерировать должны только согласныя одинаковыя по происхожденію (напр. *Schaft* и *Schaim*, но отнюдь не *Schlaf*, при чемъ послѣднее по мнѣнію Симрока должно считаться аллитерирующимъ съ однороднымъ по происхожденію, но совершенно иначе звучащимъ „*f*“). Въ русскомъ языкѣ, согласно этому воззрѣнію, нельзя было бы аллитерировать „межа“ (гдѣ „ж“ получило изъ общеславянскаго „жд“,—„меджда“) и „жарь“ (гдѣ „ж“ въ основѣ иногo происхожденія). И надо было бы признать аллитерирующими такія слова, какъ „коль“ и „часть“, потому что въ послѣднемъ „ч“ получило изъ „к“ (ст.-слав. *čьsъ*,—**kesos*). Ясное дѣло, что такой принципъ грѣшитъ противъ простѣйшаго поэтическаго и музыкальнаго чутья. Вся аллитерація построена на звукѣ, и теряетъ смыслъ, если звуки оказываются различными и связаны (конечно, только въ глазахъ спеціалиста) лишь общимъ происхожденіемъ. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что древне-германскіе пѣвцы, авторы Эдды и другихъ подобныхъ произведеній, ужь конечно не руководились въ своихъ стихахъ соображеніями исторической фонетики—по той простой причинѣ, что этой науки въ то время еще не существовало. И переводчикъ въ этомъ случаѣ имѣетъ полное право слѣдовать примѣру авторовъ и руководиться только тѣмъ, какъ звучитъ данная буква, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, изъ какого звука она произошла. На томъ же основаніи надо считать болѣе правильнымъ аллитерированье русскаго „г“ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ясно звучитъ какъ „в“ (въ окончаніяхъ „егó“, „ничегó“ и т. п.),—именно съ „в“, а не „г“, съ которымъ оно утратило всякое сходство. Потому что здѣсь рѣчь идетъ не о под-

борѣ морфологически однородныхъ звуковъ, а о созданіи извѣстнаго звукового сочетанія, предназначеннаго дѣйствовать на слухъ. За этими двумя оговорками (допущеніе аллитераціи не на первомъ слогѣ и безъ зависимости отъ фонетическаго генезиса звуковъ) аллитераціонный стихъ можетъ и долженъ быть воспроизведенъ въ русскомъ переводѣ Эдды, какъ по отношенію къ согласнымъ, такъ и по отношенію къ гласнымъ. Послѣднія при этомъ естественно распадаются на двѣ группы—простыя: а, э, о, у, и йотированныя: я, ё, е, ю, каждая группа включаетъ аллитерирующія между собою гласныя, но между представителями разныхъ группъ—напр., „у“ и „ю“—аллитераціи нѣтъ. Переходнымъ звукомъ является гласный „и“—могущій, смотря по своему качеству, оказаться созвучнымъ съ йотированнымъ или съ не-йотированнымъ звукомъ. Эдда написана нериѣмованнымъ стихомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ строкъ, гдѣ чисто случайнымъ образомъ оказались риѣмы. Слѣдовательно, и въ переводѣ недопустимы риѣмованные стихи. (Не считая, какъ и въ подлинникѣ, случайныхъ риѣмъ.) Это положеніе представляется мнѣ достаточно очевиднымъ, чтобы можно было на немъ дольше не останавливаться.

Остается вопросъ о размѣрѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. ритмическомъ чередованіи удареній. Въ пѣсняхъ Эдды имѣются извѣстные перемежающіеся ритмы—не безъ зависимости отъ долготы и краткости слоговъ, и, въ силу послѣдняго обстоятельства, какъ указано выше, не вполне могущіе быть переданными русскими стихами. Но очень близкое воспроизведеніе этихъ ритмовъ все же возможно на русскомъ языкѣ, если постараться неуклонно сохранять общее соотвѣтствіе между распредѣленіемъ удареній въ каждой строкѣ подлинника и перевода. Иногда это достижимо въ предѣлахъ тѣхъ простѣйшихъ размѣровъ, которые до послѣдняго времени такъ замѣтно преобладали въ русской поэзіи, что едва ли не большинство читающей публики считало ихъ единственно возможными въ русскомъ языкѣ и увидѣло неслыханное новшество въ широкомъ употребленіи новѣйшими поэтами болѣе сложныхъ и прихотливыхъ метрическихъ сочетаній—тогда какъ на самомъ дѣлѣ подобныя сочетанія, иногда съ блестящимъ мастерствомъ, фигурировали уже въ цѣломъ рядѣ отдѣль-

ныхъ произведеній корифеевъ русской поэзіи, отъ Ломоносова до Фета ¹⁾), и только недостаточнымъ знакомствомъ русскихъ чи-

¹⁾ Привожу наудачу нѣсколько яркихъ образчиковъ употребленія сложныхъ ритмовъ—не укладывающихся въ рамки освященныхъ обычаемъ простѣйшихъ русскихъ размѣровъ (некомбинированныхъ ямба, хоря, амфибрахія, дактиля, анапеста и гекзаметра):

У Ломоносова:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспылчиво хищный Востокъ—
Глаза кровавы, самъ вертится... и т. д.
.....

У Державина:

.....
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?..
Сѣверны громы во гробѣ лежать.

(Снигирь.)

У Лермонтова:

Поцѣлуями прежде считалъ
Я мятежную жизнь свою.
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю!
.....
И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ
И крылья забвенья ловлю...
.....

У Тютчева:

О какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй!..
Сіяй, сіяй, прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

(Послѣдняя любовь.)

У Фета:

• Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю—
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды
И какъ-то странно порой прозрѣваю.
.....
И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится.
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожить и вся вѣчность снится.

тателей съ родною поэзіей объясняется распространіе упомянутого ошибочнаго взгляда.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простые, некомбинированные ритмы являются наиболѣе подходящими для передачи ритма пѣсенъ Эдды. Чаще всего такимъ подходящимъ размѣромъ оказывается дактиль, рѣже амфибрахій, еще рѣже анапестъ: и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не ямбъ и не хорей ¹⁾. По большей части, однако, пѣсни Эдды отличаются перемежающимся ритмомъ, для передачи котораго переводчикъ можетъ комбинировать, напр., строки дактиля со строками другого ритма. Иногда оказывается уже прямо комбинированный ритмъ въ каждой строкѣ, напр.:

Потрясъ головою, взмахнулъ кудрями
Земли сынъ грозный, вокругъ озираясь.

(Пѣснь о Тримрѣ).

Въ такихъ комбинированныхъ ритмахъ почти всегда не болѣе четырехъ удареній на строку; сочетанія, подобныя гекзаметру, недопустимы ²⁾. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ ритмъ измѣняется въ

¹⁾ Въ высшей степени неудачно поэтому надо признать мысль Майкова написать пятистопнымъ хореемъ эддическую фантазію „Бальдуръ“.

²⁾ Все, что говорится о стихосложеніи пѣсенъ Эдды, не относится только къ одной „Пѣсни о Гѣрбардрѣ“, стоящей въ смыслѣ ритма совершенно особнякомъ. Ни одному изъ комментаторовъ не удалось до сихъ поръ найти какую-либо опредѣленную форму стихосложенія въ этомъ своеобразномъ произведеніи, гдѣ отсутствуетъ даже дѣленіе на строфы, столь строго проходящее черезъ весь циклъ Эдды. Герингъ видитъ въ немъ смѣшанную форму изъ перемежающихся стиховъ и аллитерирующей, ритмической (и то не всегда) прозы. Могкъ, выражающій свое недоумѣніе по поводу этой формы, склоняется къ тому, чтобы объяснить ее просто отсутствіемъ техническаго таланта у автора:

„Man sollte doch mit der Thatfache rechnen, daß es auch im Altertum gute und schlechte Dichter gegeben hat“.

Стараясь во всякомъ случаѣ избѣгать прозы въ моемъ переводѣ, я въ „Пѣсни о Гѣрбардрѣ“, въ виду этой полной независимости ея ритма отъ общихъ правилъ, рѣшаюсь допускать — вмѣсто прозы — метрическія сочетанія, столь же произвольныя какъ въ подлинникѣ; въ томъ числѣ и близкія къ гекзаметру.

Въ героическомъ эпосѣ, нѣсколько обособленное положеніе зани-

серединѣ стихотворенія въ зависимости отъ измѣненія въ самомъ содержаніи; въ такихъ случаяхъ переводчикъ, разумѣется, долженъ слѣдовать за оригиналомъ. Такъ, въ „Прорицаніи Провидицы“ мнѣ представляется неизбѣжнымъ переходъ — въ тѣхъ строфахъ, гдѣ начинается повѣствованіе о кончинѣ міра — отъ болѣе медленнаго перемежающагося ритма предшествующихъ строфъ къ болѣе ровному и стремительному дактилю, почти безъ отклоненій отъ правильной схемы:

Гримр со щитомъ наступаетъ съ Востока,
Въ морѣ вздымается Змѣй міровой...

и т. д.

Безъ сомнѣнія, въ переводѣ является желательнымъ (но на мой взглядъ не представляющимъ первостепенной важности) условіемъ — сохраненіе повсюду соотвѣтствующей подлиннику протяженности строкъ, чередованія длинныхъ строкъ съ короткими и чередованія разнородныхъ окончаній (—, или — — —, — — — — и т. д.).

Въ Эддѣ имѣются двѣ основныя формы построенія строфы: *fornyrðislag* и *ljóðahátt*.

Въ первомъ строфа состоитъ изъ четырехъ длинныхъ строкъ, изъ которыхъ каждая дѣлится цезурою на двѣ половины, имѣющія по два ударенія каждая.

Примѣръ („Прорицаніе Грипира“, 32):

Hvart's þa Griper? get þess fyr mér!
Ser geþléise í grams skape?
Skalk víþ mey þa mólom slita
Es alz hugar unna þóttomk?

(Мой переводъ:

„Можетъ ли быть это, мудрый властитель,—
Ужели я такъ вѣроломъ, скажи?
Клятву нарушу я, данную дѣвѣ,
Которую сердцемъ такъ сильно любилъ?“)

мають въ смыслѣ ритма „Пѣснь объ Атли“ и „Сказаніе объ Атли“. Въ виду большой протяженности строкъ, и здѣсь мѣстами пришлось въ переводѣ приблизиться къ гекзаметру.

Въ формѣ, называвшейся ljófa-hattr, строфа состоитъ изъ четырехъ строкъ неравной длины—двухъ длинныхъ и двухъ короткихъ, послѣдовательно чередующихся.

Примѣръ („Изрѣченія Высокаго“, 55):

Meðalsnotr skyle manna hverr
 Aeva til snotr sé!
 Þoit snotrs manz hjarta verþr sjaldan glatt
 Ef sá es alsnotr, es á.

(Мой переводъ:

Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно:
 Многого лучше не знать.
 Рѣдко тотъ радостенъ сердцемъ, чей разумъ
 Больше, чѣмъ надо, узналъ.)

Кромѣ этихъ двухъ основныхъ формъ, въ Эддѣ имѣется еще второстепенная форма *mala-hattr*, фигурирующая рѣдко и систематически проведенная только въ „*Atlampur*“. Это построение, въ общемъ, аналогично *fornyrdislag*, отличаясь отъ него большимъ числомъ слоговъ въ полустипхи и добавочными удареніями. Останавливаться на этой формѣ нѣтъ надобности. (Объ особенностяхъ ея русской передачи будетъ рѣчь ниже.)

Идеальнымъ по формѣ переводомъ Эдды былъ бы такой, гдѣ оказались бы сохраненными, безъ какихъ-либо отступленій: дѣленіе на строфы, аллитерація, ритмъ съ чередованіемъ ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ, протяженность каждой отдѣльной строки и ея окончанія.

Внимательное изученіе подлинника привело меня къ заключенію, что осуществленіе этого идеала въ полной мѣрѣ—невозможно; не трудно, а именно по существу невозможно: вслѣдствіе нѣкоторыхъ специальныхъ особенностей древне-скандинавскаго эпоса,—если, конечно, придерживаться того принципа, что ради формы перевода нельзя ни въ какомъ случаѣ жертвовать его содержаніемъ и смысломъ.

Невозможно, прежде всего, полное, послѣдовательное сохраненіе аллитераціи въ каждой строкѣ: этому препятствуютъ самыя основныя особенности нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ Эдды. Такъ, напр., „Пѣснь объ Альвиссѣ“ представляетъ собою діалогъ Торра съ

мудрымъ карломъ Альвиссомъ: въ строфахъ чередуются вопросы Торра о названіяхъ различныхъ предметовъ и явленій (солнца, моря, посѣвовъ и т. д.) въ различныхъ мірахъ, и отвѣты Альвисса на эти вопросы, въ родѣ слѣдующаго (о морѣ):

Люди моремъ зовуть его, Водами боги,
Ваны волною зовуть,
Турсы Рыбьею Родиной, Влагою альфы;
Для карловъ оно: Глубина.

(Стрф. 25.)

Ясное дѣло, что запасъ словъ, который здѣсь можетъ употребить переводчикъ, крайне ограниченъ: онъ обязанъ сохранить всѣ обозначенія существъ, о которыхъ идетъ рѣчь—люди, боги, ваны, турсы, альфы, карлы; и сохранить сообщаемыя Альвиссомъ названія—потому что въ нихъ-то, въ этихъ названіяхъ, въ данномъ случаѣ и заключается самая суть. Неизбѣжно долженъ быть употребленъ также глаголь „звать“ или „называть“—или же какое-нибудь производное отъ одного изъ нихъ; въ крайнемъ случаѣ глаголь „именовать“ или существительное „имя“. Тутъ нельзя замѣнить однихъ словъ другими; и если оказывается, что единственныя возможные слова не аллитерируютъ между собою, то ничего не остается, какъ только пожертвовать въ данной строкѣ аллитераціею. Въ приведенномъ примѣрѣ это не оказывается необходимымъ; но врядъ ли возможно избѣгнуть подобнаго отступленія, напр., въ такой фразѣ:

„Eldr heiter mef þoppom, en mef qsom fune...“

(26)

„У людей онъ называется огонь, у асовъ пламя“.

Ни одно изъ этихъ словъ не можетъ быть, безъ погрѣшности противъ смысла, замѣнено другимъ; а данныя слова не аллитерируютъ. Въ результатѣ приходится допустить стихъ безъ аллитераціи:

„Огонь у людей онъ, и Пламя у асовъ“.

Это все же предпочтительнѣе, чѣмъ притягивать за волосы аллитерацію, насилуя порядокъ словъ или прибѣгая къ архаизму „огнь“ (чтобы получить аллитерацію съ „асовъ“).

Аналогичныя затрудненія встрѣчаются и въ рядѣ другихъ пѣсенъ Эдды (если и не въ такой мѣрѣ, и не столь систематически и неизбѣжно, какъ въ „Пѣсни объ Альвиссѣ“, которую справедливо называютъ стихотворнымъ изложеніемъ отрывка древне-сѣверной поэтики).

Языкъ Эдды въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ—именно въ тѣхъ, которыя наиболѣе важны по содержанію, какъ „Прорицаніе Провидицы“ или „Пѣснь о Путникѣ“—такъ богатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатъ; въ одной коротенькой строкѣ нерѣдко заключается такое количество образовъ, что переводчикъ едва находитъ возможность умѣстить переводъ въ соответствующей строкѣ—и если это вполнѣ удастся, приходится мириться съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ строкъ аллитерація оказывается плохой или вовсе отсутствуетъ. Приходится потому, что въ подобныхъ случаяхъ переводчику не представляется почти никакого выбора словъ—такъ какъ всѣ образы не случайны, всѣ они имѣютъ значеніе, между ними изобилуютъ такіе „постоянные эпитеты“, которые нельзя отбросить (не говоря уже о собственныхъ именахъ, которыя, являясь иногда для автора прекраснымъ матеріаломъ аллитераціи, для переводчика, напротивъ, служатъ помѣхой, потому что слова, аллитерировавшія съ ними въ оригиналѣ, въ переводѣ оказываются неаллитерирующими). Въ русскомъ переводѣ часто оказывается, что единственныя слова, соответствующія неотъемлемымъ образамъ оригинала—не аллитерируютъ между собою, и приходится выбирать между вѣрностью перевода и соблюденіемъ аллитераціи. Врядъ ли можно спорить съ тѣмъ, что переводчикъ обязанъ выбрать первое въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе строфы имѣетъ серьезное значеніе, когда рѣчь идетъ, напр., о поэтической передачѣ первыхъ и послѣднихъ судебъ міра ¹⁾. Часто и художественная цѣнность отдѣльныхъ строфъ составляетъ желать безукоризненно точнаго воспроизведенія всѣхъ выражений оригинала. Рука не подымается посягнуть на величавую эпическую красоту такой строфы:

¹⁾ Иное дѣло, напр., перебранка Гудмундра и Сінфйотли въ „Пѣсни о Гельги, побѣдитель Гундингра;“ здѣсь уклоненіе отъ буквальной передачи текста, въ интересахъ красоты стиха, гораздо допустимѣе.

Кто, незнакомый, меня беспокоитъ—
 Тяжкимъ путемъ заставляетъ идти?
 Снѣгъ былъ на мнѣ; орошалъ меня ливень,
 Росы кропили; мертва я давно!..

(„Пѣснь о Путникѣ“, 5.)

Между тѣмъ, при такомъ точномъ переводѣ аллитерація въ 3-й строкѣ оказалась весьма несовершенной, а въ 4-й и вовсе утратилась. На мѣсто этой, почти буквальной, передачи оригинала можно бы, конечно, создать другую съ уклоненіемъ отъ смысла и съ безупречной аллитераціей; но звучностью послѣдней не искупился бы ущербъ, нанесенный художественной мощи простыхъ, прекрасныхъ выраженій оригинала.

Надо принять во вниманіе, что и дѣленіе на строфы вносить большую трудность въ задачу переводчика во всѣхъ отношеніяхъ и, въ частности, въ вопросѣ о сохраненіи эддическаго стиха. Строфы эти, какъ уже сказано, всегда законченныя и обособленныя въ подлинникѣ, должны быть таковыми же и въ переводѣ; перенесеніе какой-либо фразы изъ одной строфы въ другую, какъ и увеличеніе числа строкъ въ строфѣ, недопустимо. Когда переводчикъ имѣетъ дѣло со связными, непрерывно развивающимися гекзаметрами какой-нибудь классической поэмы или даже съ раздѣльными, но благодаря рифмамъ тѣсно сцѣпляющимися терцинами, онъ, разумѣется, долженъ стремиться къ сохраненію числа строкъ подлинника, но если онъ гдѣ-нибудь и употребитъ двѣ строки для передачи того, что заключается въ одной строкѣ подлинника, онъ не совершаетъ этимъ никакой погрѣшности ни противъ духа, ни противъ формы переводимаго произведенія; даже введеніе лишняго трехстрочнаго звена въ непрерывную цѣпь терцинъ не имѣетъ собственно существеннаго значенія. Но когда дѣло касается рѣзко разграниченныхъ строфъ, подобныя прибавки непозволительны.

Въ Эддѣ не только строфы, но отдѣльныя строки почти всегда отличаются большою законченностью; почти всегда строфа слагается изъ сжатыхъ, короткихъ предложеній, часто заканчивающихся въ одной строкѣ, рѣже распространяющихся на двѣ, и почти никогда не охватывающихъ всю строфу. Строфа же всегда кончается—логически и грамматически—точкою; въ слѣдующую строфу

предложеніе никогда не переходить. Въ этомъ заключается большое своеобразіе, которое переводчикъ обязанъ сохранить и которое еще въ значительной степени ограничиваетъ его свободу въ выборѣ словъ, а слѣдовательно и въ примѣненіи аллитераціи.

Если, несмотря на все вышесказанное, я тѣмъ не менѣе настаиваю на томъ, что въ русскомъ переводѣ Эдды аллитерація все-таки должна быть сохранена въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это осуществимо, то, повторяю, это требованіе обусловливается у меня не эстетическою приверженностью къ красотѣ аллитераціоннаго стиха, а непоколебимымъ сознаніемъ его глубокаго своеобразія. Аллитерація все-таки — самое характерное свойство древне-германскаго стиха. Она составляетъ настолько цѣнный элементъ стилия Эдды, что имъ нельзя пожертвовать, если представляется малѣйшая возможность—хотя бы цѣною огромныхъ трудностей и съ нѣсколькими неизбежными погрѣшностями—сохранить его ¹⁾.

Погрѣшности, къ сожалѣнію, должны по необходимости оказаться и въ передачѣ ритма (помимо невоспроизводимыхъ въ русскомъ стихѣ элементовъ долготы и краткости слоговъ), потому что переводчикъ, связанный содержаніемъ данной строфы, иногда настолько стѣсненъ въ выборѣ словъ, что при всемъ желаніи не можетъ, ограничиваясь находящимися въ его распоряженіи словами, вездѣ добиться соотвѣтствія между ритмомъ (чередованіемъ ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ) въ оригиналѣ и въ переводѣ.

Принимая во вниманіе все предшествующее, нельзя не придти

¹⁾ Не могу не упомянуть о томъ, насколько мнѣ было отраднo встрѣтить признаніе моей точки зрѣнія на аллитераціонный стихъ русскаго перевода Эдды со стороны авторитетнаго знатока германской филологіи, проф. Спб. университета Э. А. Браунъ, говоряшаго между прочимъ въ своемъ отзывѣ о моемъ переводѣ (въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“):

„...несмотря на всѣ трудности, кажушіяся со стороны иногда непреодолимыми, авторъ перевода блестяще выполнилъ свою задачу: онъ доказалъ на дѣлѣ, что примѣненіе аллитераціи въ русскомъ стихѣ возможно, что она даетъ и здѣсь, какъ въ древне-германскомъ стихѣ, такія яркія и сильныя созвучія, что они невольно врѣзываются, сами навязываются слуху и дѣйствительно становятся носителями извѣстнаго музыкальнаго принципа“.

къ неизбѣжному выводу: такой переводъ Эдды, въ которомъ безъ ущерба для содержанія (и художественной красоты) была бы въ точности воспроизведена стихотворная форма подлинника,—такой переводъ невозможенъ.

Теперь укажу тѣ основанія, на которыхъ, по моему мнѣнью, долженъ быть построенъ переводъ, чтобы обладать наибольшею степенью возможной близости къ неосуществимому идеалу.

На первомъ планѣ для меня стоитъ, разумѣется, содержаніе подлинника, и не только его словесное содержаніе, но и то трудно поддающееся характеристикѣ многообразіе оригинальныхъ, типичныхъ чертъ, за которыми скрывается внутреннее глубокое единообразіе, называемое духомъ даннаго произведенія.

Въ тѣсной связи съ передачей содержанія я ставлю сохраненіе художественной красоты; стихотворный переводъ поэтическаго произведенія долженъ быть тоже поэтическимъ произведеніемъ, посильно воссоздающимъ всѣ элементы прекраснаго, заключающіеся въ подлинникѣ.

Что касается формы, то, какъ видно уже изъ предыдущаго, я выдвигаю въ связи съ указанными въ началѣ этой статьи основными особенностями стихосложенія Эдды три основныхъ принципа, соблюденіе которыхъ считаю необходимымъ для того, чтобы эта форма могла оказаться на высотѣ содержанія:

1. Сохраненіе дѣленія на строфы, не могущее быть нарушеннымъ ни при какихъ обстоятельствахъ (и сохраненіе, слѣдовательно, въ каждой строфѣ того содержанія, какое имѣется въ соотвѣтствующей строфѣ подлинника), въ связи съ сохраненіемъ числа строкъ каждой строфы.

2. Сохраненіе общаго ритма подлинника путемъ примѣненія размѣровъ, наиболѣе приближающихся къ имѣющемуся въ подлинникѣ чередованію ударенныхъ и неударенныхъ слоговъ. (Употребленіе комбинированныхъ ритмовъ и простыхъ размѣровъ—въ зависимости отъ варьирующаго ритма подлинника—дактиля, амфибрахія, анапеста при безусловномъ исключеніи ритмовъ, нигдѣ не соотвѣтствующихъ размѣру оригинала, какъ ямбъ или хорей, и при безусловномъ недопущеніи лишенныхъ всякаго ритма строкъ.)

3. Сохраненіе аллитераціи въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ свойствами русскаго языка и особенностями самого текста.

Къ этимъ принципамъ я присоединяю общее правило, не связанное съ метрическими особенностями Эдды: употребленіе правильнаго и простаго русскаго языка, по возможности яснаго и чистаго, который передавалъ бы старинную строгую простоту древне-скандинавскаго эпоса (впослѣдствіи совершенно исчезнувшую въ искусственной, изобилующей хитросплетенными ухищреніями поэзіи скальдовъ).

Вотъ тѣ условія, при которыхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть выполненъ переводъ Эдды, обладающей наибольшею степенью близости къ оригиналу, какая только возможна на русскомъ языкѣ — условія, которыя я соблюдаю въ моемъ переводѣ.

Я этимъ отнюдь не хочу высказать неумѣстнаго самонадѣяннаго утвержденія, будто мой переводъ является въ моихъ глазахъ лучшимъ изъ возможныхъ переводовъ Эдды на русскій языкъ. Этого я, конечно, не думаю. Но я утверждаю, что примѣненіемъ основныхъ принциповъ, проводимыхъ мною, обусловливается максимальная близость къ оригиналу и что переводъ, сдѣланный помимо этихъ принциповъ, хотя бы съ нарушеніемъ только одного изъ нихъ, неизбѣжно будетъ дальше отъ оригинала, нежели мой.

Совершенно другой вопросъ: поскольку выполненіе основныхъ условій, поставленныхъ мною, мнѣ удалось съ художественной и, если можно такъ выразиться, съ филологической стороны. Я прекрасно сознаю, что помимо недочетовъ, обусловленныхъ самими особенностями матеріала (въ родѣ неизбѣжныхъ по существу ограниченій аллитераціи), мой трудъ не свободенъ и отъ такихъ недостатковъ, которые должны быть отнесены за счетъ несовершенства перевода.

Въ той же самой аллитераціи, помимо упомянутыхъ неизбѣжныхъ ограниченій, имѣется рядъ несовершенствъ, вполне сознаваемыхъ переводчикомъ. Мною допущено небольшое число строкъ вовсе безъ аллитераціи. (Не считая строкъ въ сплошныхъ перечняхъ именъ, которые, очевидно, будутъ тождественны у всякаго

переводчика.) Несомнѣнно, что въ предѣлахъ физически осуществимаго другой переводчикъ могъ бы найти для этихъ строкъ иную передачу, гдѣ удалось бы совмѣстить вѣрность и красоту перевода съ соблюденіемъ аллитераціи: мнѣ въ этихъ случаяхъ пришлось пожертвовать вторымъ ради перваго.

Мѣстами употребляемая мною аллитерація грѣшитъ техническимъ несовершенствомъ. Въ нѣсколькихъ стихахъ мнѣ удалось достигъ аллитераціи только въ одной половинѣ длинной строки; или въ обѣихъ половинахъ на различныя созвучія, что Герингъ справедливо считаетъ неправильнымъ:

Онъ доставилъ котель, что у Ёймира былъ...

(Нум. kv., 40.)

или:

У пояса пусть забренчатъ ключи...

(Фрумс., 15.)

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ недостаетъ аллитераціи во второй половинѣ строки; во второмъ — аллитерирующія созвучія оказываются различными по обѣ стороны цезуры, чего не должно быть въ хорошемъ аллитераціонномъ стихѣ, гдѣ двойная аллитерація можетъ быть лишь въ перекрестной формѣ, напр.:

Ѓбдру ростокъ долженъ гибкій достаться...

(Vegt., 9.)

Недостаткомъ я считаю также попадающее въ моемъ переводѣ аллитерированье мягкаго „л“ съ твердымъ („Лѳки“ и слово“), тогда какъ удачною аллитераціей можно признать только созвучіе однороднаго „л“.

Далѣе, я допускаю иногда, по отношенію къ вокализирующимъ согласнымъ, частичное созвучіе вмѣсто полнаго, когда послѣднее оказывается недостижимымъ, а первое является достаточно замѣтнымъ: „р“—„бр“, „кр“, „пр“; „л“ (тв.)—„сл“, „пл“, „гл“ и т. п. Это, конечно, несовершенная аллитерація, которой по мѣрѣ возможности слѣдуетъ избѣгать; но извѣстную звучность она все-таки даетъ.

То же надо сказать и объ аллитераціи „щ“ съ „сч“ и т. п. Все это я считаю приемами позволительными въ виду трудности безупречной аллитераціи, но все же погрѣшностями

противъ идеальнаго совершенства аллитераціонной формы; такое совершенство отнюдь не представляется мнѣ достигнутымъ въ моемъ переводѣ.

Не недостаткомъ, а, напротивъ, достоинствомъ является въ моихъ глазахъ распространеніе однородной аллитераціи на возможно большее число словъ въ строкѣ или даже на двѣ строки.

**Мерзкій, уймись! Или мощный мой молоть,
Мійольнирь, нѣмымъ тебя сдѣлаеть въ мигъ...**

(Lokas., 57.)

Такое усиленіе аллитераціи безусловно въ духѣ древне-скандинавскаго текста и помогаетъ слуху сродниться со своеобразнымъ ладомъ Эдды.

Не случайнымъ, а намѣреннымъ является также въ моемъ переводѣ обиліе аллитераціонныхъ созвучій на „р“. Помимо того, что это едва ли не наиболѣе звучный и замѣтный изъ видовъ аллитераціи, возможныхъ на русскомъ языкѣ, я отдаю ему предпочтеніе еще потому, что преобладаніе звука „р“ въ высшей степени характерно для древне-скандинавскаго языка. Нѣкоторымъ строфамъ Эдды придается этимъ особый, своеобразно „рокошущій“ тонъ, до извѣстной степени воспроизводимый въ переводѣ усиленнымъ и частымъ аллитерированьемъ на „р“.

Кровные родичи рѣжутъ другъ друга...

(Прор. Пров., 45.)

Возвращаясь къ формальнымъ несовершенствамъ моего перевода, укажу, что и въ ритмѣ есть недочеты, шероховатости, въ полнѣ сознаваемыя мною, но которыя я не въ силахъ устранить безъ ущерба для смысла.

Далѣе, хотя дѣленіе на строфы послѣдовательно проведено мною, при чемъ сохранено распредѣленіе содержанія не только по строфамъ, а также въ предѣлахъ возможности и по строкамъ, но въ двухъ-трехъ случаяхъ мнѣ пришлось допустить отступленіе отъ числа строкъ оригинала тамъ, гдѣ оно уже въ оригиналѣ неправильно. Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ строфъ, гдѣ имѣются длинные перечни именъ („Рѣчи Гримнира“, 46, 47, 48, 49... „Прор. Пров.“, 9—16 и др.) и гдѣ уже въ подлинникѣ число строкъ

превышаетъ нормальныя 4—мнѣ иногда приходилось еще увеличить это число, чтобы, не уродуя ритма, сохранить въ каждой строфѣ всѣ тѣ имена, какія имѣются въ оригиналѣ.

Наконецъ, мнѣ не удалось избѣжать нѣсколькихъ недочетовъ въ соблюденіи длины строкъ, чередованія длинныхъ строкъ съ короткими и долгихъ окончаній съ краткими. Эти послѣдніе недочеты, имѣющіеся также у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ переводчиковъ Эдды, я считаю наименѣ существенными, такъ какъ они грѣшатъ лишь противъ второстепенныхъ особенностей стиха.

Какъ бы то ни было, мнѣ приходится признать мой переводъ во многихъ отношеніяхъ несовершеннымъ не только съ абсолютной точки зрѣнія, а и по отношенію къ тѣмъ требованіямъ, какія я считаю осуществимыми, но безупречное, идеальное осуществленіе которыхъ мнѣ пока не удалось. Я настаиваю на этомъ утвержденіи не только изъ нежеланія, чтобы читатели обвинили меня въ неумѣстномъ преувеличеніи цѣнности моего перевода, но еще и въ особенности для того, чтобы они не считали себя въ правѣ судить объ Эддѣ вообще, въ частности же о красотѣ формы древне-скандинавскаго эпоса только на основаніи моего перевода, передающаго эту форму далеко не вполне и не вездѣ съ одинаковою удовлетворительностью ¹⁾.

Мнѣ необходимо высказать еще нѣсколько замѣчаній относительно языка, общаго плана и распредѣленія матеріала въ моемъ переводѣ.

Языкъ подлинника, съ котораго и сдѣланъ мой переводъ, я называю древне-скандинавскимъ; его обозначаютъ также названіями „древне-сѣверный“ и „древне-исландскій“. Оба эти названія, въ особенности послѣднее, я предпочитаю не употреблять,

¹⁾ Болѣе послѣдовательное примѣненіе аллитераціоннаго стиха, удавшееся благодаря болѣе широкимъ рамкамъ литературной проблемы, читатель найдетъ въ моей оригинальной эддической поэмѣ:

С. Свириденко: *Пѣснь о Сигурдѣ* (вольный перепѣвъ древняго германскаго сказанія о величайшемъ изъ героевъ Сигурдѣ, о закладѣ нифлунга и о роковомъ кольцѣ Андваранаутъ). Съ общедоступнымъ предисловіемъ. С.-Петербургъ, 1912. Цѣна 1 руб.

чтобы не давать повода къ путаницѣ понятій. Ни въ одномъ изъ нихъ не заключается указанія на то, что языкъ этотъ составлялъ принадлежность германской расы—скандинавской, сѣверной вѣтви германцевъ; а выраженіе „исландскій“ прямо способствуетъ возникновенію недоразумѣнія относительно расовой и территоріальной локализациі языка.

Имъ говорили древніе обитатели теперешней Норвегіи—предки современныхъ норвежцевъ.

Норвежскіе выходцы, колонизировавшіе въ IX—X в. Исландію, перенесли туда свой языкъ и литературу; то и другое въ Исландіи развилось и сохранилось, при чемъ въ языкѣ происходила съ теченіемъ времени естественная эволюція, видоизмѣнявшая его. Въ языкѣ пѣсень Эдды тоже совершился рядъ перемѣнъ, отличающихъ тотъ языкъ, на которомъ сложены были пѣсни, отъ языка позднѣйшихъ исландскихъ записей: появленіе звука „i“ вмѣсто „e“, измѣнившееся произношеніе спирантовъ „f“ и „d“ ¹⁾ и т. п. Въ изданіи Сіймонса и Геринга ²⁾, которымъ я главнымъ образомъ руковожусь въ своемъ переводѣ, возстановлено древнѣйшее написаніе словъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно сильно отличающееся отъ болѣе поздняго, имѣющагося въ рукописяхъ Эдды и сохраненнаго въ изданіи Гильдебранда ³⁾, также использованномъ мною. По отношенію къ моему переводу различіе написаній имѣло существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось именъ собственныхъ. Надо было рѣшить, какого написанія придерживаться — писать ли „Óдинъ“ или „Óдэнъ“, „Лóки“ или „Лóке“? Послѣ долгихъ колебаній мнѣ представилось болѣе умѣстнымъ остановиться на позднѣйшемъ правописаніи (Óдинъ, Лóки), такъ какъ эти формы, на мой взглядъ и болѣе благозвучныя, уже прочно привились не только въ нѣмецкихъ переводахъ Эдды, но и въ научной литературѣ по данному предмету, да и въ современной литературѣ вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ—*W*—не являются ошибоч-

1) Твердый зубной спирантъ: такъ наз., „durchstrichenes D“.

2) Die Lieder der Edda, herausgegeben von B. Simons und Gerling. Erster Band: Text. Halle, 1888.

3) Die Lieder der älteren Edda, herausgegeben von Carl Gildibrand. Dr. und Berl. F. Schöningh. Raderborn, 1876. Новое изданіе въ обработкѣ Геринга: *ibid.*, 1904.

ными; такъ писали и произносили уже древніе собиратели пѣсенъ Эдды, авторы исландскихъ кодексовъ, и ихъ читатели. Иначе я смотрю на укоренившееся, но ошибочное и въ сущности ничѣмъ не оправдываемое написаніе нѣкоторыхъ древне-скандинавскихъ именъ въ завѣдомо искаженномъ видѣ, когда есть полная возможность писать ихъ правильно. Я имѣю въ виду прежде всего отбрасыванье окончанія „г“ въ нѣкоторыхъ именахъ, практикуемое даже такимъ прекраснымъ переводчикомъ и истолкователемъ Эдды, какъ Герингъ. Герингъ (и съ нимъ многіе другіе) правильно пишетъ „Фрѣиръ“, „Тиръ“ — „Freyr“, „Tyr“, — но считаетъ нужнымъ отбрасывать конечное „г“ въ именахъ „Уллеръ“, „Нйордръ“ и пишетъ „Ullr“, „Njordr“. Почему?

Переходя отъ этой частности къ общимъ особенностямъ написанія древне-скандинавскихъ именъ въ переводѣ, я категорически утверждаю, что разъ возможно въ какомъ-нибудь языкѣ правильное ¹⁾ написаніе именъ, заимствуемыхъ съ другого языка, то слѣдуетъ стремиться къ сохраненію этого написанія, не принимая во вниманіе ходячихъ соображеній о „непривычности“ для уха данной національности того или иного созвучія. Исканіе иноземныхъ именъ, допускаемое (и даже иногда отстаиваемое) въ русской литературѣ, составляетъ явленіе ненормальное, вовсе не проистекающее изъ особенностей русскаго языка, а обусловленное

¹⁾ Правда, въ косвенныхъ падежахъ, въ древне-скандинавскомъ, „г“ именительнаго падежа отпадаетъ, такъ что родит. „Ульфра“, конечно, не будетъ въ этомъ смыслѣ „правильнъ“, т.-е. тождественъ со словомъ оригинала. Но вѣдь въ косвенныхъ падежахъ на русскомъ языкѣ древне-скандинавское имя во всякомъ случаѣ не будетъ таково, какъ въ древне-скандинавскомъ: и Ульфра, и „Ульфа“ (Gen.) одинаково не соотвѣтствуетъ подлинному Ulf's. Если же сохранять „г“ именит. пад., то по крайней мѣрѣ хоть въ одномъ этомъ падежѣ оно (данное имя) будетъ написано правильно, что и представляетъ собою вообще максимальную правильность въ передачѣ именъ для всякаго языка, на которомъ существуютъ склоненія. Тогда какъ при отбрасываніи „г“ именит. пад. имя окажется неправильно переданнымъ во всѣхъ падежахъ, не исключая именительнаго. Въ виду звуковой характерности окончанія на „г“ мнѣ представилось болѣе желательнымъ принять такое написаніе, при которомъ хоть въ одномъ падежѣ имя будетъ дѣйствительно таково, каково оно въ подлинномъ текстѣ.

только небрежностью и рутинной. Понятно, нельзя требовать отъ французскаго языка, чтобы въ немъ сохранялись въ иноземныхъ именахъ разнообразныя ударенія, которыхъ во французскомъ не имѣется; нельзя также требовать, чтобы въ русской передачѣ какихъ-нибудь именъ фигурировали носовые звуки, отсутствующіе въ русскомъ языкѣ. Но съ какой стати вводить неправильное удареніе или неправильное написаніе въ такомъ имени, для передачи котораго русскій языкъ располагаетъ и всѣми нужными звуками, и полною свободой въ удареніяхъ?

Въ частности относительно удареній въ германскихъ именахъ въ русской литературѣ существуетъ наклонность ставить эти ударенія неправильно, перенося ихъ на послѣдній слогъ съ перваго безъ всякаго разумнаго или неразумнаго мотива. Разумнымъ мотивомъ могло бы быть господство въ самомъ русскомъ языкѣ ударенія на послѣднемъ слогѣ, чего на дѣлѣ не имѣется; мотивомъ, хотя бы и неразумнымъ, можно было бы съ натяжкой признать систематическое искаженіе всякихъ иноземныхъ именъ въ этомъ направленіи, а не какихъ-нибудь однихъ, случайно оказавшихся искаженными, какъ это мы видимъ на практикѣ. Именно совершенно случайно. Никому не придетъ въ голову сказать „Августъ“ вмѣсто „А́вгустъ“, но весьма многіе скажутъ „Зигмундъ“ вмѣсто „Зі́гмундъ“. Да еще, пожалуй, стануть утверждать, что такая неправильность „въ духѣ русскаго языка“, игнорируя всѣ случаи, доказывающіе обратное. Могутъ найтись и ссылки на примѣръ русскихъ поэтовъ — А. Толстого, писавшаго „Гаконъ“; Майкова, писавшаго „Одинъ“. Надо только помнить, что эти поэты не знали древне-германскихъ нарѣчій и не знали, каково правильное произношеніе данныхъ именъ; въ тѣхъ же языкахъ и именахъ, которые были имъ знакомы, они стремились сохранить правильное удареніе. Майковъ не писалъ „Децій“ вмѣсто „Де́цій“, Толстой не передѣлываетъ „Гвидо“ въ „Гвидо́на“. И даже въ рядѣ германскихъ именъ (Бра́ги ¹⁾, Эрикъ, Гі́да) тѣ же поэты оставляютъ правильное удареніе на первомъ слогѣ, потому что дѣйствительно въ русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ причинъ переносить удареніе

¹⁾ Майковъ, правда, ошибочно пишетъ его съ двумя „г“.

на послѣдній слогъ. Обыкновенно случайность или незнаніе оказывается причиною первоначальнаго искаженія какого-нибудь имени: потому оно прививается въ литературѣ въ искаженномъ видѣ, и вслѣдствіе его привычности многіе въ послѣдствіи хотятъ видѣть посягательство на духъ русскаго языка въ возстановленіи правильной формы этого иностраннаго имени. На самомъ дѣлѣ тотъ посягаетъ на духъ русскаго языка, кто хочетъ заковать его въ цѣпи условной рутины, кто отказываетъ ему въ одномъ изъ его цѣннѣйшихъ достоинствъ: безконечной гибкости и разнообразіи звуковыхъ сочетаній, позволяющихъ ему воспроизводить самыя различныя иноземныя формы и имена. Только бѣдный языкъ, напр. французскій, обреченъ искажать все, что онъ беретъ изъ другихъ языковъ; русскій языкъ, повторяю, достаточно богатъ и звуками и удареніями, чтобы въ очень многихъ случаяхъ обходиться безъ всякихъ искаженій такого рода.

Привычка, рутина, а вовсе не духъ русскаго языка,—вотъ единственный источникъ тѣхъ возраженій, которыя выдвигаются безъ всякой послѣдовательности противъ правильнаго написанія нѣкоторыхъ германскихъ именъ. Помимо удареній, это сказывается въ вопросѣ объ окончаніяхъ мужскихъ и женскихъ именъ. Приходится иногда встрѣчаться съ курьезнымъ утвержденіемъ, что въ русскомъ языкѣ мужскія имена ни въ какомъ случаѣ не могутъ кончаться на „а“, а потому и при переводѣ съ другого языка окончаніе на „а“ должно быть передѣлано въ „ъ“ ¹⁾. Между тѣмъ защитникамъ такого мнѣнія, несомнѣнно, извѣстно, что существуетъ рядъ прочно обрусѣвшихъ мужскихъ именъ, оканчивающихся на „а“,—Савва, Оома, Никита (на ряду съ такими старинными русскими формами, какъ Путята, Микула и т. п.), что, кстати сказать, и самое слово мужчина оканчивается на ту же букву. Никто однако не требуетъ, чтобы эти имена передѣлали на „Оомъ“, „Никитъ“ и т. п. Мало того, въ цѣломъ рядѣ иноземныхъ именъ самаго различнаго происхожденія (Брама, Ра, Каѳафа, Аттила, Сенека и т. д.) окончаніе на „а“, ставшее привычнымъ, никого не смущаетъ. Но если „Савва“ и „Сенека“ не противо-

¹⁾ Мнѣ пришлось встрѣтить такого рода аргументацію по поводу перевода одного и а у ч н а г о труда.

рѣчать „духу русскаго языка“, то не можетъ противорѣчить ему и „Тейа“ или „Киннрифа“.

Нѣсколько понятнѣе, но немногимъ справедливѣе требованіе, чтобы къ иноземнымъ женскимъ именамъ, оканчивающимся на согласныя, прибавлялось въ русскомъ „а“, какъ необходимое якобы окончаніе женскихъ именъ въ русскомъ языкѣ. Понятнѣе это потому, что на „ъ“ женскія имена въ русскомъ языкѣ дѣйствительно не оканчиваются, и естественно вслѣдствіе этого стремленіе переноситъ на иностранныя имена господствующія окончанія „а“ и „я“. Однако среди русскихъ ¹⁾ женскихъ именъ есть и оканчивающіяся на „ь“ (Любовь) и на „о“ (Вирко, Моино), что уже лишаетъ окончаніе на „а“ его предполагаемой общеобязательности. Да и вся сомнительная аргументація въ пользу подобной передѣлки иноземныхъ именъ имѣла бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нея молчаливо не исключались всѣ тѣ иноземныя женскія имена, которыя уже вошли въ русскій языкъ съ „ъ“ на концѣ и на которыя въ силу ихъ привычности не покушаются самые сторонники руссификаціи германскихъ именъ. Никто не пытается оспаривать правильность русскаго написанія не только „Истаръ“, но хотя бы „Кармень“ или „Манонъ“, рядъ женскихъ египетскихъ именъ пишется по-русски съ „ъ“ на концѣ; стало быть, признается возможность воспроизводить въ русскомъ языкѣ женскія имена, оканчивающіяся на согласныя, безъ искаженія. Такъ же обстоитъ дѣло и съ непривычными въ русскихъ женскихъ именахъ гласными: о, і, е, у. Всѣ эти окончанія въ русской литературѣ фигурируютъ и нисколько не мѣшаютъ читателямъ: Кліо ²⁾, Лилли, Фатъмэ, Дуду ³⁾. Почему же, спрашивается, дѣлать исключеніе для древне-скандинавскихъ именъ и навязывать именно имъ русскія окончанія на „а“ и „я“, отъ которыхъ освобождаютъ другія иноземныя имена? Если можно писать „Манонъ“, то можно писать и „Гефіонъ“; если Донья-Соль не передѣлывается въ „Соля“, то незачѣмъ иска-

1) Или обрусѣвшихъ.

2) Притомъ, какъ сказано, женскія имена на „о“ есть и въ русскомъ православномъ календарѣ.

3) Въ переводахъ „Донъ-Жуана“ Байрона.

жать и скандинавское „Гэль“, если имя индiйской богини „Кали“ сохраняет свое окончание на „и“, то точно такъ же можетъ не подвергаться искаженiю имя норны „Верданди“; наконецъ, если возможно заканчивать согласною съ твердымъ знакомъ имя „Истаръ“ или „Тямать“, то такъ же слѣдуетъ поступить и съ именемъ „Фриггъ“ или „Глинъ“. Конечно, имена съ подобными окончаниями не могутъ склоняться на русскiй ладъ; и я считаю вполне возможнымъ поступать съ германскими именами опять-таки не иначе, чѣмъ поступается съ другими иноземными именами, т.-е. не склонять ихъ вовсе.

Однимъ словомъ, разъ тоническое и звуковое богатство русскаго языка позволяетъ очень близкую передачу древне-скандинавскихъ именъ — разъ подобную близкую передачу примѣняютъ по отношенiю къ другимъ, не-германскимъ заимствованнымъ именамъ — то можно и должно придерживаться ея и тамъ, гдѣ дѣло касается этихъ самыхъ древне-скандинавскихъ именъ, въ частности именъ Эдды. Сказанное относится въ равной степени и къ сохраненiю „г“ въ окончанияхъ, и къ правильной фиксации ударенiя, и къ родовымъ окончаниямъ мужскихъ и женскихъ именъ — и вообще ко всѣмъ тѣмъ особенностямъ въ именахъ подлинника, которыя на русскомъ языкѣ могутъ быть написаны и произнесены: если то и другое возможно, то оно и должно быть сдѣлано.

Мнѣ пришлось такъ подробно остановиться на этомъ вопросѣ потому, что относительно написанiя и произношенiя иностранныхъ именъ въ русской литературѣ до сихъ поръ господствуетъ извѣстная неувѣренность и неопредѣленность ¹⁾, вслѣдствiе чего читателю-неспециалисту могло бы показаться, что въ моемъ переводѣ стремленiе къ возможно болѣе точному воспроизведенiю древне-скандинавскихъ именъ — является новшествомъ, идущимъ въ разрѣзъ со свойствами русскаго языка. Сказанное выше, надѣюсь, достаточно убѣдитъ такого читателя, что я лишь послѣдовательно примѣняю къ древне-скандинавскимъ именамъ тотъ же, вполне законный и

¹⁾ Такъ, Кудряшевъ въ своемъ переводѣ „Пѣсни о Велундѣ“ оставляетъ у женскаго имени Alviṡr правильное окончание „ръ“, а женское же имя Þorvildr — Бодвильдръ — почему-то переименовываетъ на „Бедвильду“.

правильный методъ, который издавна примѣняется къ ряду иностранныхъ именъ не-германскаго происхожденія: т.-е. стремленіе къ воспроизведенію звуковъ и удареній, присущихъ этимъ именамъ въ оригиналѣ, независимо отъ того, получается ли при этомъ сходство съ господствующимъ написаніемъ русскихъ именъ. Приведенные примѣры показываютъ, что противорѣчатъ этому методу вовсе не свойства русскаго языка, достаточно богатаго и податливаго—а только непослѣдовательность и рутина, свыкшіяся съ правильнымъ написаніемъ однихъ именъ и возстающія противъ столь же правильнаго написанія другихъ, аналогичныхъ по звукамъ, но непривычныхъ. Мнѣ приходится признаться, что есть имя, въ примѣненіи къ которому мой методъ представляется мнѣ ограниченнымъ своими естественными предѣлами: т.-е. физическою возможностью произнести на русскомъ языкѣ это имя въ правильной формѣ. Имя это „Геймдалльръ“, гдѣ удареніе должно бы стоять на первомъ слогѣ, но относительно котораго я еще колеблюсь, можетъ ли оно при этомъ условіи быть произнесено по-русски. Въ виду такой неувѣренности, въ моемъ переводѣ допущено (въ принципѣ крайне нежелательное) перемѣщеніе ударенія на послѣдній слогъ.

За исключеніемъ этого имени, по отношенію къ которому мною сознательно допущена нѣкоторая неправильность, я вездѣ придерживаюсь въ переводѣ именъ одного правила: возможно большая близость къ языку подлинника ¹⁾.

Мнѣ необходимо еще сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно тѣхъ звуковъ въ скандинавскихъ собственныхъ именахъ, для которыхъ мнѣ представляется желательнымъ особое обозначеніе въ русскомъ текстѣ. Я считаю неумѣстнымъ вводить въ русскую передачу этихъ именъ такіе трудно произносимые и не мирящіеся

¹⁾ Что касается до названій (мѣстностей и народностей), то по отношенію къ нимъ въ русскомъ языкѣ дѣйствительно господствуетъ принципъ систематическаго видоизмѣненія окончаній при (болѣе или менѣе полномъ) сохраненіи основы. Этому принципу слѣдую и я въ переводѣ названій мѣстностей и народностей, фигурирующихъ въ Эддѣ.

сть современною русскою рѣчью ¹⁾ звуки, какъ „Ѣ“, „dh“ ²⁾, гортанное „г“, „двугласное“ „q“. Я употребляю только два нерусскихъ звука, уже издавна вошедшіе въ иностранныхъ словахъ въ составъ русской рѣчи. Гласный „ø“, обозначенный мною черезъ „ö“ и звучащій какъ въ словахъ: Гёте, амёба, Сень-Бёвъ“ и т. п. Затѣмъ согласный „h“, для котораго я, по примѣру переводчика новѣйшихъ скандинавскихъ авторовъ П. Ганзенъ ³⁾, ввожу обозначеніе „ġ“, такъ какъ звукъ его средній между „г“ и „х“, но ближе къ „г“. (Приблизительное нѣмецкое „ĥ“ въ „haben“, латинское въ „homo“, малорусское въ „гай“). Безъ спеціальнаго обозначенія невозможно было въ данномъ случаѣ обойтись, такъ какъ въ Эддѣ есть имена, различающіяся между собою только однимъ этимъ звукомъ: „Grani“ и „Hrani“, „Gumir“ и „Hymir“, — такъ что употребленіе для тѣхъ и другихъ одной только буквы „г“, которою обыкновенно передается „h“ въ русскомъ написаніи, вызвало бы неизбѣжную путаницу.

Что касается до разнообразныхъ обозначеній формы, приданныхъ въ пѣсняхъ Эдды составителями сборника—kvida, mól, jóf и т. д.—то я, по примѣру нѣмецкихъ переводчиковъ, не устанавливаю опредѣленныхъ терминовъ для перевода каждаго изъ нихъ—(только kvífa всегда переводится пѣснь)—по той причинѣ, что въ подлинникѣ подъ ними не подразумѣвается всегда нѣчто однородное. Нѣтъ надобности характеризовать однимъ и тѣмъ же словомъ столь несходныя по формѣ произведенія какъ Hovamól и Fjolsvinsmól ⁴⁾, какъ Hundluljóf и Hárbarfsljóf; подобно Герингу и другимъ, я предпочитаю подбирать для каждой пѣсни—когда ее нежелательно назвать именно „пѣснью“ — тотъ

¹⁾ Дѣйствительно не мирящіяся, а не мнимымъ образомъ (какъ окончаніе мужскихъ именъ на „а“ или удареніе въ началѣ слова); такъ какъ ихъ не имѣется не только въ русскихъ или обрусѣвшихъ словахъ, но и ни въ какихъ иностранныхъ заимствованьяхъ на русскомъ языкѣ.

²⁾ Твердый зубной спирантъ: такъ наз., durchstrichenes „d“.

³⁾ См., напр., А. Эленшлегеръ. Ярль Гаконъ. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изд. Скирмунта. Москва.

⁴⁾ Или, въ особенности,—„Hovamól“ и „Skirnismól“.

терминъ, который наиболѣе подходитъ къ ея характеру. Напр., *Hárbarðsljóf* (несмотря на то, что „*ljof*“ безспорно тотъ же корень, что нѣмецкое „*lieb*“, т.-е. пѣснь) по своимъ формальнымъ особенностямъ представляетъ собою все, что угодно, но не пѣснь; и мнѣ представилось наиболѣе подходящимъ озаглавить ее „Сказъ о Гáрбардрѣ“. Все заглавія пѣсенъ, каковы они въ оригиналѣ, приводятся мною въ общемъ оглавленіи.

По поводу русской передачи скандинавскихъ терминовъ, скажу нѣсколько словъ о тѣхъ рѣзкихъ (въ смыслѣ современнаго приличія) выраженіяхъ, которыя встрѣчаются въ двухъ-трехъ мѣстахъ Эдды. Мнѣ не показалось нужнымъ смягчать эти выраженія въ переводѣ: на мой взглядъ, переводъ классическаго древняго текста, текста художественнаго произведенія, чистаго въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова—долженъ въ этомъ отношеніи держаться только тѣхъ предѣловъ, какихъ держится обыкновенный подробный словарь, тѣмъ болѣе, что словарь предназначенъ для неизмѣримо болѣе широкаго круга читателей, чѣмъ переводъ такого произведенія, какъ Эдда. Въ моемъ русскомъ текстѣ нѣтъ ни одного слова, которое не печаталось бы полностью, напр., въ словаряхъ Рейффа. Мнѣ кажется, что ужь если писать рѣзкіе термины, то писать ихъ надо полностью: фарисейская система многоточій послѣ начальной буквы слова—мнѣ столько же антипатична, сколько непонятна.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о комментаріи и „указателѣ именъ“, которыми снабженъ мой переводъ, а также объ употребляемыхъ мною въ текстѣ специальныхъ знакахъ, указывающихъ на пропуски, вставки и т. п.

Въ планѣ комментарія, сопровождающаго каждую пѣснь въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, я, въ общемъ, слѣдую Герингу (въ его комментаріи къ нѣмецкому переводу Эдды) съ тѣмъ внѣшнимъ различіемъ, что я отказываюсь отъ системы выносокъ—всегда дѣйствующихъ расхолаживающимъ образомъ при чтеніи поэтическаго произведенія—не придерживаюсь и еще болѣе неудобной системы примѣчаній въ концѣ книги; а ввожу обозначеніе примѣчаній (находящихся подъ текстомъ на той же страницѣ) по строфамъ и строкамъ, обозначая

счетъ строфъ арабскими цифрами, а строки — римскими. Когда примѣчаніе относится не къ какой-либо одной строкѣ, а къ содержанію всей строфы или нѣсколькихъ строфъ — я заключаю цифры строфъ въ простыя скобки (). Примѣчанія къ прозаическимъ дополненіямъ текста я обозначаю по строкамъ (считая всегда сверху) арабскими цифрами со скобкой. Если на страницѣ оказывается нѣсколько прозаическихъ вставокъ, я обозначаю счетъ ихъ (тоже сверху внизъ) римскими цифрами.

При такой системѣ всякій легко можетъ найти интересующую его справку, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому читателю не приходится ежеминутно наткаться въ текстѣ на выноски, нарушающія цѣльность художественнаго впечатлѣнія и вовсе не для каждого читателя нужныя.

Называю комментаторовъ я только въ тѣхъ случаяхъ, когда данное мнѣніе имѣетъ почему-либо особое значеніе, или же стоитъ особнякомъ въ литературѣ. Тамъ, гдѣ я высказываю въ примѣчаніяхъ мнѣніе, расходящееся съ обычными толкованіями комментаторовъ, или хотя бы просто не встрѣченное мною ни у кого изъ нихъ — я снабжаю примѣчаніе инициаломъ С.

Кромѣ подстрочныхъ примѣчаній, мнѣ показалось умѣстнымъ (въ особенности въ виду почти полного отсутствія на русскомъ языкѣ специальной литературы о пѣсняхъ Эдды) ввести — въ первой книгѣ, послѣ каждой пѣсни — краткія „Общія замѣчанія“, долженствующія дать читателю извѣстное руководящее представленіе о данной пѣсни и общую ея характеристику, въ дополненіе къ комментарию частныхъ, сдѣланному въ примѣчаніяхъ. Во второй книгѣ (героическій эпосъ), гдѣ большинство пѣсенъ по общности содержанія естественно связываются въ обширные циклы — я присоединяю подобныя же „Общія замѣчанія“ уже не къ каждой пѣсни, а къ цѣлому циклу пѣсенъ. Такихъ цикловъ оказывается два: 1) Цикль пѣсенъ о Гельги и 2) Цикль пѣсенъ о Сигурдрѣ и наслѣдникахъ Гьюки ¹⁾. Отдѣль-

¹⁾ Попытки разбить на подобные же циклы и мифологическій эпосъ — представляются мнѣ крайне натянутыми и мало примѣнимыми, въ виду слишкомъ большой разнокачественности даже тѣхъ мифологическихъ пѣсенъ, которыя объединены приблизительною общностью дѣйствующихъ лицъ.

ныя пѣсни, не входящія въ циклы, снабжены и отдѣльными „замѣчаніями“¹⁾. Въ комментаріи много повтореній. Это допущено сознательно, для облегченія неподготовленнымъ читателямъ знакомства съ мифами и сказаніями Эдды.

Что касается до указателя именъ, то въ немъ я даю лишь самыя сжатыя свѣдѣнія, но касающіяся всѣхъ образовъ Эдды безъ исключенія (и лицъ и предметовъ). Цѣль его та же: помочь неподготовленному читателю разобраться въ незнакомыхъ ему именахъ. Для лица, освѣдомленнаго въ скандинавской мифологіи, этотъ указатель не нуженъ.

Я слѣдую Герингу въ распорядкѣ пѣсенъ, отличающемся отъ послѣдовательности ихъ въ рукописяхъ Эдды. Что касается до распорядка и счета строфъ каждой пѣсни, то въ этомъ я руковожусь отчасти распредѣленіемъ, дѣлаемымъ Сіймонсомъ въ его изданіи текста, отчасти опять-таки распредѣленіемъ, примѣняемымъ Герингомъ въ его нѣмецкомъ переводѣ. У него же я по большей части заимствую и восполненіе короткихъ пропусковъ въ текстѣ тамъ, гдѣ это оказывается возможнымъ для современнаго изслѣдователя. Только въ девяти случаяхъ, гдѣ мнѣ это представилось особенно желательнымъ и достижимымъ безъ риска слишкомъ сильнаго уклоненія отъ подлиннаго утраченнаго текста, я рѣшаюсь дать собственную попытку восполненія пробѣловъ.

Когда пропуски въ текстѣ считаются не превышающими размѣра четырехъ строкъ, я обозначаю недостающія строки рядами точекъ:

.

Когда пропуски больше четырехъ строкъ, они обозначаются рядомъ черточекъ:

— — — — —

Прямыми скобками [] я отдѣляю то, что считается вставкою въ стихотворномъ текстѣ; косыми скобками // обозначается двой-

¹⁾ Въ комментаріи („Общихъ замѣчаній“), а также въ указателѣ собственныхъ именъ мнѣ представилось позволительнымъ воспользоваться нѣкоторыми страницами моего же печатнаго труда—цитировать и называть который я не вижу необходимости.

ная интерполяція (позднѣйшія вставки въ болѣе раннихъ вставкахъ).

Изогнутыми скобками { } я обозначаю возстановленія пропусковъ, сдѣланныя комментаторами, и звѣздочками * тѣ возстановленія, которыя дѣлаются мною. Наконецъ, въ простыя скобки () я заключаю то, что вставляется мною — для устраненія по большей части чисто словесныхъ неясностей—въ переводъ прозаическихъ дополненій.

Главное (или единственное) удареніе въ словѣ я обозначаю знакомъ '.

Сокращенія: Снорра Эдда—Sn. Ed.

Видѣніе Гильфи—Gylfag. и Gylf.

Поэтика скальдовъ—Skaldsk.

Сокращенія русскихъ заглавій ясны безъ специальныхъ указаній.

Возвращаясь еще разъ отъ формы моего труда къ содержанию, указываю для интересующихся этимъ лицъ, что главнымъ пособіемъ при чтеніи древне-скандинавскаго текста Эдды для меня было превосходное изданіе текста Сіймонсомъ ¹⁾ и не уступающій ему во всѣхъ отношеніяхъ скандинавско-нѣмецкій (спеціально для Эдды составленный) словарь ²⁾ Геринга; при толкованіи же такую роль игралъ для меня комментарий Геринга, едва ли не наиболѣе выдающагося изъ современныхъ изслѣдователей Эдды, совмѣщающаго капитальную эрудицію съ необыкновенно чуткимъ и свѣтлымъ умомъ, почти всегда безупречно улавливающимъ и передающимъ сущность и духъ истолковываемаго имъ произведенія.

Вотъ всѣ замѣчанія какъ по существу, такъ и относительно техническихъ подробностей, которыя мнѣ представлялось необходимымъ предпослать моему переводу.

1) Этимъ же изданіемъ я пользуюсь и въ цитатахъ.

2) Пространный, не краткій. См. указ. лит.

Скажу еще разъ: я далеко не считаю этотъ переводъ осуществленіемъ того идеала, къ которому долженъ стремиться всякій требовательный къ себѣ переводчикъ: безупречная передача содержанія подлинника и безупречное возсозданіе его формы.

Мой трудъ—результатъ многолѣтней работы надъ изученіемъ древне-скандинавскаго міра и въ частности надъ изученіемъ текста Эдды—представляетъ собою первый въ русской литературѣ опытъ полного перевода пѣсенъ Эдды и первую попытку передать въ предѣлахъ возможнаго особенности стихотворной формы оригинала ¹⁾.

Быть можетъ, у меня найдутся въ этомъ отношеніи продолжатели, которымъ удастся и болѣе успѣшно примѣнить намѣченные мною принципы къ осуществленію той же задачи. Мною сдѣлано на этомъ пути все, что было въ моихъ силахъ.

С. Свириденко.

¹⁾ Переводъ мой былъ представленъ, въ рукописи, въ 1911 г. въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе преміи имени Ахматова, и удостоенъ Большой Академической преміи.

ЭДДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОРИЦАНІЕ ПРОВИДИЦЫ

Внимайте словамъ моимъ, боги и смертные,
Великія дѣти Геймдалльра и малыя!
Ты, Одинъ, желаешь, чтобъ рѣчь повела я
О судьбахъ предвѣчныхъ всего, что живеть.

1

Я знаю вѣка исполиновъ древнѣйшихъ,
Чей родъ моихъ предковъ на свѣтъ произвелъ;
Знаю девять міровъ я подъ Деревомъ вѣчнымъ,
Чьи корни покоятся въ нѣдрахъ земныхъ.

2

Заглавіе. Въ подлинникѣ пѣснь называется „Volo sprá“ (Völva=провидица, прорицательница, вѣщая женщина. Sprá = вѣщаніе, пророчество, прорицаніе).

1, II „Дѣти Геймдалльра“ — люди. „Сказаніе о Ригѣ“ повѣствуетъ о томъ, какъ богъ Геймдалльръ, небесный стражъ, путешествовалъ по землѣ подъ именемъ Рига и положилъ начало тремъ сословіямъ людей: рабовъ, свободныхъ и благородныхъ.

1, III „Одинъ“ (въ подлинникѣ одно изъ описательныхъ именъ Одина, Walfager, „Отецъ битвъ“) — высшій среди боговъ. Первоначально, стихійное божество бурь, впоследствии, — богъ битвъ и верховное божество, носитель высшей власти и мудрости. Въ представленіи автора пѣсни, слѣдовательно, самъ Одинъ пожелалъ услышать отъ провидицы о судьбахъ міра, и повелѣлъ ей возвѣстить всѣмъ свою вселенскую мудрость.

2, II „моихъ предковъ“. Провидица происходитъ изъ рода исполиновъ.

2, III „девять міровъ“. По древне-скандинавскому вѣрованью, всѣхъ міровъ было девять: Асгардъ (міръ боговъ-асовъ), Ванагеймъ (міръ свѣтлыхъ духовъ вановъ), Альфгеймъ (міръ другихъ, тоже благихъ и свѣтлыхъ духовъ альфовъ), Мидгардъ (земной міръ людей), Йотунгеймъ (міръ йотуновъ, т.е. исполиновъ), Муспелльсгеймъ (міръ огня), Свартальфагеймъ (міръ темныхъ духовъ), Нифльгеймъ (міръ подземный карловъ) и Нифльгэль или Гэль (міръ смерти).

— вѣчное Дерево — великій мировой ясень Иггдрасиль, осѣняющій вселенную.

Въ начальное древнее время жилъ Ймиръ.
 Земли тогда не было; не было неба; 3
 Ни морского песку, ни холодной волны;
 Трава не росла: всюду бездна зіяла.

Отъ Бóра рожденные подняли почву,
 И вмѣстѣ устроили Мидгардъ прекрасный; 4
 Грѣль съ полудня лучъ солнца соленые камни,—
 И травкою зеленой земля поросла.

[Солнце съ мѣсяцемъ вмѣстѣ на небѣ стояло,
 И касалось десницею края небесъ.
 Не знало оно, гдѣ чертогъ его въ небѣ, 5
 И мѣсяць не зналъ, что за мощь онъ имѣеть;
 И звѣзды не вѣдали, гдѣ ихъ пути.]

[Сошлись совѣщаться великіе боги—
 Совѣтъ свой созвали святые властители.
 Нарекли имена полнолуною и ночи, 6
 Названія выбрали утру и вечеру,
 И полдню, и среднему времени также.]

✓ 3, I Ймиръ—древнѣйшій изъ исполиновъ. Боги убили его и сотворили изъ его тѣла земной мѣръ.

✓ 4, I Сыновья Бóра—три (первоначально стихійные) бога: Óдинъ, Вйле и Ве.

4, II Мидгардъ—земной мѣръ.

(5) Въ этой строфѣ, считающейся позднѣйшей вставкой, комментаторы видятъ, помимо космологическаго эпизода, картину лѣтняго вечера подъ высокими широтами.

6, V Среднее время—время между утромъ („порою вставанья“) и полднемъ. Иногда—время между полднемъ и закатомъ солнца.

Время всѣ древніе германцы считали не днями и лѣтами, а **ночами** и **зимами**.

Поселилися асы въ поляхъ Идава́ллъра.

Воздвигли чертоги, святилища свѣтлыя. 7

Горны растопляли и плавилы золото,

Мастерили уборы, ковали орудія.

Во дворахъ веселились, играли въ тавлеи;

Водилось всегда у нихъ золота вдоволь; 8

Пока не явились три вѣщія Дѣвы,

Изъ земли исполиновъ могучіе гости.

[Сошлись совѣщаться великіе боги,

Совѣтъ свой созвали святыя властители. 9

Обсуждали, кто долженъ былъ карловъ создать

Изъ Брѣмира крови, изъ Бла́йна членовъ.

[И самымъ сильнѣйшимъ Мо́тсо́гниръ былъ созданъ

Изъ рода всѣхъ карловъ; а Ду́риннъ вторымъ. 10

Во множествѣ карлы въ землѣ—какъ указывалъ

Имъ Ду́риннъ, подобій людей понадѣлали.

[Нѣэ и Нѣди, Но́рдри и Су́дри,

А́устри и Вѣстри, А́льтйофръ, Два́линнъ, 11

7, I асы—общее названіе рода боговъ.

7, I Идава́ллъръ (по Герингу — „равнина непрестанной дѣятельности“) — мѣстопребываніе асовъ во время древняго золотого вѣка, которому суждено возобновиться послѣ кончины міра.

8, I „тавлеи“. Я употребляю здѣсь это старое русское слово, какъ наиболѣе близкое къ скандинавскому „tefdo“ (нѣмецкое Brettspiel), обозначающее „игру на доскѣ“, т.-е. могущее относиться равно къ шашкамъ, шахматамъ, нардамъ и т. д.

8, III „три вѣщія Дѣвы“ — три Норны, опредѣляющія судьбы боговъ и людей.

9, IV Брѣмиръ и Бла́инъ—имена исполина Имира. Перечень карловъ въ послѣдующихъ строфахъ — позднѣйшая вставка, совершенно не относящаяся къ первоначальному тексту.

Наръ и Наиннъ, Нидингръ, Даиннъ,
Бифурръ, Бобурръ, Бомбурръ, Нори,
Аннъ и Анарръ, Аи, Мйбдвигниръ.

[Вегръ и Гандальфръ, Виндальфръ, Тбориннъ,
Трорръ и Траиннъ, Текръ, Литръ и Витръ, 12
Ниръ и Нирадръ, Рeginнъ и Радсвидръ:—
Карловъ я съ точностью всѣхъ перечту.

[Фили, Кили, Фундиннъ, Нали,
Гептефили, Ганарръ, Свиурръ, 13
Фраръ, Горнбори, Фрэгръ и Лони,
Аурвангръ, Йари, Эйкенскйальди.

[Лобфара предковъ изъ племени Двалинна
Надобно въ пѣснѣ теперь помянуть. 14
Родъ ихъ проникъ изъ страны каменистой
Черезъ влажные доли въ предѣлы песчаные.

Были то Драупниръ и Дольгтразиръ,
Гаръ, Гаугспори, Глевангръ, Глоиннъ, 15
Дори, Ори, Дурфръ, Андвари,
Скирфиръ, Вирфиръ, Скафидръ, Аи.

[Альфръ и Ингви, Эйкенскйальди,
Фйаларръ и Фрости, Фидръ и Гиннарръ. 16
Вѣкъ будетъ знать, пока свѣтъ существуетъ,
Рядъ этотъ длинный Лобфара предковъ.]

Однажды три аса благихъ и могучихъ
Шли вмѣстѣ по берегу моря домой. 17

17, I три аса. Три стихійныя божества (первоначально, быть можетъ, обозначавшіяся: Одинъ, Вили и Ве) Одинъ, Лобдурръ (Лоби) и Гиниръ; богъ воздуха, богъ огня и богъ воды.

На прибрежьи нашли они чаявшихъ жребія—
Безсильно лежавшихъ тамъ Аскра и Эмблу.

Душі и дыханья у нихъ еще не было,
Теплоты, и движенья, и жизненныхъ красокъ. 18
Гѳониръ душу имъ далъ, далъ имъ Одинъ дыханіе,
Далъ Лѳдурръ тепло и цвѣтуція краски.

Знаю я, что есть Ясень по имени Йггдрасиль;
Окропляется бѣлою влагою онъ. 19
Отъ той влаги роса по долинамъ земли;
Зеленѣетъ онъ вѣчно, ключъ Урдръ осѣняя.

Воздвигнуть чертогъ передъ ясенемъ тѣмъ,
Въ чертогѣ три вѣщія Дѣвы живутъ.
Кору онъ рѣжутъ. [И Урдръ имя первой, 20
Верданди вторая, Скульдъ третья сестра.]
Онъ положили всѣмъ жребій жизни,
Судили всѣ доли, удѣлъ всѣхъ людей.

Я знаю, какъ въ свѣтѣ война была первая —
У боговъ, изъ-за Гульвейгъ, заколотою копьями. 21

17, IV Аскръ и Эмбла (первое имя значитъ „ясень“, второе тоже названіе дерева—ольхи или ульмы)—два дерева, изъ которыхъ боги сотворили первыхъ людей, мужчину и женщину.

18, IV Лѳдурръ. Это имя бога огня считается болѣе древнимъ, чѣмъ обыкновенно встрѣчающееся въ мифахъ: Лѳки.

19, IV „Ключъ Урдръ“ у корней ясеня Йггдрасиля — источникъ міровой мудрости.

20, II Дѣвы—Норны, дѣвы судьбы.

20, III рѣжутъ кору. Вырѣзываніе знаковъ на кусочкахъ коры было способомъ гаданья. Врѣзаніе черточекъ въ стволъ дерева служило мѣрой времени.

(20) Урдръ — Прошедшее, Верданди — Настоящее, Скульдъ — Будущее.

(21) Первая война—война между богами асами и ванами. Послѣдніе первоначально являются божественными духами влаги и воздуха, впо-
Э д а.

Сожгли ее послѣ въ жилищѣ у Гара,
Три раза сожгли ее, трижды рожденную.
Часто жгутъ ее вновь, но не гибнетъ она.

Звалась она Гейдръ, появляясь въ жилищахъ,
Колдунья недобрая съ даромъ провидицы; 22
Зло творила и зѣлья варила она—
Наслажденье всегдашнее женъ нечестивыхъ.

Сошлись совѣщаться великіе боги,
Совѣтъ свой созвали святыя властители. 23
Судили: платить ли противникамъ дань,
Иль признать всѣхъ божествъ за участниковъ жертвъ?

Одинъ бросилъ копье противъ вражеской рати;
— То было во дни первой въ мірѣ войны— 24

слѣдствіи божествами-покровителями мореплаванья и торговли. Ихъ культъ, повидимому, былъ занесенъ на сѣверъ отъ представителей другихъ германскихъ племенъ, и встрѣтилъ въ скандинавскихъ странахъ противо-дѣйствіе со стороны приверженцевъ культа асовъ. Первоначальный антагонизмъ и позднѣйшее сліяніе двухъ культовъ вѣроятно послужили основаніемъ мѣу о войнѣ асовъ съ ванами, окончившейся миромъ и взаимнымъ признаніемъ божескихъ правъ тѣхъ и другихъ. Изъ рода вановъ былъ водяной богъ Нйордръ и его двое дѣтей Фрѣиръ и Фрѣя.

Гу́лльвейгъ, какъ кажется, является однимъ изъ воплощеній образа той же Фрѣйи (Мюлленгофъ). Это прекрасная и злонамѣренная волшебница, въ данномъ случаѣ олицетворяющая собою, какъ полагаютъ, гибельную власть золота (gull — золото). Боги, чтобы избавиться отъ нея, закололи ее копьями и сожгли (символизация очищенія золота въ огнѣ), что и послужило поводомъ къ войнѣ между ими и ванами. — Врядъ ли этимъ, однако, исчерпывается значеніе мѣа. Упомянутіе о троекратномъ сожженіи трижды возрождающейся богини имѣетъ, повидимому, особый—покуда невыясненный—смыслъ.

21, III Г а р ь „Высокій“=Одинъ.

22, I Г е й д р ь—обычное имя волшебницъ и гадательницъ.

(23) Эта строфа относится къ упомянутой мирной развязкѣ войны между асами и ванами. Асы рѣшили, что и ваны стануть пользоваться божескими почестями; т.е. асы (побѣжденные ванами) вмѣсто того, чтобы платить имъ дань, примутъ ихъ въ кругъ боговъ.

Разрушился валъ вокругъ крѣпости асовъ,
Когда осаждали ихъ ваны отважные.

Сошлись совѣщаться великіе боги,
Совѣтъ свой созвали святыя властители: 25
Кто пагубнымъ ядомъ наполнилъ весь воздухъ,
Кто йотунамъ выдать могъ Одра невѣсту?

Лишь Торрь бой затѣялъ, охваченный гнѣвомъ;
— Онъ рѣдко въ подобныхъ дѣлахъ терпѣливъ— 26
Поколеблены были обѣты и клятвы
И нарушена вѣрность былымъ договорамъ.

Мнѣ извѣстно, что скрытъ рогъ завѣтный Геймдальльра
Подъ святымъ, свѣтлымъ воздухомъ дышащимъ Деревомъ. 27

25, IV йотуны, или турсы — враждебные богамъ исполины, представители разрушительныхъ стихійныхъ силъ.

25, IV Невѣста Одра—богиня Фрѣйя, въ послѣдствіи жена или возлюбленная этого божества, о которомъ почти ничего неизвѣстно.

Въ этой строфѣ идетъ рѣчь о томъ какъ боги, неосторожно заключившіе договоръ со строителемъ исполиномъ, обязавшимся воздвигнуть для нихъ крѣпость (послѣ того какъ ваны разрушили ихъ укрѣпленія) въ опредѣленный срокъ, съ тѣмъ чтобы ему въ вознагражденіе отдали солнце, мѣсяцъ и Фрѣйю—въ послѣдствіи стараются избавиться отъ невыгодныхъ условий, принятыхъ ими по совѣту Локи. (Онъ и „выдалъ“ такимъ образомъ Фрѣйю исполинамъ). Послѣдній хитростью заставилъ строителя запоздать съ постройкою и слѣдовательно лишиться права на вознагражденіе.

(26) Торрь—громовый богъ, врагъ и истребитель исполиновъ, убилъ строителя, разгнѣваннаго тѣмъ, что боги хитростью отдѣлались отъ уплаты.

Нарушеніе договора именно этимъ божествомъ имѣло особенно гибельное значеніе, такъ какъ Торъ считался покровителемъ клятвъ и договоровъ; съ его стороны, подобный поступокъ являлся вдвойнѣ тяжкою виною. C.

(27) Геймдальльръ—„Сверкающій надъ міромъ“—небесный стражъ боговъ. Здѣсь говорится о его завѣтномъ рогѣ Гйалларѣборнѣ, въ который онъ затрубитъ только передъ кончиною міра.

27, II Дерево это—ясень Йггдрасиль.

И влаги ручьи на него источаетъ
Залогъ Властелина.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Одна я была, когда старый Властитель
Боговъ сталъ мнѣ гостемъ и въ очи взглянулъ мнѣ. 28
„Что спросить хочешь ты? Для чего испытуешь?
Извѣстно мнѣ, Одинъ, гдѣ око твое“.

Я знаю, что Одина око сокрыто
Въ источникѣ Мимира, мудростью славномъ. 29
И каждое утро пѣть Мимиръ отъ ока
Властителя Ратей.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Даль мнѣ Ратей Отецъ ожерелья и кольца
За пророческій разумъ, за вѣщія рѣчи. 30

Всѣ девять міровъ созерцаетъ мой взоръ.

Валькирій я видѣла свѣтлое воинство,
Готовыхъ помчаться къ бойцамъ ополченнымъ. 31

27, IV Залогъ Властелина (Одина) — его глазъ, оставленный имъ въ залогъ мудрому водяному существу Мимиру, хранителю заповѣднаго источника мірового знанія; Одинъ, вѣщій искатель истины, пожертвовалъ глазомъ за право почерпнуть міровую мудрость изъ источника, гдѣ его глазъ и остался навѣки.—Выраженіе третьей строки—поэтическая метонимія.

(28) Здѣсь еще разъ указывается, что провидица сообщаетъ свои откровенія по желанію Одина, явившагося къ ней за мудростью. По всей вѣроятности, подразумѣвается, что она была уже мертвою и Одинъ вызвалъ ее заклинаніями изъ могильнаго кургана, чтобы услышать отъ нея слова вѣщей мудрости. Подобное прорицаніе воскрешаемыхъ чарами умершихъ—обычный образъ эддической поэзіи.

30 I „Ратей Отецъ“—Одинъ.

31, I Валькиріи — воинственныя, служащая Одину, верховному повелителю битвъ, волю котораго (и приговоры судьбы) онѣ исполняютъ въ бояхъ, принося побѣду той или другой изъ враждующихъ сторонъ и не-

Тамъ Скульдъ со щитомъ была; Скогуль за нею,
 Гудръ, Гильдръ, Гондуль и Гейрскогуль.
 [Я назвала вамъ Гѣрйана двѣ боевыхъ
 Валькирій, готовыхъ на землю летѣть.]

Мнѣ дано было видѣть, какъ свѣтлаго Бальдра,
 Сына Одина кроткаго, участь рѣшилась.

32

Красуясь, высоко возросъ надъ землею
 Прекрасный и стройный побѣгъ омелы;

На видъ безобидный, побѣгъ этотъ былъ
 Оружіемъ гибельнымъ; Годръ его бросилъ.
 [Но скоро родился братъ Бальдра тогда;
 Лишь ночь проживя, бился Одина сынъ.]

33

зримо унося павшихъ избранниковъ Одина съ полей сраженій въ его небесный чертогъ Валггаллу, гдѣ возрожденные бойцы вступаютъ въ небесное воинство Одина (эйнгериаръ).

31, III Скульдъ—также имя третьей изъ норнъ (Будущее), но врядь ли норна Скульдъ тождественна съ одноименной валькиріей.

31, V Гѣрйанъ—„богъ ратей“, одно изъ именъ Одина.

(32) Бальдръ—сынъ Одина и его супруги богини Фриггъ, благой, вѣчно юный богъ весны и свѣта, въ чьей гибели отъ руки слѣпного Годра символизируется побѣда мрака надъ свѣтомъ, зимы и смерти—надъ свѣтлыми силами весны.

Встревоженные зловѣщими предчувствіями и предназнаменованіями, боги пытались оградить общаго любимца Бальдра отъ грозящей бѣды. И со всѣхъ существъ, со всѣхъ предметовъ въ мірѣ—со звѣрей, птицъ, гадовъ, съ деревьевъ, камней и металловъ—взята была клятва не вредить Бальдру. Клятвы не взяли только съ неопасной на видъ омелы, и этимъ воспользовался единственный врагъ Бальдра среди асовъ—богъ огня, Лѣки. Онъ сдѣлалъ дротикъ изъ побѣга омелы и далъ оружіе слѣпому Годру въ то время, когда всѣ боги, радуясь неуязвимости Бальдра (достигнутой благодаря клятвамъ всего существующаго не вредить ему), забавлялись тѣмъ, что бросали въ него копья и веевозможное оружіе, не причинявшее ему никакого вреда. Лѣки направилъ руку слѣпого, и сдѣланный изъ омелы дротикъ поразилъ Бальдра на смерть.

33, III Братъ Бальдра—Вали, сынъ Риндъ и Одина. Онъ исполнилъ долгъ кровной мести за брата вскорѣ послѣ своего появленія на

[Онъ кудрей не расчесываль, рукъ не омыль,
Пока не поверженъ былъ Бальдра убійца.] 34
Тѣмъ временемъ плакала въ Фѣнсалѣ Фриггъ
Надъ горемъ Валгáллы.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Въ провалѣ средь лѣса я видѣла связаннымъ
Несчастій зачинщика, Лóки проклятаго. 35
Тамъ Сигинъ сидитъ, убиваясь въ страданьяхъ
Надъ мукою мужа...—Поймете ль вы вѣсть мою?

Съ востока потокъ льется съ доловъ отравленныхъ.
Слидръ зовется, и мчитъ онъ мечи и ножи. 36

.
.

свѣтъ „проживя одну ночь“; отъ его руки палъ Гóдръ. Лóки же, скрывшійся послѣ убійства Бальдра, въ послѣдствіи былъ пойманъ богами и прикованъ къ скалѣ до скончанія міра.

34, III Фриггъ—мать Бальдра, супруга Óдина. Первоначально, быть можетъ, богиня солнца (названіе ея жилища „фэнсалъ“ — „морской чертогъ“—комментаторы связываютъ съ образомъ заходящаго солнца, опускающагося въ море), въ послѣдствіи — богиня брака, семейнаго очага, покровительница женъ, матерей, хозяекъ.

35, III Сигинъ—жена Лóки. Когда послѣдній былъ прикованъ богами къ скаламъ, то Скáди, дочь убитаго богами великаго Тйáнци и жена бога Нйордра, мстя Лóки за то, что онъ былъ главнымъ виновникомъ смерти ея отца,—прикрѣпила надъ головою связаннаго змѣю, изъ пасти которой капаль на него ядъ, причинявшій нестерпимую боль кожѣ. Сигинъ же, не покинувшая своего мужа въ несчастіи, сидѣла возлѣ него и подставляла чашу подъ капавшій ядъ, чтобъ онъ не попадалъ на Лóки.

36, II Слидръ—„злая, лихая“—названіе рѣки или потока въ царствѣ исполиновъ.

(36) Эта и послѣдующія строфы (36—39) заключаютъ описаніе враждебныхъ богамъ силъ и ихъ обиталищъ: царства исполиновъ на сѣверѣ и царства темныхъ карловъ, а также Гэль—подземнаго міра мертвыхъ.

Предполагаютъ, что въ утраченныхъ отрывкахъ повѣствовалося еще объ огненномъ мірѣ сыновъ Муспелля, тоже враждебномъ богамъ и находящемся на югѣ: именно отсюда должна нѣкогда явиться послѣдняя рѣшающая опасность для міра и боговъ.

Чертогъ золотой на поляхъ Нѣдавеллирь
 У племени Сѣндри на сѣверѣ есть. 37
 Другой—на горѣ великановъ О́кбольнирь;
 Владѣетъ имъ Брѣмирь, тамъ брагу пьютъ йѳтуны.

Я видала жилище отъ солнца вдали.
 Стоитъ оно въ На́страндѣ, двери къ полночи. 38
 Тамъ ядъ протекаетъ по каплѣ сквозь кровлю,
 Оплетаютъ тамъ змѣи всѣ стѣны чертога.

Я видала, какъ грозныя рѣки несли
 Измѣнниковъ мертвыхъ, убійць и предателей.
 [Тѣхъ также, что женъ соблазняли чужихъ.] 39
 Нѣддѣоггръ глодалъ тамъ тѣла охладѣлыя.
 Волкъ рвалъ погибшихъ.—Поймете ль вы вѣсть мою?

37, I Нѣдавеллирь—„нижніе“, „подземные доли“.

37, II Племя Сѣндри—карлы.

37, III Окольнирь. Герингъ замѣчаетъ, что это названіе—„Не холодный“ — необычное для холоднаго царства исполиновъ, можетъ указывать на вулканическій характеръ горы. (Предположеніе вполне правдоподобное, если приписывать пѣсни—или этой ея части—исландское происхожденіе).

37, IV Брѣмирь—„Шумящій“. Это имя носилъ также Имирь.

38, II На́страндъ — „берегъ мертвыхъ“. Описывается подземный чертогъ смерти. „Двери къ полночи“. Сѣверная сторона жилища или какого-либо огражденнаго мѣста считалась „несчастною“ стороною. Поэтому въ человѣческихъ жилищахъ двери никогда не дѣлались съ этой стороны; въ жилищѣ у Смерти, напротивъ, предполагалось именно такое зловѣщее расположеніе входа.

(39) Измѣна, предательство, нарушеніе клятвы—были въ глазахъ германцевъ худшими изъ преступленій. Виновные наказывались въ царствѣ смерти между прочимъ тѣмъ, что ихъ мчали холодныя воды стремительныхъ потоковъ, наполненныхъ льдинами, мечами и ножами.

39, IV Нѣддѣоггръ — драконъ, обитающій въ подземномъ мірѣ и терзающій тѣла умершихъ преступниковъ.

39, V Волкъ. Очевидно не обыкновенный волкъ, а одно изъ чудовищъ подземнаго міра.

На востокѣ, средь Лѣса Желѣзнаго, Старая
 Сидѣла, и Фѣнрира чадь породила. 40
 Одинъ изъ нихъ нѣкогда сдѣлаться долженъ,
 Въ обличіи звѣря, губителемъ свѣта.

Станетъ питаться онъ мясомъ умершихъ,
 Кровью обрызжетъ престолы боговъ. 41
 Померкнетъ свѣтъ солнца; и годы послѣдуютъ
 Злые для міра.—Поймете ли вѣсть мою?

Сидѣль на холмѣ, ударяя по струнамъ,
 Хранитель женъ йотуновъ, Эптирь веселый. 42
 Крикнулъ Фйáларь въ листьвѣ надъ его головой—
 Красивый пѣтухъ красноперый запѣлъ.

Закричалъ у боговъ Гуллинкáмби въ Валгáллѣ,
 Тотъ, что будить любимцевъ Властителя битвъ. 43

40, I Желѣзныи Лѣсъ—дремучій, древній лѣсъ. Видимо, миѣическая мѣстность.

—Старая—исполинша, родившая нѣсколькихъ чудовищъ (волковъ) отъ исполинскаго волка Фѣнрира, произошедшаго на свѣтъ отъ Лóки и исполинши Ангрбóды.

40, III одинъ изъ нихъ—волкъ Скольль, мчашійся по небу за колесницею солнца, которое ему при концѣ міра удастся догнать и пожрать, тогда какъ его братъ Гáти поглотить мѣсяць.

Начало этому миѣу положено безъ сомнѣнія наблюденіемъ солнечныхъ и лунныхъ затменій.

(41) Волкъ Скольль питается мясомъ непогребенныхъ мертвецовъ. Герингъ замѣчаетъ, что на это вѣрованіе очевидно ссылались, чтобы побудить къ заботамъ о погребеніи умершихъ,—такъ какъ оставлять ихъ безъ погребенія значило доставлять кормъ чудовищу, враждебному богамъ и людямъ.

42, II Эптирь—очевидно исполняющій въ мірѣ исполиновъ обязанности стража.

42, III Фйáларь—вѣщій пѣтухъ, сидящій на стражѣ въ землѣ исполиновъ.

43, I Гуллинкáмби—„Золотой Гребешокъ“, названіе пѣтуха, находящагося въ чертогѣ Óдина, гдѣ онъ поутру пробуждаетъ крикомъ не-

Но другой закричалъ, цвѣтомъ черный, пѣтухъ
Глубокó подь землю въ селеніяхъ Гѣль.

Залаялъ песь Гармръ у пещерь Гнипагѣллира:

Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!

44

Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Въ распрѣ кровавой братъ губить брата;

Кровные родичи рѣжутъ другъ друга:

45

Множится зло, полонъ мерзости міръ.

Вѣкъ сѣкирь, вѣкъ мечей, вѣкъ щитовъ разсѣченныхъ,

Выужный вѣкъ, волчій вѣкъ—предъ кончиною міра...

Ни одинъ изъ людей не щадить другого.

Дико мятутся рожденные Мѣмиромъ.

Рогъ Гѣйалларгѣорнъ возвѣщаетъ погибель;

46

бесное воинство Властителя битвъ. Имя подземнаго пѣтуха, находящагося въ мірѣ мертвыхъ, не найдено.

Три птицы, такимъ образомъ, одновременно возвѣщаютъ въ различныхъ мірахъ наступленіе всеобщей гибели.

44, I Гармръ—чудовищный песь, находящійся на стражѣ у вратъ подземнаго міра.

44, II Волкъ—чудовищный волкъ Фенрирь, котораго богамъ удалось хитростью связать. Когда наступитъ кончина міра, Фенрирь расторгнетъ свои узы, чтобы вступить въ послѣдній бой съ богами.

(46) Съ этой строфы начинается описаніе кончины міра, когда противъ боговъ, носителей мирового порядка и устройства, ополчатся для послѣдняго боя ихъ исконные враги — исполины, чудовища, всѣ представители разрушительныхъ началъ. На сторонѣ боговъ станеть сражаться въ этомъ послѣднемъ бою и то небесное воинство Одина, которое онъ составляетъ себѣ изъ возрожденныхъ по смерти земныхъ героевъ, своихъ избранниковъ среди живущихъ.

46, II Рогъ Гѣйалларгѣорнъ — тотъ завѣтный рогъ, въ который Геймдалльръ затрубитъ, возвѣщая кончину міра.

Громко трубить Геймдальльръ, рогъ въ куски разлетается.
Держить Одинъ совѣтъ съ головой мертвой Мимира.

Иггдрасиль дрогнуль, ясенъ огромный;
Шумъ въ древнемъ Деревѣ—Врагъ на свободѣ! 47
Страхъ поразить всѣхъ въ мѣрѣ подземномъ
Въ часъ, когда выступить Суртра товарищъ.

Что теперь съ асами? Что теперь съ альфами?
Турсы въ смятеніи; боги совѣтъ ведутъ. 48
Стонетъ родъ карловъ у каменныхъ вратъ,
Племя лѣсное.—Поймете ль вы вѣсть мою?

46, IV Мертвая голова Мимира. Послѣ войны асовъ съ ванами, примирившіеся враги обмѣнялись заложниками: къ асамъ былъ посланъ отъ вановъ Нйордръ, морской богъ, асы же послали къ ванамъ Гѣнира, тоже божество водъ, и въ сопровожденіи его отправили мудраго вѣщаго Мимира. Ваны убили Мимира и послали богамъ его голову. Но Одинъ чарами сохранилъ эту голову отъ разрушенія и придалъ ей способность говорить, — съ тѣхъ поръ онъ не разъ совѣтовался съ нею и узнавалъ отъ нея о судьбахъ міра. Этотъ мнѣ не согласуется съ тѣмъ, что раньше говорится въ этой же пѣсни о Мимирѣ—если только не признать, что сказанное раньше и относится къ болѣе ранней порѣ, до смерти Мимира.

47, II Врагъ—подразумѣвается или волкъ Фѣнриръ, или Лѣки.

47, IV Суртра товарищъ — (въ подлинникѣ *sefe*—родичь). Комментаторы обыкновенно относятъ это выраженіе къ Фѣнриру. Я склоняюсь къ мнѣнію, что тутъ скорѣе подразумѣвается Лѣки. Суртръ—предводитель враждебныхъ богамъ силъ огненного міра Муспелля. Связь съ Лѣки, божествомъ огня, напрашивается сама собою. С.

48, I альфы—духи. Есть альфы свѣтлые и темные; послѣдніе враждебны богамъ.

48, II „боги совѣтъ ведутъ“. Въ подлинникѣ: „тингъ“—вѣче, торжественное собраніе племени или рода. Въ этой строкѣ какъ нельзя болѣе ярко выдвинуто противоположеніе міра великановъ—представителей грубой стихійной силы, и боговъ—носителей могущества высшаго порядка, началъ духовной власти и устроенія.

С.

Лаеѣ песь Гармрѣ у пещерѣ Гнипагѣллира;
 Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!
 Много я знаю; вижу я, вѣщая,
 Грозно грядущій жребій боговъ.

19

Гримрѣ со щитомъ настукаетъ съ востока;
 Въ морѣ вздымается Змѣй міровой,
 Въ ярости древней; надъ трупами клекчетъ
 Сѣрый Орель. И Нэгльфарѣ плыветъ.

50

50, II „Змѣй міровой“—чудовищный змѣй Йормунгандрѣ, братѣ Фѣврира (т.-е. сынѣ Лóки и исполинши Ангрбоды. Третьимъ плодомъ ихъ брака была Гѣль—Смерть).

Когда-то брошенный богами, расчитывавшими его погубить, въ море—онѣ сталѣ тамѣ расти и выросѣ до такихъ размѣровѣ, что обнимаетъ своимъ тѣломъ весь земной мѣръ. Обычный въ арійскихъ космогоніяхъ образъ мірового змѣя (быть можетъ, возникшій въ связи съ представленіями о вполне реальныхъ морскихъ существахъ—среди которыхъ существованіе какихъ-то исполнскихъ видовѣ, имѣющихъ наружное сходство съ гигантскими змѣями, отнюдь не можетъ считаться о провергнутомъ современною наукою, напротивъ) символизируетъ окружающій всѣ земли міровой Океанѣ.

Вѣ часѣ кончины мѣра, когда начала разрушенія, хаоса—торжествуютъ надъ богами, представителями мірового устроения и порядка—тогда всѣ стихіи, преступая ограничивавшіе ихъ до сихъ порѣ предѣлы, ополчаются противъ боговъ; въ томѣ числѣ Океанѣ, олицетворяемый въ образѣ Йормунгандрѣ.

С.

50, IV „Сѣрый орель“—исполинѣ Грѣсвельгрѣ, „Пожиратель труповѣ“, обитающій на сѣверѣ въ образѣ чудовищнаго орла.

— Нэгльфарѣ—величайшій изъ всѣхъ кораблей. На немѣ воинство умершихъ (подданныхъ враждебной богамъ дочери Лóки, Гѣль) направится изъ подземнаго мѣра въ бой противъ боговъ. Онѣ построенѣ изъ ногтей мертвецовѣ.

Вѣ этомъ вѣрованіи (первоначально, быть можетъ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ этимологическому недоразумѣнію) выражается представленіе о крайней преступности людей, предшествующей кончинѣ мѣра; люди перестаютъ исполнять завѣтнѣйшіе обычаи благочестія—какъ-то: заботиться объ умершихъ родичахъ, омыватъ ихъ и остригать имѣ ногти. Необходимостью неисчислимо большого количества ногтей для того, чтобы изъ нихъ могъ быть построенѣ величайшій въ мѣрѣ корабль—отодвигается въ далекое будущее неизбежная пора кончины мѣра.

Съ сѣвера страшный корабль приближается—
 Мертвыхъ везеть; править Локи рулемъ. 51
 Съ Волкомъ несчетныя мчатся чудовища;
 Бйлейптра братъ направляетъ ихъ рать.

Съ юга несется Суртръ съ Истребителемъ—
 Солнцемъ сражений мечъ его жожеть. 52
 Рушатся горы; мрутъ исполинши;
 Ёль жретъ людей;—сводъ небесъ разрывается.

Близится новое горе для Ёлинъ,
 Въ часть, когда Одина схватится съ Волкомъ; 53
 Съ Суртромъ же—свѣтлый Бёли губитель;
 Гибель настанетъ всей радости Фриггъ.

Видарръ придетъ, чтобы съ Волкомъ сразиться,
 Доблестный сынъ Господина Побѣдъ. 54
 Мечъ черезъ пасть Пожирателю труповъ
 Всадитъ онъ въ сердце—отмститъ за отца.

51, III „съ Волкомъ“—съ Фёрриромъ.

— IV „Бйлейптра братъ“—Локи. Кто такой Бйлейптръ—на этотъ счетъ не сохранилось указаний.

52, I Истребитель—огонь. Къ сожалѣнью, ритмъ стиха не позволилъ мнѣ сохранить характерный эпитетъ подлинника „Истребитель вътвей“.

52, II Смыслъ этой строки неясенъ въ подлинникѣ.

52, IV Ёль—Смерть. Ея имя постоянно употребляется метонимически для обозначенія всего міра мертвыхъ.

53, I Ёлинъ—названіе Фриггъ. Ожидающее ее „новое горе“—гибель Одина, побѣждаемаго Фёрриромъ.

53, III Губитель Бёли—Фрёиръ, сынъ Нйордра, богъ лѣта, лѣтнаго солнца, плодородія и охоты. Бёли—исполинъ, убитый Фрёи-ромъ.

54, I Видарръ—„молчаливый асъ“, сынъ Одина и исполинши Гридъ, которому суждено убить Фёррира.

Торрь въ бой готовится, славный сынъ Глодинь.
 Змѣй, Окружитель земель, пасть разверзнулъ;
 {Пасть отъ земли до небесъ зазіяла}—
 Но направляется къ Змѣю Громовникъ

35

Змѣй побѣждаетъ Хранителя Мидгарда;
 Скоро селенья людей опустѣють!

36

Торрь, въ часъ кончины, вспять отступить
 Долженъ на девять шаговъ предъ чудовищемъ.

55, I Торрь — сынъ Одина и богини земли Йордь (прозвание ея Глодинь), покровитель земледѣлія, хозяйства, мирнаго труда, а также хранитель домашняго очага, священныхъ клятвъ и обѣтовъ. Въ мѣахъ онъ обычно является истребителемъ и главнымъ противникомъ враждебныхъ богамъ исполиновъ и чудовищъ, въ частности врагомъ Йормунгандря.

Бой мірового Змѣя съ божествомъ г р о з ы—обще-арійскій миѳическій мотивъ (см. Введеніе). Не вызвано ли первоначальное представленіе объ этомъ поединкѣ громоноснаго бога съ океанскимъ змѣемъ—видомъ морского смерча, вершина котораго, уходящая въ темныя тучи, обыкновенно увѣнчана молніями?
 С.

55, III Здѣсь въ текстѣ пропускъ, возстановляемый Герингомъ, редакцію котораго я воспроизвожу въ русской передачѣ. Но самый образъ Змѣя-Океана, разверзающаго свою пасть отъ земли до небесъ, принадлежитъ древнему миѳу безспорно; онъ сохранился въ другомъ источникѣ въ описаніи того же момента. Съ миѳическимъ мотивомъ здѣсь связано правильное зоологическое наблюденіе. Ни одно живое существо не обладаетъ способностью разинуть ротъ такъ широко (по сравненію съ размѣрами головы и тѣла), какъ большинство ядовитыхъ змѣй. Перенеся это реальное представленіе на Йормунгандря съ его чудовищными размѣрами—древній миѳ съ полнымъ основаніемъ рисуетъ „пасть, разверзнутую отъ земли до неба“.
 С.

56, IV Число девять употреблено здѣсь едва ли только потому, что считалось священнымъ и вообще часто фигурируетъ въ древне-скандинавскихъ мѣахъ. Всякому, жившему близъ какого-либо подверженнаго приливамъ моря—доводилось слышать отъ прибрежныхъ жителей о послѣднихъ девяти волнахъ прилива, особенно высокихъ и сильныхъ. Едва ли можно сомнѣваться, что въ данномъ случаѣ имѣется связь между стихійною природою Йормунгандря—Змѣя моря и девятью шагами, на которые онъ отгѣсняется (отъ берега?) Торра, хранителя земли, разрушаемой напоромъ морскихъ валовъ.
 С.

Солнце черно; земли канули въ море,
Звѣзды срываются внизъ съ вышины. 37
Парь всюду пышетъ, и Жизни Питатель,
Лижеть все небо жгучій огонь.

Лааетъ песь Гармръ у пещерь Гнипаѣллира;
Узы расторгнуты, вырвался Волкъ!.. 58
Много я знаю; вижу я, вѣщая,
Грозно грядущій жребій боговъ.

Знаю я, вижу, какъ снова возникнетъ,
Вновь зеленѣя, изъ моря земля. 59
Бьютъ водопады; орлы за добычей
Станутъ къ водамъ на лету припадать.

Жить будутъ асы въ поляхъ Идавалльра,
Часто въ рѣчахъ вспоминать имъ случится 60
Мйдгарда Змѣя, и судьбы минувшія,
И стародавнія Одина руны.

Въ новыхъ дворахъ своихъ асы подъ травами
Доски найдутъ золотыя, чудесныя, 61
Въ древніе дни для игры имъ служившія.

Станутъ хлѣба выростать безъ посѣвовъ.
Горе забудется; Бальдръ возвратится. 62

57, III Жизни Питатель—огонь. Многосторонняя природа огненной стихии, благодѣтельной и губительной, вполне оправдываетъ примѣненіе къ огню такихъ противорѣчивыхъ эпитетовъ, какъ „жизни питатель“ и „истребитель“.

60, III Змѣя Мйдгарда—Йормунгандръ

61, II доски—тѣ золотыя доски, которыя, какъ говорится въ началѣ пѣсни, служили имъ для игры въ тавлеи во времена первоначальнаго всемірнаго благополучія.

Годръ вступитъ съ Бальдромъ въ побѣдный чертогъ,
Въ Гроптра жилище.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Гѳниръ найдетъ себѣ жезлъ для гаданья.

Правятъ рожденные братьями Твѣggi
Родиной вѣтра.—Поймете ль вы вѣсть мою?

Вижу чертогъ, затмевающій солнце,
Золотомъ крытый, украсилъ онъ Гимли.
Только достойные тамъ обитаютъ,
Въ вѣчномъ блаженствѣ жизнь проводятъ.

Сходить тогда для суда высочайшаго
Мощный Властитель въ міръ съ высоты.

62, III Гроптръ—Одинъ.

63, III Твѣggi—Одинъ. Происхожденіе этого имени („двойной“, „двойственный“?) неясно. Братья его — Вили и Ве, о которыхъ почти ничего неизвѣстно.

63, IV родина вѣтра—небеса.

64, II Гимли—повидимому, названіе горы, гдѣ высится чертогъ для возродившихся „достойныхъ“.

Неясно также, къ какимъ „достойнымъ“ относятся слова пѣсни—къ богамъ ли, или къ вновь возрожденнымъ избранникамъ среди людей? Возможно, что чертогъ, о которомъ идетъ рѣчь—есть новая Валгалла въ обновленныхъ селеніяхъ боговъ. На это какъ будто указываютъ слова „золотомъ крытый“. Кровля Валгаллы состояла изъ золотыхъ щитовъ.

(65) Въ этой—и отчасти уже въ предыдущей строфѣ—видятъ вліяніе христіанства. По всемъ признакамъ заключительныя строфы—начиная съ 59—являются вообще позднѣйшимъ прибавленіемъ къ эпическому описанію кончины мѣра. По своему поэтическому достоинству онѣ значительно уступаютъ предшествующимъ строфамъ, и самая картина возрождающагося мѣра производитъ довольно слабое впечатлѣніе по сравненію съ грандіозными образами мировой катастрофы (по первоначальному вѣрованью, безъ сомнѣнія, всеобщей и окончательной), только что рисовав-

Темный драконъ, чешуею сверкающій,
 Снизу, съ утесовъ полночныхъ летить.
 Ниддѣоггръ умершихъ уносить подѣ перьями:—
 Скрыться теперь ему время пришло.

— — — — —

66

шимися автору пѣсни. Трудно удержаться отъ предположенія, что въ первоначальной редакціи безнадежная развязка міровыхъ судебъ, безстрашно изображенная отдѣльнымъ смѣлымъ поэтомъ—отпугивала своимъ ошеломляющимъ трагизмомъ умы болѣе заурядныхъ слушателей и „хранителей преданія“, что и побудило позднѣйшаго автора прибавить болѣе оптимистическій конецъ къ непримиримому, неумолимому древнему сказанію.

С.

(66) Смыслъ всей этой строфы довольно темень, и появленіе дракона Ниддѣоггра въ обновленномъ мірѣ (гдѣ исчезли всѣ прежнія чудовища) трудно поддается объясненію. Быть можетъ, строфа ошибочно попала сюда изъ середины описанія кончины міра? Или все предшествующее (58—65) является позднѣйшимъ прибавленіемъ, и 66 должна была слѣдовать за 58?

66, IV Отрывистость заключительной фразы (въ подлинникѣ она еще короче оборвана: „*nú mon sǫkkvask*“) заставляетъ предполагать здѣсь пропускъ (быть можетъ, крупный) въ текстѣ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Прорицаніе Провидицы“ (Вольвы) сохранилось въ Codex Regius и въ Hauksbók Cod. Arn. 544. Отдѣльныя строфы процитированы въ Sn. Ed., откуда почерпается и заглавіе *Völuspó*, въ рукописяхъ Эдды не сохранившееся.

„Прорицаніе Провидицы“, какъ правильно замѣчаетъ Могкъ, безспорно является однимъ изъ величайшихъ произведеній древнегерманской поэзіи. Поражаетъ въ ней огромное богатство содержанія и то поистинѣ художественное мастерство, съ какимъ это содержаніе обработано. Несмотря на то, что „Прорицаніе Провидицы“ заключаетъ въ себѣ своего рода сводъ не только древнескандинавской космогоніи, но и рѣшительно всѣхъ важнѣйшихъ мифологическихъ представленій извѣстной эпохи, несмотря на колоссальное богатство наполняющихъ ее мифологическихъ образовъ—эта пѣснь нигдѣ (исключая перечня карловъ въ стрф. 9—16, представляющаго собой позднѣйшую вставку) не страдаетъ сухостью, не впадаетъ въ тонъ мифологической энциклопедіи. Отъ начала до конца она проникнута вдохновеніемъ и напряженнымъ драматизмомъ; при кажущейся отрывочности отдѣльныхъ строфъ всюду чувствуется между ними глубокая внутренняя связь, развитіе единой идеи, проникающей собою всю ту повѣсть міровой жизни и міровой гибели, какую представляетъ собою „Прорицаніе Провидицы“. Эта идея: неизбѣжность вѣчной борьбы между разрушающими и хаотическими силами, носителями которыхъ являются враждебные богамъ чудовища и исполины, и воплощенными въ самихъ богахъ началами мірового устройства; и, какъ столь же неизбѣжный выводъ изъ этой борьбы, побѣда разрушительныхъ элементовъ вѣчнаго хаоса надъ временнымъ господствомъ человѣчныхъ повелителей міра, боговъ; при чемъ единичные носители разрушенія, чудовища и исполины, сами погибаютъ, истребляя боговъ.

Здѣсь выражается то до крайности своеобразное, полное воз-

вышеннаго трагизма вѣрованіе, которое, какъ кажется, составляетъ (въ томъ идейномъ освѣщеніи, какое даютъ ему стоящіе съ нимъ въ связи миѳы) исключительную принадлежность германскаго племени: ученіе о гибели боговъ. Къ характеристикѣ этого вѣрованія я позволю себѣ повторить здѣсь часть высказаннаго мною о немъ въ другомъ мѣстѣ и по иному поводу. Оно было итогомъ религіозной эволюціи древне-германскаго язычества. Образы боговъ, вначалѣ воплощавшіе собою высшіе идеалы народнаго міровоззрѣнія, постепенно, по мѣрѣ развитія этого міровоззрѣнія, переставали удовлетворять измѣнившимся духовнымъ запросамъ. Германцы позднѣйшихъ поколѣній замѣтили несовершенства въ богахъ, которыхъ ихъ предки—какъ и люди всѣхъ другихъ племенъ,—создавали по своему образу и подобию. Но другія племена, замѣтивъ подобныя несовершенства, частью мирились съ тѣмъ, что ихъ боги оказывались ничѣмъ не лучше (подчасъ и хуже) и немногимъ могущественнѣе людей; частью же старались путемъ компромисса согласить новыя духовныя требованія со старыми вѣрованіями—навязывая послѣднимъ новый смыслъ, требуя, чтобы считались аллегоріями наивныя старыя преданія, содержащія примѣры преступности или безсилія боговъ... Нравственная и идейная строгость германскаго духа привела къ совершенно иному результату. Возвысившись до пониманія несовершенства родныхъ боговъ, германское сознаніе не отступило передъ самымъ страшнымъ, неумолимымъ выводомъ: германцы осудили своихъ боговъ на смерть. Вѣра не была утрачена; но боги перестали воплощать народные идеалы, перестали быть могущественнѣйшими и лучшими. Разъ они оказались недостаточно могучими для побѣды надъ враждебными имъ силами, разъ они при этомъ оказывались виновными противъ правды и добра—у нихъ не могло быть ни силы, ни права сохранить свое мѣсто въ мірѣ. И германцы, еще вполне вѣруя въ существованіе своихъ боговъ, стали вѣрить и въ ихъ неизбѣжную гибель. Придетъ день, когда несовершенные, запятнавшіе себя виною боги умрутъ, когда ихъ истребятъ грозныя силы хаоса. Временно восторжествовавъ надъ этими силами, боги внесли въ міръ порядокъ и устроеніе; но всесильная міровая судьба предрѣшила день и часъ, когда погибнутъ прежніе побѣдители, недостойные править міромъ послѣ

того, какъ сами стали участниками и пособниками враждебнаго міру зла.

На ряду съ ученіемъ о гибели боговъ, вначалѣ поддерживая его, а затѣмъ наоборотъ, по мѣрѣ развитія религіозной мысли—вытѣсняя и заступая его мѣсто—вырастаетъ въ древне-германскомъ сознаніи другая идея: идея Рока.

Въ міросозерцаніи древнихъ германцевъ существовало, какъ и въ воззрѣніяхъ античныхъ эллиновъ—представленіе о единой предвѣчной силѣ, властвующей надъ міромъ и богами, всемогущей и беспощадной, неизмѣнно, неуклонно направляющей ходъ бытія по предустановленному изначала пути.

Но то, что лишь изрѣдка мелькаетъ, подобно легкой тѣни мимолетнаго облачка, на свѣтломъ горизонтѣ радостной Элады—то вырастаетъ, въ сильномъ и суровомъ мірѣ древне-германскихъ вѣрованій, въ грозную тучу, неотвратимо надвигающуюся на небосводъ, неся страшный приговоръ всему живущему.

Сильны боги, владѣющіе міромъ, хранящіе и устраивающіе его; сильны ихъ противники, исполины и чудовища, стремящіеся, въ вѣчной распрѣ съ богами, къ разрушенію міра. Но не могущество тѣхъ и другихъ рѣшить распрю, не оно дастъ побѣду богамъ или ихъ врагамъ. Боги лишь хранятъ и владѣютъ: править міромъ Иное. Нѣчто предустановило жребій боговъ и борьбу ихъ съ истребительными стихійными началами, предустановило ходъ и исходъ этой борьбы.

Надъ богами и противниками ихъ, надъ земнымъ міромъ и другими мірами, надо всѣмъ, что существуетъ и дышитъ во Вселенной—стоитъ Судьба.

У нея нѣтъ имени, нѣтъ образа. Это безличная, непознаваемая мировая необходимость, непреложный законъ вселенскаго бытія; для нея безразлично добро и зло, счастье и гибель живущихъ, въ ней нѣтъ сознанія и индивидуальной цѣли; въ ней лишь неуклонное осуществленіе вѣчныхъ предначертаній, никому не вѣдомыхъ, непостижимыхъ земному разуму, ненарушимыхъ и неизбѣжныхъ для всего сущаго.

Въ недоступномъ краю, далеко отъ всего живого, у таинственныхъ корней мирового Дерева, ясеня Йггдрасила, сидятъ и прядутъ три грозныя Дѣвы Судьбы, вѣчныя Норны.

Исполняя великій вселенскій законъ, вьютъ онѣ безконечную нить: нить, въ которой участь и жребій всего. Въ ней удѣлъ великихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ, людей и боговъ. Безъ конца, безъ начала, изъ вѣчности въ вѣчность свивается нить. Непрерывно, безсмѣнно, не спѣша и не медля, прядутъ ее Норны, исполняя завѣты Судьбы. Только имъ, вѣщимъ сестрамъ, открыта вся мудрость міровъ: только онѣ,—Урдръ, Верданди, Скульдъ („Прошедшее“, „Настоящее“, „Грядущее“)—знаютъ, что было, знаютъ, что есть и будетъ. И согласно великому вселенскому знанію, даютъ Норны жизненные жребіи—богамъ и людямъ, и всѣмъ тварямъ, всѣмъ земнымъ звѣрямъ, и деревьямъ лѣсовъ, и малѣйшимъ былинкамъ полей. Даютъ счастье и несчастье, торжество и гибель, бытіе и смерть. Ничего не мѣняютъ онѣ въ своей нити. Онѣ безъ жалости, безъ милости и гнѣва; никого не щадятъ, и не мстятъ никому, и никого не караютъ.

И нѣтъ къ нимъ молитвъ, нѣтъ противъ нихъ проклятій, нѣтъ для нихъ благодарности живущихъ. Равнодушно, неумолимо свершаютъ онѣ отъ вѣка предопредѣленное. Не по своей волѣ: въ силу роковой необходимости. Норны лишь вершительницы завѣта вселенской Судьбы. Во вселенной совершается то, чего требуетъ вѣчная Необходимость. Для всѣхъ единая, для всѣхъ неизбѣжная, для всѣхъ непостижимая Судьба.

Такова идея рока въ германскихъ представленіяхъ. Эта идея въ міропониманіи германцевъ имѣла огромное, съ теченіемъ времени все возрастающее значеніе. Постепенно самые образы боговъ блѣднѣли и отступали на второй планъ передъ грознымъ, подавляющимъ величіемъ образа Судьбы. И въ позднѣйшую эпоху, по мѣрѣ того, какъ вѣра въ боговъ ослабѣвала—среди тѣхъ, кого не удовлетворяло начинавшее распространяться христіанство, оказывалось немало такихъ, которые вѣрили „только въ Судьбу и въ свой мечъ“.

Германнъ ¹⁾ приводитъ рядъ примѣровъ въ этомъ направленіи среди представителей сѣверо-германскаго міра. Берси Безбожный, Галльръ Безбожный и его сынъ Гельги Безбожный; всѣ они вѣрили только въ судьбу „и въ свою силу“, не молились и не при-

¹⁾ Nordische Mythologie. 11, 12.

носили жертвъ. Прозваніе „Безбожный“ примѣнялось не въ порицательномъ смыслѣ, а какъ простое обозначеніе невѣрія—съ теченіемъ времени представлявшаго все болѣе частое явленіе. Сигмундръ Брестиссонъ не вѣритъ въ боговъ, а только „въ свою силу и мощь“. Среди примѣровъ невѣрія въ мифической литературѣ Германнъ вспоминаетъ короля Грольфа; онъ и его воины вѣрили только въ свою силу, а не въ боговъ (Hrolf. Saga Kt.); въ той же сагѣ говорится, что не боги, а судьба править удѣломъ всѣхъ живущихъ. Нерѣдко люди, еще ничего не слышавшіе о христіанствѣ, приходили къ отрицанію древняго народнаго язычества; такихъ зачастую и христіанство уже не могло удовлетворить, и они создавали каждый для себя свою несложную, но подчасъ глубокою религію, въ которой господствовала, на ряду съ самосознаніемъ сильной человѣческой личности—идея единого міроваго закона, Судьбы.

Разумѣется, мифическія, наполовину аллегоричныя фигуры Норнъ въ этомъ вѣрованьи уже не существовали; оставалось только господствующее представленіе единой, безличной, непреложной міровой Необходимости, вѣчнаго всеобщаго Предопредѣленія.

Нужно было всю внутреннюю крѣпость германскаго духа, всю несокрушимую мощь тѣхъ желѣзныхъ характеровъ, какими были сѣверные германцы эпохи викинговъ—чтобы подобное міропониманіе приводило не къ равнодушному, пессимистическому фатализму, а къ бодрому, активному жизненному идеалу, какой присущъ былъ цѣлому ряду историческихъ германскихъ витязей. Пусть все предустановлено, все въ рукахъ Судьбы, которую нельзя ни поборотъ ни умиловити, пусть нѣтъ отъ боговъ защиты и кары, нѣтъ заботливаго божескаго промысла о людяхъ, и нѣтъ человѣческаго долга по отношенію къ Божеству: у человѣка остается долгъ передъ самимъ собою. Онъ обязанъ ради себя самого поступать, такъ велитъ честь; быть мужественнымъ и дѣятельнымъ, безстрашнымъ и вѣрнымъ, быть доблестнымъ безъ прежней надежды на Валггаллу, безъ прежняго страха передъ мракомъ Гэль...

Даже въ эпоху, когда вѣра въ боговъ еще существовала и не могло имѣть мѣста подобное свободное, опирающееся только на

себя, самосознание—даже и тогда вѣра въ Судьбу налагала отпечатокъ суровой духовной независимости на каждое индивидуальное мировоззрѣніе. Вѣдь каждый отлично зналъ, что боги лишь въ незначительной мѣрѣ вліяютъ на жребій міра и личную участь любого изъ живущихъ; что даже верховный богъ не въ силахъ даровать своимъ избранникамъ иной жребій, нежели тотъ, который изначала опредѣленъ Судьбою. Въ этомъ случаѣ воззрѣнія людей, вѣрившихъ въ Одина и Торра, вполне сходились съ тѣмъ взглядомъ, который высказывается въ Одиссейѣ относительно Олимпійцевъ:

... И богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
 Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
 Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти судьбиною будетъ.

Но отъ этого сознанія не теряла свою цѣнность человѣческая сила и человѣческая личность. Можно исполнять долгъ чести и доблести, и стойко выносить невзгоды—несмотря на убѣжденіе, что награда за доблесть не зависитъ отъ воли боговъ и отъ чьей-либо воли вообще, что лучшему человѣку можетъ достаться тягчайшій удѣлъ, такъ какъ всѣ земные жребіи исходятъ отъ силы, не считающейся съ добромъ и зломъ. „Исходъ—дѣло судьбы; доблесть—дѣло твое“. Такъ рассуждали въ то время сильныя души. Жизнерадостность оставалась въ этомъ мировоззрѣніи, потому что сильная душа можетъ цѣнить блага бытія несмотря на слѣпую неотвратимость мирового закона, распределяющаго и отнимающаго эти блага. Для слабыхъ, конечно, такое мировоззрѣніе было недоступно; но слабымъ невозможно было и проникнуться концепціей безличнаго мирового Закона во всемъ ея страшномъ величій. Какъ во всѣ эпохи и у всѣхъ племенъ—для слабыхъ оставалась надежнымъ прибѣжищемъ примитивная вѣра въ личныхъ боговъ, сознательныхъ, властвующихъ надъ участью живущихъ, доступныхъ умилоствленію, источниковъ кары и благодѣяній для человѣка.

Тѣ, которые имѣли силу обходиться безъ такой вѣры,—считали боговъ лишь болѣе могущественными и долговѣчными, чѣмъ люди, но столь же зависимыми отъ Судьбы въ своемъ существованіи и предстоящей гибели; и суровые, гордые древніе витязи

твердо смотрѣли въ глаза собственной участи, зная, что грозящая неотвратимая участь неизбѣжна и для боговъ, что неприступная Валгалла Отца Побѣдъ такъ же обречена на разрушеніе, какъ и непрочные чертоги земныхъ властелиновъ.

То творческое сознаніе, изъ котораго родилось „Прорицаніе Провидицы“, стоитъ еще не на точкѣ зрѣнія „безбожія“, о которомъ упоминалось выше: но въ немъ міровая Судьба уже опредѣленно господствуетъ надъ богами, обреченными на гибель въ борьбѣ со своими извѣчными противниками. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ все произведеніе, налагая на него особый трагическій отпечатокъ.

Форма этой пѣсни вполне находится на высотѣ содержанія. Великая повѣсть о возникновеніи, существованіи и разрушеніи міровъ ¹⁾ рассказана могучимъ, яркимъ, сжатымъ и образнымъ языкомъ, величая простота котораго ничѣмъ не напоминаетъ вычурныхъ риторическихъ пріемовъ позднѣйшихъ скальдовъ. Ни въ одной изъ пѣсенъ Эдды нѣтъ подобнаго соединенія этой могучей эпической сжатости ²⁾ и простоты языка съ такимъ богатствомъ и красочностью. Я настаиваю на этой простотѣ потому, что существуетъ распространенное мнѣніе о сложности или даже спутанности текста именно этой пѣсни. Если тутъ въ чемъ есть сложность (и—въ частности—не столько спутанность, сколько иногда противорѣчивость, обусловленная обиліемъ вариантовъ одного и того же мифа), то только въ содержаніи пѣсни, а не въ ея формѣ. Читеніе этой пѣсни можетъ показаться труднымъ для человѣка, незнакомаго со скандинавской мифологіей—потому, что онъ не всегда будетъ понимать, о чемъ идетъ рѣчь—но самое изложеніе ясно, просто, за исключеніемъ очень немногихъ частныхъ. Построеніе фразы свободное, естественное:

1) Всѣхъ міровъ, по древне-скандинавскому представленію, было девять.

2) Именно „эпическая сжатость“— краткость при богатствѣ и полнотѣ внутренняго содержанія, составляющая рѣдкость у позднѣйшихъ поэтовъ всѣхъ національностей, но характерная, напр., для нѣкоторыхъ моментовъ „Божественной Комедіи“ Данте.

Kjóll ferr nordan: koma mono Heljar
of lög lýfer, en Loke styrer.

Fara filmeget med freka aller,
Þeim es broder Býleipts í for.

(Съ сѣвера страшный корабль приближается,
Мертвыхъ везетъ; править Лóки рулемъ.
Съ Волкомъ несчетныя мчатся чудовища;
Бíлейптра братъ направляетъ ихъ рать.)

(51)

Могкъ справедливо подчеркиваетъ отсутствіе синтактических хитросплетеній и многосложныхъ метафоръ (такъ называемыхъ Kenningar).

И по духу своему, и по формѣ „Прорицаніе Провидицы“ принадлежитъ къ продуктамъ самобытной творческой мысли германскаго язычества. Могкъ указываетъ на непріемлемость гипотезы Мейера о христіанскомъ происхожденіи всего произведенія—именно въ виду того совершенно опредѣленнаго языческаго міросозерцанія, которое проникаетъ собою всю пѣснь. Было бы въ высшей степени нелѣпо, чтобы изъ христіанскаго источника выросло такое превосходное поэтическое выраженіе вполне языческой концепціи міровыхъ судебъ—притомъ въ оболочкѣ языческихъ же мифовъ. Допущеніе подобнаго факта предполагало бы такую утонченную искусственность творчества, такой грандіозный (и притомъ совершенно безцѣльный) поэтическій подлогъ—съ которымъ рѣшительно не мирится уже самая художественность произведенія, явно носящаго отпечатокъ подлиннаго и самобытнаго вдохновенія, искренняго цѣльнаго эпическаго построения¹⁾. Еще менѣе выдерживаетъ критику гипотеза Ганга, видящаго въ „Прорицаніи Провидицы“ вліяніе александрійскихъ „пророчествъ сивиллъ“. Помимо все тѣхъ же непосредственныхъ достоинствъ цѣльнаго и самобытнаго эпоса, мало допустимыхъ въ такомъ искусственномъ (и не поддающемся уже никакой разум-

¹⁾ Совершенно инымъ стилемъ и построеніемъ отличаются строфы позднѣйшихъ скальдовъ, нуждающіяся въ особомъ „реторическомъ ключѣ“, чтобы стать сколько-нибудь понятными.

ной мотивировкѣ) построеніи, какъ поэтическое германизированіе сивилинныхъ книгъ—послѣднее должно было требовать отъ автора такой всеобъемлющей учености, которая совершенно немыслима со стороны скандинавскаго поэта данной эпохи и которая вдобавокъ оказалась бы примѣненной къ крайне неблагоприятной и странной задачѣ, къ требующему колоссальной затраты труда и совершенно безцѣльному литературному „кунштштюку“¹⁾.

Съ точки зрѣнія современнаго историко-литературнаго изслѣдованія не подлежитъ сомнѣнію, что „Прорицаніе Провидицы“ принадлежитъ языческому поэту начала сѣвернаго средневѣковья и сложилось около первой половины X вѣка. Толкованіе Гоффори относитъ его къ 950 г.; онъ считаетъ его возникшей уже въ Исландіи; есть однако основанія думать, что оно въ Исландіи лишь закончено, а первоначально выросло уже въ норвежской поэзи.

Что касается элементовъ христіанскаго вліянія—но именно элементовъ привходящихъ, наносныхъ, а не христіанской подкладки въ самой основѣ содержанія пѣсни,—то большинство изслѣдователей (вопреки взгляду Мюленгофа и Финнура Юнсона) признаетъ таковыя. Въ частности они сказываются въ заключительныхъ картинахъ возрожденія міра послѣ его разрушенія, грядущаго высшаго суда, награжденія доблестныхъ людей послѣ смерти, и т. д. Всѣ эти образы не мирятся съ міровоззрѣніемъ остальныхъ строфъ, и заключительная часть пѣсни значительно уступаетъ всему предшествующему и по высотѣ міровоззрѣнія и по эпической художественности.

Личное мое мнѣніе на этотъ счетъ высказано мною въ примѣчаніи на стр. 111—112: мнѣ послѣдняя часть пѣсни представляется продуктомъ болѣе поздняго творчества, чѣмъ все остальное. Моя некомпетентность въ палеографической сторонѣ вопроса не позволяетъ мнѣ высказываться относительно возможности или невозможности прямой интерполяціи въ древнемъ текстѣ (допускаемой нѣкоторыми), но изученіе формальнаго и внутренняго содержанія пѣсни побуждаетъ меня предполагать, что послѣдняя могла уже въ эпоху написанія состоять изъ разновременныхъ

¹⁾ См. Введеніе и общія замѣчанія о гипотезахъ Бугге и Мейера.

элементовъ, при чемъ отзывающіяся христіанскимъ вліяніемъ строфы являются позднѣйшимъ дополненіемъ.

Съ какой бы точки зрѣнія, однако, ни смотрѣть на „Прорицаніе Провидицы“ и составляющіе его элементы — оно остается въ высшей степени своеобразнымъ художественнымъ произведеніемъ поразительной красоты и на ряду съ этимъ одной изъ богатѣйшихъ сокровищницъ миѳологическаго матеріала, какія имѣются въ памятникахъ древне-германской письменности.

ПЪСНЬ О ПУТНИКЪ

Славные асы сошлись для совѣта:

Были съ богами богини тамъ всѣ.

Долго судили: съ чего посѣтили

Свѣтлаго Бальдра зловѣщіе сны?

Одинъ всталъ съ мѣста, древній Творецъ:

Быстро Слэйпнира онъ осѣдлалъ.

Внизъ онъ, къ полночи, въ Нифльгэль поѣхалъ.

Встрѣтилъ тамъ стражъ его—страшный песь Гармръ.

Съ грудью, забрызганной кровью багровой,

Грозно рычалъ онъ на Праотца чаръ,

1, Заглавіе. Эта пѣсня также носить другое заглавіе: „Сны Бальдра“.

1, IV Бальдръ — благой, мирный юный богъ весны и свѣта, сынъ Óдина и Фриггъ.

2, I Óдинъ—верховный богъ, носитель божеской власти и мудрости.

2, II Слэйпниръ—чудесный восьминогой конь Óдина, рожденный превратившимся въ кобылицу богомъ огня Лóки отъ коня Свадильфари, принадлежавшаго тому исполину, который строилъ крѣпость боговъ. Конь этотъ оказывалъ огромную помощь своему хозяину, быстро привозя всѣ матеріалы для постройки. Лóки, который по требованію боговъ долженъ былъ во что бы то ни стало заставить строителя опоздать къ сроку (чтобы избавить боговъ отъ необходимости уплатить ему неосторожно обѣщанное неслыханное вознагражденіе—солнце, мѣсяцъ и богиню Фрэйю), превратился въ черную кобылицу и отвлекъ отъ работы Свадильфари, котораго заставилъ гоняться за собою. Безъ своего коня строитель не могъ во-время кончить постройки. А Лóки впоследствии родилъ Слэйпнира, сѣраго восьминогого коня, быстрѣйшаго во всѣхъ мірахъ.

2, III Нифльгэль — „мглистое подземелье“ — подземное царство Смерти.

2, IV Песь Гармръ или Манагармръ—чудовищный песь, стерегущій врата царства Смерти.

3, II Праотецъ чаръ—Óдинъ, знающій всѣ волшебства и являющійся ихъ „основателемъ“.

Путь продолжалъ тотъ; земля задрожала;
Темныхъ достигъ обиталищъ онъ Гэль.

Одинъ вратами восточными въѣхалъ,
Вольвы могильный курганъ онъ нашелъ, 4
Спѣлъ заклинанья—и вольва проснулась,
Поднялась противъ воли, и рѣчь повела.

3, IV Гэль — Смерть, дочь бога Лóки и исполинши Ангрбоды, поселенная Однимъ въ подземномъ мѣрѣ, гдѣ она властвуетъ надъ умершими. Въ мифологическихъ разсказахъ Снор. Эд. сохранилось описаніе внѣшности Гэль, гласящее, что она исполинскаго роста и ужасающаго вида, имѣетъ половину тѣла бѣлую, половину синюю. Въ древней сагѣ говорится (Sp. Ed. Gylfag.), что ей была дарована „власть во всѣхъ девяти мѣрахъ“, при чемъ комментаторы обыкновенно поясняютъ, что это выраженіе, вѣроятно, основано на недоразумѣніи, такъ какъ въ распоряженіе Гэль отданъ особый мѣръ: Нифльгэль. Мнѣ кажется, что нѣтъ никакой необходимости предполагать здѣсь недоразумѣніе, разъ дѣло касается Смерти, у которой безспорно оказывается власть во всѣхъ девяти мѣрахъ, разъ подверженными смерти рано или поздно являются всѣ: и боги, и карлы, и исполины, и другіе представители различныхъ мировъ. С.

Первоначально, повидимому, считалось, что въ подземное царство Смерти попадаютъ всѣ умершіе. Согласно позднѣйшему вѣрованію, дѣло обстоитъ иначе. Доблестные герои, избранники Одина, павшіе въ бою, возрождаются по смерти въ Асгардѣ, небесномъ селеніи боговъ, куда приносятъ ихъ съ поля битвы валькирии, мчашіяся по воздуху надъ полями сраженій, воительницы Одина. Въ его чертогъ, свѣтлой Валгаллѣ, возрожденные бойцы (эйнгериаръ) проводятъ время въ боевыхъ потѣхахъ и веселыхъ пирахъ, составляя побѣдоносное воинство Одина, долженствующее служить богамъ въ ихъ вѣчной борьбѣ противъ разрушительныхъ силъ—исполиновъ и чудовищъ.

Въ подземное царство Гэль попадаютъ недостойные, трусы (хотя бы и погибшіе въ бою), преступники, подвергающіеся тамъ различнымъ страданіямъ; затѣмъ всѣ тѣ, которые погибаютъ не боевою смертью, хотя бы и доблестные, но обреченные судьбою умереть не въ бою, а также (за единичными исключеніями) всѣ женщины.

4, II Вольва—прорицательница, провидица.

(4) Здѣсь выражается распространенное въ древности едва ли не у всѣхъ народовъ вѣрованье въ возможность на время оживить чарами умершихъ въ болѣе или менѣе тѣлесномъ образѣ и заставить ихъ отвѣчать на вопросы.

Вольва сказала:

Кто, незнакомый, меня беспокоитъ—
Тяжкимъ путемъ заставляеть идти? 3
Снѣгъ былъ на мнѣ; орошаль меня ливень;
Росы кропили; мертва я давно.

Одинъ сказалъ:

„Путникъ“ зовусь я, и Вальтамръ отецъ мой.
Знаю земное; скажи мнѣ про Ёэль. 5
Скамьи кому здѣсь готовятъ и кольца,
Убранъ чертогъ для кого золотой?

Вольва сказала:

Медь искрометный здѣсь сварень для Бальдра:
Пѣнный напитокъ шипитъ подъ щитомъ. 7
.....
Горе богамъ— ихъ надежда погибнетъ!
Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

Одинъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщяя! Вольва, отвѣть мнѣ,—
Многое надо еще мнѣ узнать. 8
Молви, кто будетъ убійцею Бальдра,
Одина сыну кто смерть принесеть?

(5) Встрѣчающіяся здѣсь впервые слова: „сказалъ“, „сказала“ (кваф), обозначающія участниковъ діалога, являются характерною формулою, попадающеюся въ большинство пѣсень Эдды; конечно, они существовали только въ записяхъ текста, при пересказѣ же (или пѣніи) опускались.

6, I Путникъ. Одинъ называетъ себя „Vegtamr“ — „Привыкшій къ пути“, „Путникъ“, а отца своего—Вальтамръ, „Привыкшій къ бою“. По древнему вѣрованью, Одинъ часто странствуетъ по землѣ въ образѣ стараго путника, въ темномъ плащѣ и въ широкой шляпѣ.

Умершая прорицательница происходитъ изъ рода исполиновъ, слѣдовательно враждебна богамъ, что служить для Одина, вообще любящаго являться неузнаннымъ, лишнимъ поводомъ скрывать свое имя, пока онъ не получитъ желаемыхъ отвѣтовъ.

Вольва сказала:

Годру ростокъ долженъ гибкій достаться:
 Бальдра убить онъ судьбой обречень. 9
 Одина сыну конецъ принесеть онъ.
 — Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

Одинъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщяя! Вольва, отвѣтъ мнѣ:
 Многое надо еще мнѣ узнать. 10
 Кто за убитаго мстителемъ станеть,—
 Гóдра заставитъ попасть на костерь?

Вольва сказала:

Вáли родится въ чертогѣ на западѣ,
 Риндъ сынъ и Одина. Ночь лишь проживъ, 11
 Будеть онъ биться; кудрей не расчесеть,
 Рукъ не омоетъ, пока не отмститъ онъ.
 — Тягостна рѣчь мнѣ! Молчать я хочу.

Одинъ сказалъ:

Нѣтъ еще, Вѣщяя! Вольва, отвѣтъ мнѣ.
 Многое надо еще мнѣ узнать! 12

9, I Гóдръ—слѣпой богъ, убившій Бальдра. Гибкій ростокъ—ростокъ омелы, изъ котораго сдѣлалъ смертельное для Бальдра оружіе богъ Лóки, который направилъ руку слѣпца противъ Бальдра.

10, IV Долгъ кровной мести заставляетъ боговъ мстить Годру. Но, будучи повиненъ въ убійствѣ Бальдра только внѣшнимъ образомъ и противъ воли, являясь безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Лóки, онъ послѣ смерти примиряется съ Бальдромъ, и ему предстоитъ, возвратившись изъ царства мертвыхъ послѣ кончины міра, воцариться вмѣстѣ съ Бальдромъ въ обновленныхъ селеніяхъ боговъ.

11, II Риндъ, согласно одному упоминанію (Sn. Ed.), принадлежитъ къ числу богинь изъ племени асовъ.

(12) Значеніе этой строфы неясно. Смыслъ вопроса Одина, видимо, не былъ простъ и въ представленіи древняго автора пѣсни, разъ именно

Молви, чьи дочери лить будутъ слезы,
Вскинуть свой бѣлый покровъ до небесъ?

Вѣльва сказала:

Вижу теперъ: ты не Путникъ зовешься!
Одинъ ты, странникъ!—древнїй Творецъ.

13

Одинъ сказалъ:

Ты не провидица вѣщая, вѣльва!
Трехъ исполиновъ ты лютая мать.

Вѣльва сказала:

Одинъ, прощай! Уходи, и гордись ты:
Больше никто не пробудитъ меня—
Вплоть до поры, когда минетъ плѣнь Лѳки
И Всерушители сгубятъ боговъ.

14

этотъ, проникнутый божескимъ провѣдѣніемъ, вопросъ заставляетъ вѣльву узнать верховнаго бога въ своемъ собесѣдникѣ. Но удовлетворительное толкованіе этого мѣста до сихъ поръ не удается.

Существуетъ предположеніе, что рѣчь идетъ о дочеряхъ Эгира, властителя морей, т.-е. о волнахъ, которыя, разбушевавшись, „вскинуть до небесъ“ свои бѣлые гребни.

13, III Это возраженіе Одина, повидимому, надо понимать такъ: „То, что я зовусь Путникомъ, такъ же не мѣшаетъ мнѣ быть въ то же время Одиномъ, Властителемъ боговъ, какъ твой пророческій даръ не исключаетъ того, что ты исполинка родомъ и рождала исполиновъ“.

14, III Т.-е. до поры, когда настанетъ кончина міра, когда освободится Лѳки, прикованный богами къ скалѣ за убійство Бальдра, и разрушительное полчище чудовищъ и исполиновъ, представителей Хаоса, мірового распадѣнія, восторжествуетъ надъ богами. Объ этой конечной міровой катастрофѣ повѣствуетъ „Прорицаніе Провидицы“.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Путникѣ“ (Vegtamskvífa) сохранилась только въ Codex Arnagnaeanus 748. Въ Snорровой Эддѣ она не цитируется. Почти несомнѣнною считается утрата начала пѣсни. Заглавіе ея въ С. А.—Baldrs draumar (Сны Бальдра), названіе же Vegtamskvífa встрѣчается только въ позднѣйшихъ спискахъ (на бумагѣ); въ переводѣ представилось болѣе умѣстнымъ сохранить именно это позднѣйшее заглавіе, какъ наиболѣе отвѣчающее содержанию пѣсни.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ древне-скандинавской поэзіи „Пѣснь о Путникѣ“ не стояла особнякомъ. Если она даже не является, какъ можно предположить уже въ виду ея малаго размѣра, прямо отрывкомъ изъ какого-нибудь болѣе крупнаго произведенія (при чемъ Baldrs draumar оказалось бы заглавіемъ отдѣльной части поэмы наподобіе того, какъ Grógaldr обозначаетъ первую часть „Пѣсни о Свидгагрѣ“), то въ связи съ нею несомнѣнно должно было существовать одно или нѣсколько произведеній, изображающихъ трагическую гибель кроткаго юнаго бога Бальдра. Сохранился только прозаическій разсказъ (сага) объ этой гибели въ Snорровой Эддѣ, при чемъ тамъ цитируется строфа, по всей видимости принадлежащая утраченной старинной пѣсни. Содержаніе саги о Бальдрѣ слѣдующее (Sn. Ed. Gylfag. 48): ¹⁾

„Добраго Бальдра стали тревожить зловѣщіе сны, предвѣщавшіе опасность для его жизни; и онъ повѣдалъ объ этомъ асамъ. Боги собрались на совѣтъ, и рѣшено было добиться того, чтобы Бальдръ сталъ неприкосновененъ для всего существующаго. Тогда Фриггъ отправилась и потребовала отъ всѣхъ существъ и отъ всѣхъ вещей клятвенное обѣщаніе не причинять вреда Бальдру: отъ огня, желѣза и воды, отъ мѣди

¹⁾ Все дальнѣйшее изложеніе—буквальный переводъ текста Snорри.

и камня, отъ деревьевъ, отъ болѣзней и отъ всѣхъ звѣрей, птицъ и ядовитыхъ змѣй. Когда это было сдѣлано, боги затѣяли игру, чтобы развеселить Бальдра. Онъ сталъ посрединѣ на мѣстѣ вѣча, и одни стали пускать въ него стрѣлы, другіе наносили ему удары оружіемъ, третьи бросали въ него камнями. И ничто не причиняло ему вреда. Когда это увидѣлъ Лóки, то ему это пришлось не по душѣ. Онъ принялъ образъ женщины, отправился къ Фриггъ въ Фенсалиръ и спросилъ, не знаетъ ли она, чѣмъ заняты боги на мѣстѣ вѣча? Фриггъ отвѣтила, что всѣ пробуютъ поразить своимъ оружіемъ Бальдра, но онъ остается невредимымъ. „Ни желѣзо, ни дерево не могутъ причинить вреда Бальдру,— сказала Фриггъ,— потому что со всѣхъ я взяла клятву“. Женщина спросила: „Всѣ ли вещи дали клятву шадить Бальдра?“ Фриггъ отвѣтила: „Къ западу отъ Валгáллы я видѣла небольшой ростокъ (омелу) по имени Мистильтейннъ¹⁾; только онъ одинъ показался мнѣ слишкомъ малымъ, чтобы брать съ него клятву“. Тогда женщина удалилась. А Лóки пошелъ, отыскалъ Мистильтейннъ и вырвалъ его съ корнями. Потомъ онъ пришелъ на мѣсто вѣча. Гóдръ стоялъ въ сторонѣ позади всѣхъ мужей, такъ какъ онъ былъ слѣпъ. Лóки спросилъ его: „Отчего ты не мечешь оружіемъ въ Бальдра, какъ другіе?“ Тотъ отвѣтилъ: „Оттого, что я не могу даже видѣть Бальдра, да и оружія у меня нѣтъ“. Тогда Лóки сказалъ: „Брось и ты въ него чѣмъ-нибудь, какъ всѣ остальные! Я направлю твою руку: метни въ него этотъ пруть“. Гóдръ взялъ Мистильтейннъ и метнулъ его, какъ показалъ ему Лóки; Бальдръ былъ пораженъ въ грудь и упалъ мертвый на землю. И это было худшее несчастье, о какомъ только извѣстно богамъ и людямъ. Когда Бальдръ упалъ, никто не могъ произнести ни слова, и никто не въ

1) Большинство комментаторовъ держится мнѣнія, что названіе „Mistilteinn“ первоначально не означало омелу, а скорѣе могло относиться къ какому-нибудь оружію. (По Вейнгольду, это—собственное имя меча.) Нѣтъ ли тутъ этимологической связи съ кельтскимъ „teine“ = огонь, пламя? Такое предположеніе вызывается сопоставленіемъ названія съ мифологическимъ обликомъ самого Лóки—божества огня.

силахъ быть протянуть руку, чтобы поднять его; и всѣ смотрѣли одинъ на другого, и у всѣхъ былъ въ мысляхъ тотъ, кто это сдѣлалъ, но никто не посмѣлъ убить его, потому что это мѣсто было великимъ урочищемъ мира ¹⁾. И когда къ асамъ вернулся голосъ, то было больше плача, чѣмъ рѣчей, такъ какъ ни одинъ не могъ выразить словами свою скорбь. И всѣхъ тяжелѣе было горе Óдина, потому что онъ лучше всѣхъ сознавалъ, какое страшное несчастье для асовъ гибель Бальдра. Когда боги нѣсколько пришли въ себя, Фриггъ спросила: кто изъ нихъ хочетъ заслужить ея милость тѣмъ, что отправится въ мѣръ Смерти, Ёэль, и отыщеть Бальдра и предложить Ёэль выкупъ, чтобы она отпустила Бальдра обратно въ Асгардъ. Ёрмодръ, сынъ Óдина, отправился въ путь; онъ взялъ Слѣйпнира, коня Óдина, и поѣхалъ на немъ въ подземный мѣръ. Боги положили тѣло Бальдра на его корабль Ёрингфорни, чтобы пустить его въ море и зажечь. Корабль долго не могли сдвинуть съ мѣста. Тогда послали въ Йóтунгеймъ за великаншею, которая звалась Ёйрроккинъ ²⁾. Она прѣѣхала верхомъ на волкѣ, и поводящими ей служили змѣи. Когда она сошла съ волка, Óдинъ велѣлъ четверымъ берсеркерамъ держать его, но это имъ не удавалось, пока они не свалили его на землю. Ёйррок-

¹⁾ Древне-германское понятие „мирнаго мѣста“, т.-е. такого мѣста, гдѣ не дозволялось никого убивать, даже преступника (древне-скандинавское *grifastafgr*, позднѣйшее нѣмецкое *Freistätte*). Такимъ мѣстомъ было прежде всего мѣсто вѣча (тинга), народнаго собранія, затѣмъ нѣкоторые храмы, обыкновенно и мѣсто у очага во всякомъ жилищѣ, иногда весь дворъ.

Въ христіанское время эта неприкосновенность перенесена была на нѣкоторыя церкви, особенно чтимыя населеніемъ; тамъ нельзя было ни убить, ни связать даже преступника.

Я рѣшаюсь употребить слово урочище (переноса его съ экономическаго понятія на юридическое), чтобы избѣгнуть антихудожественныхъ разъясненій въ самомъ текстѣ, и считаю себя въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ слово „урочище“ — единственное, хоть сколько-нибудь подходящее для даннаго понятія, хотя фактически употреблялось на Руси только въ экономически-хозяйственной области, но этимологически вполне можетъ быть отвлечено отъ нея.

²⁾ *Hydrhokkin*.

кинѣ ухватила корабль и толкнула его, и при первомъ же усилии онъ двинулся по валькамъ и спустился въ море, а земля кругомъ задрожала. При видѣ этого Торрь вскипѣлъ гнѣвомъ и хотѣлъ убить великаншу, но боги удержали его. Тогда боги положили тѣло Бальдра на костерь, разложенный на кораблѣ; и когда это увидѣла жена Бальдра, Нанна, дочь Нѣпра, ея сердце разорвалось отъ скорби, и она умерла. И ее также положили на костерь и зажгли его. Торрь освятилъ костерь своимъ молотомъ Мйбълниромъ; возлѣ ноги его стоялъ карликъ по имени Литръ, и Торрь втокнулъ его ногою въ огонь, такъ что и онъ сгорѣлъ. Всѣ боги присутствовали при погребеніи. Впереди всѣхъ находился Одинъ со своею супругою Фриггъ, и его сопровождали валькириіи и его два ворона. Фрѣиръ сидѣлъ на колесницѣ, запряженной вепремъ Гүллинбүрсти¹⁾; Геймдällръ ѣхалъ на конѣ Гүльтопрѣ²⁾; и Фрѣя ѣхала на колесницѣ, которую везли кошки. И много великановъ сопровождало поѣздъ и горныхъ исполиновъ. И Одинъ положить на костерь кольцо Дрәупниръ, имѣвшее то свойство, что черезъ каждая девять ночей отъ него отдѣлялось четыре новыхъ кольца, равныхъ ему по вѣсу. Конь Бальдра вмѣстѣ съ сѣдломъ и сбруей тоже былъ сожженъ на кострѣ. Рассказываютъ, что Гѣрмодръ ѣхалъ девять ночей глубокими и темными долинами и ничего не видѣлъ, пока не добрался до потока Гюль, гдѣ ему пришлось переѣзжать черезъ мостъ: тамъ свѣтящееся золото озаряло мѣсто. Мбдгудръ было имя дѣвы, которая стояла на стражѣ у моста. Она спросила Гѣрмодра, какъ его зовутъ и кто онъ родомъ. „За день передъ тѣмъ,— сказала она,— ѣхалъ черезъ мостъ Бальдръ въ сопровожденіи пяти сотенъ мужей (умерщвленныхъ въ честь его погребенія рабовъ); а подъ тобою однимъ мостъ колеблется не меньше, чѣмъ подъ ними; и у тебя видъ не мертвеца; зачѣмъ ты явился сюда, на этотъ путь къ Гѣль?“ Гѣрмодръ сказалъ: „Я долженъ ѣхать къ Гѣль и выкупить

1) „Золотошестинный“.

2) „Золотохолкій“.

Бальдра. Видѣла ли ты, какъ онъ проѣхалъ къ Гѣль?“ Она отвѣтила: „Бальдръ переѣхалъ черезъ этотъ мостъ. На полночь внизъ ведетъ дорога къ Гѣль“. Гѣрмодръ поѣхалъ дальше и добрался до ограды селеній смерти, сошелъ съ коня и привязалъ его къ оградѣ. Онъ вошелъ въ чертоги Гѣль и увидѣлъ тамъ своего брата Бальдра. Гѣрмодръ провелъ тамъ ночь. На утро онъ сталъ просить Гѣль, чтобы она отпустила Бальдра съ нимъ обратно на землю, и рассказалъ, какой великій плачь былъ по немъ. Гѣль отвѣтила, что она согласна на это, если Бальдръ дѣйствительно былъ такъ любимъ, какъ говоритъ его братъ, и если во всѣхъ мірахъ все живое и мертвое будетъ плакать о Бальдрѣ, тогда пускай онъ вернется къ асамъ. Но если кто-нибудь откажется плакать, Бальдръ останется у Гѣль. Тогда Гѣрмодръ поднялся, и Бальдръ проводилъ его и вручилъ ему кольцо Дрѣупниръ, чтобы передать его обратно Оди́ну на память; а Нанна послала Фриггъ свой платокъ и Фуллѣ золотое кольцо. Гѣрмодръ поѣхалъ обратно и прибылъ въ Асгардъ, и рассказалъ тамъ все, что видѣлъ и слышалъ. И тогда асы разослали гонцовъ по всѣмъ мірамъ просить, чтобы всѣ плакали о Бальдрѣ и освободили его отъ Гѣль. И стали плакать всѣ люди и всѣ существа, и земля, и камни, и всѣ металлы, какъ ты самъ, навѣрное, видѣлъ, что они могутъ плакать, когда попадаютъ съ мороза въ тепло. Когда посланцы возвращались обратно, исполнивъ свое дѣло, они нашли въ одной пещерѣ великаншу, которая называлась Токкъ („Благодарность“). Они попросили ее плакать о Бальдрѣ. Она отвѣтила:

„Надъ погребеніемъ Бальдра убитаго

Плакать могла бы я только безъ слезъ.

Ни при жизни, ни мертвый онъ не былъ миѣ нуженъ!

Пусть у Гѣль остается добыча ея“.

„И говорятъ, что на самомъ дѣлѣ въ образѣ этой женщины былъ Лѳки, сынъ Лѳуфейи, тотъ, кто причинилъ асамъ наибольшее зло“.

Несмотря на крайнюю простоту и краткость, эта сага производит даже въ переводѣ глубокое впечатлѣніе ¹⁾; рассказъ о смерти Бальдра проникнуть сильнымъ безыскусственнымъ трагизмомъ, не уступающимъ вдохновенному подъему лучшихъ строфъ Эдды. Захватывающее изображеніе первыхъ мгновеній ужаса и горя среди боговъ, когда Бальдръ падаетъ мертвый у нихъ на глазахъ; трогательный образъ умершаго Бальдра, посылающаго на память отцу изъ царства мертвыхъ его послѣдній подарокъ, кольцо; чуткая поэзія сказанія о всеобщемъ плачѣ по Бальдру не только всѣхъ живущихъ, но и земли, и камней и желѣза; трагическая иронія въ имени единственнаго существа, отказывающагося оплакивать погябшаго любимца боговъ и міра,—во всемъ этомъ столько психологической глубины и столько свѣжей самобытной художественной красоты, что приведенная сага не разъ вдохновляла художниковъ и поэтовъ, хотя надо сказать, что едва ли не всѣ выросшія на этой почвѣ литературныя произведенія уступаютъ въ поэтичности и драматизмѣ своему первоисточнику ²⁾. Даже извѣстная обрисовка характеровъ не чужда сагъ: жизненныя черты приданы и Бальдру, и Лóки, и мудрому властителю боговъ Óдину съ его вѣщею скорбью о невзгодахъ, надвигающихся на боговъ послѣ гибели Бальдра, и буйному Громовнику Торру, всегдашнему истребителю исполиновъ, въ которомъ пробуждается инстинктивный неудержимый гнѣвъ при видѣ чудовищной силы великанши, разомъ добывающей того, чего не могли сдѣлать боги...

Продолженіе саги повѣствуетъ о томъ, какъ богамъ послѣ долгихъ усилій удалось изловить Лóки и привязать его въ пещерѣ, гдѣ онъ и долженъ остаться до времени гибели боговъ.

Въ основѣ сказанія о Бальдрѣ лежитъ, несомнѣнно, стихійный мнѣ о солнечномъ, весеннемъ божествѣ, погибающемъ въ борьбѣ съ враждебными ему темными силами; долгая сѣверная зима, сравнительная близость многомѣсячной полярной ночи, всѣ условія окружающей природы и климата, естественно, должны были при-

¹⁾ Возможно, что этимъ она въ значительной степени обязана таланту пересказчика:—Снорри.

²⁾ Кромѣ упомянутой во введеніи поэмы Майкова, см. соответствующія главы въ романахъ: *Æ. Da ð n, Odhin's Trost* и *Æ. Fa ð o w f f h, ð offi*.

дать болѣе или менѣе мрачный колоритъ обще-арійскому миѣическому мотиву объ исконной распрѣ свѣтлаго божества съ темными воплощеніями ночи и зимы: Бальдръ умираетъ отъ руки слѣпого, безъ вины виноватаго Ёодра. Позднѣйшее вѣрованіе прибавило смягчающій элементъ къ повѣсти о Бальдрѣ—вѣсть о его будущемъ возвращеніи въ обновленномъ, безоблачно прекрасномъ мірѣ, гдѣ не будетъ зла и смерти. Но въ древней сагѣ нѣтъ и слѣда этого примиряющаго мотива: Бальдръ долженъ остаться у Ёэль.

Въ миѣѣ о Бальдрѣ ярко сказывается одинъ изъ господствующихъ элементовъ древне-германскаго міросозерцанія: представленіе о міровой судьбѣ, непреложно опредѣляющей жребій всего существующаго, противъ предвѣчныхъ завѣтовъ которой не могутъ бороться ни люди, ни боги. Бальдру суждено погибнуть—такое предопредѣленіе, такой удѣлъ свили ему Норны,—и онъ погибнетъ, несмотря на все, что боги предпринимаютъ для его спасенія. Одинъ смогъ только разгадать предначертанія судьбы и найти у вызванной имъ изъ могилы Провидицы подтвержденіе своихъ страшныхъ догадокъ, но онъ не властенъ спасти любимца отъ грозящей гибели. И Бальдру суждено остаться въ царствѣ смерти: всѣ усилія боговъ вернуть его на землю разбиваются о роковую необходимость, носителемъ которой въ данномъ случаѣ является Лóки. Боги безсильны помѣшать ему и безсильны его уничтожить: убить они могутъ только Ёодра, котораго священный обычай кровавой мести обрекаетъ на смерть, несмотря на то, что онъ является лишь невольнымъ орудіемъ убійства. Лóки суждено жить до кончины міра, и боги могутъ лишь связать его, зная, что настанетъ часъ, когда онъ освободится, и поведетъ противъ боговъ грозную рать разрушительныхъ силъ хаоса.

„И Всерушители сгубятъ боговъ“¹⁾.

1) Слово „Всерушители“, чрезвычайно удачно передающее въ данномъ случаѣ эддическій образъ (рѣчь идетъ о грозныхъ чудовищныхъ представителяхъ хаоса, искони стремящихся сокрушить міровое устрóеніе, поддерживаемое богами; и долженствующихъ, при концѣ міра, дѣйствительно „все рушить“), принадлежитъ не мнѣ. Какъ и нѣкоторыя другія выраженія въ переводѣ „Пѣсни о Путникѣ“—это слово предложено сотруд-

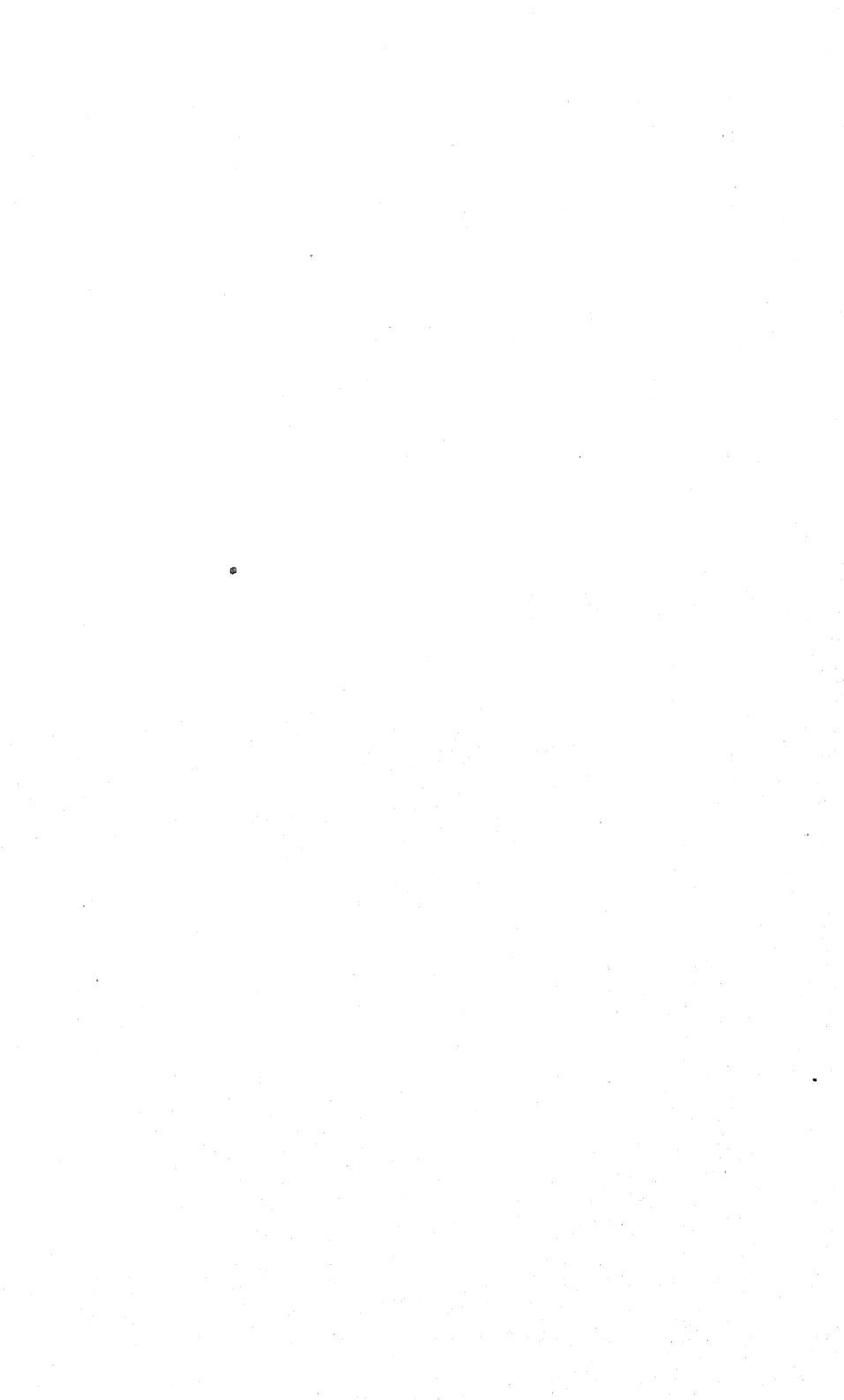
Трагическая печать неотвратимаго Рока, неизбывной и безпощадной необходимости лежитъ на всемъ циклѣ сказаній о Бальдрѣ; эту же печатью отмѣчена въ сильной степени „Пѣснь о Путникѣ“.

Мѣстомъ возникновенія послѣдней, повидимому, слѣдуетъ считать Норвегію, а не Исландію. По времени она, вѣроятно, близко примыкаетъ къ „Прорицанію Провидицы“.

никомъ по переводу этой пѣсни, неоднократно работавшимъ совмѣстно со мною и прежде надъ стихотворными переводами и бывшимъ мнѣ цѣннымъ сотрудникомъ по переводу вокальныхъ текстовъ Шумана, Вагнера и др.

Уважая скромность, побуждающую его воспротивиться упоминанію его имени здѣсь—такъ какъ въ переводѣ Эдды его участіе касалось лишь одной этой пѣсни и ограничилось нѣсколькими отдѣльными совѣтами и поправками—я тѣмъ не менѣе считаю своимъ правомъ и долгомъ выразить, хотя бы въ скромномъ примѣчаніи, мою глубокую признательность другу и сотруднику, не только за фактическое сотрудничество, всегда цѣнное своею чуткостью и вдохновенностью, но еще больше—за духовную поддержку, принесенную мнѣ идейною вѣрою въ цѣль и смыслъ моей долготѣней и трудной работы надъ скандинавскимъ эпосомъ.

С. Свириденко.

ПѢСНЬ О ТРИМРѢ

Торрь въ ярость пришель, какъ отъ сна онъ очнулся —
И хватился Мйбълнира, мощнаго молота. 1
Потрясь бороною, взмахнулъ кудрями
Земли сынъ грозный, вокругъ озираясь.

Первымъ словомъ бога въ то утро было:
„Лбки, послушай! Вотъ что скажу я: 2
Ни въ мйрѣ земномъ, ни на небѣ не знаетъ
Объ этомъ никто: молотъ аса украденъ“.

Торрь пошелъ съ нимъ къ жилищу прекрасному Фрэйи; 3
Рѣчь Лбки повель, первымъ словомъ было:

1. I Торрь—богъ громовъ, сынъ Одина и Йордъ, покровитель жатвъ и урожаявъ, истребитель враждебныхъ богамъ стихійныхъ исполиновъ и чудовищъ. Въ подлинникѣ въ этой строкѣ „Vingfong“—Торрь-Метатель (т.-е. метатель молота).

1, II Мйбълниръ — оружіе Торра, громовый молотъ, выкованный для него искусными карлами Сидри и Броккомъ; весь (не исключая рукояти) желѣзный, имѣющій свойство всегда попадать въ цѣль и, попавъ, возвращаться обратно въ руку бросившаго.

Метательный боевой молотъ былъ обыкновеннымъ оружіемъ сѣверныхъ бойцовъ. Маленькія изображенія молота Торра (изъ серебра, янтаря и т. п.) часто носились на шеѣ въ качествѣ амулетовъ.

1, IV Сынъ Земли. Йордъ, мать Торра, богиня Земли.

2, II Лбки. Богъ огня. Обращеніе къ нему Торра объясняется его всегдашнею лукавою находчивостью, побуждающей боговъ прибѣгать къ его помощи во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

3, I Фрэйа—богиня изъ племени вановъ, дочь Нйордра, первоначально быть можетъ стихійное божество, повидимому богиня плодотворнаго лѣтняго дождя, летящаго надъ землею въ одеждѣ изъ перьевъ (туча), и слезы которой превращаются въ золото (хлѣбныя зерна). Впослѣдствіи богиня красоты и любви.

Мивы о Фрэйѣ нерѣдко сливаются съ мивами о Фриггъ, атрибуты которой иногда приписываются Фрэйѣ.

„Одолжишь ли мнѣ, Фрѣйа, нарядъ свой изъ перьевъ,
Чтобъ украденный молотъ добыть намъ обратно?“

Фрѣйа сказала:

.
. 4
Я охотно нарядъ тебѣ дамъ,—будь онъ даже
Золотой иль серебряный—тотчасъ дала бы.

Лѣки въ путь полетѣль, зашумѣли перья;
[За собой онъ оставилъ небесныя сѣни.]
И страны великановъ онъ скоро достигъ. 3
Тримръ сидѣль на холмѣ, владѣтельный турсъ;
Золотые ошейники псамъ сплеталь онъ
[И коней своихъ рѣзвыхъ разглаживаль гривы].

Тримръ сказали:

Что новаго въ Асгардѣ? что у альфовъ?
Зачѣмъ къ исполинамъ примчался ты, Локи? 6

Лѣки сказали:

У альфовъ неладно, и въ Асгардѣ плохо.
Ты оружье Громѣвника скрыль у себя?

5, IV Тримръ („Шумный“, „Шумящій“) — сѣверный, зимній исполинъ. Если искать въ мифѣ аллегорію стихійныхъ явленій, то онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Тримръ, олицетвореніе зимы, похищаетъ молотъ громоваго бога—вслѣдствіе чего Торръ не можетъ пускать въ ходъ свое оружіе (зимой не бываетъ грозы); но весною Торръ съ помощью Локи (носящаго также имя Лоптръ—„Воздухъ“—и олицетворяющаго въ данномъ случаѣ теплый весенній воздухъ, приносящій таянье), позаимствовавшаго у Фрѣйи ея чудесную одежду изъ перьевъ (приносящую благотворный весенній дождь — тучу), добываетъ обратно молотъ и истребляетъ имъ исполиновъ (враждебныя силы зимы).

6, IV Громѣвникъ. Этимъ именемъ я передаю обычное прозваніе Торра Hloggidi, переводъ котораго не установленъ въ точности, но которое, вѣроятно, происходитъ отъ понятій гремѣть, грохотать, и т. д.

Тримрѣ сказалъ:

Оружье Громовника скрылъ я умѣло,
 На восемь поприщъ въ землю вкопаль. 7
 Хранить его буду, покуда боги
 На выкупъ не вышлютъ мнѣ Фрѣю въ невѣсты.

Лѳки въ путь полетѣлъ, зашумѣли перья
 [Позади онъ оставилъ владѣнія турсовъ],
 И на небо въ Асгардъ вернулся онъ вновь. 8
 Посрединѣ селенія Торрѣ его встрѣтилъ,
 Онъ окликнулъ посла, первымъ словомъ было:

„Есть ли въ дѣлѣ удача? Есть добрыя вѣсти?
 Все повѣдай теперь же, а спустишься послѣ! 9
 Вѣстникъ, съвѣь отдохнуть, часто вѣсть забываетъ;
 А тому, кто разляжется, лгать всего легче“.

Лѳки сказалъ:

Есть въ дѣлѣ удача, есть добрыя вѣсти.
 Твой молотъ у Тримра, властителя турсовъ. 10
 Его не добудешь, покуда боги
 Тримру не выдадутъ Фрѣю въ невѣсты.

Торрѣ пошелъ съ нимъ къ жилищу прекрасному Фрѣи;
 Первая были слова таковы: 11
 „Брачнымъ покровомъ укрась себя, Фрѣя!
 Со мной собирайся ты въ край исполиновъ“.

7, II Существуетъ толкованіе, что „восемь поприщъ“ представляютъ собою восемь (на сѣверѣ) зимнихъ мѣсяцевъ, во время которыхъ молотъ Торра бездѣйствуетъ, т.-е. не бываетъ грозы.

9, III, IV. Быть можетъ, здѣсь приводится древняя пословица. Возможно также, что авторъ пѣсни вложилъ въ уста Торру собственное психологическое наблюденіе — правильное, какъ кажется, примѣнимо къ большинству людей: въ лежачемъ положеніи склонность къ фантазированию сказывается сильнѣе.

Вспыхнула Фрэйа, вскипѣла гнѣвомъ:
 Весь городъ боговъ всколебался кругомъ, — 12
 На груди у нея ожерелье порвалось.
 „Заслужу я названье распутнѣйшей въ свѣтѣ,
 Если въ край исполиновъ отправлюсь съ тобой!“

Собрались на совѣтъ всѣ великіе асы
 И богини всѣ также пришли на совѣтъ. 13
 Сообща совѣщались могучіе боги:
 Какъ оружіе Торра обратно достать?

Геймдальльръ молвилъ слово, изъ асовъ бѣлѣйшій,
 Онъ грядущее вѣдалъ, подобно ванамъ: 14
 „Пусть Торръ подъ покровомъ предстанетъ брачнымъ,
 Ожерельемъ Брисинговъ шею украситъ.“

У пояса пусть забренчатъ ключи,
 И съ колѣнъ ниспадаетъ женское платье; 15
 Пусть цѣнныхъ камнѣй на груди будетъ много,
 И невѣсты уборъ на главѣ у него“.

Торръ возразилъ, изъ асовъ сильнѣйшій:
 „Бабою будутъ звать меня боги, 16
 Если въ женское платье я наряжусь!“

12, III Ожерелье Брисинговъ, чудесное ожерелье Фрэйи, цѣнная работа подземныхъ карловъ Брисинговъ (приблизительное значеніе этого имени „Сплетатели“, „Плетуны“). Съ этимъ ожерельемъ связано нѣсколько мифовъ.

14, I Геймдальльръ—небесный стражъ боговъ. Прозваніе „бѣлѣйшій изъ асовъ“ и самое имя—указываютъ на то, что это одно изъ божествъ свѣта. Онъ богъ радуги, представляющей собою небесный мостъ боговъ, и первыхъ—бѣлыхъ—утреннихъ лучей.

15, I к л ю ч и. Связка ключей—атрибутъ Фрэйи, какъ женственной богини, небесной хозяйки; въ этомъ случаѣ ей приписывается, какъ и часто, черта Фриггъ.

Молвить слово Лóки, Лáуфейн сынъ:
 „Полно, Торрь, перестань! Не болтай ты пустого: 17
 Скоро йóтуны наши края завоюють,
 Если Мйóльнира мы возвратить не сумѣемъ“.

И украсили Торра покровомъ брачнымъ
 И Брйсинговъ ожерельемъ широкимъ. 18

У пояса связка ключей забренчала,
 Складки женской одежды съ колѣнь ниспадали; 19
 На груди засверкали блестящiе камни,
 И невѣсты уборъ на главѣ его былъ.

17, I Л а ú ф е й а (собственно Laufej)—это имя матери Лóки переводятъ „лиственный островъ“ и считаютъ его обозначенiемъ лѣса; въ другомъ мѣстѣ мать Локи названа „Наль“—„Игла“, что считается обозначенiемъ игловидной хвои хвойныхъ деревьевъ. Имя отца Локи—„Фарбаути“—переводятъ „Грозно ударяющiй“ или „Разрушительно поражающiй“, относятъ его къ бурному вихрю, раздувающему пламя горящаго лѣса. Это толкованiе производитъ, слѣдовательно, происхожденiе божества огня изъ картины лѣсного пожара.

По отношенiю къ божеству такой исконно-обоготворяемой стихiи, какъ огонь, это толкованiе представляется мнѣ натянутымъ. Не говоря уже о томъ, что обозначенiе лѣса словами л и с т в е н н ы й о с т р о в ъ—такой типичный скальдическiй прiемъ, какой врядъ ли могъ имѣть мѣсто въ тѣхъ древнихъ памятникахъ, гдѣ встрѣчается имя Laufej—трудно допустить, чтобы первобытному воображенiю такое въ концѣ-концовъ мѣстное и случайное явленiе, какъ лѣсной пожаръ, могло рисоваться источникомъ и началомъ—„родителями“—огня. Скорѣе уже можно принять остроумное объясненiе Дана, толкующаго имена родителей Лóки какъ „огниво“ и „кремень“.

С.

По другимъ мнѣологическимъ концепцiямъ родители Лóки неизвѣстны. Одно несомнѣнно, что по происхожденiю онъ не а с ѣ и лишь принять Óдиномъ въ кровное родство съ богами.

19, III „блестящiе камни“. По всей вѣроятности, такъ наз. „полу-драгоценныя“ камни, въ древности весьма часто употреблявшiеся для украшенiй: гораздо чаще, чѣмъ настоящiе драгоценныя.

И молвилъ Лóки, Лáуфейн сынъ:

„Наряжусь я служанкой, тебя провожу я: 20
Вдвоемъ мы отправимся къ йóтунамъ въ край“.

Привели изъ ограды козловъ круторогихъ,
Въ колесницу впрягли ихъ для быстрого бѣга. 21
Рушились горы, земля загоралась:
Ярый Громовникъ въ Йóтунгеймъ ѣхаль.

И воскликнулъ Тримръ, исполиновъ властитель:
„Собирайтесь вы, турсы, и скамьи готовьте! 22
Асы прислали мнѣ Фрэйю въ невѣсты,
Нйордра дочь изъ Нóатуна.

„Черныхъ воловъ мнѣ во дворъ здѣсь приводятъ,
Коровъ златорогихъ, Тримру на радость; 23
Богатъ серебромъ я, богатъ ожерельями—
Лишь Фрэйи мнѣ только еще не хватало“.

Вечеръ насталь, пировали турсы;
Брагою щедро гостей угощали. 24

(20) Изъ выраженія подлинника „ambött vesa“ („въ видѣ служанки“) нельзя съ увѣренностью заключить, былъ ли Лóки въ этомъ случаѣ только переряженъ служанкой, или же дѣйствительно принялъ женскій образъ. По отношенію къ первоначальной наивной редакціи миеа вѣроятнѣе первое, но въ представленіи позднѣйшихъ пересказчиковъ и слушателей—скорѣе должно было имѣть мѣсто второе. Вѣра въ возможность измѣнять по произволу (чарами) полъ—была распространена въ древне-скандинавскомъ мірѣ (краткія указанія на этотъ счетъ см. Неггтап. Nord. Myth., 71). Въ самой Эддѣ есть примѣры подобныхъ превращеній (см. Перв. Пѣснь о Гельги, Побѣдитель Гундингра, 38—44), и въ частности относительно Лóки существуютъ миеы съ аналогичными метаморфозами (Lokasenna, 23; 33).

21, II Торръ ѣздитъ на колесницѣ, запряженной двумя козлами.

21, IV Йóтунгеймъ—міръ йóтуновъ, исполиновъ.

22, IV Нóатунъ—мѣстопробываніе морского бога Нйордра. Значеніе слова приближается къ понятію „гавани“, „стоянки кораблей“, и т. п.

Быка съѣлъ мужъ Сифъ и восемь лососей,
И сласти всё, что для жень припасли;
И выпилъ Громовникъ три бочки меду.

Вымолвилъ Тримръ, исполнивъ властитель:
„Кто въ жизни видалъ столь прожорливыхъ жень? 25
Не видѣлъ я вѣкъ, чтобъ невѣста такъ ѣла,
И меду такъ много умѣла бы выпить!“

Сидѣла при Фрѣйѣ служанка разумная,
И турсу служанка отвѣтила живо: 26
„Цѣлыхъ восемь вѣдь дней Фрѣйа вовсе не ѣла—
Такъ страстно стремилась въ край Тримра она!“

Къ невѣстѣ подвинулся Тримръ—цѣловаться,
Но, раздвинувъ покровъ, онъ отпрянулъ въ страхъ: 27
„Съ чего горять очи Фрѣйи такъ грозно?
Кажется, словно въ нихъ пламя пылаетъ!“

Сидѣла при Фрѣйѣ служанка разумная,
И турсу служанка отвѣтила живо: 28
„Цѣлыхъ восемь ночей Фрѣйа глазъ не смыкала, —
Такъ страстно стремилась въ край Тримра она“.

Явилась тутъ Тримра сестра престарѣлая,
И требовать стала отъ Фрѣйи даровъ: 29

24, III С и ф ъ—жена Торра.

(26, 28) Усердные комментаторы рѣшаются искать символическаго значенія въ числѣ „восемь“, повторяющемся въ обѣихъ репликахъ Люки, ставя его въ связь, опять-таки, съ 8-мью зимними мѣсяцами. Но въ данномъ случаѣ врядъ ли умѣстно символическое толкованіе; цифра повидному вполне случайна (быть можетъ связана съ размѣромъ стиха). С.

(29) Появленіе старухи-исполиши, просящей подарка у новобрачной, врядъ ли нуждается въ особомъ аллегорическомъ толкованіи (Уландъ считаетъ ее олицетвореніемъ зимней нужды и обѣднѣнія). Скорѣе всего, это

„Съ своихъ рукъ подари ты запястья мнѣ красныя,—
Ими заслужишь ты милость золовки,
Милость золовки и ласку ея“.

Вымолвилъ Турсъ, исполиновъ властитель:

„Пусть Мйольниръ скорѣй принесутъ для обряда. 30
Положимъ его на колѣни невѣстѣ—
Во имя Варъ освятить нашъ союзъ“.

Сердце у Торра въ груди засмѣялось,
Какъ только увидѣлъ Громовникъ свой молотъ; 31
И прежде всего умертвилъ онъ имъ Тримра,
Потомъ и гостей всѣхъ, родичей йѳтуна.

Убилъ и старуху онъ, Тримра сестру,
Что выпросила у невѣсты запястья: 32
Смерть вмѣсто золота старой досталась,
Вмѣсто подарка—ударъ молотка.

Такъ добылъ Громовникъ свой молотъ обратно.

просто черта, заимствованная изъ обыкновеннаго человѣческаго быта; быть можетъ, указаніе на какой-нибудь свадебный обычай. С.

30, II Молотъ Торра, верховнаго покровителя договоровъ и обѣтовъ, вообще служилъ для освященія брачныхъ союзовъ. Неизвѣстно, соответствовалъ ли этому представленію какой-нибудь свадебный обрядъ у сѣверныхъ германцевъ.

Погребальный корабль, на которомъ сожжено было тѣло убитаго Балдра—также долженъ былъ быть освященъ молотомъ Торра.

30, IV Варъ—богиня обѣтовъ; отвлеченный, сравнительно поздній мифологическій образъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Тримрѣ“ сохранилась только въ Codex Regius 2365, гдѣ она и носитъ это заглавіе (фрунсквиѳа). Это одна изъ древнѣйшихъ,—въ цѣломъ видѣ несомнѣнно самая древняя изъ пѣсенъ Эдды. Появилась она около 900 г. или раньше; вѣроятно въ Норвегіи. Могкъ предполагаетъ, что задолго до написанія она переходила въ видѣ устнаго сказанія отъ поколѣнія къ поколѣнію. Несмотря на ея древность, въ ней не найдено сколько-нибудь крупныхъ вставокъ и искаженій, и только одинъ незначительный пропускъ.

Содержаніе не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ. Это первобытный народный миѳъ въ несложной и красивой эпической передачѣ. „Пѣснь о Тримрѣ“ производитъ впечатлѣніе большой цѣльности и законченности. Примитивная, но яркая обрисовка характеровъ, живость повѣствованія и грубоватый свѣжій юморъ — придаютъ своеобразную прелесть этому произведенію. Хотя считать эту пѣснь безъ всякихъ оговорокъ „прекраснѣйшею изъ пѣсенъ Эдды“, какъ выражаются Могкъ и В. Гольтеръ — это ужъ значить, мнѣ кажется, заходить слишкомъ далеко.

ПѢСНЬ О ГИМІРѢ

Собрались для трапезы боги побѣды;
Да не вдосталь хватило имъ дичи и браги.

Гадали на прутьяхъ, гадали на крови—
Нагадали, что вдоволь припасовъ у Эгира.

Сидѣлъ въ своемъ домѣ, по-дѣтски веселый,
Житель весей скалистыхъ со взглядомъ ребенка;

Сынъ Иггра взглянулъ ему въ очи съ заботою:
„Долженъ пиръ ты богатый богамъ приготовить“.

Не радъ исполинъ былъ, до распрей охотникъ,
И богамъ повредить онъ враждебно задумалъ.

1, III На прутьяхъ гадали слѣдующимъ образомъ. Врѣзали въ кору прутьевъ (или прямо въ кусочки коры) волшебные знаки (руны) и затѣмъ вынимали (или вытряхивали) извѣстное количество ихъ изъ сосуда (или шлема), гдѣ они были смѣшаны. На основаніи сочетанія тѣхъ знаковъ, которые такимъ образомъ выпадали, дѣлались заключенія о предметѣ гаданья.

Гаданье на жертвенной крови (по ея количеству, цвѣту, по тому какъ она вытекаетъ изъ тѣла убитаго животнаго)—распространенный видъ гаданья въ языческой древности, какъ у германцевъ, такъ и у другихъ народовъ.

Примѣненіе, да еще и со стороны боговъ, торжественнаго гаданія къ такому случаю, какъ варка пива—представляется мнѣ просто юмористическою выходкою древняго поэта.

1, IV Эгиръ—повелитель морей, стихійное существо, повидимому лишь наполовину дружественное богамъ, сынъ исполина Форнйотра.

2, II „Житель весей скалистыхъ“—т.-е. исполинъ. Въ данномъ случаѣ сынъ исполина Эгиръ.

2, III Иггръ—названіе Одина. Сынъ Иггра—громовый богъ Торрь.

Котель привезти—мужа Сифъ попросилъ онъ:
„А тогда я въ немъ браги на всѣхъ наварю“.

И боги, владыки, не вѣдали долго:
Гдѣ найти имъ котель, чтобъ великъ былъ достаточно? 4
Но Тиръ наконецъ Торра тайно утѣшилъ,—
Даль Громовнику дружески мудрый совѣтъ.

„Обитаетъ къ востоку отъ Эливагара
Гимиръ, йотунъ мудрѣйшій, у края небесь. 3
Имѣетъ отецъ мой громадный котель—
Сосудъ знаменитый, въ версту глубиною“.

Торръ сказалъ:
Возможно ли только достать тотъ котель? 6

Тиръ сказалъ:
Да, другъ, если дѣло хитро поведемъ мы.

День проѣхали ровно, покуда добрались
Изъ Асгарда оба туда, гдѣ жилъ Эгиль. 7

3, III С и ф ъ—богиня плодородія. Мужъ ея Торръ.

4, III Т и р ъ—богъ войны. Первоначально божество неба.

5, I Э л и в а г а р ъ—„бурныя воды“. Мировой потокъ; по одному толкованію (Могкъ) Млечный Путь.

5, II Г и м и р ъ—морской исполинъ; олицетвореніе, какъ кажется, замерзшаго, „зимняго“ моря.

5, III Здѣсь Тиръ оказывается сыномъ Гимира, тогда какъ вообще онъ считается сыномъ Одина, асомъ.

Быть можетъ, тутъ надо видѣть слѣды прежняго представленія о Тирѣ какъ о богѣ (дневного) неба, имѣющаго свое „начало“ въ морскихъ волнахъ (Герингъ).

Возможно и то, что слово отецъ употреблено произвольно вмѣсто отчимъ, и Гимиръ былъ только мужемъ матери Тира, но не его отцомъ.

7, II Э г и л ь—повидному, то же самое лицо, которое было отцомъ служителя Торра, Тіальфи; во всякомъ случаѣ нѣкто, къ кому Торръ и

Козловъ златорогихъ загналъ онъ въ ограду.
Тирь же съ Торромъ пошли въ обиталище Гѣмира.

Тирь бабуку увидѣть свою ненавистную:
Девять сотенъ головъ исполинша имѣла. 8
Но другая хозяйка сіяла вся золотомъ;
И браги гостямъ принесла свѣтлобровая.

„Вы родичи йотуна, храбрые гости!
Стать вамъ лучше, покамѣсть, къ стѣнѣ, за котлами — 9
Бываетъ супругъ мой суровъ зачастую,
Съ гостями неласковъ и норовомъ зlobенъ“.

Поздно турсъ безобразный съ охотой управился.
Гѣмиръ, грубый хозяинъ, пришелъ во-свояси. 10
Явился въ жиле онъ; сосульки зазвякали:
Обмерзъ у свирѣпаго лѣсъ подбородка.

его спутникъ обращаются за гостепрѣимствомъ и оставляютъ у него запряженную козлами колесницу громоваго бога (вѣроятно для того, чтобы при приближеніи къ жилищу Гѣмира громъ колесницы не выдалъ сразу ея владѣльца).

8, I б а б к а Т и р а—мать Гѣмира, многоголовая исполинша. Многоголовые исполины нерѣдко фигурируютъ въ сказаніяхъ. Однако такое число головъ, какъ девять сотъ—не позволяющее воображенію создать сколько-нибудь опредѣленную фигуру—скорѣе заставляетъ предположить аллегорію (если только правильно чтеніе текста въ этомъ мѣстѣ), и вѣрнѣе всего, что аллегорія опять таки связана съ моремъ.

8, II д р у г а я х о з я й к а—жена Гѣмира. Судя по ея „свѣтлымъ бровямъ“, а также по ея враждебному отношенію къ супругу-великану и благожелательности къ богамъ—это красавица изъ рода асовъ, вѣроятно насильно похищенная Гѣмиромъ. Такимъ происхожденіемъ оправдывалась бы возможность для автора пѣсни—если даже онъ считалъ Тира сыномъ Гѣмира—причислять его къ асамъ, по матери.

9, II Котлы висѣли на перекладинѣ вдоль стѣны.

10, IV „лѣсъ подбородка“—борода.

Хозяйка сказала:

„Привѣтъ тебѣ, Гѣмиръ, будь весель ты сердцемъ!

Сегодня къ намъ въ гости явился нашъ сынъ; 11

[Ожидали мы долго его издалека.]

Съ нимъ прибылъ и тотъ, кто былъ Гродру противникъ,
Благодѣтель людей, по прозванію Вэоррь.

Сѣсть велѣла я имъ подь наклонною кровлей,

И балка съ котлами отъ глазъ ихъ скрываетъ“. 12

Зорко турсъ посмотрѣлъ,—и отъ взора столпъ треснулъ,
Раздробилась на щепки дубовая балка.

Попáдали съ балки котлы; и разбилось

Всѣхъ ихъ восемь; одинъ, крѣпко скованный, выдержаль. 13

Впередь вышли асы, и пристальнымъ взоромъ

Ибгунъ старый смотрѣтъ на противниковъ сталь.

Онъ недоброе чуюль, того увидавъ

Въ гостяхъ у себя, кто женъ турсовъ печалить; 14

Но для трапезы трехъ онъ быковъ приказаль

Убить, и сварить поскорѣ ихъ мясо.

(11) Х о з я й к а. Въ подлинникѣ *frilla* — „подружка“, „возлюбленная“. Т.-е. подруга Гѣмира, имя которой не названо.

11, IV Изъ текста ясно, что п р о т и в н и к ъ Г р о д р а — Торрь. Но о личности Гродра не имѣется свѣдѣній. Надо думать, что это одинъ изъ побѣжденныхъ Торромъ исполиновъ.

11, V В э о р р ь — „Освятитель“. Прозваніе это присвоено Торру, по всей вѣроятности въ связи съ освящающимъ значеніемъ его молота. С.

12, III, IV По толкованію Уланда, разрушительная сила взора исполина—отъ котораго трескается столпъ—обозначаетъ разрушительную силу зимняго мороза.

13, II Уцѣлѣлъ именно котель, за которымъ боги и явились къ исполину.

14, II Торрь „печалить женъ турсовъ“ тѣмъ, что истребляетъ ихъ мужей (иногда, впрочемъ, и ихъ самихъ. См. „Ск. о Гѣрбардрѣ“, 23).

Разсказъ о поведеніи исполина характеренъ для древне-герман-

Всѣ три стали скоро короче на голову;
 И поставили туши, въ котлѣ, кипятить. 15
 И сильный мужъ Сифъ съѣлъ одинъ передъ сномъ
 Два быка цѣликомъ за столомъ великана.

Сѣдому хозяину, Грунгнира другу,
 Показался не малымъ Громовника ужинъ. 16
 „На завтра“, сказалъ онъ, „всѣ трое питаются
 Мы будемъ добычею съ нашего лова“.

На ловъ отправляться былъ Вѣоррь согласенъ
 Только съ тѣмъ, чтобы Гѣмирь приманку доставилъ. 17

Гѣмирь сказалъ:

„Иди за приманкой къ стадамъ, если смѣешь,
 Обитателей горъ истребитель могучій! 18
 Я побьюсь объ закладъ, что приманку для лова
 Добыть отъ быковъ тебѣ будетъ легко“.

Торрь не спорилъ, и къ лѣсу поспѣшно направился.
 Быкъ черный тотчасъ повстрѣчался ему. 19
 Оторвалъ съ его плечъ исполиновъ губитель
 Рогатую крѣпость, могучую голову.

скихъ понятій о гостепріимствѣ, въ которомъ не отказывалось даже заклятому врагу.

16, I другъ Грунгнира — Гѣмирь. Грунгнирь — исполинъ, съ которымъ бился Торрь, побѣдившій и убившій его.

17, I Рѣчь идетъ о морскомъ ловѣ на (донную) удочку.

18, I „если смѣешь“. Подходить къ стадамъ полудикаго скота было небезопасно, не говоря уже о томъ, чтобы отвести и убить одного изъ быковъ.

18, II „Обитатели горъ“ — употребительный эпитетъ исполиновъ.

Гѣмирь сказаль:

Еще хуже, когда ты на промыселъ ходишь,
Чѣмъ когда за ѣдою ты въ домѣ сидишь. 20

.
.

Козловъ златорогихъ Возница—уроду
Предложилъ дальше править въ открытое море; 21
Отвѣчалъ исполнишь, что ничуть не желаетъ
Еще удаляться отъ берега въ лодкѣ.

И турсъ престарѣлый поймалъ двухъ китовъ—
Двухъ сразу, на оба крючка своей удочки. 22
На кормѣ же, тѣмъ временемъ, храбрый сынъ Одина
Вѣоррь ловко налаживалъ лёсу свою.

Насадилъ на крючекъ свой бычачью онъ голову,
Людей благодѣтель, противникъ Чудовища. 23
Наживку взялъ жадно Врагъ асовъ ужасный,
И повлекъ къ себѣ лёсу земли Опоясатель.

(20) Чтобы буквально сохранить слегка комичную, въ высшей степени характерную фразу Гѣмира, мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось пропустить обращеніе къ Торру „Повелитель кораблей“, не умѣщавшееся безъ нарушенія ритма въ эту реплику.

Это обращеніе, вообще не характерное для Торра, истолковывается какъ указаніе на предстоящую морскую поѣздку. С.

20, II Послѣ этой строки пропускъ, не менѣе чѣмъ въ четыре строки, гдѣ должно говориться о началѣ поѣздки.

Въ слѣдующей изъ сохранившихся строфъ Гѣмирь и Торръ уже находятся въ ладѣ на морѣ. С.

21, I Уроду, т.-е. Гѣмиру, átrunn ара — слѣдовало бы объяснить своеобразный эпитетъ: „потомокъ обезьяны“, сохранить который здѣсь не удалось. Вѣроятно, онъ поздняго происхожденія.

23, II Подъ Чудовищемъ въ данномъ случаѣ подразумѣвается испанскій морской змѣй Йормунгандръ, сынъ Лѣки и исполинши Ангрбоды, окружающій земной міръ своимъ тѣломъ — „Опоясатель Земли“, „Врагъ

Отважный Громѣвникъ безъ трепета вытащить
 До борта, на верхъ, ядовитаго змѣя. 21
 Колотить сталь онъ сверху соратника Волка;
 Холмъ волосъ его страшный онъ молотомъ ранилъ.

Заревѣли чудовища, горы отгрянули,
 Вся земля всколебалась, и дрогнула, древняя; 23
 Но разсѣкъ исполнивъ напряженную лёсу —
 И на дно снова канула грозная рыба.

.
 Не въ духъ былъ турсъ на обратномъ пути. 24
 На веслахъ сидѣлъ и молчалъ онъ, сердитъ,
 И къ берегу правилъ кратчайшей дорогой.

Гѣмиръ сказалъ:

„Остатокъ труда мы подѣлимъ съ тобой.
 Желаетъ козла ты валовъ укрѣпить здѣсь? 27

асовъ“, противъ котораго Торрь выступитъ и при кончинѣ міра („Прор.
 Пров.“, 50; 56).

24, III Соратникъ Волка — все тотъ же Змѣй. Какъ и Волкъ
 Фѣнриръ, его братъ, онъ будетъ въ послѣдней міровой битвѣ предво-
 дительствовать чудовищами, врагами боговъ.

24, IV „Холмъ волосъ“ — голова. Въ данномъ случаѣ метафора при-
 мѣнена лишь въ общемъ смыслѣ. Врядъ ли можно предполагать, что авторъ
 пѣсни представлялъ себѣ змѣя съ дѣйствительными волосами на головѣ.

25, III Этою строкою я восполняю пропускъ въ текстѣ на основаніи
 отрывка Снорровой Эдды, гдѣ разсказывается тотъ-же эпизодъ и сообщается,
 что великанъ, чтобы спасти Змѣя (врага боговъ и родича великановъ),
 перерубилъ лёсу, вслѣдствіе чего Йормунгандръ нырнулъ обратно въ море.

Здѣсь, какъ и вездѣ, я восполняю по смыслу — не имѣя въ виду воз-
 становленія подлинныхъ словъ текста. С.

26, I Въ пропущенной строкѣ говорилось, какъ предполагаютъ, что
 Торрь побилъ исполина.

По другому варианту сказанія, Торрь убилъ его.

27, II „козель валовъ“, „водяной конь“ — метафорическія
 изображенія корабля.

Если нѣтъ, то китовъ ты до мѣста доставь,
Отнеси до жилья ихъ лѣсистой долиной“.

Торрь носъ ухватилъ водяного коня,
На песокъ его вытянулъ, воду не выкачавъ. 28
До жилья исполина одинъ онъ снесъ лодку—
Въ ней весла, черпакъ, и двухъ вепрей буруновъ.

Но все еще турсъ не сдавался, и въ силѣ
Упрямо хотѣлъ состязаться онъ съ Торромъ. 29
Онъ сказалъ, что хотъ съ лодкою асъ и справляется,
Но сильнѣй того нѣтъ, кто разбить сможетъ кубокъ.

Громовикъ великаній взялъ кубокъ; и кинулъ
Объ каменный столпъ онъ тотъ кубокъ хрустальный. 30
Не вставая, онъ столпъ расколоть пополамъ—
Но къ Гѣмиру цѣлымъ хрусталь возвратился.

Тогда исполина подруга прекрасная
Наилучшій совѣтъ подала, какой знала: 31
„Запусти этимъ кубкомъ ты въ голову Гѣмира—
Тверже черепъ его, чѣмъ крѣпчайшій хрусталь“.

Привсталъ повелитель козловъ златорогихъ,
И божеской мощи всю крѣпость напрягъ. 32

28, IV вепри буруновъ—киты.

29, II Повидимому Гѣмиръ поставилъ условіемъ выдачи котла—доказательство превосходства въ силѣ со стороны Торра.

29, IV кубокъ. Имѣвшійся у Гѣмира и отличавшійся необычайною крѣпостью хрустальный кубокъ.

31, III Герингъ указываетъ на распространенность дровяго вѣрованья, что нѣтъ ничего тверже великаней головы.

Цѣль остался у турса шелома носитель, —
Но сосудъ закругленный въ куски расколотся.

Гѣмиръ сказалъ:

Навѣкъ я утратилъ сокровище цѣнное,
Съ тѣхъ поръ какъ мой кубокъ въ осколкахъ упалъ; 33
Никогда не придется мнѣ больше имъ тѣшиться,
И не будетъ мнѣ брага на радость, какъ прежде!

„Вотъ условье послѣднее: сами отсюда
Котель мой пивной унести вы должны“. 34
Тирь дважды пытался котель приподнять;
Но громадный сосудъ даже съ мѣста не сдвинулся.

За край ухватилъ его Мѣди отецъ,
И съ нимъ по ступенямъ чертога спустился. 35
Несъ онъ вѣскій сосудъ на своей головѣ,
И до пятокъ спускались со звономъ ушки.

Отошли недалеко—и Одина сынъ
Еще разъ оглянулся назадъ, на дорогу. 36

32, III „шелома носитель“—голова.

32, IV По мнѣнію комментаторовъ, расколотый хрустальный кубокъ символизируетъ весеннее разрушеніе льдовъ, сковывающихъ море зимою.

35, I отецъ Мѣди—Торрь. Его сыновей звали Мѣди и Мѣгни.

За эту строфу, повидимому, пропускъ; здѣсь, вѣроятно, сообщалось, что боги пустились въ обратный путь.

36, I. Отошли. Употребленный въ подлинникѣ глаголь *fará* можетъ одинаково означать и „идти“, и „ѣхать“. Несмотря на то, что въ 36 и 38 строфѣ имѣется тождественное выраженіе „*forót lenga*“, я считаю несомнѣннымъ, что оно должно быть переведено въ первомъ случаѣ: отошли недалеко (собств.: „шли недолго“), а во второмъ „отѣхали недалеко“ („ѣхали недолго“). Если Торрь снялъ съ головы котель при приближеніи исполиновъ,—ясно, что въ этотъ моментъ котель, настолько огромный, что ушки его доходили до пятъ несшему, еще находился на его головѣ; при такихъ условіяхъ ему невозможно было бы править колесни-

И Торрь увидаль, что съ востока за Ѓймиромъ
Къ нимъ шло изъ пещерь многоглавое племя.

Спустиль Громовікъ тутъ котель съ головы,
И подняль онъ Мйбльнирь, убійственный молотъ. 37

.

И пустыни китовъ истребилъ безъ остатка.

Недалеко отъѣхали—вдругъ повалился
Полумертвый одинъ изъ козловъ у Громовника. 38
Ногою рогатый скакунъ не владѣль;
Быль Лѳки лукавый причиной несчастья.

цею. Слѣдовательно, нападеніе на боговъ произошло до того, какъ послѣдніе взошли на свою колесницу. Напротивъ, въ 38 ясно говорится, что одинъ изъ запряженныхъ козловъ упалъ въ пути; стало быть, боги уже взяли свою колесницу и ѣхали. С.

36, IV „многоглавое племя“—исполины. Среди нихъ многіе имѣли по нѣскольку головъ.

37, IV „киты пустыни“—исполины.

(38) Здѣсь всплываетъ эпизодъ, рассказываемый въ сагѣ по другому поводу (Gylf., 44).

Торрь, въ сопровожденіи Лѳки, странствовалъ однажды по землѣ въ своей колесницѣ, запряженной козлами. Они остановились ночевать въ жилищѣ земледѣльца (лицо, вѣроятно, тождественное съ Эгилемъ). Къ ужину Торрь убилъ своихъ козловъ, велѣлъ ихъ сварить и подать. Онъ пригласилъ принять участіе въ трапезѣ и хозяина съ его дѣтьми, которыхъ звали Тйальфи и Рѳква. Торрь велѣлъ всѣ кости отъ съѣденныхъ козловъ бросать на обѣ козлиныя шкуры, положенныя имъ у очага. Всѣ такъ и сдѣлали, за исключеніемъ Тйальфи, который тайкомъ взялъ себѣ одну кость и разгрызъ ее, чтобы полакомиться мозгомъ. На утро Торрь чудеснымъ образомъ оживилъ обоихъ козловъ; но оказалось, что одинъ хромаетъ, оттого, что кость ноги у него не цѣла, и тогда открылась продѣлка Тйальфи.

Какимъ образомъ, однако, причиною этого могъ оказаться Лѳки—совершенно не видно. Единственное, что можно предположить, исходя изъ личныхъ особенностей Лѳки и его обычнаго поведенія—это то, что онъ посоветовалъ Тйальфи разгрызть кость. Но это предположеніе остается, разумѣется, чистѣйшей гипотезой. С.

Извѣстно вамъ вѣрно,—кто можетъ повѣдать
 Точнѣе о судьбахъ могучихъ боговъ?— 39
 Какъ вредъ возмѣстили обитатель пустыни,
 Давъ Торру дѣтей своихъ двухъ въ услуженье.

Въ собранье боговъ Торръ явился могучій,
 Онъ доставилъ котель, что у Гѣмира былъ. 40
 И могли теперь вволю у Эгира асы
 Пировать до поры, когда ленъ собираютъ.

(39) „обитатель пустыни“, т.-е. тотъ, въ чьемъ жилищѣ Торръ ночевалъ,—отдалъ ему въ услуженіе своихъ дѣтей Тйальфи и Рёскву, которыя впряглись въ его колесницу вмѣсто охромѣвшаго козла.

Тйальфи часто фигурируетъ въ пѣсняхъ и сагахъ, въ качествѣ служителя и оруженосца Торра.

40, IV Т.-е. до осени.

Если считать котель Эгира—аллегоріей моря, то эта строка относится къ осеннему замерзанію водъ, послѣ котораго „котломъ“ пользоваться нельзя.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Гѣмирѣ“ сохранилась цѣликомъ въ Codex Regius, 2365, а также въ Codex Aenagnaeanus, 748. Она принадлежитъ къ позднѣйшимъ эддическимъ пѣснямъ, и составъ ея отличается нѣкоторою сложностью: въ ней скомпанованы въ одно и подвергнуты нѣкоторой формальной переработкѣ нѣсколько миѳовъ, первоначально не связанныхъ между собою: миѳъ объ исполинскомъ котлѣ, добываемомъ Торромъ, миѳъ о борьбѣ его со змѣемъ Йормунгандромъ, сказаніе о томъ, какъ охромѣлъ одинъ изъ козловъ, везущихъ колесницу Торра. Весь этотъ матеріалъ почерпнуть авторомъ пѣсни изъ различныхъ источниковъ и скомбинированъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно искусно: видно, что тутъ имѣло мѣсто не случайное сліяніе эпическихъ мотивовъ, а сознательная литературная работа свѣдущаго и не лишеннаго дарованія автора. Правда, послѣднее оказывается не вездѣ одинаково на высотѣ задачи; наприм., эпизодъ съ козломъ Торра введенъ въ повѣствованіе весьма неожиданно и нескладно. Но автору безспорно удалось придать произведенію общій тонъ, опредѣленный стиль. И этотъ стиль, характерный для сравнительно поздней эпохи, богатый свойственными скальдамъ метафорическими эпитетами „kenningar“ („лѣсъ подбородка“—борода, „холмъ волосъ“—голова, „козелъ валовъ“—лодка, ладья и т. п.), отличающійся нѣсколько осложненнымъ построеніемъ фразы—свидѣтельствуешь о томъ, что авторъ принадлежитъ къ числу скальдовъ довольно поздней поры, конца X вѣка. Среди нѣсколько искусственныхъ литературныхъ приѣмовъ этой эпохи мѣстами выдѣляются въ „Пѣсни о Гѣмирѣ“ отрывки, дышащіе простотою и силою настоящаго древняго эпоса:

Заревѣли чудовища, горы отгрянули—

Вся земля всколебалась и дрогнула, древняя...

Или наивныя реплики, проникнутыя первобытною непосредственностью и выразительностью, въ родѣ обращенія Гѣмира къ Торру:

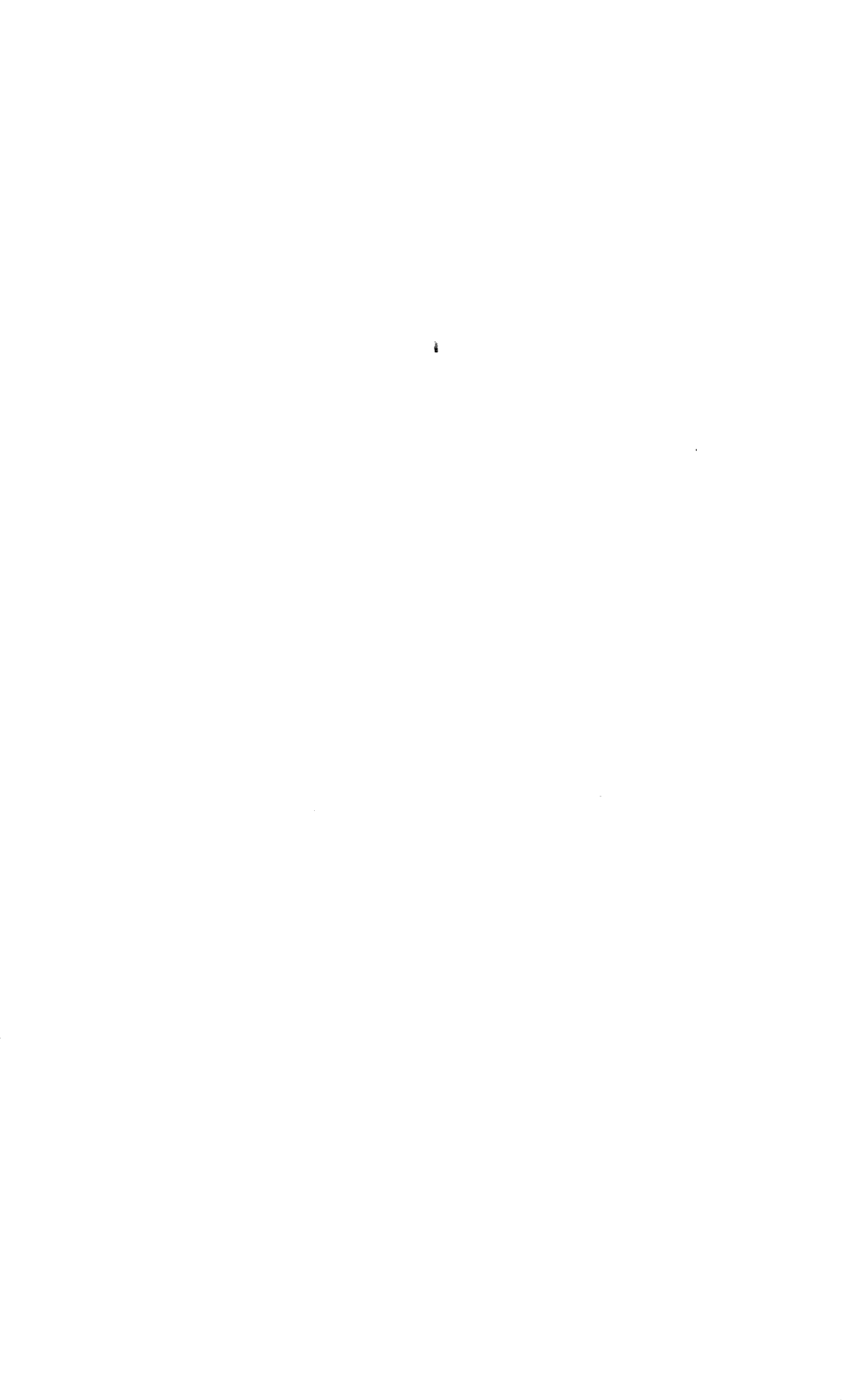
Еще хуже, когда ты на промысель ходишь,
Чѣмъ когда за фдою ты въ домѣ сидишь! (20)

Этотъ крайне простой тонъ рядомъ съ замысловатыми скальдическими приемами въ другихъ строфахъ лишній разъ даетъ почувствовать разнородность элементовъ, изъ которыхъ составилась „Пѣснь о Гѣмирьѣ“.

Миѳы, фигурирующіе въ этой пѣсни, вдохновляли рядъ поэтовъ (Браги, Эйлифъ, Эйстейннъ, Ульфръ Угассонъ и др.). Въ настоящее время трудно рѣшить, въ какомъ взаимоотношеніи находились произведенія ихъ между собою; по той же причинѣ и вопросъ о непосредственныхъ источникахъ „Пѣсни о Гѣмирьѣ“ остается спорнымъ. Не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы Снорри пользовался ею (Gylfag., 47); она не могла быть ему извѣстна¹⁾; скорѣе и Снорри, и авторъ „Пѣсни о Гѣмирьѣ“ должны были пользоваться общими источниками.

Христіанскія вліянія въ „Пѣсни о Гѣмирьѣ“ отсутствуютъ. Могкъ считаетъ ее продуктомъ цѣльнаго, еще не тронутаго никакими разлагающими исканіями, язычества.

1) См. Сіймонсъ.

СЛОВЕСНАЯ РАСПРЯ ЛÓКИ

Эгирь, котораго иначе называютъ Гимирь, наварить для асовъ пива, когда онъ раздобылъ большой котель, какъ объ этомъ только что рассказано. На этотъ пиръ явился Одинъ и жена его Фриггъ; Торрь не пришелъ, потому что находился на Востокъ. Сифъ была тамъ, жена Торра; Браги, и жена его Йдунъ. Тиръ былъ тамъ; онъ былъ однорукій, Волкъ Фенрирь откусилъ ему руку, когда его связали. Тамъ былъ Нйордръ и жена его Скади; Фреиръ и Фрёйа; и Вйдаррь, сынъ Одина. Былъ тамъ Лóки; и служители Фрёира Бйгвиръ и Бёйла. Много асовъ и альфовъ находилось тамъ. 10

У Эгира было двое служителей: Фимафёнгръ и Эльдиръ. Въмѣсто огня сіяющее золото служило для освѣщенія. Пиво само разносилось гостямъ. И было тамъ великое урочище мира.

Гости съ похвалою говорили, какіе у Эгира хорошіе слуги. 12
Лóки не хотѣлъ этого слышать, и убилъ Фимафёнгра. Тогда боги стали потрясать щитами противъ Лóки, закричали на 17

Проза. 1) Гимирь, морское божество, не тождественъ съ исполнителемъ Гимиромъ.

5) Торрь находился на Востокъ, гдѣ онъ, какъ обычно, воевалъ съ исполинами.

11) Именамъ Фимафёнгръ и Эльдиръ не приписывается символическаго значенія, но оба они связаны со стихіею огня.

12) сіяющее золото въ чертогѣ морскаго бога—фосфорическое свѣщеніе моря.

13) урочище мира, grifastafr, мѣсто, гдѣ никого нельзя было убить, даже преступника. См. „Пѣснь о Путникѣ“, общія замѣчанія въ концѣ; о богахъ и богиняхъ см. примѣчанія къ тексту стиховъ, также указатель именъ.

17) потрясать щитами. Грозитъ ему мечами или копьями они не хотѣли, чтобы не нарушать священнаго мира чертога.

него и изгнали его прочь въ лѣсъ. А сами вернулись опять на пирь.

Лóки возвратился снова и встрѣтилъ у входа Эльдиря.

Лóки сказалъ ему:

Раньше, чѣмъ ступишь впередъ ты на шагъ,
Эльдирь, мнѣ отвѣдь дай:

О чемъ говорятъ тамъ, пируя, за брагой
Боги, любимцы побѣдъ?

1

Эльдирь сказалъ:

Дѣла свои славятъ, отвагою хвалятся
Боги, любимцы побѣдъ.

Никто среди áсовъ и альфовъ у Эгира
Добромъ не помянетъ тебя.

2

Лóки сказалъ:

Мнѣ надо пойти въ обиталище Эгира,—
На праздничный пирь посмотрѣть.

Раздоръ и досаду гостямъ принесу я,
Желчью приправлю имъ праздничный медъ.

3

Эльдирь сказалъ:

Если въ чертоги ты Эгира явишься,
Чтобы великихъ боговъ

Злыми словами язвить—то, повѣрь мнѣ,
Тѣмъ же тебѣ отомстятъ.

4

Лóки сказалъ:

Эльдирь, ты знаешь, что если начнется
Словесная схватка у насъ—

Всегда надъ тобой одержу я побѣду,
Сколько бы ты ни болталъ.

5

Послѣ этого Лóки вошелъ въ чертогъ. Но когда находившіеся тамъ увидѣли, кто пришелъ, то всѣ они замолчали.

Лóки сказалъ:

Въ гости къ богамъ совершилъ издалека
 Лоптрь утомительный путь; 6
 Жажущій гость ожидаетъ, чтобъ дали
 Свѣтлаго меду ему.
 Что вы примолкли всѣ, смѣлые боги—
 Слова не слышно отъ васъ? 7
 Удѣлите мнѣ мѣсто и меду налейте;
 Иль велите отсюда уйти.

Бра́ги сказалъ:

Ни мѣста, ни меду у асовъ за пиромъ
 Не будетъ тебѣ никогда! 8
 Извѣстно богамъ, что не всякому гостю
 Среди нихъ подобаетъ здѣсь быть.

Лóки сказалъ:

О́динъ, ты помнишь, какъ въ древнюю пору
 Кровнаго братства обрядъ нашь связать? 9

6, II Лоптрь—одно изъ именъ Лóки. Означаетъ оно собственно „воздухъ“ и характеризуетъ Лóки, какъ бога теплаго, приносящаго таянье вѣтра.

(8) Бра́ги — богъ пѣсни, одинъ изъ позднѣйшихъ образовъ скандинавской мифологiи (быть можетъ, обязанный своимъ происхожденiемъ обоготворенiю исторической личности древняго скальда Бра́ги, сына Бодди). Въ сагахъ (Sn. Ed.) онъ фигурируетъ въ качествѣ сына Одина и „длиннобородаго аса“. Супруга его Идунъ, богиня вѣчной юности, въ чемъ, быть можетъ, надо видѣть символизацию безсмертiя поэтического творчества.

Образъ Бра́ги—искусственный; въ народномъ представленiи богомъ пѣсень является самъ О́динъ и остается представителемъ этого искусства даже при наличности позднѣйшей фигуры Бра́ги.

Въ мифахъ не сохранилось ничего, могущаго свидѣтельствовать о справедливости обвиненiй Локи по его адресу.

(9) Обрядъ кровнаго братства а — древне-германскiй обычай дружескаго союза между двумя воинами. Внѣшнимъ образомъ заключенiе союза выражалось обыкновенно въ томъ, что заключавшiе его, ставъ подъ приподнятый на копьяхъ кусокъ дерна, надрѣзали себѣ руки (ме-

Иива клялся ты не пить, если чаша
Не будетъ и мнѣ подана.

Одинъ сказалъ:

Встань же ты, Видарръ! Родителю Волка
Мѣсто за пиромъ свое уступи. 10
Пусть только боги избавлены будутъ
Отъ поношеній его!

Тогда Видарръ всталъ и налилъ Лóки меду; но прежде
чѣмъ выпить, тотъ обратился къ асамъ:

Во здравье богамъ! во здравье богинямъ!
Слава всѣмъ асамъ святымъ! 11
Лишь одному не во здравье пью: Браги,
Что здѣсь сидитъ на скамьѣ.

чемъ) и давали крови вмѣстѣ стекать въ слѣдъ, сдѣланный ихъ ногами; впоследствии также смѣшивали кровь въ одномъ сосудѣ (рогѣ) съ медомъ или пивомъ, который и осушали пополамъ. Обрядъ сопровождался принесеніемъ другъ другу клятвы въ вѣрности. По большей части при этомъ обмѣнивались дарами (оружіемъ, кольцами, запястьями, иногда разрубленными пополамъ, при чемъ каждый бралъ себѣ половину). Связанные такимъ обрядомъ люди становились другъ другу ближе, чѣмъ кровные родичи: ради названнаго брата надлежало жертвовать всѣмъ [наиболѣе дорогимъ, имуществомъ и жизнью. Въ сказаніяхъ есть упоминанія о томъ, что названный братъ иногда заживо давалъ себя погребать вмѣстѣ съ умершимъ братомъ. Аналогичные обряды побратимства существовали въ древности у многихъ народовъ и удержались даже въ христіанскую пору. На Руси встарину названные братья мѣнялись натѣльными крестами. С.

10, I В и д а р р ь — сынъ Óдина, богъ лѣсовъ, по прозванію „молчаливый асъ“. О немъ сохранилось мало свѣдѣній. Важнѣйшее изъ нихъ: Вѣдарръ при кончинѣ міра отомститъ за смерть Óдина, убивъ волка Фѣнрира.

10, I Р о д и т е л ю В о л к а — т.-е. чудовищнаго волка Фѣнрира, котораго родила огъ Лóки исполинша Ангрбода.

Бра́ги сказа́ль:

Мечъ и коня—изъ того, что имѣю—
Цѣнное даль бы кольцо 12
Съ радостью я, чтобъ не сѣяль ты распри.
Гнѣва боговъ избѣгай!

Ло́ки сказа́ль:

Отколь у тебя будутъ кони и кольца?
Битвы добыча не для тебя!
Изъ всѣхъ здѣсь пирующихъ асовъ и альфовъ 13
Ты, Бра́ги, всѣхъ менѣе храбръ:
Отъ боя ты живо бѣжишь.

Бра́ги сказа́ль:

Если бъ встрѣтились мы за оградой двора,
А не въ домѣ у Э́гира здѣсь— 14
Твою голову скоро я несъ бы въ рукахъ:
То была бы отплата за ложь.

Ло́ки сказа́ль:

Какъ отваженъ ты, сидя! Но въ схватку ты, Бра́ги,
Не спѣшишь, украшенье скамьи! 15
Если гнѣвенъ твой духъ, начинай поединокъ:
Мало тотъ медлить, кто смѣль.

Йдунъ сказа́ла:

Бра́ги, вспомни, прошу я, что родичемъ кровнымъ
Сталь асамъ чрезъ О́дина онъ. 16
Не заводи съ нимъ враждебнаго спора
Въ чертогѣ у Э́гира ты!

(16) Й д у н ь — богиня юности; она раститъ въ своемъ саду чудесные плоды (яблоки), благодаря которымъ вкушающіе ихъ боги не старѣются,

Лóки сказаль:

И́дунь, молчи! Изъ богинь ты всѣхъ чаще
 Жаждешъ объятій мужей: 17
 Ты рѣшилась обнять бѣлоснѣжной рукою
 И того, кѣмъ твой братъ былъ убить.

И́дунь сказала:

Оскорблять не желала я Лóки словами
 Въ домъ у Э́гира здѣсь: 18
 Бра́ги смирить, возбужденнаго брагою,
 Я хотѣла, чтобъ бою не быть.

Гѣфíонь сказала:

Напрасно вы, асы, затѣяли оба
 Другъ друга словами язвить! 19
 Давно мы всѣ знаемъ, что Лóки насмѣшникъ,
 Ругатель и врагъ всѣхъ боговъ.

Лóки сказаль:

Молчи ты, Гѣфíонь! Передъ богами
 Напомню я, кто твои ласки купилъ: 20
 Далъ русый пришелецъ тебѣ украшенья—
 И, за нихъ, между бедеръ лежалъ у тебя.

а сохраняють, каждый, тотъ возрастъ, который присущъ природѣ каждаго изъ нихъ: Фрѣнръ цвѣтушій юноша, Óдинъ зрѣлый мужъ, и т. д. Супругою Бра́ги И́дунь стала вѣроятно лишь въ позднѣйшихъ мифахъ.

(19) Гѣфíонь. Въ пѣсняхъ Эдды нигдѣ больше нѣтъ упоминанія о ней. Въ Снорровой Эддѣ она рисуется дѣвственной богиней, принимающей къ себѣ по смерти земныхъ дѣвъ (Sulfig. 26). Возможно, что ея образъ первоначально сливался съ образомъ Фриггъ.

20, III Миѡъ, къ которому относится это обвиненіе Лóки, не сохранился. Аналогичный мотивъ имѣется въ сказаніи объ ожерельи Фрѣйи; оно было выковано четырьмя карлами Брисингами, потребовавшими отъ Фрѣйи, чтобы она, въ уплату за ожерелье, провела по ночи съ каждымъ изъ

Одинъ сказалъ:

Видно ты, Лóки, разумъ теряешь,
 Что Гёфíонъ смѣешь такъ дерзко сердить! 21
 Судебъ міровыхъ ей завѣты извѣстны,
 Не меньше, чѣмъ мнѣ самому.

Лóки сказалъ:

Одинъ, молчи! Ты часто нечестно
 Жребій рѣшаешь въ сраженьяхъ мужей. 22
 Не разъ ты дарилъ не тому, кому надо —
 Трусy побѣду дарилъ.

Одинъ сказалъ:

Если и правда, что трусу не разъ я
 Въ битвѣ побѣду дарилъ,— 23
 То ты восемь зимъ былъ въ мíрѣ подземномъ;
 Тамъ, какъ служанка, доилъ ты коровъ;
 Даже дѣтей ты родилъ тогда,
 Въ женскомъ обличьи являясь.

нихъ. Несомнѣнно, однако, что русый (въ подлинникѣ hvitr—бѣлый, бѣло-курый) пришелецъ, купившій ласки Гёфíонъ, не могъ быть карломъ: во всѣхъ сказанiяхъ карлы всегда обладаютъ темными волосами и землястымъ цвѣтомъ кожи. Врядъ ли поэтому можно предполагать, какъ это дѣлаетъ Герингъ, что обвиненiе относится къ видоизмѣненному разсказу объ ожерельи Фрэйи. С.

23, I, II Надо помнить, что, согласно скандинавскому вѣрованiю, никакой богъ—слѣдовательно, и Одинъ—не могъ идти наперекоръ рѣшенiю міровой Судьбы, предустановившей участь всего живущаго. Даровать кому-либо побѣду Одинъ могъ только въ томъ случаѣ, если это не противорѣчило завѣтамъ Норнѣ, вѣщихъ дѣвъ Судьбы. Весьма вѣроятно поэтому, что Одину вовсе не по своей волѣ случалось даровать побѣду недостойному. Въ этой пѣснѣ Лóки нѣсколько разъ указываетъ въ позорящемъ смыслѣ на такія обстоятельства, въ которыхъ совершенно неповинны тѣ, кого они касаются. С.

23, IV, V Миѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не сохранился. Во всякомъ случаѣ, пребыванiе Лóки подъ землею обозначаетъ подземную дѣятельность вулканическихъ силъ. Объясненiе Геринга, что женскiй

Лóки сказалъ:

Ты, Óдинъ, когда-то на островѣ Самсей,
 Говорять, волхвовалъ словно вѣдьма; 24
 Ходиль ты, колдуя, изъ дома въ домъ—
 Въ женскомъ обличьи являясь.

Фриггъ сказала:

Молчали-бъ вы лучше о томъ, что случилось
 Нѣкогда вамъ учинить! 25
 Давнихъ тѣхъ дѣлъ не касайтесь въ бесѣдѣ,
 Нѣзачѣмъ нынче о нихъ вспоминать.

Лóки сказалъ:

Фриггъ, замолчи! Ты Фйóргина дочка
 И распутна ты съ давнихъ поръ. 26

образъ присвоенъ Локи вслѣдствіе плодотворныхъ свойствъ подземнаго огня, вызывающаго къ жизни растительность—представляется мнѣ натянутымъ; въ особенности въ виду того, что это не единственный миѳъ, гдѣ Локи является въ образѣ существа женскаго рода.

Неясно, что подразумевается подъ коровами, которыхъ Лóки доилъ подъ землю. Предполагается, что рѣчь идетъ о горячихъ ключахъ.

Что касается до вопроса о дѣтяхъ, рожденныхъ Лóки, то я рѣшительно не могу согласиться съ замѣчаніемъ Геринга, будто бы только о конѣ Слѣйпнирѣ извѣстно, что Локи родилъ его. Въ „Пѣсни о Гиндлѣ“ стрф. 43, III, IV—если понимать эту строфу такъ, какъ переводитъ ее самъ Герингъ—имѣется совершенно определенное и ясное указаніе на то, что Локи и помимо Слѣйпнира производилъ на свѣтъ потомство путемъ беременности (kvífrögr!) и рожденья. — Интересно, что въ одномъ изъ ведійскихъ миѳовъ Индра оказывается женщиною (См. Lang. о. с.). С.

24, III IV. Изъ словъ Лóки врядъ-ли позволительно заключить, что Óдинъ принималъ женскій образъ. По всей вѣроятности, это просто софизмъ со стороны Лóки. Въ отвѣтъ на обвиненіе, что онъ рожалъ дѣтей, какъ это дѣлаютъ женщины, онъ возражаетъ: „А ты занимался колдовствомъ, какъ это дѣлаютъ женщины“. Въ тогдашнемъ представленіи, женщины являлись по преимуществу искусницами въ колдовствѣ („Прор. Пров.“ 22). С.

26, I Болѣе точно объ отцѣ Фриггъ ничего неизвѣстно.

Лóки сказаль:

Фрэйа, молчи! Я насквозь тебя вижу.

За тобою немало грѣховъ:

30.

Ни одинаго нѣтъ здѣсь средь асовъ и альфовъ,

Кто-бъ любовникомъ не былъ тебѣ.

Фрэйа сказала:

Лжишь твой языкъ, но въ грядущемъ, надѣюсь я,

Доведеть онъ тебя до бѣды.

31

И боговъ и богинь прогнѣвилъ ты довольно;

Не со смѣхомъ пойдешь ты домой!

Лóки сказаль:

Фрэйа, молчи! Ты колдунья недобрая,

И распутствомъ запятнана ты!

32

Тебя разъ на постели у брата застали;

Тамъ, говорятъ, ты пердѣла тогда.

Нйордръ сказаль:

Не большая бѣда, если женщина вздумаетъ

Съ возлюбленнымъ ложе дѣлать;

33

Но дивлюсь я, что ась къ намъ являться рѣшается,

Который какъ женщина жилъ и рожаль.

Лóки сказаль:

Нйордръ, замолчи! Ты отъ вановъ заложникомъ

Быль посланъ къ богамъ на востокъ.

34

32, III Въ миваехъ нѣтъ указанія на любовную связь между Фрэйромъ и его сестрой. Въ виду этого, и въ особенности въ виду того, что Лóки не обращается къ Фрэйру (въ отвѣтъ на слова Нйордра и Тира о безупречности этого бога) съ соответствующимъ обвиненіемъ,—я думаю, руководясь аналогичными мивическими мотивами, что въ упрекъ Лóки подразумевается не кровосмѣшеніе, а лишь попытка со стороны Фрэйи обольстить (обманомъ) брата. С.

34, II Послѣ войны асовъ съ ванами, послѣдніе отправили Нйордра заложникомъ къ богамъ.

Для мочи непотребною чашей, несчастный,
 Ёмира ты дочерямъ послужилъ.

Нйордръ сказалъ:

Искупился полонъ мой, хотъ посланъ въ заложники
 Я когда-то и былъ на востокъ: 35
 Сынъ безсмертный мнѣ данъ, всѣми въ мѣрѣ любимый,
 Среди асовъ онъ первый теперь.

Локи сказалъ:

Нйордръ, умѣрь свою гордость! Скрывать не намѣренъ
 Я того, что мнѣ слышать пришлось: 36
 Прижилъ съ кровной сестрою ты храбраго сына,—
 Ты гордиться не долженъ бы имъ!

Гиръ сказалъ:

Фрѣиръ лучший изъ всѣхъ среди славныхъ героевъ
 Въ чертогахъ могучихъ боговъ; 37
 Никогда не обидѣлъ онъ дѣвы иль женщины,
 Связанныхъ онъ избавляетъ отъ узъ.

34, III, IV дочери Ёмира (зимняго исполина, властителя льдовъ)—это горные ледники, съ которыхъ потоки тающихъ снѣговъ текутъ въ море, олицетворяемое въ данномъ случаѣ водянымъ божествомъ Нйордромъ что подаетъ поводъ для оскорбительной метафоры Локи.

35, III Рѣчь идетъ о Фрѣирѣ, свѣтломъ божествѣ лѣтняго солнца, плодородія и благополучія.

35, IV теперь. Этого слова нѣтъ въ подлинникѣ, но мною оно прибавлено сознательно, въ дополненіе къ высказываемой Нйордромъ мысли, такъ какъ—и въ представленіи автора пѣсни—Фрѣиръ является первымъ изъ асовъ лишь послѣ смерти Бальдра, лучшаго изъ всѣхъ. (Фрѣиръ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ образу Бальдра и отчасти заступаетъ, послѣ гибели послѣдняго, его мѣсто въ скандинавскомъ пантеонѣ.) Въ этомъ смыслѣ я и дѣлаю—какъ мнѣ кажется, вполне въ духѣ Эдды—прибавку „теперь“.

36, III Фрѣиръ и Фрѣйна оба рождены отъ союза Нйордра съ его сестрою, до его пребыванія у асовъ.

Лóки сказалъ:

Тирь, замолчи! никогда не годился ты

Въ посредники споровъ и распрь.

38

Вспомнить радостно мнѣ, какъ отгрызъ тебѣ руку

Фѣнрирь въ минушіе дни.

Тирь сказалъ:

Я руку утратилъ, ты грознаго Волка—

Обоимъ ущербъ намъ съ тобой!

39

Да и Волку не весело: долженъ онъ, связанный,

Ждать, чтобъ гибель настала боговъ.

Лóки сказалъ:

Тирь, замолчи! Когда-то случилось,

Что сынъ отъ меня у жены твоей былъ:

40

(38) Въ качествѣ бога войны, Тирь, разумѣется, не можетъ годиться „въ посредники споровъ и распрь“. (Какъ наивно выражается авторъ *Gylfag*, „о немъ нельзя утверждать, чтобы онъ былъ склоненъ водворять миръ между людьми“. *Sp. Ed. Gylf. 25*)

Руку Тирь утратилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Боги хотѣли связать чудовишнаго волка Фѣнрира (сына Лóки) и уже дважды убѣждали его дать себя связать—подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы доставить ему поводъ похвалиться своею силою—но оба раза онъ, безъ труда, освободился отъ надѣтыхъ на него узъ. Въ третій разъ боги принесли для него волшебныя путы Глейпнирь, изготовленныя подземными карлами по желанію Óдина—и отличавшіяся, при кажущейся тонкости, несокрушимою крѣпостью. Видъ Глейпнира однако внушилъ подозрѣнія Фѣнриру; и онъ согласился дать себя связать лишь на томъ условіи, чтобы кто-нибудь изъ асовъ положилъ свою руку ему въ пасть—въ залогъ того, что боги освободятъ его, если онъ не будетъ въ силахъ справиться съ Глейпниромъ. Тогда Тирь положилъ руку въ пасть волка. Фѣнрирь дѣйствительно не смогъ освободиться отъ волшебныхъ узъ; и, увидѣвъ себя побѣжденнымъ, откусилъ руку Тиру.

Фѣнрирь освободится отъ своихъ узъ лишь при кончинѣ міра, чтобы въ числѣ прочихъ противниковъ боговъ вступить съ ними въ послѣдній бой; ему суждено поглотить Óдина, Властителя боговъ.

(40) Нигдѣ не указано, кто была жена Тиры, и дѣйствительно ли Лóки былъ ея любовникомъ.

Ты ничѣмъ не расцелся со мной за безчестье,
Примирился, презрѣнный, ты съ нимъ!

Фрѣиръ сказалъ:

Близъ устья рѣки будетъ въ узахъ врагъ асовъ —
Пока не придетъ разрушенія день. 41
Самъ окажешься скоро въ оковахъ ты, если
Не станешь, несчастій зачинщикъ, молчать!

Локи сказалъ:

Золотомъ добылъ ты Гимира дочку
И выдалъ на выкупъ свой мечъ: 42
Когда Муспелля рать черезъ Мirkвидръ поѣдетъ—
Нечѣмъ будетъ съ ней биться тебѣ.

Бйггвиръ сказалъ:

Если бъ родомъ я равень былъ Ингунаръ-Фрѣиру
И первое мѣсто, какъ онъ, занималъ— 43

41, I Фѣрирь лежитъ связанный близъ устья рѣки Ванъ.

42, I жена Фрѣира—Гердръ, дочь исполина Гимира (Супиг, не смѣшивать со Гимиромъ, Нупиг, убитымъ Торромъ). Фрѣиръ отдалъ свой чудесный мечъ служителю своему Скирниру, посылая его сватомъ къ Гердръ; но неизвѣстно, какимъ образомъ ему пришлось окончательно разстаться съ этимъ мечемъ.

42, III „Муспелля рать“—воинство огненныхъ духовъ, враждебныхъ богамъ, обитателей огненного мира Муспелльсгейма. Когда настанетъ гибель боговъ, это воинство, во главѣ съ Суртромъ, возьметъ приступомъ крѣпость боговъ.

Мirkвидръ—„темный лѣсъ“,—пограничная область, отдѣляющая Муспелльсгеймъ отъ владѣній боговъ.

(43) Бйггвиръ—служитель Фрѣира; повидимому, земной человекъ (во всякомъ случаѣ, не богъ).

43, I Ингунаръ—производное отъ женскаго имени Ингунъ; вѣроятно, это было имя матери Фрѣира. Возможно, однако, что это только искаженіе имени „Ингви“, иногда дававшаяся Фрѣиру, и именно въ двойной формѣ: Ингви-Фрѣиръ. (Герингъ.)

Перебилъ бы я крылья воронѣ проклятой,
Раздробилъ бы всѣ кости, за карканье, ей.

Лóки сказаль:

Какого еще челоувѣчишку вижу я,
Что твякаеть тутъ и виляетъ хвостомъ? 44
Весь день докучаешь рѣчами ты-Фрэйру,
Иль за мельничнымъ камнемъ шумишь.

Бйггвирь сказаль:

Бйггвирь мнѣ имя. За ловкость прославлень
Асами я и людьми. 45
Здѣсь находясь, я въ правѣ гордиться—
Гость я въ чертогѣ боговъ.

Лóки сказаль:

Бйггвирь, молчи! Не тебѣ подобаеть
Трапезу славныхъ дѣлить: 46
Подъ столами въ соломѣ ты прятаться ловокъ,
Когда бьются въ сраженьи мужи.

Геймдálльрь сказаль:

Смысла лишился, съ ума ли сошелъ ты,
Лóки, что брани не бросилъ еще? 47
Многіе, выпивъ не въ мѣру, не могутъ
Свой образумить языкъ.

43, III воронѣ. Именно воронѣ, а не „вóрону“, какъ могъ бы предположить читатель, незнакомый съ германскимъ представленіемъ о вóронѣ. Вóронь, вѣщая птица Óдина, считался счастливымъ предзнаменованіемъ—и никого нельзя было назвать „вóрономъ“ въ порицательномъ смыслѣ. С.

44, IV Верченіе мельницы—рабское занятіе.

46, III Полъ въ жилищѣ часто устилался соломой.

Лóки сказаль:

Геймдальльрь, замолчи! Обречень изначала
Ты на недобрый удѣль;
Въ стужѣ и въ сырости стоя на стражѣ,
Долженъ ты бдѣть за боговъ.

48

Скади сказала:

Въ духѣ ты, Лóки—но станешь недолго
Здѣсь весело хвостъ распускаты!
Скоро ты будешь прикованъ, кишками
Изъ тѣла холоднаго сына, къ скалѣ.

49

Лóки сказаль:

Если прикованъ я буду, кишками
Изъ тѣла холоднаго сына, къ скалѣ—
Знай, что послѣднимъ и первымъ былъ Лóки
Среди тѣхъ, къмъ Тйáнци убить.

50

Скади сказала:

Если послѣднимъ и первымъ былъ Лóки
Среди тѣхъ, къмъ Тйáнци убить—
Знай, что тебѣ лишь на пагубу будутъ
Всегда въ моемъ домѣ радѣть!

51

48, III Геймдальльрь—небесный стражъ боговъ.

(49) Скади, дочь исполина Тйáнци, похитившаго однажды богиню Йдунъ. Въ этомъ похищеніи исполину помогъ Лóки; и онъ же затѣмъ, повинувся волѣ боговъ, освободилъ Йдунъ изъ плѣна и возвратилъ ее въ Асгардъ, причемъ пустившійся въ погоню Тйáнци попалъ во власть своихъ враговъ и былъ убитъ асами. Чтобы вознаградить Скади, потребовавшую отъ боговъ расплаты за отца, асы предложили ей взять себѣ въ мужья одного изъ нихъ. Этимъ мужемъ сталъ Нйордръ. Было установлено, что три мѣсяца въ году Скади должна проводить во владѣніяхъ своего мужа, у моря; остальные же девять мѣсяцевъ Нйордръ въ свою очередь долженъ жить въ горахъ въ наслѣдныхъ владѣніяхъ дочери исполина.

49, III, IV Когда боги привязали Лóки къ скаламъ, они употребили для этого кишки его убитаго сына Нáрви, превратившіяся въ желѣзные путы.

Лóки сказалъ:

Ласковѣй съ сыномъ Лауфѣйи была ты,
 Когда Лóки звала ты на ложе къ себѣ. 52
 Вспомнить надо о томъ, разъ ужъ начали счетъ мы
 Непохвальнымъ дѣяньямъ своимъ!

Тогда выступила впередъ Сифъ, и поднесла Лóки меду въ
 хрустальномъ сосудѣ, и сказала:

Привѣтъ тебѣ, Лóки! въ знакъ мира прими ты
 Съ медомъ старымъ хрустальный сосудъ, 53
 Чтобъ изъ всѣхъ, здѣсь сидящихъ, меня лишь единой
 Не порочили рѣчи твои!

Лóки взялъ кубокъ, выпилъ медъ и сказалъ:

Я тебя не бранилъ, оттого что скромна ты
 И всегда ты чуждалась мужей; 54
 Но одинъ мнѣ извѣстенъ, съ которымъ когда-то
 Долгъ нарушила брачный и ты.
 [И возлюбленнымъ тѣмъ былъ злой Лóки.]

(52) Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ указаній на любовную связь Лóки со Скади.

Проза: I) Сифъ—жена Торра, олицетвореніе земного плодородія. Отъ Торра у нея родилась дочь Грудъ („Сила“), вѣроятно тождественная съ одноименной валькиріей, и сыновья Моди и Магни. Сыномъ ея отъ другого брака былъ богъ Ульвь, покровитель охоты, бѣга на лыжахъ, а также поединковъ. Кто его отецъ, первый мужъ Сифъ—неизвѣстно.

(54) Строка, называющая самого Лóки любовникомъ Сифъ, считается позднѣйшею вставкою. Опредѣленныхъ указаній на это нѣтъ, если не считать свѣдѣнія, что Локи однажды „коварно обрѣзалъ у Сифъ ея золотые волосы“ (Sn. E. Skaldsk). Заключение Геринга, на основаніи этой фразы, что Лóки—„который могъ обрѣзать ея волосы только во время сна“—дѣйствительно долженъ былъ быть ея любовникомъ,—не представляется вполне убѣдительнымъ. Во-первыхъ, такой мастеръ по части всевозможныхъ хитрыхъ продѣлокъ, какъ Лóки, свободно могъ найти способъ обрѣзать волосы Сифъ и не „во время сна“; во-вторыхъ, и допуская, что онъ „во время сна“ это сдѣлалъ—вовсе еще не обязательно признать, что онъ

Бейла сказала:

Горы дрожать: это Торрь приближается,—
 Ёдетъ Громбвникъ домой!
 Замолчать онъ принудить ругателя наглаго,
 Что безсмертныхъ и смертныхъ язвить.

55

Локи сказалъ:

Бейла, молчи! Подруга ты Бйггвира;
 Мнѣ извѣстно, какая ты тварь!
 Никогда не видали здѣсь боги рабыни
 Гнуснѣй и грязнѣе тебя.

56

Тутъ вошелъ Торрь и сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
 Мйбльниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ!
 Скалу твоихъ плечъ безъ труда отрублю я,
 И съ жизнью разстанешься ты.

57

Локи сказалъ:

Прибыль Громбвникъ, Земли сынъ великій.
 Торрь, что грозить ты мнѣ такъ?
 Настанетъ твой часъ, и отступишь предъ Волкомъ ты,
 Что Властителя битвъ истребить.

58

Торрь сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
 Мйбльниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ!

59

сдѣлалъ это въ качествѣ ея любовника. Рассказывается же о томъ, какъ Локи похитилъ—именно во время сна—ожерелье у Фрѣйи, и достигъ этого вовсе не тѣмъ, чтобы попасть на ея ложе въ качествѣ любовника—но превратился для этой цѣли въ блоху.

С.

57, III „Скала плечъ“—голова.

58, III Волкъ Фёнриръ при кончинѣ міра пожретъ Одина.

Тебя далекó на востокъ я закину—
Никому не найти тебя тамъ!

Лóки сказалъ:

Некстати ты сталъ вспоминать о востокъ:
Не къ чести себѣ отличался ты тамъ! 60
Сидѣль Громовикъ чуть живой въ рукавицѣ—
Самъ съ перепугу не помнилъ, кто онъ.

Торрь сказалъ:

Мерзкій, уймись! Или мощный мой молотъ,
Мйóльниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаеть въ мигъ! 61

59, III На востокъ—въ царство исполиновъ.

(60) Эпизодъ, о которомъ здѣсь напоминаетъ Лóки, и который служить, дѣйствительно, „не къ чести“ Торра, сохранился въ прозаическомъ пересказѣ.

Торрь, странствовавшій въ сопровожденіи Лóки и со своими служителями Тйальфи и Рёсквой, долженъ былъ однажды заочевать въ лѣсу со своими спутниками. Они набрали на какое-то пустое зданіе съ громаднымъ входомъ, равнявшимся шириною ширинѣ всей постройки. Тамъ они расположились ночевать. Въ полночь они съ ужасомъ проснулись отъ шума и землетрясенія, колебавшаго всю постройку; всѣ они въ тревогѣ поднялись. Съ правой стороны большого зданія они нащупали небольшую пристройку и перебрались туда, а Торрь съ молотомъ сталъ на стражѣ у входа. Шумъ и сотрясеніе неоднократно повторялись. Только на утро Торрь рѣшился выйти и поглядѣть въ чемъ дѣло. Тогда онъ увидалъ неподалеку великана, который крѣпко спалъ и храпѣлъ: храпъ его и былъ причиной слышаннаго шума. Зданіе же, гдѣ Торрь со спутниками провелъ ночь, оказалось рукавицею великана (пристройку составлялъ единственный палецъ рукавицы).

Великанъ, назвавшій себя Скримиромъ, предложилъ въ послѣдствіи Торрь продолжать путь вмѣстѣ. Торрь согласился и попалъ благодаря этому въ волшебный замокъ, гдѣ могущественные духи подвергаютъ его ряду испытаній, сплошь кончающихся позорной неудачей Торра, такъ какъ подъ видомъ легко осуществимыхъ задачъ (осушить рогъ меду, побороть старуху) властитель замка, „отведя глаза“ Торру, предлагаетъ ему на самомъ дѣлѣ задачи невыполнимыя (выпить море, побороть Старость); когда же ему открываютъ обманъ и онъ въ ярости хочетъ отомстить чародѣямъ—весь замокъ и его обитатели исчезаютъ подобно наводженію (Gylfag. 45, 46, 47).

Удѣль твой рѣшить сокрушитель Грунгнира,
Расколетъ всѣ кости твои.

Локи сказалъ:

Еще долго на свѣтѣ прожить я надѣюсь,
Хоть молотъ ты свой надо мной и занесъ. 62
Помнишь, Торръ, какъ не могъ сумку Скримира вскрыть ты?
Не смогъ ты добраться тогда до ѣды.
[И отъ голоду чуть не погибъ.]

Торръ сказалъ:

Мерзкій, уймись! или мощный мой молотъ,
Мйольниръ, нѣмымъ тебя сдѣлаетъ въ мигъ! 63
Пошлетъ тебя въ Гѣль сокрушитель Грунгнира,
Въ вѣчную ночь къ неживымъ.

Локи сказалъ:

Богамъ и потомкамъ боговъ говорилъ я
Все то, что хотѣлъ имъ сказать. 64
Тебѣ одному я теперь уступаю:
Я знаю, что бой по тебѣ.

Эгиръ, пива запасъ ты, но пира отнынѣ
Не устроишь ты здѣсь никогда! 65
Пусть чертогъ твой сгорить и добро твое тоже,

61, III Сокрушитель Грунгнира—Мйольниръ, которымъ Торръ убилъ исполина Грунгнира.

62, III Когда Торръ и его спутники присоединились въ дорогѣ къ исполнну Скримиру, послѣдній предложилъ сложить припасы, всѣ вмѣстѣ, въ его сумку. Когда же затѣмъ Торръ захотѣлъ достать свои припасы оттуда, онъ не смогъ этого сдѣлать, такъ какъ Скримиръ обвязалъ свою сумку желѣзными путами и волшебствомъ „отвелъ глаза“ Торру такъ, что тотъ не видѣлъ въ чемъ дѣло и не былъ въ состояннн открыть сумку.

63, III Гѣль—подземное царство одноименной богини Смерти.

(65) Локи говорить о гибели Эгира при кончинѣ міра.

Все богатство погубить огонь,
Твою спину пусть пламя спалит!

[Послѣ этого Лóки скрылся, принявъ образъ лосося, въ водопадѣ Фр́анангръ. Тамъ боги изловили его. Онъ былъ связанъ при помощи кишокъ его сына Н́арви (убитаго богами); а сынъ его Вали превращенъ былъ въ волка. Скáди взяла ядовитую змѣю и прикрѣпила ее надъ головою Лóки, такъ что ядъ (изъ змѣиной пасти) падалъ ему на лицо. С́игинъ, жена Лóки, сѣла возлѣ него и подставляла чашу подъ падавшій ядъ. Когда чаша наполнялась, она выливала ее содержимое, и ядъ въ это время падалъ на Лóки. Тогда онъ бился такъ сильно, что горы дрожали. И это было названо землетрясеніемъ.]

Проза. Какъ указываетъ Могкъ, прозаическое заключеніе первоначально вовсе не относилось сюда, и внесено лишь по недоразумѣнію (изъ Снорровой Эдды, *Gylfag.* 49) въ позднѣйшіе списки.

Помимо сравненія текстовъ, достаточно обратить вниманіе на содержаніе пѣсни: описанная страшная кара постигла Лóки за убійство Бальдра, а не за его злыя рѣчи на пиру. Противорѣчіе между тѣмъ обстоятельствомъ, что Бальдръ уже убитъ, а Лóки оказывается на свободѣ и (первоначально, до убійства Ф́имафёнгра) мирно участвуетъ въ пирѣ боговъ—объясняется позднимъ, притомъ чисто литературнымъ и дидактическимъ (не народно-миѳическимъ) происхожденіемъ пѣсни.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Эта пѣснь сохранилась только въ Codex Regius (2365). Немногія выдержки изъ нея имѣются въ Snорровой Эддѣ. Въ позднѣйшихъ спискахъ (на бумагѣ) встрѣчаются заглавія: Aegisdrekka („Пирь у Эгира“) и Lokaglepsa (что приблизительно можно перевести „Язвительныя рѣчи Лѳки“). Въ пергаментномъ подлинникѣ она называется „Lokasenna“ (сenna—словесная распря, пререканія, перебранка). За неумѣніемъ найти лучшую передачу этого термина, мнѣ пришлось озаглавить пѣснь: „Словесная распря Лѳки“.

Эта пѣснь довольно поздняго происхожденія; несомнѣнно, она создана не раньше второй половины X вѣка, по всей же вѣроятности значительно позднѣе и, слѣдовательно, не въ Норвегіи, а въ Исландіи. Это доказывается развитою мифологическою терминологіей автора (въ данномъ случаѣ можно почти съ увѣренностью предполагать единоличнаго автора, а не послѣдовательное творчество нѣсколькихъ пѣвцовъ), богатѣмъ, явно позднимъ развитіемъ самыхъ мифовъ, тѣмъ, что нѣкоторые мифологическіе образы вырисовываются въ ней уже въ той послѣдней стадіи, какой они достигли только въ Исландіи: прежде всего образъ Лѳки, играющій главную роль въ этомъ произведеніи, затѣмъ картины будущей гибели боговъ—то и другое получило свою окончательную форму только въ Исландіи. Позднѣе происхожденіе пѣсни подтверждается и общимъ ея настроеніемъ, въ которомъ ясно чувствуется разложеніе первобытнаго языческаго міросозерцанія.

Охарактеризовать удовлетворительнымъ образомъ эту пѣснь съ внутренней стороны въ высшей степени трудно—быть можетъ труднѣе, чѣмъ сдѣлать то же по отношенію къ какой бы то ни было другой пѣсни. При большой несложности драматическаго дѣйствія—ея психологическое содержаніе, напротивъ, весьма сложно и послужило темой для самыхъ разнообразныхъ отзыовъ. Положимъ, такой капитальный изслѣдователь, какъ Могкъ, считаетъ

возможнымъ, ссылаясь на Финнура Ёнсона, отдѣлаться слѣдующимъ сжатымъ „изложеніемъ“ основной идеи пѣсни:

„Мерзавца, которому на все наплевать и который готовъ все святое втоптать въ грязь—можно образумить не иначе, какъ поколотивши“.

Эта весьма резонная житейская философія вполне соответствующая древне-германскому духу и въ извѣстномъ смыслѣ отражается въ выступленіи Торра съ его молотомъ—какъ единственнымъ якобы дѣйствительнымъ аргументомъ противъ ни передъ чѣмъ не останавливающихся поношеній Лóки; но ею ни въ какомъ случаѣ не исчерпывается идея и настроеніе даннаго произведенія.

„Впечатлѣніе этой пѣсни“, говоритъ Т. Н. Грановскій, „глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность“. Совершенно обратнаго взгляда держится талантливый, остроумный знатокъ и популяризаторъ сѣверной миеологіи П. Германнъ. По его мнѣнію, авторъ пѣсни „въ горькой сатиры безпощадно бичуетъ всю испорченность и невѣріе своихъ современниковъ—въ лицѣ Лóки, клеветника и исконнаго врага боговъ“. Наконецъ, существовала одно время—правда, оказавшаяся несостоятельной—гипотеза, что творцомъ пѣсни былъ христіанскій монахъ, написавшій будто бы въ поэтической формѣ памфлетъ противъ ненавистнаго ему язычества.

Различіе приведенныхъ взглядовъ достаточно свидѣтельствуется о томъ, насколько сложно внутреннее содержаніе пѣсни, могущей дать почву для столь разнообразныхъ, взаимно исключających другъ-друга толкованій.

Одно несомнѣнно, и это одно со свойственною ему мѣткостью выражаетъ старый, но необыкновенно чуткій и глубокій истолкователь германской древности, Вейнгольдъ: „Нельзя отрицать“, говоритъ онъ ¹⁾, „что эта пѣснь Эдды, въ особенности когда ее прочесть въ первый разъ—производитъ крайне непріятное впечатлѣніе; всѣ боги представлены въ самомъ жалкомъ видѣ, и широкій повѣствовательный тонъ произведенія, въ стилѣ пѣсенъ скальдовъ, дѣлаетъ это еще болѣе чувствительнымъ“. Таково дѣй-

¹⁾ Статья: Die Sagen von Loki.

ствительно неизбежное первое впечатлѣніе этой пѣсни для всякаго сколько-нибудь вдумчиваго читателя, успѣвшаго хоть немного ознакомиться съ образами сѣверной мифологіи и почувствовать ихъ красоту. Можно сколько угодно обзывать Локи „мерзавцемъ“ (Schurke), какъ выражается Могъ, „лживымъ клеветникомъ“, какъ говоритъ Геррманнъ, или наконецъ примкнуть къ той характеристикѣ, которую со свойственнымъ ему эпическимъ спокойствіемъ приводитъ въ своемъ перечнѣ асовъ Снорри Стурлусонъ: „Къ асамъ причисляется и тотъ, кого многіе называютъ клеветникомъ асовъ и зачинщикомъ обмана, а также позоромъ всѣхъ боговъ и людей“ (Gylfag. 32). Но далеко не всѣ заявленія этого дурно ославленного обвинителя оказываются клеветою; нѣкоторыя подтверждаются самими обвиненными. И сумма ихъ вызываетъ въ концѣ-концовъ представленіе, крайне неблагоприятное для боговъ.

Не мѣшаетъ прежде всего выяснитъ, какія „поношенія“ Локи безусловно отпадаютъ при выясненіи этой суммы справедливыхъ обвиненій. Само собою разумѣется, что къ послѣднимъ не могутъ относиться всѣ тѣ язвительныя замѣчанія Локи, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего позорящаго, а лишь указаніе на какое-нибудь несчастье, постигшее собесѣдника или грозящее ему. Такъ, Тиру Локи напоминаетъ, что онъ безъ руки (такъ какъ волкъ Фѣнриръ отгрызъ ему руку); Фрѣиру,— что тотъ пожертвовалъ своимъ мечемъ, сватаясь за Гердръ, и окажется безъ оружія въ послѣдней битвѣ боговъ; Геймдальру,— что онъ несетъ тяжелую и нерадостную службу въ качествѣ небеснаго стража; Скади,— что асы подъ предводительствомъ его, Локи— убили ея отца; Эгиру,— что пламя разрушить его жилище и опалить его; Нйордру,— что онъ явился къ богамъ въ качествѣ заложника отъ Вановъ. Конечно, никакого серьезнаго значенія не имѣетъ и касающееся того же Нйордра заявленіе, что послѣдній—властитель моря—служилъ „непотребнымъ сосудомъ“ дочерямъ горнаго исполина (снѣговымъ горнымъ потокамъ, низвергающимъ въ море свои воды); это простая риторическая фигура,— циничная, но въ концѣ-концовъ безобидная игра словами (доступная, конечно, только ученому мифологу и искусственная въ устахъ одного изъ героевъ мифа—какъ и многое въ этой пѣсни). Риторическою фигурою является по всей вѣроятности и обвиненіе,

направленное противъ Одина, будто послѣдній являлся „въ женскомъ обличіи“—на мой взглядъ, представляющее собою просто софизмъ, построенный на томъ, что Одинъ занимался колдовствомъ, а колдовство по преимуществу женское занятіе (но ничего преступнаго и позорнаго колдовство, какъ таковое, не заключало въ себѣ по тогдашнимъ понятіямъ: только злое колдовство предосудительно). Менѣе вѣроятно, но все-таки возможно, что софизмомъ является и обвиненіе Фриггъ въ измѣнѣ супругу съ Ве и Вили—такъ какъ послѣдніе, быть можетъ, въ представленіи автора пѣсни были лишь „ипостасированными“ образами самого Одина. Не софизмомъ, но завѣдомо недобросовѣстнымъ обвиненіемъ, повидимому, оказывается и упрекъ Одину: что онъ дарилъ побѣду въ бою недостойному, трусу. Локи зналъ не хуже Одина, что, съ одной стороны, жребіи жизни и смерти опредѣлялись нормами, что, съ другой стороны, Одинъ никогда не любилъ трусовъ,—а стало-быть, если онъ давалъ недостойному побѣду, то не по своей волѣ, а по приговору судьбы. Наконецъ, относительно обвиненія Браги въ трусости можно съ большимъ правдоподобіемъ предполагать, что оно просто несправедливо—въ виду отсутствія въ мифахъ какого-либо подтвержденія этого обвиненія и въ виду крайней позорности, въ глазахъ всякаго древняго германца, такого порока, какъ трусость, менѣе чѣмъ что-либо совмѣстимая съ понятіемъ о богѣ (всѣ германскіе боги называются „боги побѣдъ“, „боги битвъ“, и т. п.).

Но и по исключеніи всѣхъ приведенныхъ обвиненій остается вполне достаточно, чтобы образы боговъ и въ особенности богинь выступили въ весьма неблагоприятномъ освѣщеніи. Идунъ, Гѣфіонъ, Фрѣя обвиняются въ распутствѣ, при чемъ обвиненіе не только не опровергается, но со стороны Нйордра даже слѣдуетъ замѣчаніе, что бѣда не велика, если женщина заведетъ себѣ любовника; Фрѣя оказывается вдобавокъ виновной въ злыхъ чарахъ и въ попыткѣ обольстить родного брата (если даже не прямо въ кровосмѣшеніи); Нйордръ прижилъ сына отъ своей сестры; Тиръ спокойно терпитъ позоръ своей жены, у которой сынъ отъ Локи; самъ могучій Торрь долженъ выслушать напоминаніе о томъ, какъ онъ былъ одураченъ Скримиромъ, какъ трусилъ, когда ночевалъ въ рукавицѣ загадочнаго исполина, и

какъ въ будущемъ позорно отступить въ послѣднемъ бою боговъ передъ волкомъ Фёнриромъ.

Положимъ, хуже всѣхъ оказывается самъ обвинитель. Съ невозмутимою дерзостью напоминаетъ Локи о худшемъ своемъ злодѣяніи — предательскомъ убійствѣ Бальдра; — не отрицаетъ, а антитезою своего отвѣта (24) прямо подтверждаетъ позорное обвиненіе, что онъ жилъ въ женскомъ образѣ (имѣлъ любовника—или мужа?) и рожалъ дѣтей; и совершенно спокойно признается въ любовной связи съ Скади, Фрѣйей ¹⁾, Сифъ и женою Тира.

Но оттого, что Локи хуже остальныхъ — его противники не дѣлаются лучше. И когда онъ, не щадя себя, столь же нещадно бичуетъ и ихъ — они не могутъ ничего противопоставить его обвиненіямъ, кромѣ физической силы. А послѣдняя, конечно, никого и ни отъ чего оправдать не можетъ. Она только можетъ заткнуть ротъ обвинителю; и то не всегда.

Мнѣ представляется совершенно ошибочною распространенная точка зрѣнія, что Торрь въ этой пѣсни оказывается „побѣдителемъ“ Локи. Только пристрастіе (сознательное или бессознательное) къ благодушному, простосердечному Громовнику съ его примитивною защитою нравственныхъ устоевъ посредствомъ ударовъ молота—можетъ заставить, напр., Геррманна говорить: „Что Торрь является господиномъ положенія, это сразу видно, какъ только онъ при входѣ загремѣлъ на Локи: Молчи!.. и пригрозилъ разозжить его своимъ молотомъ...“ Если бы послѣ этой угрозы Локи дѣйствительно замолчалъ — Геррманнъ, конечно, былъ бы правъ. Но Локи и не думаетъ умолкнуть, а въ самомъ спокойномъ насмѣшливомъ тонѣ отвѣчаетъ:

Прибыль Громовникъ, Земли сынъ великій.

Торрь, что грозишь ты мнѣ такъ?..

Настанетъ твой часъ, и отступишь предъ Волкомъ ты,
Что Властителя битвъ истребить. (58)

На что Торрь опять „гремить“ свое: Молчи! И „гремѣть“ ему приходится въ общей сложности четыре раза—пока, наконецъ, Локи,

1) Это несомнѣнно явствуетъ изъ стрф. 30.

высказавъ все, что ему хотѣлось высказать, и еще вдобавокъ констатировавъ это въ своей послѣдней репликѣ, соглашается уйти. При всемъ желаніи, я не могу усмотрѣть въ отвѣтахъ Лóки этого „страха и почтенія къ Торру“, о которыхъ говоритъ Геррманнъ. Напротивъ, грозному богу съ его занесеннымъ молотомъ приходится выслушать отъ насмѣшника больше дерзкихъ рѣчей, чѣмъ кому бы то ни было: цѣлыхъ три строфы посвящены насмѣшкамъ Лóки по адресу Торра—тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ его выходкахъ самое большее отводилось по двѣ строфы обвиненіямъ противъ cadaго божества. И на каждую изъ трехъ строфъ Торръ не умѣетъ отвѣтить ничѣмъ инымъ, какъ однимъ и тѣмъ же браннымъ словомъ (*rog váetr*) и буквально повторяемую угрозою заставить его замолчать при помощи Мйольнира, къ чему попеременно присоединяется обѣщаніе „закинуть Лóки на востокъ, гдѣ его никто не найдетъ“, „сокрушить ему кости“, „загнать его въ подземное царство“. Заявленіе Лóки: „Я знаю, что ты способенъ биться“ звучитъ— послѣ всего, что Торръ далъ безнаказанно наговорить себѣ—скорѣе ироніей, чѣмъ „страхомъ и почтеніемъ“.

Въ особенности, если сопоставить съ этимъ его слова въ предшествующей репликѣ: „Я собираюсь прожить еще долгій вѣкъ, хоть ты и замахиваешься на меня молотомъ“. Лóки знаетъ, что не Торру суждено убить его, и что согласно завѣтамъ рока онъ будетъ жить до кончины міра; знаютъ это и боги. Если тотъ или другой, всплывъ, и угрожаетъ Лóки смертию—то изъ словъ Скади и Фрэира ясно, что имъ извѣстенъ будущій удѣлъ этого злѣйшаго врага, которому отъ нихъ на дѣлѣ можетъ грозить (до времени кончины міра), какъ и волку Фэнриру, только плѣнь, но не смерть. Если бы боги могли убить Фэнрира и Лóки, они конечно постарались бы это слѣлать—но судьба опредѣлила иначе; недаромъ Фриггъ, „знающая всѣ судьбы“ (29), говоритъ только, что Лóки пришлось бы биться, если бы еще былъ въ живыхъ Бальдръ—но не говоритъ, что ему пришлось бы поплатиться головой (27).

И знаменателенъ отвѣтъ Лóки, напоминающій о смерти Бальдра. Онъ совершенно опредѣленно выражаетъ мысль: „Ты хорошо знаешь, что Бальдръ мнѣ не былъ страшенъ, что не ему было

суждено убить меня, а, наоборот, мнѣ—погубить его“. Почему же, въ такомъ случаѣ, Лóки долженъ бояться Торра больше, чѣмъ остальныхъ боговъ? Такой боязни дѣйствительно и не видно въ его обращеніи къ Торру. Комментаторы, настаивающіе на „торжествѣ Торра“, вдобавокъ забываютъ и еще объ одномъ: о брошенномъ въ лицо жены его обвиненіи въ прелюбодѣянніи (въ довершеніе всего—едва-ли не съ самимъ Лóки!). Ни Торръ, ни Сифъ не опровергаютъ этого обвиненія: между тѣмъ, съ этого надлежало-бы начать, будь превосходство въ данномъ случаѣ на сторонѣ Торра. И спрашивается: кто въ большей степени является „господиномъ положенія“ — полный ярости простоватый Громовникъ, отвѣчающій на справедливыя нелестныя напоминанія Лóки все однимъ и тѣмъ же браннымъ словомъ и одной и той же угрозой, размахивая надъ головою оскорбителя молотомъ, которымъ онъ фактически не можетъ ему повредить,—или Лóки, невозмутимо высказывающій въ лицо Торру все, что ему приходитъ въ голову наиболѣе оскорбительнаго; не стѣсняясь его присутствіемъ заканчивающій свои выходки по адресу прочихъ боговъ зловѣщимъ предсказаніемъ Эгиру; заявляющій, что теперь, высказавъ все, что находилъ нужнымъ, онъ уступаетъ и удаляется, и оставляющій боговъ подъ угрозою неизбежнаго грядущаго конца—зная о томъ, что должно его постичь со стороны боговъ, и что угрожаетъ богамъ съ его стороны?... ¹⁾

Вейнгольдъ и въ этомъ вопросѣ проявляетъ свою чуткость, не придавая никакого значенія кажущемуся торжеству Торра (которое, какъ это ни странно, импонируетъ, повидимому, даже Герингу) и подчеркивая безпомощность боговъ передъ обвинителемъ, котораго онъ правильно называетъ, въ данномъ случаѣ, ихъ олицетворенною совѣстью. Что у этой совѣсти—совѣсть тоже не чиста, это нисколько не мѣняетъ дѣла.

Здѣсь, въ этомъ мифологическомъ произведеніи поздней эпохи, когда образъ Лóки выступаетъ уже въ послѣдней стадіи своего развитія, въ видѣ опредѣленно враждебнаго богамъ начала, не считающагося съ ихъ законами и воззрѣніями, съ ихъ

¹⁾ О личности Лóки и ея мифологической эволюціи говорится болѣе или менѣе подробно въ указателѣ именъ (см. Лóки ст. 649).

мѣрилами добра и зла¹⁾—никто и не вправѣ требовать отъ него соблюденія божеской этики, которой онъ завѣдомо не признаетъ. Иное дѣло асы. Разъ они претендуютъ на роль носителей извѣстныхъ нравственныхъ началъ; разъ они упрекаютъ его, Лóки, за прегрѣшенія противъ этихъ началъ—то они сами, допуская въ своей средѣ низость и зло, виновны и заслуживаютъ кары: эта кара ихъ постигнетъ, когда наступитъ кончина міра, и Лóки опредѣленно напоминаетъ богамъ, что ихъ ждетъ гибель (42, 58, 65).

Въ этомъ отношеніи правъ и неправъ Грановскій, усматривающій въ „Lokasenna“ „болѣзнь языческой души“... горько сътующей на оставленныхъ боговъ „за ихъ несостоятельность“. Несостоятельность эта—по отношенію къ большинству²⁾ боговъ—здѣсь дѣйствительно выступаетъ наружу; но боги, для автора пѣсни, еще не „оставленные боги“ въ томъ смыслѣ, чтобы онъ пересталъ въ нихъ вѣрить. Это боги послѣдней стадіи миеологической эволюціи древне-германскаго міросозерцанія: боги виновные и осужденные на смерть.

Съ одной стороны, они сами—или по крайней мѣрѣ большинство ихъ—запятнаны виновностью; съ другой стороны, они оказываются надѣленными недостаточнымъ могуществомъ, подчиненными міровой судьбѣ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ. И развивающееся религиозное міровоззрѣніе съ неумолимою послѣдовательностью обрекло боговъ на гибель.

1) Я даже не хочу касаться пункта, опредѣленно подтверждающаго высказываемый здѣсь взглядъ, но слишкомъ сложнаго для сжатаго обсуждения: того обстоятельства, что въ эпизодѣ съ Торромъ, гдѣ послѣдній оказывается побѣжденнымъ — побѣдитель его, властитель призрачнаго замка, *Útgarðloki*, не кто иной, какъ своего рода двоиникъ Лóки, его враждебная асамъ „ипостась“ (см. *Weißh. Die Sagen von Loki*).

2) Совершенно чистъ отъ всякихъ обвиненій остается—изъ тѣхъ боговъ, о которыхъ упоминаетъ Лóки,—только свѣтлый Фрэйръ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что обвиненіе стрф. 32 относится только къ Фрэйю, а не къ нему; даже если въ немъ подразумѣвается (чего я не думаю) дѣйствительно совершившееся кровосмѣшеніе, то предполагается, повидимому, что Фрэйа достигла своей цѣли обманомъ (чарами или какою-нибудь хитростью). Въ противномъ случаѣ—Лóки не преминулъ бы воспользоваться обвиненіемъ.

Эта идея, о которой уже пришлось говорить по поводу „Про-рицанія Провидицы“, гдѣ она выразилась въ величавой формѣ міровой эпопеи — здѣсь выступаетъ иначе, съ большею индивидуализаціей, до извѣстной степени перенесенная съ общихъ судьбъ міра на единичныхъ живыхъ представителей двухъ враждебныхъ лагерей: боговъ и ихъ противниковъ, разрушителей, носителей истребительныхъ силъ хаоса. Одинъ изъ этихъ противниковъ—на ряду съ Суртромъ играющій первенствующую роль въ истребительной борьбѣ противъ боговъ—является выразителемъ беспощаднаго осужденія, постигающаго ихъ со стороны мыслящаго духа въ данную эпоху. Съ этой точки зрѣнія получаютъ огромное значеніе и всѣ тѣ „поношенія“ Лóки, которыя выше признаны не имѣющими значенія, какъ обвиненія. Смыслъ ихъ и заключается не въ обвиненіи, а въ указаніи богамъ на относительность ихъ могущества, на ихъ зависимость отъ Судьбы. Чѣмъ въ правѣ гордиться эти боги—когда одному изъ нихъ приходится, чтобы на время предохранить міръ отъ ярости чудовища, остаться на всю жизнь съ одной рукой; когда Покровитель храбрецовъ долженъ по волѣ судьбы незаслуженно даровать побѣду трусамъ; когда наконецъ всѣ боги не могли спасти отъ предначертанной рокомъ гибели лучшаго изъ всѣхъ, общаго любимца, Балдра?... Таковъ основной мотивъ всѣхъ тѣхъ обличеній Лóки, которыя относятся не къ тому, что боги совершили дурного, а къ тѣмъ неотвратимымъ ударамъ судьбы, отъ которыхъ они не въ силахъ были защититься.

Содержаніе всѣхъ рѣчей Лóки, направленныхъ противъ боговъ, естественно расчленяется на три основныхъ момента:

1. Вы, боги, несовершенны, запятнаны виною: этотъ малодушень, тотъ повиненъ въ кровосмѣшеніи, тотъ ведетъ себя какъ трусъ, тотъ даетъ себя провести позорнѣйшимъ образомъ; ваши жены продажныя развратницы, ваши служители (Бйггвиръ и его жена) наглы, распутны и болтливы.

2. Вы, боги, безсильны передъ судьбою въ гораздо большей степени, чѣмъ люди передъ вами:—васъ ранять, калѣчатъ, убиваютъ; вы не можете одолѣть враждебныхъ вамъ разрушительныхъ силъ, несмотря на бдительность Геймдálльра, на храбрость Торра, на мудрость и чары Óдина; вы сами обречены совершать

то, что послужитъ къ вашей гибели: Фрѣиру пришлось отдать мечъ, безъ котораго онъ будетъ безпомощенъ въ рѣшающей мировой битвѣ.

3. Судьба, которая властвуетъ надъ вами, обрекла васъ искупить ваши вины—и такъ же, какъ вы не могли избѣжать страданій и утратъ, такъ же вы не избѣгнете общей, окончательной гибели; мы, ваши противники, разрушители мирового устройства, съ переменнымъ счастьемъ ведущіе вѣковую борьбу противъ васъ—мы васъ погубимъ въ послѣдній день міра. И волкъ Фенриръ пожретъ Одина, и Торръ отступитъ передъ грознымъ чудовищемъ, и побѣдоносное огненное воинство Муспелля сожжетъ Эгира, уничтоживъ его водяное царство,—завоюетъ и испепелитъ весь вашъ міръ.

Такова, по моему мнѣнію, основная идейная подкладка пѣсни¹⁾: „Словесная распря Лóки“,—вложенныя въ уста ненавистнаго бога противника безпощадныя истины: безповоротное осужденіе несовершенныхъ боговъ, жестокая характеристика ихъ нравственной запятанности и ихъ безсилія передъ мировой судьбою, — и, какъ выводъ, предсказаніе ихъ неминуемой гибели; установленное вѣчнымъ вселенскимъ закономъ исчезновеніе несовершеннаго міра съ его несовершенными богами въ очистительномъ всемірномъ пожарѣ.

На это психологическое содержаніе пѣсни не оказываетъ никакого вліянія чисто внѣшній моментъ появленія Торра; даже если бы богъ громовъ искалѣчилъ или убилъ Лóки—дѣло отъ этого ничуть не измѣнилось бы. (И если бы заключительная проза не по ошибкѣ была приписана къ пѣсни, а дѣйствительно должна бы слѣдовать за нею—это тоже не имѣло бы значенія въ этомъ отношеніи.) Важно не то, что Лóки уходитъ цѣль и невредимъ, а то, что произнесенныя имъ обличенія остаются неопровергнутыми, сохраняютъ свою силу,—потому, что въ нихъ выражается продуктъ религіознаго міросозерцанія автора.

Я не хочу сказать, что вся пѣснь цѣликомъ выросла изъ этого міросозерцанія—такое утвержденіе представляется мнѣ даже грубою ошибкою.

¹⁾ Съ такимъ освѣщеніемъ ея мнѣ не пришлось до сихъ поръ встрѣтись у изслѣдователей Эдды.

Несомнѣнно, что канвою поэту служили старыя, издавна жившія въ народномъ воображеніи мифы—частью въ ихъ первобытной наивной формѣ, частью въ сложномъ и переработанномъ позднѣйшемъ обличіи. Весьма правдоподобно, напримѣръ, предположеніе Вейнгольда, что въ повторномъ указаніи на любовную связь Локи съ рядомъ различныхъ богинь—использованы поздніе искаженные отголоски древняго представленія о Локи, какъ о божествѣ любви и брака. Элементы старыхъ стихійныхъ мифовъ сказываются въ цѣломъ рядѣ подробностей (напр., то, что „горы дрожать“ при приближеніи громового бога Торра).

Въ самой обстановкѣ пѣсни—въ этомъ пирѣ боговъ у Эгира, который наварилъ для нихъ пива въ исполинскомъ котлѣ—чувствуется духъ первобытнѣйшихъ народныхъ сказаній съ ихъ простодушнымъ антропоморфизмомъ. По всей вѣроятности въ глубокой древности существовала уже сага (быть можетъ, даже пѣсня) о томъ, какъ боги собрались пировать, какъ прогнали съ пира Локи за убійство одного изъ прислужниковъ, какъ неугомонный богъ пламени вернулся и затѣялъ перебранку съ остальными богами, и всѣхъ поносилъ,—пока не явился Торръ и не выгналъ его вонъ своимъ молотомъ. Но этотъ наивный древній рассказъ по-своему использованъ поэтомъ, который по времени жизни, по міросозерцанію, по мифологической осведомленности и по литературной technikѣ—ушелъ безконечно далеко отъ тѣхъ архаическихъ источниковъ, откуда онъ почерпнулъ свою тему. Этотъ поэтъ вложилъ свои собственныя религиозныя воззрѣнія (отчасти, быть можетъ, и свои религиозныя исканія) въ обработку старыхъ преданій.

Я не собираюсь также защищать нелѣпое предположеніе, что основная идея произведенія — охарактеризованная выше—могла присутствовать въ сознаніи автора пѣсни съ тѣми предпосылками и въ той формулировкѣ, которыя высказаны здѣсь: ясно, что это невозможно.

Но въ видѣ полусознанной, изобилующей прорывами цѣпи посылокъ и выводовъ, въ видѣ ряда определенныхъ вѣрованій, связанныхъ другъ съ другомъ непосредственно, интуитивно зависимостью—именно это основное представленіе, именно этотъ взглядъ на боговъ господствуетъ въ рассматриваемомъ произведеніи: таковъ

для меня несомнѣнный итогъ его изученія въ связи съ другими памятниками религіознаго міросозерцанія той же поры.

Остается сказать нѣсколько словъ о формѣ пѣсни.

Техника ея видимо принадлежитъ умѣлому скальду, ритмъ гибокъ, легкокъ и выдержанъ—чего мнѣ, къ сожалѣнію, не вездѣ удалось достигнуть въ русской передачѣ. Нѣкоторая искусственность стиля служитъ лишнимъ подтвержденіемъ поздняго происхожденія пѣсни. (Относительно кажущихся уклоненій отъ исландскихъ формъ, см.: Могкъ, и его ссылку на Ольсена. *Geschichte der Norwegisch-Islandischen Litteratur*, 43). Единое творчество чувствуется въ извѣстномъ индивидуальномъ своеобразіи оборотовъ и построеній, въ искусной, почти сценически-расчитаной комбинаціи вступленій и репликъ, въ послѣдовательномъ проведеніи черезъ всю пѣснь діалога, и притомъ діалога по строфамъ, безъ одинаго отступленія; въ тонкомъ распредѣленіи эффектовъ, отчасти въ самомъ тонѣ сатирическихъ выступленій Лóки, представляющихъ въ цѣломъ рядѣ строфъ оригинальное соединеніе крайней рѣзкости выраженій съ тщательною выдержанностью художественной формы.

СКАЗЪ О ГАРБАРДРЪ

Торрь возвращался съ востока и пришелъ къ проливу. По ту сторону пролива былъ перевозчикъ съ челнокомъ. Торрь окликнулъ его:

Что тамъ за малый сталъ по ту сторону? 1

Перевозчикъ сказалъ:

Что тамъ за пахарь зоветъ черезъ воду? 2

Торрь сказалъ:

Переправь меня! Дамъ я ѣды тебѣ на день.

Пищу самую лучшую въ сумкѣ несу я. 3

Самъ я плотно наѣлся съ утра на дорогу:

Ѣлъ овсянку и сельди, и сытъ на весь день.

Перевозчикъ сказалъ:

Ишь расхвастался завтракомъ, словно заслугою!

А что ждетъ тебя нынче, не знаешь. 1

Въ твоёмъ домѣ, быть можетъ, бѣда:

умерла твоя мать, я такъ думаю.

Общее примѣчаніе:

Дѣйствующими лицами діалога являются Торрь и Одинъ. Авторъ сознательно противопоставляетъ другъ другу оба божества, рисуя въ неизмѣнно юмористическомъ освѣщеніи конфликтъ между сознательнымъ духовнымъ превосходствомъ и матеріальною силою.

(2) Одинъ презрительно называетъ Торра, покровителя земледѣлія, „пахаремъ“.

Торрь сказалъ:

Что́ для каждаго кажется худшимъ несчастьемъ,
 То пророчишь ты мнѣ: моей матери смерть! 5

Перевозчикъ сказалъ:

Врядъ-ли ты земледѣлецъ, дворами владѣющей:
 Стоишь ты босой, и одежда вся въ дырѣяхъ. 6
 На тебѣ и штановъ даже нѣтъ!

Торрь сказалъ:

Правъ живо сюда! Гдѣ пристать, покажу я.
 А ты отвѣчай мнѣ: чей этотъ челнъ? 7

Перевозчикъ сказалъ:

Нареченъ тотъ Гйльдольфръ, кто челнъ поручилъ мнѣ.
 И живетъ мудрый витязь надъ водами Радсей. 8
 Конокрадовъ возить и воровъ не велѣлъ онъ;
 Только путныхъ людей—кого знаю, какъ слѣдуетъ.
 Назовись, если хочешь, чтобъ свезъ я тебя.

Торрь сказалъ:

Смѣло я назовусь, хоть въ странѣ я у недруговъ,
 И весь родъ свой открою: я Одина сынъ, 9
 Мейли я братъ и Магни родитель,

8, I „Волкъ боя“—этимъ именемъ Одинъ обозначаетъ, конечно, опять таки себя самого.

8, II Радсей означаетъ приблизительно „островъ совѣтовъ“. Это названіе можетъ заключать указаніе на обычную область дѣятельности Одина: боевые замыслы и совѣты между вождями.

9, I въ странѣ у недруговъ, т.-е. у исполиновъ, въ чьихъ владѣніяхъ Торрь еще находится, пока онъ не переправился черезъ проливъ.

9, III Мейли, сынъ Одина, братъ Торра. Сыновья его Магни и Мбди („Сила“ и „Мощь“).

Изъ боговъ самый сильный я—Торрь предъ тобой.
Теперь я желаю знать также, кто ты?

Перевозчикъ сказалъ:

Я ГАРбардръ зовусь, имя рѣдко скрываю я. 10

Торрь сказалъ:

Съ чего же скрывать, разъ тебя не преслѣдуютъ? 11

ГАРбардръ сказалъ:

Если бъ даже меня и могли здѣсь преслѣдовать—
Отъ такого, какъ ты, я легко уберегся бы, 12
Если бъ рокъ не обрекъ меня на смерть какъ разъ.

Торрь сказалъ:

Мнѣ крѣпко не по сердцу въ бродъ пробираться—
Свой членъ не хочу я мочить, а не то бы 13
За обидную рѣчь проучилъ я тебя!

ГАРбардръ сказалъ:

Дождусь тебя здѣсь я. Врага не видаль 14
Храбрѣ меня ты со смерти ГРУНГНИРА.

Торрь сказалъ:

Напомнилъ ты мнѣ, какъ ГРУНГНИРА сразилъ я.
Былъ могучъ великанъ съ головою изъ камня; 15
И все-таки, мною сраженный, безъ жизни лежалъ онъ.
А ты что свершилъ? Повѣдай мнѣ, ГАРбардръ!

10, I ГАРбардръ—Длиннобородый (быть можетъ, Сѣдобородый). Одинъ является на землѣ въ видѣ стараго странника съ длиною сѣдою бородою.

Въ этой фразѣ непонятная для Торра иронія, такъ какъ ни одинъ изъ боговъ не скрываетъ имени такъ часто, какъ именно Одинъ.

13, II Такъ читаютъ эту строку Сіймонсъ и Герингъ.

14, II ГРУНГНИРЪ—исполинь, убитый Торромъ.

Гарбардръ сказалъ:

У Фйольвара прожилъ пять зимъ я подъ рядъ
 На островѣ томъ, что Альгрѳнъ зовется.
 Съ мужами могли мы сражаться, и многого
 Достичь, и красавицъ любви добиваться. 16

Торръ сказалъ:

Была ли тогда вамъ удача у дѣвъ? 17

Гарбардръ сказалъ:

Не умны были многія—сами рвались ко мнѣ.
 А другія мудрили—некстати противились:
 Имъ хотѣлось рыть ямы въ глубокой ложбинѣ,
 Изъ песку витъ веревки старались онѣ. 18
 Я одинъ былъ умнѣе, чѣмъ всѣ онѣ вмѣстѣ;
 Сестры, всѣ семеро, были моими,
 Ласки любовной отъ всѣхъ я добился.—
 Что ты сдѣлалъ тѣмъ временемъ, Торръ?

Торръ сказалъ:

Тйацци убилъ я, строптиваго турса.
 Грозныя очи наслѣдника Алльвальди
 Въ ясное небо забросилъ я. 19
 Лучшій то памятникъ подвига Торра,—
 Въ небѣ понынѣ всѣ видятъ его!
 Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Гарбардръ?

16, I „Фйольваръ“—„Осторожный“. Повидимому, рѣчь идетъ о лицѣ, которому Одинъ оказывалъ поддержку въ битвахъ, при чемъ добился любви его семи дочерей на островѣ Альгрѳнъ (отъ грѳп, зеленый).

18, III, IV Т.-е. противясь Одину, красавицы предпринимали неосуществимое и бесполезное дѣло.

19, I Тйацци—исполинь, убитый богами при участіи Торра. Глаза его были превращены въ звѣзды (неизвѣстно, какія именно звѣзды подразумевались здѣсь); но, согласно сагѣ, это сдѣлалъ не Торръ, а Одинъ.

Гарбардръ сказалъ:

Соблазнялъ я колдуній искусными ковами,
 Сманиваль женъ отъ мужей я умѣло. 20
 Славнымъ, по мнѣ, исполиномъ былъ Глѣбартъ;
 Онъ жезлъ чародѣйскій мнѣ далъ, а его
 Я силой волшебной разсудка лишилъ.

Торрь сказалъ:

Злымъ дѣломъ воздалъ ты за добрый даръ! 21

Гарбардръ сказалъ:

Что съ дуба сдеруть—въ пользу дубу другому;
 Всякій заботится самъ о себѣ. 22
 Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Торрь?

Торрь сказалъ:

Истреблялъ на востокъ я женъ исполиновъ,
 Что бродили въ горахъ, зло и вредъ причиняя; 23
 Если бъ жить имъ всѣмъ дать, слишкомъ турсы бы множились,
 Перевелись на землѣ бы всѣ люди.—
 Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Гарбардръ?

Гарбардръ сказалъ:

Я въ Вáлландѣ жилъ, вызываль я тамъ войны,
 Сѣялъ распри межъ храбрыми, миръ отнималь. 24

20, I Въ качествѣ бога чародѣйствъ, Одинъ имѣеть дѣло съ колдуньями.

20, III Объ эпизодѣ съ Глѣбартомъ неизвѣстно больше ничего. (Этимология его имени неясна). Повидимому, въ побѣдѣ Одина надъ чародѣемъ, который самъ же научилъ его, на свою погибель, чарамъ,—отразился древній сказочный мотивъ, аналогичный тому, который впоследствии нашель свое выраженіе въ средневѣковомъ сказаніи о Мерлинѣ и Вивіанъ.

22, I Пословица.

24, I Вáлландъ—„страна битвъ“. Здѣсь Одинъ опредѣленно выступаетъ въ качествѣ бога сраженій.

Погибшихъ вождей бралъ Одинъ въ Валгáллу,
А Торрь принималъ къ себѣ мертвыхъ холоповъ.

Торрь сказалъ:

Ты неладно людей подѣлилъ бы межъ асами,
Если бѣ въ Áсгардѣ власть ты на это имѣлъ! 25

Гáрбардръ сказалъ:

Силь у Торра достаточно, мужества мало.
Въ рукавицу отъ страха забрался ты разъ; 26
[Самъ съ перепугу не помнилъ, кто ты!]
Схоронился, не смѣлъ ни дохнуть, ни чихнуть ты,
Ни пердѣть, чтобы Фйáлара не разбудить.

Торрь сказалъ:

Гáрбардръ, негодный! убилъ бы тебя я, 27
Если бѣ могъ на тотъ берегъ добраться къ тебѣ.

Гáрбардръ сказалъ:

Что спѣшить на мой берегъ тебѣ? Мы не въ ссорѣ.— 28
Что еще сдѣлалъ ты, Торрь?

Торрь сказалъ:

На востокъ я былъ, потокъ охранялъ я тамъ,
Когда нападали Свáранга дѣти. 29

24, IV „х о л о п а м и“ Одинъ презрительно называетъ земледѣльцевъ, пользовавшихся покровительствомъ Торра.

Но въ мифахъ нѣтъ указанія на то, чтобы земледѣльцы (свободные или несвободные) дѣйствительно попадали по смерти къ Торру.

(26) Эпизодъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, вспоминаетъ (также чтобы досадить Торру) и Лóки („Слов. рас. Лóки“, 60, 62). Торрь со спутниками однажды въ дорогѣ заночевалъ въ рукавицѣ исполина Скрíмира, которую они впотьмахъ приняли за цѣлую постройку, а храпъ исполина—за бурю и землетрясеніе, внушившія имъ большое безпокойство.

26, V Фйáларъ—прозваніе Скрíмира.

(29) Здѣсь идетъ рѣчь объ обычной борьбѣ Торра со стихійными чу-

Они въ меня камни кидали, но плѣнъ ожидалъ ихъ:

Я принудилъ ихъ мира просить у меня.—

Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Гарбардръ?

Гарбардръ сказалъ:

На востокъ я былъ и болталъ тамъ съ красавицей;

Съ бѣлолицей я тѣшилъ, къ ласкамъ склонилъ ее. 30

Любви я добился отъ дѣвы въ уборѣ златомъ.

Торрь сказалъ:

Недурно ты время тогда проводилъ! 31

Гарбардръ сказалъ:

Ты могъ бы помочь мнѣ тогда уберечь бѣлолицую дѣву. 32

Торрь сказалъ:

Помогъ бы я съ радостью въ томъ, если бъ только
возможность была! 33

Гарбардръ сказалъ:

А я тебѣ вѣрилъ бы, если бъ меня обмануть ты не могъ. 34

Торрь сказалъ:

Не мастеръ щипать я за пятки, какъ старый башмакъ
по веснѣ. 35

Гарбардръ сказалъ:

Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Торрь? 36

Торрь сказалъ:

Берсеркеровъ женъ истреблялъ я на Глѣсей; 37

Много бѣдъ отъ нихъ было, мучили народъ онѣ.

довищами и исполинами. Болѣе подробныхъ указаній, къ какому именно столкновенію относятся его слова,—не имѣется.

37 I Берсеркерство—состояніе боевого изступленія, въ которомъ почти обнаженные бойцы, не помня себя, истребляли всѣхъ, попадавшихъ имъ

Гарбардръ сказалъ:

Непохвально, что женщинъ ты, Торръ, убиваль. 38

Торръ сказалъ:

За волчицъ ихъ надо бы счесть, не за женщинъ:
Мой корабль опрокинули вѣдьмы свирѣпя, 3
Отъ ихъ палицъ желѣзныхъ мой Тйальфи бѣжалъ.
Что ты дѣлалъ тѣмъ временемъ, Гарбардръ?

Гарбардръ сказалъ:

Былъ въ числѣ я той рати, что шла въ этотъ край
Стягъ поднять боевой, окржавить копье. 40

Торръ сказалъ:

Ты хвалишься тѣмъ, что сюда досадить мнѣ пришелъ! 41

Гарбардръ сказалъ:

За досаду я виру внесу, если судьи
Такъ рѣшатъ, приглашенные споръ нашъ уладить. 42

подъ руку, пока сами не были убиты. Первоначально этимъ именемъ, какъ кажется, обозначали оборотней, способныхъ превращаться въ медвѣдей.

Въ позднѣйшемъ-же, указанномъ выше, смыслѣ—берсеркерство исторически удостовѣренное явленіе, аналогичное тому, которое наблюдается еще въ настоящее время среди жителей Малайскаго архипелага у такъ называемыхъ „амокъ“ и по всей вѣроятности принадлежитъ, подобно состоянію этихъ амокъ, къ видамъ психическаго заболѣванія, въ частности переходящаго бѣшенства (*Mania transitoria*).

37, I Глесеи (отъ имени морскаго бога Глера, Эгира)—нынѣ о. Лесбъ въ Каттегатѣ.

39, III Тйальфи—служитель Торра.

(41) Всякая война досаждаеть Торру, такъ какъ богъ земледѣлія покровительствуетъ миру и ведетъ борьбу лишь съ разрушительными стихійными силами природы.

(42) Иронія этой фразы, ставящей въ тупикъ Геринга, заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что ни о какомъ судебномъ разбирательствѣ, ни о какой вирѣ не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ; нельзя же

Торрь сказалъ:

Гдѣ выискать могъ ты слова ядовитыя?
Отродясь я не слыхиваль злѣйшихъ насмѣшекъ! 43

Гарбардръ сказалъ:

Тѣмъ рѣчамъ я отъ старыхъ людей научился,
Что въ молчаньи живутъ подь холмами отчизны. 44

Торрь сказалъ:

Для могиль изобрѣль ты хорошее имя,
Назвавъ ихъ холмами отчизны! 45

Гарбардръ сказалъ:

Называть я ихъ воленъ, какъ хочется мнѣ. 46

Торрь сказалъ:

Ты заплатишься зло за свое острословье,
Какъ только я на берегъ тотъ попаду. 47
Громче волка, повѣрь мнѣ, тогда ты завоешь—
Какъ молотъ пройметъ тебя мой!

Гарбардръ сказалъ:

У Сифъ твоей въ домѣ любовникъ. Съ нимъ биться
Нужнѣе бы нынче тебѣ, чѣмъ со мной. 48

себѣ представить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы оскорбленный войною богъ мирнаго труда началъ судиться съ виновниками войны. Въ особенности, когда рѣчь идетъ о Торрѣ, вообще склонномъ разрѣшать всѣ споры не судомъ, а... своимъ молотомъ. С.

44, II Т.-е. отъ мертвыхъ, лежащихъ подь могильными курганами. Согласно распространенному вѣрованію, Одинъ вызываль изъ могиль умершихъ, чтобы узнавать отъ нихъ различныя вещи. Врядъ ли, однако, его ссылку на это обстоятельство надо въ данномъ случаѣ принимать серьезно.

48, I Сифъ—жена Торра. Любовникъ ея, по мнѣнію комментаторовъ—Лѳки, что, впрочемъ, никакими достовѣрными указаніями не подтверждается.

Торрь сказалъ:

Чтобъ сильнѣе меня уязвить, языку ты далъ волю.
Малодушный досадчикъ! Я думаю, лжешь ты. 49

Гарбардръ сказалъ:

Я вѣрю, что вѣсть моя правда. Не въ мѣру ты мѣшкаешь;
Ты бѣ давно могъ прибыть—будь челнокъ у тебя. 50

Торрь сказалъ:

Гарбардръ, презрѣнный! Не смѣй меня дольше задерживать! 51

Гарбардръ сказалъ:

Не подумалъ бы я, что въ пути Асаторра
Такъ легко перевозчику остановить. 52

Торрь сказалъ:

Вотъ мой совѣтъ: подѣзжай сюда живо!
Бросимъ мы брань! Переправь отца Магни. 53

Гарбардръ сказалъ:

Уходи! Переправы ты здѣсь не дождешься. 54

Торрь сказалъ:

Хоть путь укажи мнѣ въ обходъ, коль не хочешь везти! 55

Гарбардръ сказалъ:

Отказъ мой былъ коротокъ; путь будетъ дологъ.
До пня часъ пути: часъ оттоль до колоды. 56

52, I Асаторръ—„Торрь изъ рода асовъ“. Въ сказаніяхъ онъ часто называется такъ.

56, II Употребляемая въ подлинникѣ выраженія („til stoksens... til steinsens“), напоминающія нѣмецкое über Stoff und Stein, наиболѣе характерны гѣмъ, что съ одной стороны вызываютъ представленіе о затруднительномъ пути, а съ другой стороны—рѣшительно ничего не объ-

Тамъ влѣво ступай—долженъ въ Вёрландъ попасть ты.
Торра, сильнаго сына, тамъ ждаты будетъ Фйоргинъ,
И направитъ его на путь предковъ, въ край Одина.

Торръ сказалъ:

Попаду ли туда я въ сегодняшній день?

57

Гарбардръ сказалъ:

Съ трудомъ и страдой ты туда доберешься
Развѣ къ разсвѣту—а раньше наврядъ ли.

Торръ сказалъ:

Разговоръ нашъ недлиненъ былъ, зло ты язвилъ меня.

58

Но еще отомщу я за то, что везти не хотѣлъ меня ты!

Гарбардръ сказалъ:

Уходи, пусть тебя заѣдятъ всѣ чудовища!

ясняютъ. Поэтому мнѣ и показалось умѣстнымъ употребить русскія выраженія „пень“ и „колода“—фигурирующія въ русскихъ народныхъ повѣствованіяхъ приблизительно по такимъ же поводамъ, какъ нѣмецкое *Stof und Stein*. (Въ оригиналѣ „stokr“—коль и „steinn“—камень). С.

56, III Вёрландъ—„страна мужей“ въ противоположность странѣ исполиновъ, гдѣ еще находится Торръ.

56, IV „Фйоргинъ“—имя примѣняемое къ Одину, также къ отцу Фриггъ; Герингъ полагаетъ, что здѣсь оно относится къ матери Торра.

„Сказъ о Ѓарбардрѣ“ имѣется цѣликомъ въ Codex Regius 2365, и частью въ Codex Arnagnaeanus 748.

Снорри имъ не пользовался.

Особенности языка, какъ указываетъ Могкъ, свидѣтельствуютъ о позднемъ происхожденіи пѣсни: она должна была создаться въ Исландіи, во второй половинѣ X вѣка.

Стихотворный споръ между двумя собесѣдниками, состязающимися въ остроуміи, находчивости (а иногда и въ брани по адресу другъ друга) — былъ въ ходу у представителей той эпохи. Въ виду полной свободы, съ какою древніе германцы всегда говорили о своихъ богахъ, нѣтъ причинъ удивляться, что въ вѣкъ, когда начиналось уже разложеніе языческаго міросозерцанія, остроумному поэту вздумалось въ юмористической формѣ вывести двухъ главныхъ боговъ, Торра и Одина, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ подобнаго спора.

Совершенно несостоятельнымъ оказалось прежнее предположеніе ¹⁾, что въ лицѣ обоихъ боговъ здѣсь изображены два словосія: что Торръ—представитель норвежскихъ земледѣльцевъ, а Одинъ—знатныхъ ярловъ, или же, по другой версіи, викинговъ. Съ внѣшней стороны это опровергается уже несомнѣннымъ исландскимъ происхожденіемъ Сказа о Ѓарбардрѣ: противоположеніе земледѣльца и викинга мыслимо было бы только въ Норвегіи. Но и самое содержаніе произведенія, если отнести къ нему внимательно, свидѣтельствуешь о натянутости этой, принадлежащей Кейзеру, гипотезы.

Основной мотивъ содержанія въ сущности очень простъ: могучій Торръ, грозный побѣдитель исполиновъ, долженъ оказаться побѣжденнымъ тамъ, гдѣ бо-

¹⁾ Къ сожалѣнію, его еще придерживался Герингъ въ ту эпоху, когда писалъ комментарий къ своему переводу Эдды.

роться надо не ударами молота, а остроуміемъ и находчивостью — съ противникомъ, надѣленнымъ такимъ духовнымъ превосходствомъ, что оно торжествуетъ уже при помощи однихъ шуточныхъ заявленій, безъ единого серьезнаго отвѣта ¹⁾. Эту сторону дѣла надо въ особенности имѣть въ виду при чтеніи репликъ Одина—Гарбардра: онъ все время потѣшается надъ Торромъ, чего простодушный Громовникъ по большей части даже не замѣчаетъ—оттого и оказывается, что онъ сплошь и рядомъ противопоставляетъ подвигамъ Торра весьма непочтенныя дѣла, по поводу которыхъ собесѣдникъ, къ удовольствію Одина, приходитъ все въ большее и большее негодованіе. Мѣстами, Гарбардръ прямо передразниваетъ Торра. Послѣдній говоритъ:

На востокъ я былъ; и потокъ охранялъ я тамъ,
Когда нападали Свѣранга дѣти... (29)

И когда Торръ, рассказавъ о своихъ боевыхъ подвигахъ, спрашиваетъ затѣмъ съ торжествомъ, чѣмъ можетъ похвастаться Гарбардръ—тотъ отвѣчаетъ въ тонъ ему:

„На востокъ я былъ, и болталъ тамъ съ красавицей;
Съ бѣлолицей я тѣшилъ, къ ласкамъ склонилъ ее...

Характерно, что Одинъ не пользуется случаемъ похвастаться тѣми свойствами, которыя имѣли вообще столь важное значеніе въ глазахъ древнихъ германцевъ: тѣмъ что онъ являлся верховнымъ носителемъ и источникомъ высшей мудрости, волшебства, вѣщихъ рунъ, поэтическаго искусства скальдовъ. Обо всемъ этомъ Одинъ не упоминаетъ—да и не можетъ распространяться на этотъ счетъ, иначе даже недалновидный Торръ въ концѣ концовъ, пожалуй, узналъ бы его. И въ дѣйствительныхъ заслугахъ своихъ, какъ Властителя битвъ, вождя ратей—онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ то, что способно разсердить Торра.

¹⁾ Это обстоятельство (что Одинъ за все время бесѣды ни разу не говоритъ серьезно, тогда какъ Торръ принимаетъ „всерьезъ“ всѣ его шутки) къ удивленію, не отмѣчено ни однимъ комментаторомъ: между тѣмъ, это весьма важно для оцѣнки замысла пѣсни. С.

Германнъ удачно резюмируетъ содержаніе спора, говоря, что поэту хотѣлось показать, „какъ обстоитъ дѣло, когда спорятъ между собою духъ и сила (и только сила)“. Остроумному и наблюдательному автору пѣсни вполнѣ удалось осуществить свою задачу. Картина получается живая и забавная; превосходство Одина показано тонко и съ своеобразнымъ юморомъ. Оба характера очерчены ярко и выпукло. Торръ съ его добродушіемъ, буйностью въ гнѣвѣ, грубостью и тѣмъ свойствомъ, которое русскій народъ мѣтко прозвалъ „отходчивостью“, съ умомъ не превышающимъ уровня посредственности, съ неразсуждающею храбростью, безстрашный передъ любимъ врагомъ, но безпомощный, когда приходится наткнуться на неожиданное и непривычное препятствіе; съ другой стороны, Одинъ—верховный, духовный руководитель людей и боговъ, вдохновитель битвъ, вліяющій не только на событія и поступки, но на мысли и души, насмѣшливый спорщикъ, всегда владѣющій собою, на все находящій отвѣтъ; силою и храбростью не уступающій Торру, но присоединяющій къ нимъ недостающіе послѣднему непоколебимое самообладаніе, сообразительность и прозорливость, всюду бывавшій и все испытывшій, а главное безконечно опередившій Торра духовнымъ развитіемъ.

Для читателя, который изъ сагъ и другихъ пѣсенъ Эдды уже знакомъ съ обоими характерами—становится еще живѣе и интереснѣе ихъ неравное словесное состязаніе. Совершенно особенный колоритъ получаетъ, напримѣръ, заявленіе Одина по поводу одного изъ рассказываемыхъ имъ любовныхъ эпизодовъ:

„Ты могъ бы помочь мнѣ тогда уберечь бѣлолицую дѣву“.
(32)

Представить себѣ Торра въ видѣ героя легкомысленнаго любовнаго приключенія—трудно вообразить что-либо болѣе неподходящее и комичное. И, кажется, такъ и видишь, какъ тяжело-вѣсный богъ громовъ въ отвѣтъ неловко ухмыляется и спѣшитъ заявить, принявъ всерьезъ замѣчаніе собесѣдника:

„Помогъ бы я съ радостью въ томъ, если бъ только возможность была“.

Послѣ чего Одинъ немедленно пародируетъ неуклюжее заявленіе сентенціознымъ отвѣтомъ:

„А я тебѣ вѣрилъ бы, если бъ меня обмануть ты не могъ“.

Эта и многія другія реплики проникнуты непосредственнымъ, свободнымъ комизмомъ, придающимъ всему произведенію большое своеобразие, такъ какъ ни въ одной изъ остальныхъ пѣсней Эдды не найти подобнаго, выдержаннаго отъ начала до конца, шутливаго тона.

Объ оригинальной формѣ „Сказа о Гарвардрѣ“ уже пришлось говорить въ предисловіи къ переводу. Форма эта, неповторяющаяся ни въ какой другой пѣсни, возбуждала много споровъ. Какъ кажется, наиболѣе правильную ея характеристику даетъ Сіймонсъ, выражающійся слѣдующимъ образомъ:

„Я безусловно не могу найти въ этой пѣсни ни правильнаго дѣленія на строфы, ни вообще соблюденія какой-либо определенной стихотворной формы. Я считаю ее написанною не стихами, а ритмической, аллитерирующею прозой, которая однако иногда переходитъ въ стихотворный ритмъ *kviðurhatti* или *ljófahatti*, иногда же въ строфы, представляющія собою смѣшеніе того и другого размѣра“.

Такъ какъ счетъ по строфамъ при этихъ условіяхъ невозможенъ, то я ограничиваюсь, какъ и Герингъ, счетомъ по репликамъ.

ПѢСНЬ О СКИРНИРѢ

Фрэйръ, сынъ Нйордра, однажды сидѣлъ на мѣстѣ Глйд-скйальфъ и смотрѣлъ на всѣ міры. Онъ увидалъ въ Йѳтунгеймѣ прекрасную дѣву, въ то время какъ она проходила отъ жилища своего отца въ женскіе покои. И отъ этого тяжкая скорбь овладѣла Фрэйромъ. Скйрниръ былъ служитель Фрэйра. Его Нйордръ попросилъ заговорить съ Фрэйромъ, чтобы побудить его высказаться.

И Скádi сказала:

Скйрниръ, вставай! Къ господину иди ты;

Нашего сына спроси, разузнай:

Чѣмъ огорченъ онъ, воитель разумный,

Противъ кого его грозный гнѣвъ?

Скйрниръ сказалъ:

Боюсь я недоброе слово услышать

Отъ вашего сына въ отвѣтъ,

Проза 1) Фрэйръ—сынъ Нйордра, богъ лѣта, благотворнаго дождя, плодородія и изобилія. Ему принадлежитъ лучшій изъ всѣхъ кораблей—Скидбладниръ, сдѣланный при помощи чаръ подземными карлами такъ искусно, что его можно было по желанію свернуть и положить въ карманъ. У Фрэйра есть также золотой вепрь Гуллинбурсти, котораго онъ впрягаетъ въ свою колесницу (но иногда ѣздитъ и на ковъ), и солнечный мечъ, обладающій тѣмъ свойствомъ, что самъ наноситъ ударъ, если находится въ рукѣ безстрашнаго воителя.

Нйордръ—морской богъ изъ рода Вановъ.

2) Глйдскйальфъ—возвышенное мѣсто въ чертогѣ Одина: съ этого мѣста видны всѣ міры.

5) Скйрниръ—служитель и другъ Фрэйра, человѣкъ.

(1) Скádi—жена Нйордра. Но Фрэйръ не сынъ ея, а пасынокъ—онъ родился отъ первой жены Нйордра, имя которой неизвѣстно.

Если стану разспрашивать, чѣмъ огорченъ онъ, 2
Противъ кого его грозный гнѣвъ.

(Скѣрниръ пошелъ къ Фрѣиру и сказалъ:)

Фрѣиръ, богъ свѣтлый, храбрый сынъ вановъ!
Просьбу исполни, отвѣтъ на вопросъ:
О чемъ одиноко, всѣ дни и всѣ ночи, 3
Скорбишь ты, любимый мой вождь?

Фрѣиръ сказалъ:

Какъ я повѣдаю, вѣрный товарищъ,
Всю мою скорбь и тоску?
Каждое утро сіяетъ Врагъ альфовъ 4
И не видитъ конца моихъ мукъ!

Скѣрниръ сказалъ:

Врядъ ли настолько безмѣрны тѣ муки,
Что нельзя мнѣ о нихъ рассказать. 5
Съ юности тѣсно насъ дружба сплотила—
Довѣряли другъ другу мы все.

Фрѣиръ сказалъ:

Близъ жилья исполина, могучаго Гѣмира
Я дивную дѣву видаль. 6
Отблескомъ рукъ ея мѣръ озарился—
Море и небо само.

4, III Врагъ альфовъ—Солнце. Темные альфы и подземные карлы не переносятъ солнечнаго свѣта, превращающаго ихъ въ камень.

6, I Гѣмиръ (Gumir, не смѣшивать съ Гѣмиромъ, Nimir)—великанъ. При символическомъ толкованіи мѣта Гѣмиръ олицетворяетъ могущество зимы, держащей въ своей власти цвѣтущую растительность (Гердръ), невѣсту Лѣта (Фрѣиръ).

Какъ я люблю ее—въ свѣтѣ отъ вѣка
 Больше никто не любилъ!
 Но нѣтъ никого среди асовъ и альфовъ,
 Кто бы нашему браку былъ другъ.

7

.

Скírнирь сказалъ:

Дай мнѣ коня, что сквозь темное пламя
 Къ турсамъ проникнетъ со мной;
 Дай мнѣ и мечъ твой, что йóтуновъ можетъ
 Собственной силой разить.

Фрѣирь сказалъ:

Вотъ тебѣ конь, что сквозь темное пламя
 Быстро тебя пронесетъ!
 Мечъ мой возьми, что разить самъ умѣетъ,
 Если безстрашнымъ воителемъ взять.

9

Скírнирь сказалъ (обращаясь къ коню):

Мракъ наступаетъ, пора намъ въ дорогу
 По влажнымъ прибрежнымъ скаламъ;
 [Пора къ великанамъ скакать].
 Вернемся мы оба—иль насъ полонить
 Обоихъ силачъ-исполинь.

10

Скírнирь поѣхалъ въ страну исполиновъ къ жилищу Гíмира. Тамъ были злые псы, привязанные у воротъ ограды, окружавшей чертогъ Гердрь. На холмѣ онъ увидѣлъ па-
 стуха. Онъ подѣхалъ и привѣтствовалъ его.

8, I „темное пламя“. Гердрь обитаетъ въ чертогѣ, окруженномъ пламенемъ. Въ этой подробности сказывается отголосокъ стараго фольклорнаго мотива: богъ или герой проникаетъ къ предназначенной ему невѣстѣ черезъ непроходимыя для другихъ преграды.

Скíрнирь сказалъ:

Молви, пастухъ—на холмѣ помѣстившись,
 Всѣ ты дороги вокругъ стережешь,— 11
 Какъ попаду къ доброй дочери Гíмира
 Съ вѣстью я, свору его миновавъ?

Пастухъ сказалъ:

Смерти ты ищешь, или мертвъ ужъ, быть можетъ?
 Безнадежнымъ путемъ ты идешь! 12
 Вѣсть передать турса дочери доброй
 Не удастся тебѣ никогда.

Скíрнирь сказалъ:

Безъ колебанья тотъ будь и не бойся,
 Кто на доблестный подвигъ готовъ! 13
 Годы и дни сочтены мои норнами,
 Рокомъ измѣренъ мой вѣкъ.

(Скíрнирь въѣхалъ въ ограду къ чертогу Гердрь.)

Гердрь сказала:

Что я за шумъ оглушительный слышу
 Въ домѣ неожиданно у насъ? 14
 Земля всколыхнулась, и вмѣстѣ съ землею
 Содрогается Гíмира дворъ.

Служанка сказала:

Гость у ограды! Съ сѣдла онъ ужъ спрыгнулъ,
 И пасться онъ пустилъ скакуна. 15

12, II Я восполняю пропущенную строку по смыслу, чтобы избѣжать нарушенія гармоніи строфъ; при чемъ я предполагаю только приближенное соответствіе между утраченной подлинною строкой и моимъ восполненіемъ.

Гердръ сказала:

Гостя позвать надо въ горницу Гймира,
 Меду ему подадимъ; 16
 Хоть и боюсь я, что мужъ этотъ можетъ
 Брата убійцею быть моего.
 Кто ты, пришелецъ? Сынъ альфовъ, иль асовъ,
 Иль вановъ свѣтлыхъ, скажи? 17
 Зачѣмъ ты примчался сквозь злобное пламя,
 Чтобы нашихъ чертоговъ достичь?

Скірниръ сказалъ:

Я не изъ асовъ, и не изъ альфовъ,
 Не вановъ свѣтлыхъ я сынъ; 18
 Но прибылъ одинъ я сквозь злобное пламя,
 Чтобы вашихъ чертоговъ достичь.
 Привезъ тебѣ въ даръ я одиннадцать яблокъ—
 Чудесныхъ плодовъ золотыхъ: 19
 Промѣнять мнѣ ихъ надо у Гердръ на признание,
 Что Фрэиръ дороже ей всѣхъ.

Гердръ сказала:

Я плодовъ не возьму, я себя за подарки
 Жениху не отдамъ никогда! 20
 Вѣкъ, сколько-бъ ни прожили Фрэиръ и Гердръ,
 Не станемъ мы брачной четой.

Скірниръ сказалъ:

Дамъ кольцо я тебѣ, что у Бальдра было
 На его погребальномъ кострѣ; 21

16, IV Братъ Гердръ—вѣроятно исполинъ Бэли, убитый Фрэиромъ.

19, I „одиннадцать яблокъ“—очевидно, изъ чудесныхъ яблокъ богини Идунъ, предохранявшихъ отъ старости и смерти. Вообще же яблоки—символь плодородія.

21, I, II кольцо Дрѣупниръ, принадлежавшее нѣкогда Одину и обла-

Восемь равныхъ по вѣсу оно производитъ
Черезъ каждая девять ночей.

Гердрь сказала:

Не возьму я кольца, что у Бальдра было
На его погребальномъ кострѣ! 22
Золота вдоволь у Гимира въ домѣ—
Невозбранно владѣю добромъ я отца.

Скѣрнирь сказалъ:

Видишь ты мечъ мой, умѣло украшенный,
Острый, вотъ въ этой рукѣ? 23
Гордую голову Гердрь отрублю я,
Если согласья ея не добьюсь!

Гердрь сказала:

Угрозы напрасны, себя я изъ страха
Жениху не отдамъ никогда! 24
Но боюсь: если Гимиръ застанетъ здѣсь гостя—
Неизбѣженъ межъ васъ будетъ бой.

Скѣрнирь сказалъ:

Видишь ты мечъ мой, умѣло украшенный,
Острый, вотъ въ этой рукѣ? 25
Имъ я убью престарѣлаго йѳтуна—
Въ поединкѣ падетъ твой отецъ.

давшее волшебнымъ свойствомъ производить все новыя кольца, не уменьшаясь само. Когда убитый Бальдръ лежалъ на погребальномъ кострѣ, Одинъ положилъ къ нему на костеръ это кольцо. Когда же Гѣрмодръ, сынъ Одина, посѣтилъ брата въ царствѣ Смерти, Бальдръ отдалъ ему это кольцо, чтобы онъ отвезъ его, въ знакъ памяти и привѣта, обратно Одину.

Драупнирь (по одному варианту мѣта оно производило по 4, по другому—по 8 колець заразъ)—тоже символъ плодородія.

Жезломъ чародѣйскимъ я дѣву ударю,
 Чтобы волѣ моей подчинить. 26
 Уйдешь ты туда, гдѣ потомки людей
 Не увидятъ вовѣки тебя:
 Будешь сидѣть подѣ крылами Орла ты;
 Изъ міра засматривать въ Гѣль. 27
 Тамъ тебѣ пища противнѣе станетъ,
 Чѣмъ скользкія змѣи природѣ людской.

Для всѣхъ будь ты чудищемъ, чуть гдѣ покажешься.
 Пусть Грѣмниръ съ насмѣшкой въ лицо твое смотритъ, 28
 Пусть вездѣ на тебя лишь съ издѣвкой глядятъ.
 Пусть всѣ знаютъ тебя, какъ хранителя Бифроста знаютъ;
 Сквозь рѣшетку позорно глазѣй.

(Боль и забота, туга и горе
 Пусть тебѣ въ тягость растутъ! 29
 Отдохнуть если сядешь, мои заклинанья
 Принесутъ тебѣ бѣольшую боль,
 Примешь худшую ты тяготу.)

Каждый день злые духи пусть мучать безмѣрно
 Въ землѣ исполиновъ тебя! 30
 вмѣсто радости сладкой знай плачь безотраднѣй,
 Томись и терзайся въ слезахъ.

(26) Убѣдившись, что ни обѣщанія ни угрозы не могутъ заставить Гердръ дать свое согласіе, Скірниръ объявляетъ, что пуститъ въ ходъ чары, чтобы заставить ее подчиниться.

27, II „Орла“. Подразумѣвается, вѣроятно, исполнѣть Грѣсвельгръ, сидящій у края неба въ образѣ орла и производящій холоднѣй вѣтеръ взмахами своихъ крыльевъ.

28, II Грѣмниръ—зимнѣй исполнѣнь.

28, IV Т.-е. „пусть на тебя собираются смотрѣть какъ на чудовищнаго звѣря въ клѣткѣ“.

Съ исполиномъ дѣли трехголовымъ ты ложе,
Или вовсе безъ мужа живи! 31

Изнывай ты въ мученьяхъ, зачахни отъ чаръ;
Вся изсохни, какъ въ сѣнѣ волчець
Подъ кровлей людского двора.

Въ лѣсъ я отправлюсь, въ зеленую чашу,
Чтобъ волшебную вѣтку сорвать... 32

.
Я волшебную вѣтку нашель.

На тебя гнѣвень Одинъ, изъ асовъ всѣхъ лучшей,
И самъ Фрѣиръ врагомъ станетъ Гердръ. 33
Безсердечная дѣва! Къ себѣ возбудила
Вражду ты всѣхъ добрыхъ боговъ.

Слушайте, йѳтуны! Слушайте, турсы,
Суттунгра сѣмя! 34
Слушайте, асы!

Околдую я дѣву, залятье кладу я:
Съ мужемъ ей въ счастья не жить,
Съ мужемъ утѣхъ не имѣть.

Гримримниръ тотъ турсъ, что владѣть тобой долженъ
Въ мѣрѣ мертвыхъ, въ подземной тмѣ. 35
Каждодневно къ жилью исполина ты станешь
Безъ питанья ползти,
Съ тощимъ тѣломъ ползти.

34, II Суттунгръ—имя исполина. Суттунгра сѣмя—исполины.

35, I Гримримниръ—зимній исполинъ. Всѣ проклятія Скірнира сводятся къ тому, чтобы Гердръ, отвергающая любовь солнечнаго божества, оказалась обреченной влачить жалкое существованіе въ царствѣ зимы и смерти, во власти чудовищныхъ зимнихъ великановъ.

У корней ты лѣсныхъ отъ невольниковъ будешь
Козью мочу получать —

И лучшаго ты не получишь напитка; 36
Будеть не такъ, какъ ты бы хотѣла—
Будеть съ тобою, какъ я захочу!

Я вырѣжу „турсь“ и три тайные знака—
Похоть, скорбь и безумье въ удѣлъ тебѣ дамъ. 37
Но отъ злой ворожбы той могу я избавить
И снять чары, когда захочу.

Гердрь сказала:

Скírнирь, постой! Меду стараго кубокъ
Я для свата съ привѣтомъ подамъ.— 38
Но не думала я, что отдать мнѣ придется
Сыну вановъ любви моей даръ!...

Скírнирь сказалъ:

Точный отвѣтъ получить здѣсь хочу я,
Прежде чѣмъ въ путь я обратный пушусь: 39
Гдѣ и когда ожидать тебя долженъ
Нйордра сынъ храбрый для брака съ тобой?

Гердрь сказала:

Бáрри зовется, обоимъ намъ вѣдома,
Роща укромная въ ближнемъ краю; 40
Гердрь въ этой рощѣ дáруеть Фрѣиру
Счастье любви черезъ девять ночей.

37, I „турсь“—название руны ᚢ (спирантъ f), входящей въ составъ той магической формулы, которою Скírнирь собирается навлечь новыя напасти на Гердрь.

37, III Скírнирь обѣщаетъ избавить Гердрь отъ злыхъ чаръ, если она измѣнитъ свое рѣшеніе и станетъ женою Фрѣира.

Скíрнирь поѣхалъ обратно. Фрѣиръ дожидался его внѣ двора, и привѣтствовалъ его, и спросилъ, что онъ имѣеть сообщить:

Скíрнирь, что скажешь? Раньше, чѣмъ сбросишь
 Сѣдло ты съ коня и пойдешь,— 41
 Отвѣть мнѣ, повѣдай: на радость ли вѣсти?
 Чего ты у турсовъ достигъ?

Скíрнирь сказалъ:

Бáрри зовется, обоимъ вамъ вѣдома,
 Роща укромная въ ближнемъ краю; 42
 Тамъ подарить хочетъ Фрѣиру Гердръ
 Счастье любви черезъ девять ночей.

Фрѣиръ сказалъ:

Длинна одна ночь, длиннѣе двѣ ночи!
 Не знаю, какъ выдержать три!... 43
 Мѣсяцъ не разъ мнѣ короче казался,
 Чѣмъ ожиданія часъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь о Скірнирѣ“ имѣется въ Codex Regius 2365 и въ Codex Arnagnaepus 748, хотя въ обоихъ съ пробѣлами. Заимствованья изъ нея фигурируютъ въ подробной редакціи Снорровой Эдды. Возникло это произведеніе въ сравнительно позднюю пору, повидимому въ Исландіи; въ точности время и мѣсто его происхожденія неизвѣстно.

Замысль ясенъ, хотя въ немъ переплетаются различные мифическіе элементы со старыми фольклорными мотивами (освобожденіе богомъ или героемъ красавицы, предназначенной ему въ жены, находящейся во власти враждебныхъ силъ и окруженной непроходимыми преградами).

Могкъ отмѣчаетъ техническое совершенство драматическаго построенія въ этомъ произведеніи, состоящемъ только изъ однихъ диалоговъ, комбинированныхъ съ тонкою художественною послѣдовательностью (Скади и Скірниръ; Скірниръ и Фрэиръ; Скірниръ и пастухъ; Гердръ и ея служанка; Скірниръ и Гердръ; Фрэиръ и Скірниръ). Неоднократно высказывалось восхищеніе красивыми лирическими строфами въ началѣ и въ концѣ пѣсни. На мой взглядъ поэтическое впечатлѣніе этой лирики значительно ослабляется нравственною грубостью фабулы: влюбленный богъ не идетъ самъ добывать свою невѣсту, а посылаетъ за нею служителя, который вынуждаетъ у нея согласіе — подъ угрозою проклятія и злыхъ чаръ, при чемъ перечисляетъ (по моему мнѣнію, съ мало художественными длиннотами) всѣ угрожающія ей злоключенія.

Здѣсь нѣтъ и слѣда той поэзіи великой любви—взаимной любви двухъ предназначенныхъ другъ другу существъ—какою проникнуть аналогичный мотивъ въ пѣсняхъ о Свіпдагрѣ и о Сигурдрѣ.

Если что привлекательно и трогательно въ этомъ повѣствованіи, такъ это отношенія между Фрэйромъ и Скírниромъ, въ которыхъ чувствуется теплая задушевная близость, довѣрчивая привязанность Фрэйра къ его земному служителю и беззавѣтная преданность Скírнира своему другу-божеству ¹⁾).

¹⁾ Не могу не указать на прекрасную поэтическую переработку преданія о Скírнирѣ Феликсомъ Даномъ въ его рассказѣ „*Stfirnir*“.

РЪЧИ ВАФТРУДНИРА

Одинъ сказалъ:

Дай, Фриггъ, мнѣ совѣтъ! Собираюсь въ дорогу я,
Въ край, гдѣ живетъ старый Вáфтрудниръ;
Хотѣлъ бы узнать я, сравнялся ли въ знаньяхъ
Изъ исполиновъ умнѣйшій—со мной?

Фриггъ сказала:

Хотѣлось бы мнѣ, что-бы въ горнихъ чертогахъ
Остался Властитель Побѣдъ!
Изъ всѣхъ великановъ искуснѣйшій—Вáфтрудниръ;
Сильнѣй его йотуна нѣтъ.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое;
Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ.
Увидѣть хочу я, что Вáфтрудниръ свѣдущій
Дѣлаетъ въ домѣ своемъ.

Фриггъ сказала:

Здоровымъ отправься, здоровымъ вернись ты,
Невредимымъ останься въ пути!
Въ бесѣдѣ же съ турсомъ, живущихъ Отецъ,
Не измѣнить пусть мудрость тебѣ.

(1) В á ф т р у д н и р ь—мудрый древній исполинъ. Въ его имени видятъ указаніе на способность запутывать собесѣдника искусными вопросами.
2, IV „Сильнѣй“—въ спорахъ.

Помѣрится мудростью съ турсомъ умнѣйшимъ
 Одинъ отправился въ путь, 5
 Онъ домъ увидалъ, гдѣ родитель жилъ Имра—
 Въ двери вошелъ къ нему Игръ.

Одинъ сказалъ:

Привѣтъ тебѣ, Вафтрудниръ! въ домъ твой явился
 Я, что-бъ тебя увидеть. 6
 Повѣдай мнѣ наперво: много-ли знаешь ты?
 Вправду-ли всѣхъ ты мудрѣй?

Вафтрудниръ сказалъ:

Какой тамъ пришелецъ меня вопрошаетъ,
 Въ домъ мой неожиданно войдя? 7
 Будь къ смерти готовъ, если мудро не сможешь
 Въ знаньяхъ меня превзойти.

Одинъ сказалъ:

Зовутъ меня Гагнирадръ; усталъ на пути я,
 Трудной дорогой далеко я брелъ; 8
 Томить меня жажда. Подъ кровь свой прими ты
 Гостя усталого, турсы!

Вафтрудниръ сказалъ:

Будь гостемъ мнѣ, Гагнирадръ! что сталъ ты средь горницы?
 Сюда подойди и садись. 9

5, III Имръ—исполинь, сынъ Вафтруднира. Больше о немъ ничего не извѣстно.

6, IV Игръ—„Страшный“—боевое прозваніе Одина.

7, III Это обращеніе Вафтруднира не есть угроза; это только предупрежденіе объ условіяхъ состязанія въ мудрости, означающее: „если ты не отважишься ставить въ залогъ побѣды свою жизнь, то уходи—другихъ условій я не принимаю“.

8, I Гагнирадръ. Въ этомъ имени указаніе на цѣль прихода Одина. gaḡn—побѣда, успѣхъ; gaḡr—совѣтъ, мудрое рѣшеніе, разгадка, и т. п.

Узнаемъ въ бесѣдѣ, кто въ знаньяхъ сильнѣе—
Странникъ иль старый мудрецъ.

Одинъ сказалъ:

У знатнаго въ горницѣ бѣдный пусть будетъ
Мудрымъ въ рѣчахъ—иль молчить. 10
Рѣчистаго часто несчастье встрѣчаетъ,
Когда у чужихъ онъ сидитъ!

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Отвѣтъ-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Гѣгнрадрь, тягаться со мной: 11
Какъ конь тотъ зовется, что каждое утро
День всѣмъ живущимъ несетъ?

Одинъ сказалъ:

Конь Скинфакси названъ, что каждое утро
День всѣмъ живущимъ несетъ. 12
Считается лучшимъ конемъ онъ у славныхъ;
Огнемъ его грива горитъ.

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Отвѣтъ-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Гѣгнрадрь, тягаться со мной: 13
Какъ имя тому, кто съ востока безсмертнымъ
Сумракъ приносить и ночь?

(10) Въ этой строфѣ повторяются мотивы изъ „Изреченій Высокаго“ (ср. стрф. 19, 29).

11, I „стоя“. Одинъ изъ гордости не принимаетъ приглашенія садиться—пока хозяинъ не убѣдится въ его познанія, въ томъ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ.

12, I „Скинфакси“—„съ сияющею гривой“. Другое его имя „Гладрь“—Радостный, Веселый.

Одинъ сказалъ:

Конь Грѣмфакси темный съ востока безсмертнымъ
Сумракъ приноситъ и ночь; 14
Съ удиль его капли на долъ упадаютъ—
Отсюда роса на землѣ.

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Отвѣтъ-же, пришлецъ—разъ желаешь ты стоя,
Гѣнрадръ, тягаться со мной; 15
Скажи мнѣ, какая рѣка протекаетъ
Межъ родиной турсовъ и краемъ боговъ?

Одинъ сказалъ:

Рѣка называется Йфингъ, текущая
Межъ родиной турсовъ и краемъ боговъ. 16
Не стануть во вѣкъ ея свѣтлыя воды:
Льда никогда на ней нѣтъ.

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Отвѣтъ-же, пришлецъ,—разъ желаешь ты стоя,
Гѣнрадръ, тягаться со мной; 17
Какъ долъ тотъ зовутъ, гдѣ сойдутся для боя
Сильные боги и Суртръ?

Одинъ сказалъ:

Равнина та Вѣгридръ зовется, гдѣ схватятся
Сильные боги и Суртръ; 18

14, I Грѣмфакси—„съ гривую, покрытою инеемъ“; поэтический образъ, вѣроятно вызванный картиною холодныхъ утренниковъ—послѣ ночи на землѣ оказывается иней, упавшій съ гривы коня ночи.

16, I Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не упоминается объ этой рѣкѣ.

17, III, IV При концѣ міра произойдетъ послѣдняя великая битва между богами и враждебными имъ носителями разрушительныхъ началъ. Тогда Суртръ поведетъ противъ боговъ огненное войнство изъ Муспелльгейма, міра пламени.

18, I Вѣгридръ—„поле боя“.

Идетъ на сто поприщъ пути во всѣ стороны
То мѣсто, гдѣ будетъ ихъ бой.

Вафтрудниръ сказалъ:

Разумень ты, странникъ! Сядь рядомъ съ хозяиномъ.
Посмотримъ, чья мудрость сильнѣй!
Залогомъ будь жизнь; кто закладъ проиграетъ,
Отвѣтитъ пускай головой.

19

Одинъ сказалъ:

Вотъ первый вопросъ,—говори, если знаешь,
Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ:
Какъ небо съ землею возникли впервые,
Въ древнее время, мудрецъ-исполинь?

20

Вафтрудниръ сказалъ:

Изъ Ымира тѣла земля была слѣплена; ✓
А горы изъ толстыхъ костей;
Изъ черепа сдѣлано небо лучистое,
Изъ крови горячей—моря.

21

Одинъ сказалъ:

Второй вотъ вопросъ—говори, если знаешь,
Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ:
Откуда явился надъ смертными мѣсяцъ
И солнце на небѣ дневномъ?

22

Вафтрудниръ сказалъ:

Ночному свѣтилу отецъ—Мундильфори,
Онъ самый и солнцу отецъ;

23

21, I Ы м и р ъ—древнѣйшій и самый громаднѣйшій изъ исполиновъ; убивъ его, боги создали изъ его тѣла земной мѣръ, какъ описывается въ этой строфѣ.

23, I Значеніе имени „Мундильфори“, равно какъ и его этимологія—

Обходятъ все небо они ежедневно,
И времени мѣру творять.

Одинъ сказалъ:

Вотъ третій вопросъ—говорять, что мудрецъ ты!—
Вáфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 24
Откуда надъ смертными день родился,
Мѣсяца смѣна и ночь?

Вáфтрудниръ сказалъ:

Отъ добраго Дѣллингра день родился,
А ночи родитель былъ Норрь. 25
Устроили мѣсяца смѣну для смертныхъ
Боги святыя, чтобъ время считать.

Одинъ сказалъ:

Вотъ новый вопросъ—говорять, что мудрецъ ты!—
Вáфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 26
Кто зиму и лѣто на свѣтъ произвелъ
Во владѣнняхъ могучихъ боговъ?

Вáфтрудниръ сказалъ:

Родитель зимы называется Вáндсвальрь,
И Свáсудрь былъ лѣта отецъ. 27

не ясны. Судя по характеру окончанія (foeri), это должно быть скорѣе прозвище, чѣмъ имя собственное. Никакихъ свѣдѣнй не имѣется и о самой личности этого отца свѣтилъ: несомнѣнно лишь то, что онъ принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ и благихъ началъ.

25, I, II Дѣллингра причисляютъ къ богамъ. Норрь былъ исполинъ.

25, III Въ виду того, что у древнихъ германцевъ время считалось не днями, а ночами,—для нихъ въ особенности смѣны мѣсяца являлись естественною мѣрою времени.

27, I Вáндсвальрь отъ vindr—„вѣтеръ“, и svalr—„холодный“.

27, II Свáсудрь—добрый, ласковый.

Отъ нихъ появились два времени года

Во владѣнняхъ могучихъ боговъ.

Одинъ сказалъ:

Вотъ пятый вопросъ—говорять, что мудрецъ ты!—

Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ:

28

Кто старше всѣхъ турсовъ—кто Ымира родичъ,

Что въ древніе дни сотворень?

Вафтрудниръ сказалъ:

Несчетные годы до міра земного

Бѣргѣльмиръ былъ исполинъ;

29

Былъ Трудгѣльмиръ древній отецъ того турса,

Аургѣльмиръ былъ его дѣдъ.

Одинъ сказалъ:

Шестой вотъ вопросъ—говорять, что мудрецъ ты!—

Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ:

30

Откуда на свѣтъ появился тотъ Аургѣльмиръ,

Предокъ старѣйшій, скажи?

Вафтрудниръ сказалъ:

Изъ Эливагара по каплямъ текъ ядъ,

Онъ мерзъ, оплывая, и въ йотуна выросъ:

31

27, III IV Восполненіе сдѣлано по смыслу, слѣдуя обыкновенному эддическому приему (повтореніе вопроса въ отвѣтной репликѣ), но, какъ и вездѣ, безъ претензіи возстановить пропущенный стихъ. Въ данномъ случаѣ даже и со стороны содержанія возможно несовпаденіе съ исчезнувшимъ оригиналомъ. С.

29, II Бѣргѣльмиръ—единственный изъ древнѣйшихъ исполиновъ, который не погибъ во время потопа. Когда всѣ прочіе исполины потонули въ крови Ымира (превратившейся въ море и затопившей міръ)—Бѣргѣльмиръ спасся въ ладьѣ съ женою: отъ нихъ пошелъ новый родъ исполиновъ.

29, IV Аургѣльмиръ—прозваніе Ымира.

31, I Эливагаръ „бурныя воды“—міровой потокъ, существовавшій раньше земли. Герингъ переводитъ это названіе такъ: „воды, поверхности

И всѣ мы отсюда пошли, исполины,—
Поэтому нравъ нашъ суровъ.

Одинъ сказалъ:

Седьмой вотъ вопросъ—говорятъ, что мудрецъ ты!—
Вѣфтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ:
Какъ могъ исполинъ тотъ потомковъ имѣть,
Никогда не коснувшись жены?

32

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Подъ мышками, молвятъ, у мудраго йѳтуна
Сынъ народился и дочь;

33

которыхъ бьетъ ливень“. Съ другой стороны, существуетъ предположеніе, что Эливаагаромъ называлось не что иное, какъ Млечный Путь. Отъ сопоставленія имени—въ толкованіи Геринга—съ внѣшнимъ видомъ Млечнаго Пути—возникаетъ своеобразный поэтический образъ, заслуживающій быть отмѣченнымъ. С.

33 I, III Согласно одной изъ доктринъ оккультизма, древнія человѣческія расы, жившія за нѣсколько тысячелѣтій до первыхъ представителей позднѣйшаго человѣчества—эти древнѣйшія расы не имѣли двухъ раздѣльныхъ половъ: люди были двуполыя существа, и размножались посредствомъ самооплодотворенія. [Ср. сказаніе объ андрогинахъ въ „Пирѣ“ Платона, рядъ старыхъ миеовъ египет.-ассирійскихъ и т. д.]. Отголоски этого преданія отразились въ древнихъ рассказахъ—какъ въ разбираемомъ мѣстѣ Эдды,—повѣствующихъ о самооплодотворяющихся миеическихъ существахъ. Современная наука, кстати, не представляетъ данныхъ, отвергающихъ возможность первичнаго гермафродизма человѣка. Напротивъ, многія наблюденія въ области эмбриологии подтверждаютъ эту возможность.

См. сочин. Гвидо Листа, также: Dr. J. Lans-Liebefels, „Theozoologie“. С.

Интересно, что и библейское преданіе заключаетъ вполне ясное утвержденіе первичнаго гермафродизма человѣка: „И сотворилъ Богъ человѣка... мужчиною и женщиною сотворилъ ихъ“ (К. Б. I, 27). Это древнѣйшее преданіе упоминается въ Книгѣ Бытія раньше позднѣйшаго преданія объ Адамѣ и независимо отъ него. Сохранился древній еврейскій текстъ, гласящій прямо: „Мужчина и женщина вначалѣ составляли одно тѣло... потомъ Богъ отдѣлилъ одинъ полъ отъ другого“ (см. Micha Jos. bin Gorion, „Die Sagen der Juden“). С.

Съ ногою нога его сына на свѣтъ,
Шестиглаваго, произвели.

Одинъ сказалъ:

Восьмой вотъ вопросъ—говорять, что мудрецъ ты!—

Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 31

Что знаешь древнѣйшее ты, что первѣйшее?

Все на свѣтъ извѣстно тебѣ!

Вафтрудниръ сказалъ:

Несчетные годы до міра земного¹

Бѣргэльмиръ, турсъ, родился; 32

Первѣйшее было, что турсъ отъ потопа

Удачно укрылся въ ладьѣ.

Одинъ сказалъ:

Вопросъ вотъ девятый—ты мудрымъ зовешься—

Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ: 33

Какъ вѣтеръ явился, волнующій воды,

Невидимый вѣчно для глазъ?

Вафтрудниръ сказалъ:

У края небеснаго Ёрѣсвельгръ сидитъ

Въ образѣ птицы-орла, исполинъ; 34

Крылами громадными движетъ онъ воздухъ—

И вѣтеръ надъ міромъ шумитъ.

33, IV У исполиновъ зачастую оказывается нѣсколько головъ.

35, III „турсъ“—Бѣргэльмиръ, который спасся отъ потопа въ ладьѣ. Всемирно распространенный мифическій мотивъ, несомнѣнно связанный съ подлиннымъ геологическимъ эпизодомъ въ исторіи земного міра. (См. Введеніе.) С.

(37, 38). Въ текстѣ нѣтъ обозначенія пропуска между этими двумя строками, но пропускъ здѣсь несомнѣнно имѣется: между разговоромъ о стихійныхъ исполинахъ и разговоромъ о богахъ—почти навѣрное были переходные вопросы. Мало вѣроятно, чтобы свои вопросы о богахъ Одинъ ех *abrupto* началъ съ Нйордра. С.

37, I „Ёрѣсвельгръ“—„Пожиратель труповъ“.

Одинъ сказалъ:

Десятый вопросъ—говори, если знаешь ты,

Вафтрудниръ, судьбы боговъ:

38

Откуда богъ Нйордръ межъ другими богами

[Святилищъ имѣющей тысячу въ мѣрѣ],

Разъ онъ по рожденью не асъ?

Вафтрудниръ сказалъ:

Онъ мудрыми силами созданъ, и посланъ

Заложникомъ изъ Ванагейма къ богамъ.

39

Когда же постигнетъ Властителей гибель—

Къ ванамъ вернется онъ вновь.

Одинъ сказалъ:

Вопросъ вотъ одиннадцатый—(если знаешь,

Вафтрудниръ, дай мнѣ отвѣтъ):

40

Гдѣ храбрые въ бой каждый день собираются,

(Убитые въ битвахъ земныхъ)?

Вафтрудниръ сказалъ:

Съ зарею на бой собираются храбрые

Во владѣнняхъ Владыки Побѣды.

41

Другъ друга убивъ, и, воскреснувъ, обратно

Для дружнаго пира въ Валгáллу спѣшать.

(39) Въ заложники Нйордръ попалъ послѣ войны асовъ съ ванамъ, и вернется къ послѣднимъ при кончинѣ мѣра.

(40) Восполненіе стрк. I и II принадлежитъ Вигфуссону; IV-ю я воспроизвожу по Герингу.

(41) Возрожденные въ селеніяхъ боговъ избранники Одина, его воинство „эйнгеріаръ“, ежедневно выходятъ на бой изъ небесныхъ чертоговъ Властителя Ратей, который самъ ведетъ ихъ въ сраженіе. Послѣ кровопролитной битвы, гдѣ они безстрашно истребляютъ другъ друга, Одинъ исцѣляетъ ихъ раны и воскрешаетъ снова всѣхъ убитыхъ, и они дружно идутъ пировать въ его чертогъ, Валгáллу.

Одинъ сказалъ:

Вопросъ вотъ двѣнадцатый: какъ ты познаній

Столькихъ набрался, мудрецъ? 42

Всѣ руны ты знаешь про асовъ и йѳтуновъ—

Правду про всѣхъ говоришь ты;

Турса умнѣй тебя нѣтъ.

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Я знаю всѣ руны про асовъ и йѳтуновъ,

Правду про всѣхъ говорю,— 43

Затѣмъ, что міры исходилъ въ своихъ странствіяхъ—

Всѣ девять міровъ, вплоть до Нифльгейма мрачнаго;

Я въ мірѣ былъ Смерти самой.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,

Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 44

Скажи мнѣ, кто жить еще будетъ на свѣтѣ

Изъ смертныхъ, въ вѣкъ Страшной зимы?

Вѣфтрудниръ сказалъ:

Жива будетъ Лифъ и супругъ ея Лифтрасиръ,

Годдмиръ приютъ будетъ имъ. 45

Росою питаться спасенные стануть,

Роса будетъ пищею всѣмъ.

42, III „Всѣ руны“—все что про нихъ написано, что имъ суждено на роду.

43, IV Всѣхъ міровъ девять во Вселенной.

43, V міръ Смерти, Гѣль, изъ всѣхъ міровъ—наиболѣе трудно достижимый для живыхъ, даже для боговъ. Оттого исполнивъ и упоминаетъ о немъ особо.

45, I Родоначальники будущаго непорочнаго людскаго племени. „Лифъ“ значитъ „жизнь“, а „Лифтрасиръ“, приблизительно, „Борящійся за жизнь, Борець за жизнь“.

45, II Годдмиръ—мировой ясенъ Йггдрасиль.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
 Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ.— 46
 Скажи мнѣ: свѣтъ новый зажжется ли въ небѣ,
 Когда Волкъ сгубить солнца красу?

Вáфтрудниръ сказалъ:

Родится у Альфродуль дочь молодая—
 Прежде, чѣмъ Волкъ ее жадный пожретъ; 47
 Какъ мать, проходить будетъ дѣва надъ міромъ
 Послѣ гибели славныхъ боговъ.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
 Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 48
 Скажи, что за дѣвы парятъ надъ морями,
 Мудрости вѣщей полны?

(Вáфтрудниръ сказалъ:

Тѣ дѣвы приносятъ тройную защиту,
 Моггтрáсира веси храня; 49
 Являются къ людямъ на пользу и помощь,
 Хоть турсовъ потомки онѣ.)

46, IV Волкъ Сколь, одинъ изъ сыновей волка Фѣнрира, поглотитъ солнце передъ кончиною міра.

47, I Альфродуль—солнце. Этимологія слова связана со свойствомъ солнечнаго свѣта губить подземныхъ карловъ, темныхъ альфовъ.

(48, 49) По мнѣнію большинства комментаторовъ, здѣсь имѣются въ виду Норны, дѣвы судьбы, опредѣляющія жребій людей. Но характеристика этихъ строфъ къ нимъ мало подходитъ. Рѣчь идетъ, повидимому, о заботливыхъ, благосклонныхъ къ людямъ существахъ—Норны же обыкновенно рисуются незнающими гнѣва и милости, безразлично дарующими, по волѣ судьбы, счастье и несчастье. Быть можетъ, здѣсь рѣчь идетъ о благихъ д и с а хъ, полубогиняхъ, покровительствующихъ рожденіямъ людей.

Въ разборъ запутаннаго вопроса объ имени и личности Моггтрáсира предпочтительнѣе здѣсь не вдаваться. С.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
 Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 50
 Кто асовъ наслѣдьемъ тогда овладѣтъ,
 Какъ Суртра погаснетъ огонь?

Вафтрудниръ сказалъ:

Владѣтъ будутъ А́сгардомъ Вѣдarrъ и Вáли,
 Когда Суртра погаснетъ огонь. 51
 И Мйóльниръ имѣтъ будутъ Мóди и Мáгни,
 Молоть Вѣнггира вѣрно храня.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
 Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ. 52
 Скажи мнѣ, какъ кончится О́дина жизнь
 Въ битвѣ послѣдней великихъ боговъ?

Вафтрудниръ сказалъ:

Живущихъ Отецъ будетъ Волкомъ растерзанъ,
 Но Вѣдarrъ отмститъ за него: 53
 Онъ недругу надвое пасть раздереть,
 И испуститъ чудовище духъ.

Одинъ сказалъ:

Я странствовалъ много, извѣдалъ я многое,
 Асовъ я часто въ рѣчахъ побѣждалъ.— 54
 Что сказано О́диномъ на ухо Бальдру,
 Когда на кострѣ онъ безъ жизни лежалъ?

51, I Вѣдarrъ и Вáли—асы, сыновья О́дина.

51, III Мóди и Мáгни—сыновья Торра, которые унаслѣдуютъ его громовый молотъ въ возрожденномъ новомъ мѣрѣ.

53, I Волкъ Фѣнриръ, сынъ Лóки, пожретъ О́дина.

54, III Бaльдръ, сынъ О́дина, лучший изъ боговъ, предательски погубленный богомъ огня Лóки, былъ торжественно сожженъ богами на кострѣ.

По этому вопросу,—на который, очевидно, не можетъ отвѣтить никто

Ва́фтрудниръ сказалъ:

Никто не узнаеть, что въ старые годы

Ты на ухо мертвому сыну сказалъ!

Тебѣ отвѣчалъ я, на смерть обреченный—

55

Про древнее время, про жребій боговъ.

Я съ О́диномъ въ знаньи дерзнулъ состязаться:

Всѣхъ въ свѣтѣ мудрѣе ты будешь вовѣкъ.

кромѣ самого О́дина,—Ва́фтрудниръ узнаеть своего противника. Подобный личный характеръ послѣдняго рѣшающаго вопроса въ спорахъ такого типа — распространенный фольклорный мотивъ, встрѣчающійся въ сказкахъ различныхъ народовъ.

55, III Согласно условіямъ заклада, О́динъ имѣеть право убить Ва́фтруднира, разъ тотъ не въ состояніи отвѣтить на вопросъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Vafþrúfismál“ — сохранилось полностью въ Codex Regius 2365; въ Codex Arnamagnaeanus — только частью. Строфы этой пѣсни приводятся въ Snорровой Эддѣ.

Подобно ряду другихъ пѣсенъ Эдды (Grimnismál, Alvismál) эта пѣсня носитъ дидактическій характеръ. Темою служитъ довольно обычный фольклорный мотивъ: состязаніе въ мудрости двухъ собесѣдниковъ, побившихся объ закладъ цѣною жизни о томъ, кто одержитъ верхъ. Въ формѣ такого діалога (въ данномъ случаѣ между Ђдиномъ и Вáфтрудниромъ) авторъ пѣсни сообщаетъ, въ извѣстной гармонической послѣдовательности, цѣлый рядъ разнообразныхъ свѣдѣній о различныхъ мірахъ, ихъ обитателяхъ и судьбахъ.

Время происхожденія этой пѣсни относятъ (Могкъ) къ половинѣ X вѣка, какъ и „Прорицаніе Провидицы“. Существуетъ предположеніе (Мюлленгофъ), что „Рѣчи Вáфтруднира“ стоятъ въ непосредственной связи съ „Прорицаніемъ Провидицы“, при чемъ первое является сознательнымъ дополненіемъ послѣдняго (т.-е. прямо сочинено съ цѣлью его дополнить). Эта гипотеза (возможная впрочемъ лишь при допущеніи единоличнаго авторскаго творчества въ данной пѣсни) не опирается пока на достаточно вѣскія доказательства.

Время возникновенія пѣсни, а также и мѣсто ея происхожденія—Исландія—могутъ считаться прочно установленными.

Христіанскихъ вліяній въ ней не найдено.

РЪЧИ ГРИМНИРА

У конунга Г^раудунгра было два сына; одного звали Агнарр^ъ, другого Г^эйрр^одр^ь. Агнарру было десять зимъ, Г^эйрр^одру восемь зимъ отъ роду. Однажды случилось, что оба они вы^ѣхали въ лодк^ѣ со своими рыболовными снарядами, чтобы удить; в^ѣтеръ вынесъ ихъ прочь, въ открытое море. Въ ночномъ мрак^ѣ разбился ихъ челн^ь близъ одного берега; они выбрались на сушу и нашли тамъ землед^ѣльца; у него они остались зимовать. Хозяйка приняла на свое попеченіе Агнарра, хозяинъ же сталъ заботиться о Г^эйрр^одр^ь, и училъ его уму разуму. Когда наступила весна, землед^ѣлецъ далъ имъ лодку; и когда хозяева проводили къ берегу обоихъ, то хозяинъ поговорилъ тайно съ Г^эйрр^одромъ. Они получили попутный в^ѣтеръ, и прибыли къ пристани въ отцовской земл^ѣ. Г^эйрр^одръ находился впереди въ лодк^ѣ. Онъ выско- чилъ на берегъ, оттолкнулъ лодку [отъ берега] и крикнулъ: „Уплывай, и пусть злая силы возьмутъ тебя!“ Лодку вы- несло въ море. А Г^эйрр^одръ отправился къ [отцовскому] жилью, гд^ѣ его хорошо приняли. Отецъ его передъ т^ѣмъ померъ, и Г^эйрр^одръ былъ сд^ѣланъ конунгомъ, и сталъ прославленнымъ челов^ѣкомъ.

Одинъ и Фриггъ однажды находились на престол^ѣ Г^лидс- кийальф^ѣ и смотр^ѣли на вс^ѣ міры. Одинъ сказалъ: „Видишь

7) „k o t - b o n d a“ — мелкаго землевлад^ѣльца, крестьянина.

16) Неизв^ѣстенъ точный смыслъ слова подлинника „Styrl“; предпола- гается, что оно означаетъ „злая силы, чудовища“; во всякомъ случа^ѣ, въ словахъ Г^эйрр^одра заключается пожеланіе гибели брату.

21) Г^лидскыйальфъ — возвышенный престолъ въ чертог^ѣ Одина, откуда можно вид^ѣтъ все, что совершается повсюду въ мірахъ.

твоего питомца А́гнарра, какъ онъ въ пещерѣ производить на свѣтъ дѣтей съ великаншею? А Гэйррөдръ, мой питомецъ, сидитъ на королевствѣ въ своей землѣ“. Фриггъ сказала: „Этотъ король такъ скупъ на угощеніе, что оставляетъ своихъ гостей голодать, если находятъ ихъ слишкомъ многочисленными“. 5
 Одинъ возразилъ, что это величайшая несправедливость, и тогда они [съ Фриггъ] побились объ закладъ насчетъ этого. Фриггъ послала къ Гэйррөдру прислужницу свою Фуллу, и поручила остеречь конунга отъ злыхъ умысловъ вѣдуна, который прибылъ въ его земли, и 10
 котораго легко узнать потому, что на него ни одна собака не лаетъ, какъ бы зла ни была. Что-бы Гэйррөдръ скупился съ гостями, это дѣйствительно была неправда; но онъ велѣлъ схватить подозрительнаго путника, на котораго не лаяли собаки. Пришелецъ былъ въ темномъ плащѣ и назвалъ 15
 себя Грѣмнирѣ; но больше ничего не сказалъ о себѣ, хотя его спрашивали. Конунгъ тогда велѣлъ его пытаться, чтобы добиться рѣчей отъ него, и помѣстить его между двухъ огней: такъ сидѣлъ онъ восемь ночей.

У конунга Гэйррөдра былъ сынъ десяти годовъ отъ роду, 20
 названный А́гнаррѣ въ память брата конунга. А́гнаррѣ пришелъ къ Грѣмниру, принесъ ему полный рогъ напитаться и сказалъ, что нехорошо дѣлаетъ конунгъ, пытая безвиннаго человѣка. Грѣмнирѣ выпилъ изъ принесеннаго рога,—огонь въ это время такъ близко подобрался къ нему, что одежда 25
 его тлѣла—и Грѣмнирѣ тогда заговорилъ:

1) Только здѣсь выясняется, такимъ образомъ, что подъ видомъ земледѣльца и жены его, позаботившихся о сыновьяхъ конунга Граудунга, скрывался влатель богонъ Одинъ и его жена Фриггъ.

16) „Грѣмнирѣ“ — „Тайный“, „Сокровенный“, „Таящійся“.

- Жарко ты, пламя, жадно ты лижешь!
 Огонь, отступи и не жги! 1
- Тлѣть мой плащъ, хотъ студить его пробую,
 Мѣха волчьяго край обгорѣлъ.
- Восемь ночей я провелъ здѣсь въ мученьяхъ,
 Мнѣ напитокъ не подалъ никто— 2
- Только А́гнарръ одинъ! И одинъ будетъ править
 А́гнарръ, сынъ Гѣйррёдра, въ готской странѣ.
- Радуйся, А́гнарръ! Безмѣрною милостью
 Дарить тебя грозный Властитель бойцовъ: 3
- Никогда за единый глотокъ награжденья
 Не получишь столь славнаго ты!
- Глаза мои видятъ священную землю
 Отъ асовъ и альфовъ вблизи. 4
- Будетъ Тру́дгеймъ служить обиталищемъ Торру,
 Пока не настанетъ погибель богамъ.
- Есть мѣсто по имени Ё́далирь; Ульльръ
 Тамъ построилъ хоромы себѣ. 5

2, IV готская страна. Въ Эддѣ эпитетъ „готскій“ примѣняется не къ однимъ только настоящимъ готамъ, а и вообще къ представителямъ болѣе южныхъ германскихъ племенъ (напр., къ бургундамъ).

Быть можетъ, здѣсь заключается указаніе на южное происхожденіе сказанія о Гѣйррёдрѣ.

3, III награжденіе заключается не только въ томъ, что къ А́гнарру перейдетъ власть надъ отцовскими землями, но и — въ особенности — въ томъ, что Одинъ поучаетъ его высшей мудрости. Со слѣдующей строфы начинаются эти поученія — заповѣдныя свѣдѣнія обо всѣхъ мірахъ, сообщаемые Однимъ сыну Гѣйррёдра.

4, III Тру́дгеймъ, „міръ силы“ — мѣстопробываніе могучаго бога громовъ, Торра. Оно называется также Тру́двангъ, „поле силы“.

5, I „Ё́далирь“ — „долина тиссовъ“. Изъ этого дерева обыкновенно дѣлались луки и (иногда) стрѣлы; а Ульльръ, сынъ Сифъ (жены Торра)

Въ древнее время данъ асами Альфгеймъ
Фрёиру былъ на зубокъ.

[Третій чертогъ есть; небесные боги
Покрыли его серебромъ. 6

Зовется онъ Вáласкйальфъ; асомъ воздвигнуть онъ
Во дни, что минули давно.

[Зовется Сѡквábэкръ четвертый, гдѣ воды
Источника плещуть вкругъ стѣнъ; 7
Изъ сосуда золотого тамъ Óдинъ и Сага
Пьютъ каждый день ту струю.]

Вижу я Глáдсġэймъ, гдѣ высится свѣтлый
Валġáллы чертогъ золотой; 8

Грoптъ каждый день собираетъ тамъ храбрыхъ
Воителей, павшихъ въ бою.

отъ перваго брака — покровитель стрѣльбы изъ лука. Онъ также богъ охоты, бѣга на лыжахъ и ѣзды на саняхъ.

5, IV Древне-скандинавскому выраженію „tappé“ — „зубной даръ“ — вполне соотвѣтствуетъ русское „на зубокъ“. Было въ обычаѣ дарить что-нибудь младенцу, когда у него прорѣзывался первый зубъ.

Врядъ ли, однако, это надо понимать буквально по отношенію къ Фреиру, который родился не среди асовъ. С.

6, III а с о м ъ — т. - е. Óдиномъ. Вáласкйальфъ — одинъ изъ его чертоговъ.

(7) Не совсѣмъ ясно, о какомъ чертогѣ идетъ рѣчь. Сага — отвлеченный мнѣологическій образъ, фигурирующий только въ позднѣйшей (сравнительно) поэтической литературѣ, а не въ народныхъ вѣрованіяхъ, — Богиня мудрости, древнихъ повѣствованій „сагъ“. Въ этой строфѣ Сага, повидимому, заступаетъ мѣсто Фриггъ. Источникъ — по всей вѣроятности источникъ знанія, благодаря которому Óдинъ и его супруга узнаютъ о міровыхъ судьбахъ.

8, I Глáдсġэймъ — дворъ Óдина.

8, III Грoптъ — Óдинъ, собирающій къ себѣ своихъ избранниковъ доблестныхъ бойцовъ, павшихъ въ сраженіи, приносимыхъ съ полей битвъ небесными воительницами валькиріями и возрождаемыхъ Óдиномъ въ селеніяхъ боговъ, гдѣ они проводятъ время въ боевыхъ потѣхахъ и пи-

- Узнають безъ труда приходящiе къ Оди́ну
 Властителя славный чертогъ: 9
 Крѣпкими копьями крыша подперта;
 Кровля покрыта щитами златыми;
 Брони на лавкахъ разложены сплошь.
- Узнають безъ труда приходящiе къ Оди́ну
 Властителя славный чертогъ: 10
 Волкъ тамъ повѣшенъ у западной двери;
 Сверху паритъ тамъ орелъ.
- [Трѣймѣймъ обитель шестая; тамъ Тйа́нци
 Жить прежде, силачь исполинъ. 11
 Ска́ди тамъ, свѣтлая бога невѣста,
 Обитаеть въ чертогъ отца.
- [Брѣйдабликъ мѣсто седьмое: хоромы
 Бальдръ тамъ построилъ себѣ. 12
 Нѣтъ края въ мирахъ, гдѣ-бы такъ-же царила
 Свобода отъ бѣды и злодѣйствъ.

рахъ въ Валгаллѣ, и служатъ оружіемъ богамъ противъ ихъ враговъ, исполиновъ и чудовищъ.

10, III, IV Волкъ и орелъ—оба считались посвященными Оди́ну.

11, I Трѣймѣймъ—„міръ шума“ (?).

11, II Ска́ди—дочь исполина Тйа́нци, жена морского бога Нйордра. Такъ какъ ни одинъ изъ супруговъ не желалъ окончательно покинуть свою родину, то было условлено, что часть года (зиму) Ска́ди будетъ проводить въ морскомъ царствѣ своего мужа, а другую часть (лѣто) онъ будетъ гостить у жены, въ наслѣдномъ владѣніи ея отца-исполина.

Такъ какъ Ска́ди принадлежитъ къ роду зимнихъ исполиновъ, представителей зимы, мороза,—то символика мива сводится къ слѣдующему. Зимой дочь исполиновъ хозяйничаетъ въ морѣ—и оно замерзаетъ, покрывается льдами и снѣгами. Лѣтомъ же водяной богъ поселяется въ горныхъ владѣніяхъ исполиновъ—и тамъ ледъ обращается въ воду, таютъ ледники, бѣгутъ потоки, и т. д.

12, II Бальдръ—сынъ Одина, добрый весенній богъ мира и процвѣтанія; ничего недобраго не случаетъ въ его владѣніяхъ.

- [Гѣиминбийоргъ мѣсто восьмое; Гѣймдальльръ
Тамъ построилъ хоромы свои; 13
Въ домъ удобномъ, тамъ съ радостнымъ духомъ
Пьеть медь искрометный хранитель боговъ.
- [Въ Фольквангъ Фрѣя рѣшаетъ прекрасная—
Гдѣ кому въ домъ сидѣть. 14
Половину беретъ она воиновъ павшихъ,
Половину—Властитель побѣдъ.
- [Глѣитниръ подпертъ золотыми столпами,
Серебромъ его кровля горить; 15
Фѣрсети тамъ пребываетъ въ то время,
Когда распри рѣшаетъ судомъ.
- [Нѣбатунъ названо мѣсто, гдѣ Нѣордромъ
Поставленъ просторный чертогъ; 16
Доблестный тамъ обитаетъ властитель
Въ славномъ жилищѣ своемъ.

13, I Гѣиминбийоргъ—„небесная гора“.

13, I Гѣймдальльръ—небесный стражъ, охраняющій Асгардъ, селеніе боговъ (отъ враждебныхъ богамъ исполиновъ).

14, I Фрѣя—богиня любви и красоты. Предполагають, что строки III и IV ошибочно отнесены къ ней; онѣ могли бы скорѣй относиться къ Фриггъ. Но высказываемое здѣсь представленіе и вообще производить странное впечатлѣніе. Совершенно несогласно съ германскимъ духомъ, чтобы павшіе бойцы послѣ смерти поступали подъ власть богини, хотя бы и супруги бога битвъ.

Быть можетъ, здѣсь надо предположить какую-нибудь ускользящую отъ насъ метафору.

15, III Фѣрсети—одинъ изъ позднѣйшихъ мифологическихъ образовъ, богъ справедливости и права, покровитель народнаго суда; сынъ Бальдра и Нанны. Въ первоначальномъ германскомъ пантеонѣ эта фигура отсутствуетъ; Бальдръ погибаетъ въ ранней юности бездѣтнымъ.

Однако Форсети не чисто поэтическая фикція (какъ Сага): культъ его доказанъ. Въ Эддѣ онъ нигдѣ, кромѣ этой пѣсни, не упоминается.

16, I Нѣбатунъ—морское царство бога Нѣордра.

[Види, край Вѣдарра, пышной травю
И кустами густыми зарось. 17
Витязь отважный съ коня тамъ соскочить,
Готовый отмстить за отца.

[Котель есть Эльдѣримнирь; Андѣримнирь готовить
Въ немъ мягкое мясо и лакомый жиръ 18
Сѣѣримнира вепря. Немногіе вѣдаютъ:
Что дается эйнѣрѣямъ ѣсть.

[Фрѣки и Гѣри—тѣлами погибшихъ
Кормить прославленный Ратей Отець; 19
Самъ-же отъ вѣка князь Асгарда, Одинъ
Питается только виномъ.

[Гѣугинъ и Мѣунинъ надъ Мѣдгарда міромъ
Каждый день отправляются въ летъ. 20

17, I Вѣдарръ—сынъ Одина, „молчаливый асъ“, который въ послѣдней міровой битвѣ боговъ съ исполинами и чудовищами отомстить за Одина, т.-е. убьетъ волка Фѣнрира, послѣ того какъ чудовище поглотитъ Одина.

„Видръ“—„лѣсъ“; сообразно этому „край Вѣдарра“ зарось кустами и травю.

17, III „Витязь“. Подразумѣвается Видарръ.

18, I Андѣримниръ,—тотъ, кто во владѣніяхъ Одина готовить пищу для обитателей Валѣаллы. Больше о немъ ничего не сообщается.

18, III вепрь Сѣѣримниръ обладаетъ чудеснымъ свойствомъ: послѣ того, какъ онъ изготовленъ и съѣденъ на пиру (гдѣ его всегда на всѣхъ хватаетъ, сколько бы ни было пирующихъ), онъ на другой день опять оказывается цѣлъ и оживаетъ, такъ что его снова убиваютъ и готовятъ.

19, I Фрѣки („Прожорливый“) и Гѣри („Жадный“) — два волка Одина, служащіе ему. Онъ отдаетъ имъ въ пищу тѣла людей, погибшихъ въ бою, но недостойныхъ Валѣаллы.

19, IV Что Одинъ „питается только виномъ“—это очень позднее представленіе (вино не германскій напитокъ и только отъ другихъ народовъ попадало къ обитателямъ Скандинавіи): по всей вѣроятности оно всегда оставалось литературнымъ мотивомъ, а не народнымъ вѣрованьемъ.

20, I Гѣугинъ и Мѣунинъ, два вѣще ворона Одина, его гонцы, посланцы и развѣдчики. „Гѣугинъ“ значитъ „Мысль“, „Мѣунинъ“—„Вос-

Я боюсь, что домой не воротится Ёугинь;
Но за Мўнина я еще больше боюсь!]

Тунда воды шумяць. И Тйбдвѣтнѣра рыба
Невредима, играетъ въ водахъ. 21

Въ бродь переправиться трудно избранникамъ
Въ Валгѣллу, по шумнымъ волнамъ.

Вальгриндъ рѣшетку зовутъ; охраняетъ
Святая святыхъ врата. 22

Та рѣшетка съ древнѣйшихъ вѣковъ возвышается—
Никому не извѣстно, какой тамъ замѣкъ.

Пять сотенъ и сорокъ дверей запираютъ
Валгѣллы великій чертогъ. 23

Восемь сотенъ воителей выйдутъ изъ каждой,
Когда противъ Волка пойдутъ.

поминаніе". Въ позднѣйшемъ представленіи неутомимый летъ этихъ двухъ вороновъ надъ міромъ—отражаетъ неустанную заботу и думу Одина о мірѣ. „Два ворона сидятъ у него на плечахъ и говорятъ ему все, что происходитъ, что они видѣли и слышали“ (Sn. Ed. Gylfag. 37).

21, I Тундъ—потокъ, окружающій селенія боговъ, черезъ который должны переправиться тѣ, кто идетъ въ Валгѣллу.

— „Тйбдвѣтнѣра рыба“. Значеніе этого стиха темно. Предполагается, что „Тйбдвѣтнѣр“ означаетъ „великій Волкъ“ и относится къ тому волку Сколь, который поглотитъ, при кончинѣ міра, солнце. Послѣднее и подразумевается подъ „рыбоѣ Тйбдвѣтнѣра“, которая пока еще невредимо плаваетъ въ волнахъ потока, окружающаго Валгѣллу, т.-е. въ воздухѣ.

21, III воды потока Тунда—какъ полагаютъ, воздухъ; избранники, отправляющіеся по смерти въ Валгѣллу, не сами идутъ туда: ихъ несутъ по воздуху валькири. Боги же ѣдутъ въ Валгѣллу по мосту Бѣфростъ (радуга).

22, I „Вальгриндъ“—„врата павшихъ въ бою“—рѣшетчатые ворота въ оградѣ селенія боговъ, противъ однихъ изъ вратъ Валгѣллы (всего въ Валгѣллѣ имѣется 540 входовъ); вѣроятно, противъ главныхъ.

23, IV „Когда противъ Волка пойдутъ“, т.-е. когда настанетъ послѣдняя битва боговъ съ исполинами и чудовищами, въ томъ числѣ волкомъ Фенриромъ. Воинство Одина, составляющееся изъ павшихъ въ бою геро-

[Пять сотенъ и сорокъ хоромъ помѣщаются
 Въ жилищѣ по имени Бильскирниръ; 24
 Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ чертоговъ, просторнѣйшимъ
 Владѣеть мой доблестный сынъ.]

Гейдрунъ коза есть у Одина въ Асгардѣ;
 Лерадра вѣтви гложетъ она. 25
 Молокомъ отъ нея наполняются кубки;
 Молоко ея—неизсякающій медъ.

евъ, достигнетъ, слѣдовательно, ко времени кончины міра числа 432.000. О мистическомъ значеніи этихъ и другихъ мифологическихъ чиселъ см. интересныя данныя у Г. Листа (*Das Geheimniß der Zahlen*).

(24) Эта строфа, неожиданно перебивающая описаніе Валгаллы изображеніемъ жилища Торра, попала сюда случайно—вѣроятно, настоящее ея мѣсто въ первой части пѣсни, гдѣ вообще описываются обиталища различныхъ боговъ.

25, II Предполагается, что Лерадра—одно изъ названій мірового ясеня Йггдрасиля. Но упоминаніе въ „Пѣс. о Фйольс.“ мало вяжется съ этимъ толкованіемъ.

(25) Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ представленіи дѣло обстояло именно такъ: чудесная коза давала медъ вмѣсто молока. Отнюдь нельзя допустить, чтобы здѣсь имѣлась просто метафора, означающая, что молоко козы замѣняло медъ гостямъ Одина. Для древнихъ германскихъ воителей была бы крайне непривлекательной мысль о пирѣ, гдѣ угощали бы молокомъ вмѣсто меда или пива. Характеренъ діалогъ въ повѣствованіи Снорри по поводу того, что пьютъ гости Одина (*Gylfag.* 38):

„Ганглери спросилъ: „Что пьютъ эйнгеріи? Вѣдь питья должно быть въ Валгаллѣ такъ-же много, какъ и ѣды. Или тамъ пьютъ воду?“

„Гарръ сказалъ: „Чудно ты спрашиваешь! Неужели же Одинъ сталъ-бы принимать у себя королей, ярловъ и другихъ могущественныхъ людей—съ тѣмъ, чтобы давать имъ пить воду? Ручаюсь тебѣ, что многимъ изъ тѣхъ, кто является въ Валгаллу, угощеніе водою показалось бы ку-пленнымъ слишкомъ дорогой цѣной—если-бъ тамъ не подавалось чего-нибудь получше, послѣ того какъ пришлось переносить смертельныя страданія и раны!“

Для этихъ бойцовъ козье молоко въ видѣ угощенія было-бы немногимъ пріятнѣе воды. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ медомъ, даваемымъ козою Гейдрунъ, подразумѣвался какой-нибудь хмельной на-

Олень есть Эйтíрниръ у Óдина въ Áсгардѣ;
 Лерадра вѣтви гложеть олень; 26
 Влага лется съ роговъ его въ ключъ Ёвэргельми́ра,
 Откуда всѣ рѣки текутъ.

Сидль и Видль, Сэкинъ и Экинъ
 [Своль и Гуннтро, Фйормъ и Фимбольтульръ],
 Риннъ и Риннанди, 27
 Гидуль и Годуль, Гомуль и Гейрвимуль
 Орошаютъ владѣнья боговъ;
 [Тиннъ и Виннъ, Толль и Голль,
 Гуннторинъ и Градъ.]

[Вина зовется одна; а другая
 Вегвиннъ; Тюднума затѣмъ.
 [Нить и Ноть, Ноннъ и Ёроннъ, 28
 Слидль и Ёридль, Сильгръ и Ильгръ,
 Видль и Ванъ, Вондъ и Строндъ]
 Гйолль и Лейптръ; всѣ тѣ рѣки бѣгутъ близъ боговъ
 И низвергаются въ Ёэль.

питокъ—медь или пиво,—подобный тѣмъ, какіе подавались на земныхъ пирахъ, только, разумѣется, лучшей. С.

26, I Эйтíрниръ—олень съ многовѣтвистыми рогами, съ которыхъ падаетъ на землю влага, питающая всѣ рѣки—считается олицетвореніемъ водоносной тучи.

26, III ключъ Ёвэргельми́ра находится въ подземномъ мірѣ, подъ однимъ изъ корней ясеня Ёггдрасила.

(27) Слѣдую примѣру Геринга, предпочитаю не приводить сложныхъ и спорныхъ толкованій всѣхъ этихъ именъ потоковъ и рѣкъ; тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ именъ до сихъ поръ еще и вовсе не удалось перевести.

Отмѣчу только названіе Гейрвимуль, этимологія котораго—отъ geir, копье—повидимому указываетъ на то, что дѣло идетъ объ одномъ изъ подземныхъ потоковъ, гдѣ среди льдовъ и остраго оружія плаваютъ умершіе преступники.

[Кормтъ и Ормтъ и Кѣрлауга оба
 Торру приходится въ бродъ перейти
 Каждый разъ, какъ спѣшить онъ въ собраніе асовъ, 29
 Къ мѣсту, гдѣ Йггдрасиль ясенъ стоитъ.
 Всѣ священныя воды кипятъ въ эту пору,
 Мость боговъ пламенѣтъ огнемъ.

[Веселый, Блестящій, Сіяющій, Жилистый,
 Среброхолкій и Быстробѣгъ,
 Свѣтлоногій, Златой, Легконогъ, Златохолкій— 30
 То коней имена—асовъ носятъ они.
 Ежедневно на нихъ боги къ Ясеню ѣдутъ
 Судъ править вѣча, вести свой совѣтъ.

[Три корня, растущихъ въ три разныя стороны,
 Йггдрасиль ясенъ пустилъ. 31
 Ёль подъ первымъ; другой—надъ землею исполиновъ;
 Подъ третьимъ-же Мидгарда мѣръ.

.

29, VI Неясно, почему мость боговъ пламенѣтъ, когда Торръ отправляется въ собраніе боговъ (только-ли въ это время?).

Очевидно, объясненія надо искать въ стихійной подкладкѣ миеовъ; то, что происходитъ съ мостомъ боговъ—радугую—могло стоять въ связи съ мѣстонахожденіемъ Торра, божества грозы.

(30) Въ подлинникѣ имена коней идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Г л а д р ь (Веселый), Г и л л и р ь (Золотой, золотисто-желтый), Г л е р ь (Блестящій), С к э й д б р и м и р ь (Быстро бѣгущій), С и л ь ф р и н т о п п р ь (съ серебряною холкою), С и н и р ь (Жилистый), Г и с л ь (Сіяющій), Ф а л ь ѳ о ф н и р ь (съ свѣтлыми копытами), Г у л ь т о п п р ь (съ золотою холкою) и Л е т ф е т и (Легконогъ).

Если прибавить къ этому перечисленію С л ѣ й п н и р а, коня Óдина, то окажутся перечисленными всѣ кони асовъ: ихъ одиннадцать. Асовъ считается двѣнадцать, но Торръ не имѣетъ коня—онъ всегда ѣздитъ на своей колесницѣ или идетъ пѣший.

[Рататòскрѣ называется бѣлка проворная,
 Что по Ясеню вѣчно снуютъ; 32
 Все, что скажетъ орель на вершинѣ, спѣшить она
 Нїддѣоггру передать у корней.]

[Клонятъ тамъ выи четыре оленя,
 Молодые побѣги ѣдятъ: 33
 Дáиннъ и Двáлиннъ, Дúнейррѣ и Дїратроррѣ.]

[Дурню на умъ не придетъ, сколько змѣевъ
 Обитаютъ на Ясенѣ томъ. 34
 Гóинннъ и Мóинннъ, Гра́фвїтнїра дѣти;
 Гра́бакрѣ и Гра́фволлудрѣ;
 Усыпатель, Свиватель—зеленяя вѣтви
 Будутъ всегда объѣдать.]

(32) Бѣлка Р а т а т ó с к р ѣ—олицетвореніе вѣчно-дѣятельной вражды между хранителями и устроителями міра, богами, представителями которыхъ является орель, птица Óдина,—и ихъ противниками, носителями разрушительныхъ силъ хаоса. Представитель послѣднихъ—драконъ Нїддѣоггрѣ. Бѣлка поддерживаетъ распрю между враждующими сторонами тѣмъ, что, вѣчно снуя отъ одного къ другому, пересказываетъ Нїддѣоггру всѣ враждебныя слова орла, а орлу все, что говоритъ о немъ дурного Нїддѣоггрѣ (Сп. Ed.).

(33, 34) Предпочитаю воздержаться отъ перевода почти всѣхъ этихъ именъ, потому что комментаторы расходятся въ ихъ чтеніи и толкованіи; Герингомъ почти всѣ переводы приводятся подъ сомнѣніемъ. А главное—ихъ предполагаемая этимологія не представляетъ и особеннаго интереса. Нѣкоторыя имена (Двáлиннъ, Мóиннъ и др.) совпадаютъ съ именами карловъ.

Весь мїеъ поздняго происхожденія. Въ первоначальномъ представленіи только одинъ змѣй—Нїддѣоггрѣ—гложетъ корни ясеня; олень тоже одинъ, или даже вовсе отсутствуетъ. Обиліе животныхъ на мировомъ Деревѣ—продуктъ позднѣйшей фантазіи.

Аллегорія мїеа понятна: непрестанная, упорная работа губительныхъ силъ, постепенно приводящихъ къ разрушенію міра.

34, V. Имена У с ы п и т е л ь, С в и в а т е л ь—оказываются въ послѣдней строфѣ въ числѣ названій Óдина. Вѣроятно они въ одну изъ строфъ (либо въ 34, либо въ 54) попали по ошибкѣ.

[Люди не знаютъ, какъ Ясень великій

Много выносить невзгодъ:

38

Сверху гложетъ олень, увядаетъ пол-дерева,—

Корни—ѣсть Ниддѣоггръ драконь.]

Грѣистъ и Мистъ на пирахъ подаютъ мнѣ мой рогъ,

Скѣггольдъ и Скѣгуль;

39

Гильдръ и Трудръ, Глоккъ и Гѣрфѣотуръ,

Голль и Гѣйронуль,

Рандгрѣдъ и Радгрѣдъ и Рѣгинлейфъ—

Пиво въ Валгѣаллѣ разносятъ.

[Колесницу везутъ свѣтозарнаго солнца

Альвакръ и Альсвитръ съ великимъ трудомъ.

37

Но желѣзомъ холоднымъ ихъ добрые асы

Защитили въ ихъ тяжкомъ пути.

(35) Ни въ одной космогоніи не рисуется такъ ярко, какъ въ германской, представленіе о вѣчныхъ разрушительныхъ процессахъ, которымъ подверженъ міръ. Все существующее носить въ себѣ начала распаденія: къ этому мотиву германскіе мифы возвращаются съ трагическою настойчивостью, очень характерною для неумолимой прозорливости германскаго міровоззрѣнія, столь рано успѣвшаго разстаться съ наивною вѣрою въ нескончаемое существованіе земли. С.

(36) Имена валькирей, разносящихъ брагу въ Валгѣаллѣ, не всѣ поддаются переводу. Наиболѣе характерныя: Г и л ь д р ь—„Бой“, Т р у д р ь—„Сила“, Г ѣ й р о н у л ь—„Копьеносная“, Р а н д г р и д ь—„Разрушительница щитовъ“.

(37) А л ь в а к р ь и А л ь с в и т р ь—кони, везущіе колесницу солнца. Боги „снабдили ихъ холоднымъ желѣзомъ“, чтобы предохранить ихъ отъ испепеляющаго жара солнечныхъ лучей. Неясно, въ какой именно формѣ было устроено это предохраненіе.

Въ Снорровой Эддѣ сообщается, что боги помѣстили за конями два раздувальныя мѣха, поддерживающіе прохладу.

Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что „холодное желѣзо“— не что иное, какъ тотъ же щитъ Свѣлиниъ (желѣзный, въ такомъ случаѣ), о которомъ говорится въ слѣдующей строфѣ. „С в ѣ л и н и ь“ значитъ: „охлаждающій“ и назначеніе щита тождественно съ ролью этого „холоднаго желѣза“.

С.

[Солнечный щить называется Свáлиннъ,
 Богини чело онъ скрываетъ отъ глазъ; 38
 Воды и горы огонь уничтожить,
 Когда этотъ щить упадетъ.]

[Чудовище Сколь за богинею гонится
 Отъ желѣзнаго Лѣса, вослѣдъ. 39
 Ёати, волкъ сильный, Ёрѳвйтнира сынъ,
 Бѣжитъ передъ свѣтлой невѣстой небесъ.]

[Боги создали землю изъ Ёмира тѣла,
 Шумящее море изъ крови его; 40
 Изъ волосъ его лѣсъ, изъ костей его горы,
 Изъ черепа—неба лучистую твердь.]

[Изъ рѣсницъ его мудрые боги сѣумѣли
 Мидгардъ создать для людей. 41
 Изъ мозговъ грозовыя зловѣщія тучи
 Появились по волѣ боговъ.]

И Ульра и асовъ всѣхъ милость получитьъ,
 Кто первый коснется огня; 42

38, I „Свáлиннъ“—„охлаждающій“.

(39) Чудовищные волки Сколь и Ёати, порожденія Фѣнрира, гонятся по небу за солнцемъ и мѣсяцемъ; когда настанетъ конецъ міра, они нагоняютъ и поглощаютъ оба свѣтила.

39, III Ёрѳвйтниръ—Фѣнрирь.

39, IV „невѣста небесъ“—богиня солнца, Сѣнна. Ёати бѣжитъ передъ нею и позади мѣсяца.

(40) Эта строфа, описывающая сотвореніе міра изъ тѣла исполина Ёмира, убитаго богами, случайно попала сюда, какъ и слѣдующая.

(42) Эта строфа относится непосредственно къ собесѣднику Ёдина. Послѣдній обѣщаетъ милость Ульра и всѣхъ боговъ—тому, кто освободитъ его.

Откроется взгляду боговъ все жилище,
Какъ только котлы удалять.

[Въ древнее время корабль смастерили
Скйддбладнирѣ—Йвальди дѣти;

Лучшій въ свѣтѣ корабль для отважнаго Фрѣира,
Нйордра веселаго сына.

[Во вселенной всей лучшее дерево Йггдрасиль;
Скйддбладнирѣ скорый—быстрѣйшій корабль;

Одинъ межъ асами высшій и лучшій;

Слѣйпнирѣ всѣхъ лучше средь сильныхъ коней,
Лучшій мость Бйфростъ, скальдъ лучшій Брѣги,
Габрокрь лучшій изъ кречетовъ, Гармрь лучшій песь.]

Теперь меня видятъ всѣ боги небесные—

Недолго мнѣ помощи ждать:

Всѣ асы готовы ко мнѣ ниспуститься,

Явиться въ жильѣ короля,

На пиръ у стола короля.

Назывался я Тайнымъ и Странникомъ звался я,

Властелиномъ и Шлема Носителемъ,

Фраза о котлахъ неясна. Герингъ приводитъ слѣдующее объясненіе: повѣшенные на перекладинѣхъ подъ крышей (какъ это обыкновенно дѣлалось) котлы мѣшаютъ видѣть сверху, съ неба (сквозь дымовое отверстіе или отверстія, очень просторныя въ древне-германскихъ жилищахъ) внутренность жилища, а слѣдовательно и Одина. Когда котлы уберуть, боги съ небесъ увидятъ Одина и придутъ ему на помощь.

Въ общемъ, толкованіе этой строфы до сихъ поръ сомнительно.

43, П д ѣ т и Й в а л ь д и—искусные карлы, сдѣлавшіе корабль Фрѣира.

44, IV С л ѣ й п н и р ѣ—восьминогій конь Одина.

44, V Б й ф р о с т ѣ—небесный мость боговъ, радуга.

44, VI Г а р м р ь — чудовишный песь, сторожащій царство смерти.
О кречетѣ Г а б р о к р ѣ ничего неизвѣстно.

(46) Съ этой строфы начинается длинный перечень различныхъ именъ Одина. Мнѣ показалось необходимымъ переводить эти имена уже въ са-

Стройнымъ, и Бурнымъ, Желаннымъ и Третьимъ,
Ослѣпителемъ Ратей и Высшимъ изъ всѣхъ.

Многоликимъ, Правдивымъ, Разгадчикомъ истины,
Разящимъ и Радостнымъ въ браняхъ; 47
Богомъ съ окомъ благимъ, Богомъ съ огненнымъ взоромъ,
Сокровеннымъ, Коварнымъ, Мѣняющимъ образы,
Многомудрымъ, Умѣлымъ въ обманѣ.

Длиннобородымъ, Разителемъ, Богомъ
Скрывшимъ подъ шляпой широкой чело;
Побѣды Отцомъ и Сраженій Отцомъ, 48
Кораблей Повелителемъ, Всадникомъ грознымъ,
Отцомъ называюсь я всѣхъ и всего.
Много именъ я имѣлъ и имѣю
Съ тѣхъ поръ, какъ хожу межъ людей.

момъ текстѣ (не въ примѣчаніяхъ, какъ это дѣлаетъ Герингъ). Приводить ихъ въ подлинномъ видѣ нѣтъ надобности, такъ какъ они ничего не говорили бы русскому читателю, а переводъ найденъ для каждаго изъ нихъ (за исключеніемъ одного) и въ переводѣ ихъ значеніе очень характерно, заслуживаетъ большого вниманія.

Въ толкованіи именъ я слѣдую Герингу, за исключеніемъ имени Тудръ, которое я перевожу не „Тонкій“ (Det Dünne), а „Стройный“. Имя „Удръ“, переводъ котораго неизвѣстенъ, я передаю, руководясь тождественнымъ именемъ одной изъ дочерей Эгира, т.-е. морской волны; разумѣется, я этимъ предполагаю дать не переводъ, а лишь приблизительную замѣну непереведеннаго имени, оправдываемую стихійной природой Ёдина, и желательную мнѣ для того, чтобы не нарушать цѣльности перечня оставленіемъ о д н о г о имени въ подлинномъ видѣ. Имя Г р и м р ь „Тайный“ повторяется въ подлинникѣ въ двухъ мѣстахъ; я считаю это ошибкою и опускаю повтореніе. Въ перечнѣ именъ я не дѣлаю, во избѣжаніе лишняго осложненія, обозначеній позднѣйшихъ вставокъ.

С.

46, III Третій. Подъ этимъ именемъ скрывается Ёдинъ (въ Споровой Эддѣ) въ діалогѣ Ганглери съ тремя богами, которые всѣ три являются образами одного Ёдина.

Назвался я Грѣмниромъ въ домѣ у Гѣйррѣдра,
 Былъ Ялькромъ у Асмунда я.
 Былъ я Волнѣ Властелиномъ, корабль направляя, 49
 Смуту Сѣявшимъ—въ тингѣ; въ бояхъ—Побѣдителемъ,
 Повелитель Желаній и Вождь Громогласный,
 Равный Высшему былъ я, Властитель Щита;
 Чарь Господиномъ и Сѣдобородымъ
 У боговъ называли меня.

У Сокмѣмира звался я Мудрымъ и Вѣщимъ,
 И стараго турса тогда обманулъ; 50
 Мидвѣтнира сына, воителя сильного,
 Побѣдилъ и убилъ я одинъ.

Гѣйррѣдръ, не въ мѣру напился ты пивомъ,
 Охмелѣлъ ты себѣ на бѣду. 51
 Въ Валгáллѣ враги тебѣ всѣ, и самъ Óдинъ;
 Осужденъ ты—пощады не жди!

Не счумѣлъ ты вниманьемъ почитать мои рѣчи,
 Въ заблужденъе врагомъ ты введенъ; 52
 Скоро увижу я кровью окрашеннымъ
 Прежняго друга клинокъ.

Бранной сталью сраженный достанется Страшному;
 Наступаетъ, король, твой конецъ. 53
 Надъ тобою судъ Норнѣ. Предъ тобою здѣсь Óдинъ!
 Если можешь, сюда подойди.

(50) Въ мѣахъ не сохранилось эпизода, къ которому относились эти слова.

52, IV Прежняго друга — Гѣйррѣдра, которому Óдинъ раньше покровительствовалъ.

53, I Страшный (Ygg) — тоже одно изъ именъ Óдина.

53, III Норны — дѣвы судьбы, прядущія въ вѣчной нити участь всего живущаго.

Нынѣ Одинъ мнѣ имя! И Страшнымъ я звался,
 И Шумнымъ себя называль,
 Бдителемъ, Ужась Вселяющимъ, Путникомъ,
 Создателемъ, Богомъ боговъ;
 Усыпатель, Свиватель,—и всѣ безъ изъятя,
 Знаю, пошли отъ меня.

54

Король Гэйррёдръ сидѣлъ, держа на колѣняхъ мечъ, наполовину выдвинутый изъ ножонъ. Когда онъ услышалъ, что Одинъ тутъ, — онъ вскочилъ, чтобы отвести Одина отъ огня. Мечъ выскользнулъ у него и упалъ рукоятю внизъ; король споткнулся и упалъ и наткнулся на остріе меча, который поразилъ его на смерть. Тогда Одинъ исчезъ. Агнарръ же сталъ королемъ и правилъ долгое время.

54, V, VI Эта, немного неясная фраза, объясняется такъ: всѣ эти названія относятся ко мнѣ, а не къ отдѣльнымъ божествамъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Рѣчи Грѣмнира“ имѣются цѣликомъ въ Codex Regius 2365 и также въ Codex Aegypciacus 748. Многія строфы приводятся въ Снорровой Эддѣ, въ томъ числѣ съ измѣненіями перечень именъ (49. 50. 54.) „Рѣчи Грѣмнира“ принадлежатъ къ X вѣку; но къ болѣе позднему времени, чѣмъ „Прорицаніе Провидицы“ и „Рѣчи Вѣфтруднира“.

Вся стихотворная часть произведенія носитъ дидактической характеръ, не свойственный примитивному народному творчеству. Зато сказочный мотивъ, на которомъ построена фабула, безспорно принадлежитъ этому творчеству, притомъ къ древнѣйшимъ его образцамъ. И здѣсь, какъ въ „Пѣсни о Гѣмирѣ“, поэтъ болѣе поздней эпохи использовалъ старыя мифическія темы. Результатомъ этого творческаго приѣма являются иногда внутреннія противорѣчія въ содержаніи: наивный старый мифъ не оказывается на высотѣ тѣхъ мифологическихъ воззрѣній, которыя авторъ высказываетъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, въ данномъ случаѣ Одина. Несомнѣнно, что тотъ Одинъ, чей образъ рисуется при чтеніи всѣхъ этихъ именъ, перечисляемыхъ Грѣмниромъ (Многомудрый, Высшій, Повелитель Желаній, Вѣщій, Отецъ всего, Богъ боговъ, и т. д.),—такой Одинъ не могъ стать жертвою столь первобытной хитрости и оказаться въ такомъ безпомощномъ положеніи,—какъ повѣствуетъ вступленіе.

Кромѣ того, въ текстѣ имѣются разновременныя позднѣйшія вставки, увеличивающія неровность стили и построенія.

ПѢСНЬ ОБЪ АЛЪВИССѢ

Альвиссъ сказалъ:

Скамьи невѣстѣ пора убирать
Со мною въ дому у меня; 1
Вѣдомо всѣмъ, какъ спѣшилъ сватовствомъ я!—
Время намъ ѣхать домой.

Торръ сказалъ:

Что за пришлецъ тутъ? ужъ больно ты блѣденъ!
Съ трупами, что-ли, ты ночь пролежалъ? 2
Изъ великановъ ты, кажется, родомъ!—
Дочка моя не годится тебѣ.

Альвиссъ сказалъ;

Альвиссъ зовусь я, живу подь землю.
Въ глубинѣ, подь камнями, мой домъ. 3
Видѣть хочу колесницы Возницу;
Всякій данное слово блюди.

(1) Карло Альвиссъ („Всезнающій“) явился въ жилище Торра въ отсутствіи послѣдняго, свататься за его дочь. Жена громовника, Сифъ, согласилась и просватала дочь безъ вѣдома отца. Но Торръ, возвратившись домой, гдѣ онъ засталъ карла, не захотѣлъ признать заключеннаго безъ него договора. Чтобы избавиться отъ Альвисса, онъ задержалъ его разспросами у себя въ жилищѣ до восхода солнца; такъ какъ солнечный свѣтъ обращаетъ карловъ въ камень, то застигнутый врасплохъ Альвиссъ долженъ былъ погибнуть.—Этой миѣической фабулой авторъ пѣсни пользуется, чтобы вложить въ уста Альвиссу длинный рядъ поэтическихъ описательныхъ эпитетовъ и антономазій.

1, I, II убирать скамьи—т.е. исполнять обязанности хозяйки.

2, I „блѣденъ“. Карлы блѣдны отъ жизни подь землю, безъ солнца.

3, III Возница колесницы—Торръ, котораго Альвиссъ не знаетъ въ лицо и не узнаеть.

Торрь сказалъ:

Нéчего тутъ мнѣ блюсти! Какъ отецъ,
 Выдать дочь—въ правѣ я лишь одинъ. 4
 Дома я не былъ, когда вы рядили;
 Безъ меня не отдасть тебѣ дѣвы никто.

Альвиссъ сказалъ:

Что за пришлецъ похваляется правомъ
 Дивную дѣву не дать жениху? 5
 Много бродягъ васъ! Тебя я не знаю—
 Кто тебя, дурня, родиль?

Торрь сказалъ:

Вингторрь зовусь я, иду издалека,
 Я Сиддграни сильнаго сынъ. 6
 Дочь за тебя не отдамъ никогда я;
 Слова согласья не жди!

Альвиссъ сказалъ:

Слово согласья хочу получить я,
 И весело свадьбу сыграть; 7
 Счастья лишусь я, лишившись красавицы,
 Что горныхъ бѣлѣе снѣговъ.

Торрь сказалъ:

Дочь я отдамъ тебѣ въ жены, пожалуй,
 Альвиссъ, разумный мой гость,— 8
 Если про каждый ты мѣръ мнѣ расскажешь
 Все, о чемъ я узнать захочу.

6, I Вингторрь—„Торрь-Метатель“, т.е. богъ, мечущій громовый молотъ. Одно изъ обычныхъ прозваній Торра.

6, II Сиддграни—„долгобородый“, Одинъ.

Альвиссъ сказалъ:

Спрашивай, Вѣнгторръ, коль карла вопросами
Ты захотѣлъ испытать! 9
Деять міровъ исходилъ я не даромъ,
Всюду я все разузналъ.

Торръ сказалъ:

Альвиссъ, отвѣтъ! обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 10
Какъ называютъ просторную землю
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвиссъ сказалъ:

Землю у смертныхъ, Долиной у асовъ,
Зовутъ ее ваны Путемъ; 11
Зеленою турсы, Цвѣтущею альфы,—
Для горнихъ боговъ она Лугъ.

Торръ сказалъ:

Альвиссъ, отвѣтъ! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 12
Какъ называется свѣтлое небо
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвиссъ сказалъ:

Небо у смертныхъ, и Сводъ у боговъ;
Ваны зовутъ его Вѣтра Ткачемъ; 13
Йѳтуну—Вѣрхомъ, и Кровлею—альфы,
Карлы—Покоемъ, что капли струить.

Торръ сказалъ:

Альвиссъ, отвѣтъ! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все; 14

(9) Нѣкоторые комментаторы считаютъ эту строфу позднѣйшей вставкой.

Мѣсяць какъ названъ, свѣтящій надъ смертными,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвиссъ сказалъ:

Людымъ—Мѣсяць онъ; Мягкій Огонь у боговъ;
Для Ёэль онъ Несущееся Колесо; 15
Карлы Свѣтомъ зовутъ его, турсы Скитальцемъ,
Для альфовъ онъ—Счетчикъ времянь.

Торрь сказалъ:

Альвиссъ, отвѣтъ! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 16
Какъ называется солнце всесвѣтлое
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвиссъ сказалъ:

Люди Солнцемъ зовутъ его, Сунною боги,
Два́линна Гибелью карлы зовутъ; 17
Альфы—Кругомъ златымъ; турсы—Свѣточемъ вѣчнымъ,
Асы Свѣтомъ чистѣйшимъ зовутъ.

Торрь сказалъ:

Альвиссъ, отвѣтъ! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 18
Молви, какъ тучу зовутъ грозовую
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвиссъ сказалъ:

Люди—Тучею, боги—Надеждой на дождь,
Ваны—Игрушкой вѣтрѣвъ; 19

17, П Д в а л и н н ь—имя карла. Солнце называется „гибелью Два́линна“, потому что свѣтъ его губить карловъ. Самая этимологія имени связана съ этимъ представленіемъ; Dwalinn—„замѣшкавшійся“, „задержанный“ (на поверхности земли, гдѣ застигнуть губящимъ его восходомъ солнца). С.

Альфы—Силою грозъ, турсы—Влаги носителемъ,
У Ёэль же зовутъ: Сокровеннаго Шлемъ.

Торрь сказалъ:

А́львиссъ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ

Знаешь, должно-быть, ты все.

20

Вѣтеръ какъ названъ, всѣхъ дальше бывавшій,

Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:

Люди Вѣтромъ зовутъ, боги Сполоховѣемъ;

Ржунъ онъ зовется у высшихъ владыкъ;

21

Исполины Ревущимъ, а альфы—Шумящимъ,

У Ёэль его Бурнымъ зовутъ.

Торрь сказалъ:

А́львиссъ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ

Знаешь, должно-быть, ты все.

22

Какъ называется воздухъ недвижимый

Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:

Тишина у людей, Тишь волны у боговъ,

У вановъ зовется безвѣтріемъ онъ;

23

Дня Душою у альфовъ, Затишьемъ у турсовъ,

У карловъ—Спокойствіемъ дня.

Торрь сказалъ:

А́львиссъ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ

Знаешь, должно-быть, ты все:

24

21, I Сполоховѣй—попытка передать „Voioefr“ болѣе выразительнымъ словомъ чѣмъ „Полыхатель“.

21, II Ржунъ—отъ „ржать“. Въ подлинникѣ „rgegjoř“.

Какъ называется море, путь смертныхъ,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:

Люди Моремъ зовутъ его, Водами боги,
Ваны Волною зовутъ. 25
Турсы—рыбьею Родиной, Влагою альфы;
Для карловъ оно—Глубина.

Торрь сказалъ:

А́львиссъ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 26
Молви, какъ названъ огонь пламенѣющій
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:

Огонь у людей онъ, и Пламя у асовъ,
У вановъ зовется онъ Жаръ; 27
Пожиратель у турсовъ, у карловъ—Сжигающій,
Быстро Бѣгущій—у Ёэль.

Торрь сказалъ:

А́львиссъ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 28
Какъ густолиственный лѣсъ называется
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

А́львиссъ сказалъ:

Люди Лѣсомъ зовутъ, боги Гривой полей,
У мертвыхъ зовутъ его Тиной долины; 29
Онъ для альфовъ—Вѣтвистый, для турсовъ онъ—
Топливо,
Ваны дубравой назвали его.

Торрь сказалъ:

Альвѣссѣ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 30
Ночь какъ зовется, отъ Норра рожденная,
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвѣссѣ сказалъ:

Люди Ночью зовуть ее, боги же Мглою,
И Покровомъ—владыки міровъ; 31
Альфы—Радостью сна, исполины—Безсвѣтѣмъ,
Карлы зовуть ее Матерью грезъ.

Торрь сказалъ:

Альвѣссѣ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 32
Какъ полевые посѣвы зовутся
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвѣссѣ сказалъ:

Нивы—у смертныхъ, Ростки—у боговъ,
Поросль—у вановъ названіе ихъ; 33
Выпасъ у йѳтуновъ, Солодъ—у альфовъ,
Въ міръ у мертвыхъ—Камышь.

Торрь сказалъ:

Альвѣссѣ, отвѣты! Обо всемъ существующемъ
Знаешь, должно-быть, ты все: 34
Какъ называютъ напитокъ живущихъ
Въ каждомъ изъ разныхъ міровъ?

Альвѣссѣ сказалъ:

Люди пивомъ зовуть его, Брагою боги,
Варевомъ ваны зовутъ; 35

33, III Исполины не занимаются земледѣліемъ, а только скотоводствомъ; поэтому нивы для нихъ—только „выпасъ“, пастбище.

Названъ Токомъ у турсовъ онъ, Медомъ у мертвыхъ,
Названъ Сокомъ у сѣмени Съттунгра онъ.

Торрь сказалъ:

Сроду не видѣлъ въ одной головѣ я
Столько познаній, какъ тутъ!
Но удалось провести мнѣ противника:
Карламъ смертельно дневное свѣтило,—
День теперь: солнце взошло!

36

35, IV „сѣмя Съттунгра“—исполины, т.-е. тѣ же гурсы; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ строфахъ, авторъ сбивается въ установленіи различныхъ категорій существъ, населяющихъ міры. См. Общ. Зам.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣснь объ Альвиссѣ“ имѣется полностью въ Codex Regius, 2365. Отрывки ея приводятся въ Снорровой Эддѣ.

Эта пѣснь поздняя, исландскаго происхожденія; возможно, что она принадлежит христіанскому автору. Несомнѣнно, что послѣдній, при всѣхъ своихъ мифологическихъ познаніяхъ, не твердѣ въ мифологической терминологіи; въ его перечисленіяхъ фигурируютъ: люди, боги, ваны, исполины, альфы и карлы; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ боги видимо тождественны съ асами, въ другихъ они различаются, на ряду съ ними появляются еще какія-то верховныя силы (*ginnregin*), въ одной строфѣ „сыны Суттунга“, т.-е. „исполины“, упомянуты на ряду съ исполинами, т.-е. очевидно въ другомъ значеніи.

Построеніе пѣсни видимо искусственное: желаніе Торра задержать у себя карла до восхода солнца (свѣтъ котораго смертеленъ для карловъ) служить предлогомъ для стихотворнаго изложенія цѣлаго ряда метафорическихъ эпитетовъ, бывшихъ въ ходу у тогдашнихъ поэтовъ. Возможно, что какой-нибудь старый мифъ и положенъ въ основу разсказа о сватовствѣ Альвисса. Однако, съ мифологическимъ образомъ Торра—прямодушнаго и простодушнаго—совершенно не вяжется присвоенная ему здѣсь роль хитреца, столь находчиво избавляющагося отъ непрошеннаго зятя; возможно, что первоначально преданіе относилось къ какому-нибудь другому богу, скорѣе всего—къ Óдину.

Форма стихотворенія красива, стиль художественъ и выдержанъ отъ начала до конца.

ИЗРЕЧЕНИЯ ВЫСОКАГО

1.

Прежде чѣмъ въ домъ ты войдешь, ко всѣмъ выходамъ

Хитро присмотришь, 1

Разузнай ихъ умно:

Никогда не извѣстно навѣрно, что гдѣ-нибудь
Въ домѣ твой врагъ не сидитъ.

Благо дающему! Гость входитъ въ горницу—

Пусть ему скажутъ, гдѣ сѣсть. 2

Тотъ мѣшкать не можетъ, кому свое счастье
Разыскивать надо съ огнемъ.

Огонь нуженъ гостю, что шель издалека,

Чьи колѣни застыли въ пути; 3

Ѣда и одежда нужны человѣку,

Если долго онъ брелъ по горамъ.

Гостю воды надо дать, чтобы вымыться,

И ручникъ, съ ласковымъ словомъ; 4

Самъ онъ понравится пусть постарается,—

Если хочетъ быть позванъ опять.

Съ умомъ надо быть, отправляясь въ чужбину;

Дома всегда обойдешься легко. 5

Общ. Примѣч. Эта пѣснь представляетъ собою составившееся изъ разнородныхъ элементовъ собраніе изреченій. Указанія на этотъ счетъ— въ концѣ въ „Общихъ замѣчаніяхъ“.

2, III, IV Эти двѣ строки переводятся различными выраженіями, въ виду нѣкоторой неясности чтенія текста; но смыслъ въ различныхъ переводахъ одинъ и тотъ-же. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что обѣ первоначально не входили въ эту строфу; онѣ нарушаютъ ходъ мысли этой части пѣсни, вполне конкретный и ясный. С.

Глупый предметомъ насмѣшекъ окажется,
Если средь умныхъ сидить.

Мудростью мужу хвалиться не слѣдуетъ,
Должно слѣдить за собой;
Кто разумно молчитъ—цѣль вернется въ отчизну, 6
Осторожный уйдетъ отъ бѣды.

Рѣдко найдешь себѣ друга надежнѣе,
Чѣмъ собственный опытный умъ.

На пиру, съ посторонними, гость осторожный
Долженъ чаще молчать, чѣмъ болтать. 7

Пусть будутъ и очи и уши на сторожѣ—
Такъ блюдетъ себя умный всегда.

[Счастливъ, кто славу и благо заслужить
Собственной силой себѣ.

Прокъ будетъ рѣдко отъ знаній и разума, 8
Что живутъ у другихъ въ головахъ.

[Счастливъ, кто въ жизни разсудкомъ и силой
Самъ себѣ можетъ помочь: 9

Часто совѣтъ былъ причиной несчастья,
Что въ груди у другого созрѣлъ.

[Лучшій запасъ на дорогу для странника—
Смысла запасъ и ума; 10

Всюду дороже онъ всякихъ сокровищъ,
И надежно поддержитъ въ бѣдѣ.

[Лучшій запасъ на дорогу для странника—
Смысла запасъ и ума. 11

А всѣхъ хуже тотъ дѣлаетъ, кто, до ухода
Пива напившись, пустится въ путь.

[Пользы для смертныхъ отъ пѣннаго пива
 Меньше, чѣмъ многіе мнятъ; 12
 Чѣмъ больше ты выпьешь, тѣмъ меньше ты можешь
 Собственнымъ духомъ владѣть.]

[Птица забвенья парить надъ пирами:
 Разумъ у пьющаго крадетъ она. 13
 Перья той птицы меня осѣняли,
 Когда я у Гуннлодь сидѣлъ.]

[Быль опьяненъ, отуманенъ былъ хмелемъ
 Въ домѣ у мудраго Фйалара я. 14
 Всѣхъ тотъ счастливѣй, кто съ яснымъ разсудкомъ
 Съ пира прибудеть къ себѣ.]

[Сынъ королевскій долженъ быть сдержанъ,
 Мудръ, и въ сраженіи смѣлъ; 15
 Бодро и радостно вѣкъ проживи свой,
 Встрѣть ты безъ трепета смерти!]

[Жить безъ конца помышляетъ трусливый
 И отъ сраженій бѣжить; 16
 Только щадить его старость не станетъ,
 Если оружье не тронетъ его.]

Глупый въ гостяхъ некстати болтаетъ
 Или не въ пору молчить; 17
 Выпивъ, покажетъ онъ тотчасъ-же каждому,
 Что мало ума у него.]

13, IV Гуннлодь—дочь того исполина, отъ котораго Одинъ хитростью добылъ волшебный медъ пѣснопѣнья. Звали этого исполина Суттунгръ; Фйаларъ (14)—повидимому, другое названіе того же лица.

- Знаеть лишь тотъ, что не разъ былъ въ дорогѣ
И далекó побываль— 18
- Какъ разсуждать и вести себя долженъ
Мужъ съ настоящимъ умомъ.
- Медь пить ты можешь, но пей его въ мѣру;
Молчи, или дѣльныя рѣчи веди. 19
- Никто не сочтетъ тебя неучемъ, если
Рано отправишься спать.
- Кто до отвалу животъ набиваетъ,
Тотъ нерѣдко во вредъ себѣ ѣсть: 20
- Часто глумленье заслуживалъ глупый
По винѣ живота своего.
- Знаютъ стада, когда съ пастбища надо
Имъ возвращаться домой; 21
- А человекъ неразумный не можетъ
За ѣлоу предѣль соблюдать.
- Злой человекъ, къ издѣвательству склонный,
Мастеръ высмѣивать всѣхъ; 22
- А того онъ не знаетъ, что знать ему надо-бы:
Что и самъ съ недостатками онъ.
- [Ночи безъ сна неразумный проводить—
Мыслями мучить себя; 23
- Усталымъ потомъ его утро застанеть—
Онъ не сможетъ себѣ пособить.]
- Безъ разбору, всѣхъ тѣхъ, кто ему улыбается,—
Считаетъ проstackъ за друзей; 24
- Замѣчать не желая, что часто заслуженно
Тѣ бранять его, кто поумнѣй.

Безъ разбору, всѣхъ тѣхъ, кто ему улыбается,—
Считаетъ простакъ за друзей. 25

Но на тингъ народномъ сторонниковъ врядъ-ли
Въ своемъ дѣлѣ онъ много найдетъ.

Неразумный увѣренъ, что все ему вѣдомо,
Пока онъ не спрошенъ никѣмъ; 26

А стоить съ вопросомъ къ нему обратиться—
Не умѣетъ онъ молвить двухъ словъ.

При людяхъ молчать неразумному слѣдуетъ,
Такъ лучше ему и дружимъ. 27

Никто не замѣтитъ, что смысла въ немъ мало,
Пока онъ не станетъ болтать;

Никто не узнаетъ, что толку въ немъ нѣтъ,
Пока не раскроетъ онъ ротъ.

Мудрымъ считается тотъ, кто умѣетъ
Дѣльно отвѣтить и дѣльно спросить. 28

Вѣсь навсегда у людей получаетъ
То, что въ уста переходитъ изъ устъ.

Кто молчать не умѣетъ, тотъ также не сможетъ
Разумнаго слова сказать; 29

Часто случалось, что смертный несчастье
На себя навлекалъ языкомъ.

Никого не язви ядовитой насмѣшкой,
Хотя-бы и съ кубкомъ въ рукахъ! 30

Напрасно иной себя мнитъ всѣхъ умнѣе,—
Покуда никѣмъ не задѣтъ.

Доволенъ, когда въ разговорѣ онъ вывернется,
Надъ гостемъ смѣявшійся гость. 31

А о томъ не помыслить онъ, сколькоихъ, быть-можетъ,
Издѣваясь, враговъ наживеть.

Другъ друга порой на пирахъ задирають
Дружные даже мужи; 32

Въ этомъ всегда будетъ поводъ къ раздорамъ:
Гостю врагомъ станетъ гость.

Дома съ утра закусить долженъ всякій
Прежде, чѣмъ въ гости идти; 33

А не то станетъ молча жевать, какъ животное—
Слова не скажетъ ни съ кѣмъ.

[Путь дологъ къ тому, съ кѣмъ всегда не въ ладахъ ты,
Хотя-бы онъ подъ бокомъ жилъ. 34

А къ другу повсюду дорога короткая,
Какъ жиле ни далѣко его.]

Уходи, когда слѣдуетъ; слишкомъ ужъ много
Въ тѣхъ-же мѣстахъ не гости. 35

Надоѣдать можетъ дружба, что долго
Въ домѣ сидитъ у другихъ.

Свой домъ всего лучше, хоть будь невеликъ онъ:
Въ своемъ домѣ ты самъ господинъ. 36

Пара козъ во дворѣ и плетеная кровля—
Все пріятнѣй, чѣмъ ѣсть у другихъ.

Свой домъ всего лучше, хоть будь невеликъ онъ:
Въ своемъ домѣ ты самъ господинъ! 37

Съ израненнымъ сердцемъ тотъ скоро окажется,
Кто долженъ подачками жить.

[Отъ своего ты оружья въ дорогѣ
 Не отходи ни на шагъ; 38
 Никогда неизвѣстно, какъ скоро нуждаться
 Будешь въ копѣѣ ты своемъ.]

Тратить не бойся добро, что добудешь:
 Счастья не скопить, кто скупъ! 39
 Что для друга хранишь ты, забрать можетъ недругъ;
 Ненадежны надежды людей.

Нигдѣ не найдешь ты дарящаго съ радостью,
 Кто и самъ бы дарамъ не былъ радъ; 40
 Бываетъ пріятно давать человѣку—
 Даръ пріятно въ обмѣнъ принимать.

Другу оружье дари и одежду,
 Въ прокъ и на радость очамъ; 41
 При взаимныхъ дарахъ будетъ прочною дружба,
 Если рокъ не нарушитъ ее.

[Другу плати за пріязнь ты пріязнью,
 Даромъ на даръ отвѣчай. 42
 Но умѣй заплатить за насмѣшку насмѣшкой,
 И обманомъ воздать за обманъ.]

Другу плати за пріязнь ты пріязнью,
 Дружелюбенъ къ друзьямъ его будь. 43
 Дѣлать другомъ себѣ никогда ты не долженъ
 Того, кто бы другъ былъ врагу твоему.

Если друга обрѣлъ ты, ему довѣряешь,
 И добра себѣ ждешь отъ него— 44
 Открывай ему душу, и дѣлай подарки;
 Чаше его посѣщай.

Если вызвалъ знакомецъ твое недовѣрье,
 Ты же добраго ждалъ отъ него— 13
 На словахъ будь привѣтливъ, и скрой подозрѣнья,
 И обманомъ воздай за обманъ.

Если ждешь ты вражды отъ знаконца, и думаешь,
 Что съ тобою не искрененъ онъ,— 16
 Будь съ нимъ ласковъ вдвойнѣ, затаи неприязнь ты:
 На притворство притворствомъ отвѣть.

Въ молодые годá я одинъ путешествовалъ.
 Заблудился надолго я разъ: 17
 Богачомъ себя счелъ я, съ другимъ повстрѣчавшись;
 Человѣка оплотъ—человѣкъ.

[Всѣхъ счастливей живеть тотъ, кто щедръ и отваженъ;
 Отъ заботъ всѣхъ свободнѣе онъ:— 18
 Вѣчный страхъ отравляетъ всѣ радости труса;
 Нѣтъ отрады для скряги въ дарахъ.]

[Навѣсилъ на два деревянныхъ болвана
 Я когда-то одежды свои: 19
 Въ одеждахъ они на людей походили.
 Ни во что́ того ставятъ, кто нагъ.]

Съ дерева лыко сдирають въ деревнѣ—
 Погибаетъ ободранный стволъ: 20
 Таковъ человѣкъ, если всѣми покинуть,—
 Лучше ему и не жить.

У друзей ненадежныхъ пять дней пламенѣеть
 Ярче огня ихъ пріязнь; 21
 На шестое же утро огонь тотъ угаснетъ
 И любовь пропадетъ безъ слѣда.

Цѣненъ не долженъ быть даръ непремѣнно;
 И малымъ заслужишь хвалу. 52
 Хлѣба кускомъ и глоткомъ въ моемъ кубкѣ
 Я друга не разъ добывалъ.

[Мало песку въ маломъ морѣ имѣется,
 Мало ума у людей; 53
 Но не владѣютъ и равнымъ всѣ разумомъ—
 Есть различіе всюду у всѣхъ.]

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
 Многого лучше не знать. 54
 Въ свѣтѣ всѣхъ краше живется такому,
 Кто свѣдущъ довольно во всемъ.]

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
 Многого лучше не знать; 55
 Рѣдко тотъ радостенъ сердцемъ, чей разумъ
 Больше, чѣмъ надо, узналъ.]

[Въ мѣру быть мудрымъ для смертныхъ умѣстно,
 Многого лучше не знать. 56
 Знать ты не долженъ удѣлъ твой грядущій—
 Или забудешь въ заботѣ покой.]

Головня отъ другой головни зажигается;
 Искра отъ искры горитъ. 57
 Человѣкъ по словамъ человѣку извѣстенъ;
 По молчанью—негодный къ рѣчамъ.]

Спозаранку вставай, собираясь у недруга
 Голову снять, иль добро отобрать; 58
 Лежащему волку добычи не будетъ;
 Кто сидитъ, не одержитъ побѣды.]

Пусть рано встает тотъ, кто бѣдень рабочими,
И берется за дѣло съ утра. 59

Кто спать будетъ поздно—проспить свою выгоду;
Кто не медлитъ—поль-клада возьметъ.

Сколько для кровли драни потребно,
Надо хозяину знать. 60

Пусть знаетъ онъ, много-ли въ мѣсяцъ и въ зиму
Дровъ въ его домѣ сгоритъ.

Будь сытъ и опрятенъ, на тингъ собираясь,
Наряднымъ же можешь не быть. 61

Не стыдись башмаковъ ты, какіе найдутся,
Ни штановъ; ни коня, если есть,—
Хоть во всемъ томъ немного цѣны.

Клювъ разѣваетъ и голову вѣшаетъ,
Пролетѣвъ черезъ древнее море, орель; 62
Въ толпѣ незнакомой таковъ тотъ безпомощный,
У кого поручителей нѣтъ.

Спросить и отвѣтить съ умомъ пусть умѣетъ,
Кто мудрымъ желаетъ прослыть. 63

Одному довѣрайся; не двумъ одновременно.
Что вѣдаютъ трое—то знаетъ весь свѣтъ.

Кто смѣлъ и уменъ, свою мощь тотъ умѣренно
Въ дѣло пускаетъ всегда. 64

Съ отважнымъ столкнувшись, иной убѣждается,
Что самъ не храбрѣйшій изъ всѣхъ.

59, IV поль-клада, т.-е. половину того клада, который достался бы тебѣ цѣликомъ, если бы ты не зѣвалъ.

- Будь остороженъ ты въ дѣлѣ и въ рѣчи,
* Людямъ съ оглядкою вѣрь.* 65
- За лишнее слово случается часто
Жестoko платиться потомъ.
- Я къ людямъ не разъ слишкомъ рано являлся,
И опаздывалъ въ гости къ другимъ; 66
Пиво выпито было—иль вовсе не сварено.
Кто не миль, тотъ всегда невпопадъ.
- Я знаю, что могъ бы ко многимъ быть позванъ
Съ тѣмъ, что-бъ въ гостяхъ не поѣсть; 67
Или если бы въ домъ я доставилъ два окорока,
За то, что меня угостили однимъ.
- Лучшее благо огонь для живущихъ
И солнца сіяющій свѣтъ; 68
Загѣмъ, если Рокъ позволяетъ, здоровье
И безпорочная жизнь.
- Нѣтъ вполнѣ обездоленныхъ, даже межъ хворыми.
Этотъ сыну растущему радъ; 69
У иного родня, у другого богатство,
Тотъ въ доблестномъ дѣлѣ отраду найдетъ.
- Жить всегда лучше, чѣмъ мертвымъ лежать;
Кто живъ, тому можно помочь. 70
Я видѣлъ костеръ, богачу приготовленный—
Трупъ его ждалъ у воротъ.

65, II Дополнено по смыслу.

67, III, IV Герингъ немного иначе переводитъ двѣ заключительныя строки. Буквальный смыслъ подлинника здѣсь несовсѣмъ ясенъ; мнѣ представляется мое толкованіе,—наиболѣе близкимъ къ точному значенію текста.

Пастухомъ будь безрукій; кто хромъ, можетъ ѣздить;
 Можетъ сражаться глухой. 71

Въ слѣпомъ больше проку, чѣмъ въ прахѣ сгорѣвшаго:
 Ни на что не пригоденъ мертвецъ.

Сынъ—это счастье, будь даже рожденъ онъ
 Поздно, по смерти отца. 72

Лишь тогда на могильномъ курганѣ есть памятникъ,
 Если ставятъ потомки его.

[Для боя двоимъ надо быть. Языкъ твой убійца твоей головы.
 Гдѣ рукавъ, тамъ я жду кулака. 73
 Кто съ запасомъ хорошимъ, ждетъ ночи безъ страха.
 Поперечныя снасти короче продольныхъ.
 Часто ночью осенней погода мѣняется;
 За пять дней много разъ перемѣнится вѣтеръ,
 Больше еще перемѣнится въ мѣсяцъ.]

Кто не свѣдушъ ни въ чемъ, тотъ не знаетъ, какъ часто
 Богатство туманитъ умы. 74

Одинъ богатѣетъ, другой-же нуждается;—
 Ни заслугъ ни вины въ этомъ нѣтъ.

Фйтйунгра видѣлъ сыновъ я въ довольствѣ;
 Ходятъ по міру нынче они. 75

Вмигъ улетучиться можетъ достатокъ,—
 Коварнѣйшій въ свѣтѣ онъ другъ.

Сгинетъ богатство, умрутъ твои родичи,
 Самъ ты умрешь въ свой чередъ; 76

(73) Интерполлированный въ пѣсню рядъ пословиць.

73, IV Переносный смыслъ этого изреченія неясенъ.

75, I Фйтйунгръ — „жирный“, „упитанный“; богатей.

Можеть одно лишь безсмертнымъ быть въ мірѣ —
Слава великихъ заслугъ.

Сгинеть богатство, умрутъ твои родичи,
Самъ ты умрешь въ свой чередъ; 77
Только одно будетъ жить безконечно —
Память о славныхъ дѣлахъ.

Правду вѣщаютъ священныя руны,
Что въ селеньяхъ боговъ создались, 78
Что Вѣщимъ начертаны, высшимъ изъ скальдовъ:
Молчаніе лучше всѣхъ благъ.

[Если золотомъ станеть богатъ неразумный,
Иль красавицей будетъ любимъ — 79
Въ немъ спѣси прибудеть, ума-жь не прибавится;
Мимо людей онъ надувшись поидеть.

[Дня не хвали раньше вечера; женщины раньше сожженія; ✓
Оружья, пока не испробоваль; дѣвъ, пока замужъ не
выданы. 80

Ледъ похвали, коли выдержаль; пиво, коль выпито.

[Деревья руби на вѣтру; при вѣтрѣ попутномъ будь въ морѣ;
Съ милой впотѣмахъ будь: глазъ много у дня. 81

78, III Вѣщій — Одинъ.

(78) Мюлленгофъ не безъ основанія видитъ въ этой строфѣ юмористическій элементъ: банальная житейская истина заключенія не соотвѣтствуетъ торжественному вступленію.

(79—82) Собраніе пословицъ и практическихъ совѣтовъ; въ текстѣ — позднѣйшая вставка.

80, I „с о ж ж е н і е“ здѣсь означаетъ, конечно, не казнь, а просто погребеніе. Смыслъ пословицы: „Не хвали женщины прежде, чѣмъ пройдетъ вся ея жизнь“.

Служить судно для плаванья, щить для защиты;
Лезвіе—что-бъ разить; для лобзаній красавица.]

Пей пиво въ теплѣ; бѣгай по льду на лыжахъ.
Ржавымъ мечъ покупай, а коня—не упитаннымъ 82
Конь жить долженъ подъ кровомъ, а песь во дворѣ.]

II.

Дѣвы словамъ довѣрять ты не долженъ,
Женскія рѣчи за правду считать. 83
Въ колесѣ было создано женское сердце:
Постоянства не можетъ въ немъ быть.

[Непрочному луку, горящему пламени,
Голодному волку, воронѣ крикливой, 84
Кабану, что захрюкалъ, соснѣ безъ корней,
Волнѣ въ часъ прилива, котлу закипѣвшему;

[Летящей стрѣлѣ и водамъ ниспадающимъ,
Льду, что сталь за ночь, ползучей змѣѣ, 85
Обломкамъ меча и на ложѣ невѣсты рѣчамъ;
Ласкамъ медвѣдя и слову сыновъ королевскихъ;

[Хворой скотинѣ, рабу самовольному, 86
Чаровницы привѣту, сраженному недругу,
Братоубійцѣ, въ дорогѣ съ нимъ встрѣтившись,
Полусгорѣвшимъ хоромамъ, коню 87
—Безъ одной лишь ноги, онъ ужъ больше не годенъ!—
Всему этому, помни, нельзя довѣрять.

82, II Мечъ надо покупать испробованный, надежный.

(83) Съ этой строфы начинается эпизодическая часть пѣсни, описывающая два любовныя приключенія Одина (II—съ дочерью Биллингра, III—съ Гунялодъ, хранительницею меда пѣсни.)

[Всходамъ не радуйся раннимъ до времени;
 Сыномъ, пока онъ дитя, не гордись; 88
 Нужно вѣдро для всходовъ, разсудокъ для сына—
 То и другое Рокъ дастъ не всегда.]

Коварной довѣриться женщинѣ—то же
 Что по льду поѣхать съ конемъ неподкованнымъ, 89
 Двухлѣтнимъ, норовистымъ, плохо объѣзженнымъ,
 Или по морю бурному плыть безъ руля,
 Иль, на мерзлыхъ скалахъ, лань руками ловить.

Правъ я въ томъ, что скажу, зная женъ и мужей:
 И къ женщинамъ лживы мужи. 90
 Тотъ злой умыселъ прячетъ, чьи рѣчи всѣхъ краше.
 Умнѣйшихъ обманетъ иной.

[Льстивою рѣчью, дарами богатыми
 Добивайся отъ дѣвы любви. 91
 Восхваляй лучезарную прелесть прекрасной—
 Благосклонность заслужишь ея.]

Никогда не язви человѣка насмѣшкой
 За то, что онъ жертва любви: 92
 Волю мудраго можетъ краса отуманить,
 Что сердца не смутила глупцовъ.

Не осуждай никого за такое,
 Что многимъ изъ насъ суждено: 93
 Умнѣйшихъ людей безразсудными дѣлаетъ
 Коварная сила любви.

[Знаешь ты лишь одинъ, что въ груди твоей скрыто,
 Что тебѣ душу гнететь; 94

Всѣхъ тому хуже, кто не находитъ
Радости больше ни въ чемъ.]

Извѣдалъ я муку любви, когда, милой
Дождаясь, я долго сидѣлъ въ камышахъ. 95
Безпредѣльно любилъ я коварную дѣву—
И мнѣ не досталась она.

На постели засталъ я дочь Биллингра спящую,
Подобную солнцу красой; 96
Мнѣ казалось, что жребій ничтоженъ властителя,
Если дѣвою мнѣ не владѣть.

„Вечеромъ долженъ ты, Одинъ, явиться,
Чтобы ложе со мной раздѣлить; 97
Теперь же опасно—узнать могутъ многіе
То, что въ тайнѣ намъ надо хранить!“

И я, безразсудный, ушелъ отъ красавицы,
Въ жадѣ блаженства дрожа; 98
Я лаской любви насладиться надѣялся
Съ нею ночью порой.

А ночью придя, я засталъ всѣхъ на стѣрожѣ,
Были всѣ въ сборѣ бойцы; 99
По огнямъ я зажженнымъ, по факеламъ жаркимъ
Неудачу свою угадалъ.

На разсвѣтѣ явился я снова въ жилище;
Домашніе спали теперь; 100

96, I О дочери Биллингра и обо всемъ этомъ эпизодѣ ничего не извѣстно изъ другихъ источниковъ.

А ея не увидѣлъ я въ спальнѣй: привязана
На ложѣ собака была.

Нерѣдко бываетъ, что въ дѣвѣ прекрасной
Жестоко обманешься ты;

Въ томъ убѣдился я съ дочерью Бйллингра, 101
Попытавшись ее обольстить.

Издѣвательствомъ умная дѣва отвѣтила,—
Ничего я у ней не достигъ.

III.

Дѣла будь весель и съ гостемъ привѣтливъ;
Но заботься и самъ о себѣ.

Рѣчь и мысль изоцряй, если мудрымъ слыть хочешь; 102
Слово дѣльное вспомнить всегда у людей.

Того назовутъ изъ болвановъ болваномъ,
Кто ни слова не можетъ сказать.

(103) Здѣсь разсказчикъ вспоминаетъ—отъ лица Óдина—о томъ, какъ послѣдній добылъ чудесный медъ пѣснопѣнья, волшебный напитокъ скальдовъ.

Послѣ войны асовъ съ ванами, обѣ враждовавшія стороны порѣшили для скрѣпленія мира совмѣстно создать живое существо. Ванамъ и асамъ и былъ тогда совмѣстно сотворенъ Квасиръ (этимологія неясна), мудрѣйшій и прекраснѣйшій человекъ. Злые темные карлы, обитающіе подъ землею, въ послѣдствіи убили Квасира и собрали его кровь въ сосудъ Óдррриръ, смѣшавъ ее съ пчелинымъ медомъ. Получившаяся такимъ образомъ жидкость имѣла чудесное свойство: въ ней заключался даръ пѣснопѣнья. Но пока „медъ пѣсни“ находился во власти карловъ, его чудодѣйственная сила не проявлялась. Черезъ долгое время, сгубивъ хитростью одного великана, карлы принуждены были отдать волшебный медъ—на выкупъ—брату погибшаго, Суттунгру, грозившему имъ смертью, если не получатъ выкупа. Послѣ этого медъ пѣсни былъ у Суттунгра, и его хранила прекрасная дочь исполина Гуннлодъ. И во власти исполиновъ, медъ не осуществлялъ своего назначенія: исполинамъ, какъ и карламъ, чуждъ даръ пѣснопѣнья. Óдинъ рѣшилъ добыть отъ исполиновъ медъ. Въ че-

Былъ у турса я стараго, здравъ я вернулся.

Промолчавъ тамъ—я былъ-бы ни съ чѣмъ. 103

Много вѣскихъ рѣчей говорилъ къ своей выгодѣ

Въ домѣ у Съттунгра я.

Въ камень ввинтилъ я искусной рукою

Рати, мой крѣпкій буравъ. 104

Надо мной, подо мной могъ явиться мой недругъ;

Поплатиться я могъ головой.

ловѣчемъ образѣ отправился онъ въ страну великановъ и явился къ брату Съттунгра, исполину Бѣуги, предварительно устроивъ такъ, что послѣдній лишился своихъ девятирехъ работниковъ (Одинъ явился на поле, гдѣ они косили, и предложилъ поточить имъ косы; онъ сдѣлалъ это волшебнымъ точиломъ, дѣйствовавшимъ такъ быстро и чудесно, что всѣ они пожелали имѣть его, перессорились и перерѣзали другъ друга на смерть косами). Назвавшись Бѣльверкромъ, Одинъ предложилъ Бѣуги, что наймется къ нему въ услуженіе, съ тѣмъ чтобы получить въ награду того меда, что хранился у Съттунгра. Бѣуги отвѣтилъ, что только Съттунгръ распоряжается медомъ, но общалъ повести къ нему Бѣльверкра, что и было сдѣлано, послѣ того какъ тотъ за одно лѣто справилъ всю работу девятирехъ людей. Съттунгръ не захотѣлъ дать меду Бѣльверкру. Тогда Одинъ буравомъ Рати просверлилъ отверстіе въ стѣнахъ каменной пещеры, гдѣ Гуннлодь хранила заповѣдный медъ; принявъ образъ змѣи, онъ проникъ въ отверстіе. Въ пещерѣ, вновь принявъ видъ человѣка, онъ добился любви Гуннлодь и пробылъ у нея три ночи. Отъ нея онъ получилъ медъ пѣсни, и она же помогла ему выбраться изъ пещеры, послѣ чего онъ, въ образѣ орла, полетѣлъ обратно въ селенія боговъ. Получивъ медъ, Одинъ получилъ волшебный даръ пѣснопѣнья. И отъ него, перваго и высшаго изъ скальдовъ, получаютъ этотъ даръ тѣ, кто слагаетъ пѣсни на землѣ. (Vragnaröfurr, 3, 4).

Впослѣдствіи въ скандинавскомъ пантеонѣ появился, кромѣ Одина, специальный богъ пѣсни: Брати.

103, I „старый турсъ“—мудрый исполинъ Вѣфтрудниръ (обоготворенный, небесный), къ которому Одинъ приходилъ состязаться съ нимъ въ познаніяхъ. Что именно объ этомъ лицѣ (см. „Рѣчи Вѣфтруднира“) идетъ здѣсь рѣчь,—а не о Съттунгрѣ, какъ дальше,—подтверждается на мой взглядъ выраженіемъ „здравъ я вернулся“, являющимся какъ бы антитезою напутствія Фриггъ въ названной пѣсни. Провожая Одина въ путь къ исполину, Фриггъ говоритъ ему: „Здравымъ отправься, здравымъ вернись ты“.

(о. с. 4).

- Гуннлодь въ чертогѣ златомъ угостила
Медомъ завѣтнымъ меня;
Дѣвѣ воздалъ я недоброю долей 103
За преданность вѣрной души,
За любовь и заботу ея.
- Насладился напиткомъ я, добытымъ хитростью.
Мало тому недоступно, кто мудръ! 106
Такъ Одрѳорирь въ Асгардъ отъ турсовъ попалъ,
Въ чертогъ Властелина земли.
- Сомнѣваюсь, чтобъ выбрался я невредимымъ
Изъ земли исполиновъ тогда 107
Безъ поддержки отъ Гуннлодь, красавицы доброй,
Что лежала въ объятяхъ моихъ.
- Спозаранку на утро морозные турсы
Къ Гѳару въ жилище пришли 108
У Гѳара отвѣта просить:
„Въ чертоги боговъ возвратился-ли Бѳльверкръ
Или Сѳттунгромъ былъ онъ убитъ?“
- На кольцѣ клялся Одинъ великою клятвой:--
Кто вѣру словамъ его дастъ? 109
Взялъ медъ онъ обманомъ у сильнаго Сѳттунгра,
И Гуннлодь на горе обрекъ.

106, III Здѣсь „Одрѳорирь“ отнесено къ самому меду; въ другомъ мѣстѣ это названіе носить сосудъ, гдѣ медъ хранился.

108, I „морозные турсы“. Горные исполины и снѣговые, „морозные“, исполины,—повидимому, составляли двѣ категоріи.

109, I клятва на кольцѣ считалась особенно священной (на кольцѣ въ обычномъ смыслѣ слова, или на запястьи).

Въ данномъ случаѣ Одинъ, назвавшійся Бѳльверкромъ, по всей вѣроятности поклялся хозяину-исполину (заподозрившему его въ принадлежности къ ненавистному исполинамъ племени асовъ), что „Бѳльверкръ не асъ“ или что „ни одинъ изъ асовъ не зовется Бѳльверкръ“.

IV.

- Пора говорить мнѣ съ высокаго мѣста.
 У святаго источника Урдръ
 Стоялъ я въ молчаньи, стоялъ я и думалъ; 110
 Гара словамъ я внималъ.
 [Онъ руны открылъ мнѣ, совѣты давалъ мнѣ.
 На порогъ у Гара,
 Въ чертогъ у Гара,
 Вотъ что я слышалъ тогда]:
- Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
 Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
 На пользу себѣ ты исполнишь его: 111
 Среди ночи вставай—лишь гоняясь за недругомъ,
 Или если идешь по нуждѣ.
- Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
 Онъ прокъ принесеть, если примешь его,
 На пользу себѣ ты запомнишь его: 112
 Никогда не дѣли съ чародѣйкою ложа,
 Не ввѣряйся объятьямъ ея.
- Такъ она околдуетъ тебя, что забудешь
 Про собранье народа, про тингъ. 113
 Отъ людей ты уйдешь, отъ ѣды отобьешься,
 Отъ заботъ не спасеть тебя сонъ.
- Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
 Онъ прокъ принесеть, если примешь его,
 На пользу себѣ ты запомнишь его: 114

110, I Пѣвецъ собирается торжественно возвѣщать полученную имъ мудрость—въ собраніи, съ высокаго мѣста.

110, II Урдръ—первая изъ норжъ, дѣвъ судьбы: Прошедшее.

110, IV Гаръ—„Высокій“, названіе Одина.

Беззаконно не долженъ для страсти запретной
Ты чужую жену соблазнять.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его: 115
По горамъ или бѣромъ собираясь въ дорогу,
Запасайся надолго ѣдой.

[Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его: 116
Человѣку недоброму бояся довѣриться,
Особливо въ несчастьи твоемъ.
На довѣрье дурной человѣкъ не отвѣтитъ
Другому добромъ никогда.]

[Я видѣлъ, какъ жертвой навѣта злой женщины
Сталъ мужъ, не имѣвшій вины за собой; 117
Злой языкъ нашепталъ клевету нечестивую,
И принесъ невинному смерть.]

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 118
Если друга имѣешь, кому довѣряешь,
Чаще его посѣщай:
Зрастаютъ кустами и сорными травами
Тѣ дороги, гдѣ рѣдко идутъ.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 119
Коль знакомца нашелъ въ мудрыхъ рунахъ искуснаго,
Имъ прилежно учись, хоть всю жизнь.

Лóддфафнирѣ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онѣ прокъ принесетѣ, если примешь его.

На пользу себѣ ты запомнишь его.

120

Если друга имѣешь, напраснымъ разрывомъ

Бойся ты дружбу губить.

Скорбь источить тебя, если некому станетъ

Довѣрять заботъ своихъ боль.

Лóддфафнирѣ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онѣ прокъ принесетѣ, если примешь его;

На пользу себѣ ты запомнишь его:

121

Съ безтолковымъ болваномъ словесную распрю

Никогда и нигдѣ не веди.

Не бываетъ того, что-бъ дурной человѣкъ

Добромъ заплатилъ за добро;

122

Но всегда по заслугамъ воздастъ тебѣ добрый,—

Благомъ воздастъ за хвалу.

Та лишь дружба полна, гдѣ по правдѣ и прямо

Другу ты все говоришь.

123

Хуже всего съ своимъ другомъ быть скрытнымъ,

Отъ него свои мысли таить.

Лóддфафнирѣ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онѣ прокъ принесетѣ, если примешь его:

На пользу себѣ ты запомнишь его.

124

Съ недостойнымъ противникомъ въ споръ не вступай ты.

Бываетъ, что въ схваткѣ достойный слабѣе;

Бываетъ, что силой богаче негодный.

Лóддфафнирѣ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онѣ прокъ принесетѣ, если примешь его;

На пользу себѣ ты запомнишь его;

125

Башмаковъ не тачай и древковъ ты не дѣлай

Никому, какъ себѣ самому:

За худое древко, за башмакъ неудачный
Стануть зла тебѣ люди желать.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 125
Кто тебя оскорбитъ—мсти тому за обиду,—
Безнаказанно зла не спускай.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 127
Ничему ты худому не радуйся духомъ
И въ хорошемъ отраду ищи.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его;
На пользу себѣ ты запомнишь его. 128
Никогда, среди битвы, наверхъ не гляди ты—
Поражаетъ нерѣдко безумье мужей!
Часто гибельны чары врага.

Лоддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!
Онъ прокъ принесеть, если примешь его,
На пользу себѣ ты запомнишь его. 129
Если ласки любовной добиться желаешь
Отъ любимой красавицы ты—

125, IV древковъ. Для копій.

128, IV Не совѣмъ ясно, къ какой опасности относится это предостереженіе. Обыкновенно оно объясняется такъ: чары врага могутъ нагнать ошеломляющій страхъ на противника, если тотъ станетъ смотрѣть вверху.

Возможно, однако, что тутъ просто дается совѣтъ „не зѣвать по верхамъ“, а слѣдить за врагомъ, чтобы онъ не пустилъ въ ходъ чаръ.

Въ обѣщаньяхъ будь щедръ, и держи обѣщанья:
 Даръ хорошій всѣ рады принять.

[Лоддфакниръ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онъ прокъ принесеть, если примешь его;

На пользу себѣ ты запомнишь его. 130

Остороженъ ты будь, но отъ страха свободенъ—

За пивомъ хмельнымъ и съ чужою женою;

А также—борясь противъ хитрыхъ воровъ.]

Лоддфакниръ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онъ прокъ принесеть, если примешь его,

На пользу себѣ ты исполнишь его. 131

Не глумись ты надъ гостемъ, не смѣйся надъ странникомъ,

Издалека пришедшимъ въ твой край.

Кто дома сидитъ, разобрать можетъ рѣдко

Странника сердце и нравъ. 132

И никто не хорошъ такъ, чтобъ быть безупречнымъ;

И никто такъ не дуренъ, чтобъ не было добраго въ немъ.

Лоддфакниръ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онъ прокъ принесеть, если примешь его;

На пользу себѣ ты запомнишь его.

Никогда надъ пѣвцомъ посѣдѣлымъ не смѣйся; 133

Цѣнность есть часто въ рѣчахъ стариковъ.

Часто мудрость исходитъ изъ сморщенной кожи,

Подобной мѣхамъ тѣмъ сухимъ, что висятъ

Со шкурами снятыми, съ кожами жесткими,

Межъ рубцовъ закопченныхъ качаясь.

Лоддфакниръ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онъ прокъ принесеть, если примешь его;

На пользу себѣ ты запомнишь его. 134

133, VII Сушившіеся мѣха, кожи, полотки, телячьи рубцы, и т. п. вѣшались надъ очагомъ.

Морщинистое лицо старика сравнивается со сморщенною сухою кожею.

Не гони со двора чужестранца сурово;
 Дай ты путнику пищу и кровь.

Перетрется засовъ, если вѣчно для всякаго
 Должень ходить онъ взадъ и впередъ: 133

Не дари слишкомъ цѣннаго; дай хоть кольцо ты —
 Что-бъ никто не желалъ тебѣ зла.

[Лбддфафниръ, слушай, послѣдуй совѣту!

Онъ прокъ принесетъ, если примешь его.

На пользу себѣ ты исполнишь его. 134

Если ты охмелѣлъ, исцѣляйся землею.

[Отъ земли хмель минуетъ, болѣзнь отъ огня,
 Дубъ хорошъ для запора и колось отъ порчи,
 Спорынья противъ грыжи, свѣтъ мѣсяца противъ падучей,
 Выгонъ противъ чесотки скота, заговоръ отъ отравы],
 Отъ влаги излѣчитъ земля.]

135 I, II Иными словами: на всякаго не напасешься услугъ и подарковъ. Слѣдуетъ съ разборомъ дѣлать одолженія и не давать зря слишкомъ многого.

(136) Этого, довольно неумѣло вставленный въ лѣсню, перечень тогдашнихъ медицинскихъ средствъ не лишень интереса.

— IV Герингъ указываетъ, что въ южной Германіи существовало средство противъ опьяненія:—нюхать землю.

— VII Интересно, что спорынья и понынѣ считается у русскаго крестьянства хорошимъ внутреннимъ средствомъ: при трудныхъ родахъ и противъ грыжи.

— VI Что касается до дуба, то Герингъ ошибочно переводитъ „*vir abbinde*“ противъ запора („*die Siche heilt Stuhlzwang*“). Правда „*vir*“ можетъ значить и „противъ“, и „для“, и „при“, но въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рѣчь идетъ о средствѣ крѣпительномъ, а не наоборотъ, раздѣло касается дуба, т.-е. очевидно отвара дубовой коры или дубовыхъ листьевъ; то и другое будетъ несомнѣнно дѣйствительнымъ, и очень энергичнымъ средствомъ для запора (дуб. кисл.)

— VI Какимъ образомъ примѣнялись колосья отъ „порчи“—неясно. Быть можетъ, ихъ сжигали подъ головою „околдованнаго“ человѣка.

— VII О связи луннаго свѣта съ падучей существовало издавна и еще существуетъ вѣрованье у различныхъ племенъ. (Старое названіе эпилепсіи: *morbus lunaticus*.)

Всѣ́ Ğара слова возвѣстилъ я въ чертогѣ—
 Полезныя людямъ, безъ пользы для племени
 турсовъ. ит
 Благо сказавшему! благо внимавшему!
 Примѣни ихъ, узнавшій ихъ! Благо всѣмъ слы-
 шавшимъ!

V.

Девять ночей я качался на деревѣ,
 Подъ вѣтромъ повѣшенъ въ вѣтвяхъ,
 Раненъ копьемъ, въ жертву Óдинъ отдаю — 188
 Себѣ же—я самъ,
 На деревѣ старомъ, растущемъ высоко
 Отъ невѣдомыхъ міру корней.

Никто не давалъ мнѣ питья и питанія
 Взглядъ направлялъ я къ землѣ. 189
 Въ стenanіяхъ, руны вознесъ въ вышину я—
 Долу упалъ я тогда.

[Меня научилъ девяти заклинаньямъ
 Сынъ Бóльторна, Бэсли отецъ. 140

(138) Значеніе этой и послѣдующей строфы очень темно, и я предпочитаю не приводить здѣсь всѣхъ разнорѣчивыхъ и сложныхъ толкованій, вызванныхъ этими строфами: всѣ они слишкомъ неопредѣленны.

Съ несомнѣнностью явствуетъ изъ нихъ только одно: вѣщее знаніе рукъ, міровой мудрости и волшебствъ досталось Óдину путемъ великихъ добровольно перенесенныхъ страданій — какого-то тяжелаго жертвеннаго подвига, содержаніе котораго недостаточно выясняется изъ этого отрывка.

Дерево, о которомъ идетъ рѣчь—повидимому, міровой Ясень Иггдрасиль; предполагается, что съ этимъ мифомъ связано и его названіе („Носившій Иггра“?). Но все это не выходитъ изъ области догадокъ, построенныхъ на шаткихъ основаніяхъ.

Расходящіяся съ „общепринятыми“ взглядами, но логичныя и остроумныя толкованія этихъ строфъ см.: *Guido List, Das Geheimniß der Runen.*

(140) Эта строфа по ошибкѣ попала сюда изъ разсказа о медѣ пѣсни. Кто такой сынъ Бóльторна, неясно; возможно, что это Мймиръ, отъ котораго Óдинъ почерпнулъ часть своей мудрости.

И выпить я могъ заповѣднаго меда,
 Одрѣриръ я осушилъ.]

Сталь я расти и познанія множить,
 Здоровье и силы обрѣлъ. 141
 Слово отъ слова на благо являлось,
 Дѣло отъ дѣла рождалось чредой.

Руны найдешь ты, что въ дерево врѣзаны
 Съ силой великой,
 Съ силой цѣлебной. 142

Высшій Скальдъ ихъ окрасилъ, и боги ихъ создали,
 И рѣзалъ тѣ руны властитель боговъ,—
 Одинъ у асовъ и Двѣинъ у альфовъ,
 Двѣалинъ у карловъ, у йотуновъ Альсвиннъ;
 Многія рѣзалъ и я.

Знаешь-ли, какъ надо рѣзать?
 Знаешь-ли ты, какъ разгадывать?
 Знаешь-ли, какъ надо красить?
 Знаешь-ли, какъ вопрошать? 143
 Знаешь-ли ты, какъ молиться?
 Какъ приносить надо жертвы?

142, IV Высшій Скальдъ—Одинъ.

(142) Руны вырѣзались на прутьяхъ, на кусочкахъ дерева или коры, и послѣ покрывались (иногда) красящимъ веществомъ. Имъ приписывалась волшебная сила—при гаданьи и при различныхъ магическихъ дѣйствіяхъ. По мнѣнію большинства ученыхъ, тѣ волшебныя древнія руны, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь (и вообще въ пѣсняхъ Эдды фигурирующія руны), не тождественны съ тѣмъ, что впоследствии стали называть рунами, т.е. съ простыми письменами.

(143) Послѣ этой строфы пропускъ. Въ первоначальномъ текстѣ очевидно слѣдовали наставленія, касающіяся руны.

Нельзя не упомянуть о замѣчательной догадкѣ Г. Листа, нашедшаго въ послѣдующемъ перечнѣ зачатій (145—163) иносказательное описаніе всѣхъ 18-ти руны древняго алфавита вмѣстѣ съ символическимъ ихъ тол-

Знаешь-ли ты, какъ закласть?

Знаешь-ли, какъ сожигать?

Лучше совсѣмъ не молиться, чѣмъ жертвовать слишкомъ
усердно:

Награжденій за жертву всѣ ждуть. 144

Лучше вовсе не рѣзать, чѣмъ кровь лить безъ мѣры.

.

[Такъ Тундръ начерталъ въ стародавніе годы.
Гдѣ вернулся въ свой край, тамъ поднялся
онъ снова.]

VI.

Заклинанья я знаю, что людямъ невѣдомы,—

Даже знатнымъ и женамъ князей. 145

Имя первому: Помощь—помочь оно можетъ

Отъ обидъ, и скорбей, и заботъ.

И второе я знаю, тѣмъ людямъ полезное,

Что причастны искусству врачей. 146

.
.

Знаю третье я также, которымъ возможно

Врага волшебствомъ оковать: 147

Иступиться заставлю оружие противника,

Не сможетъ разить его мечъ.

Мнѣ извѣстно четвертое—если мнѣ свяжутъ

Гибкіе члены враги: 148

кованіемъ, и увлекательно доказывающаго свое положеніе изъ разбора текста. Доводы его достаточно убѣдительны, чтобы на эту теорію стоило обратить вниманіе специалистамъ. *Guido List, Das Geheimniß der Runen.*

144, V Тундръ — названіе Одина.

Прошепчу я заклятье и буду свободенъ—
 Узы снимутся съ рукъ
 И веревки съ ногъ.

Знаю пятое я—противъ стрѣль легкоперыхъ,
 Что недругъ направить на рать: 149
 Какъ бы живо ни мчалась—стрѣлу задержу я,
 Едва лишь увижу ее.

Шестое извѣстно мнѣ—противъ кореньевъ,
 Которыми вздумаетъ врагъ мнѣ вредить: 150
 Мой недругъ лихой, мою ненависть вызвавшей,
 Пострадаетъ самъ раньше, чѣмъ я.

Мнѣ извѣстно седьмое—пожаръ имъ уйму я,
 Если вспыхнетъ чертогъ, еще полный гостей; 151
 Какъ ни силенъ огонь, я смогу загасить его,
 Слово мощное противъ пожара скажу.

Мнѣ восьмое извѣстно—немалую пользу
 Принесло бы всѣмъ людямъ оно: 152
 Если распря межъ храбрыми вдругъ разгорится—
 Можно имъ миръ водворить.

Мнѣ извѣстно девятое: въ морѣ шумящемъ
 Мой корабль сохранить мнѣ оно. 153
 Усмирю ворожбою я бѣшенство бури,
 И вернется волнамъ тишина.

Мнѣ извѣстно десятое—вѣдьмамъ на гибель,
 Что по воздуху мчатся въ ночи. 154

(154) Вѣдьмы, колдуньи, согласно повѣрью, — совершаютъ свои злодѣянія, принявъ чужой образъ. Распространено было представление, что вѣдьмъ и имъ подобныхъ существъ можно погубить, если удастся помѣшкать имъ снова принять свой настоящій образъ. Возможно также, что здѣсь идетъ рѣчь объ эстеріоризации астральнаго тѣла. Тогда смыслъ ясенъ.

Околдую ихъ такъ, что потомъ не вернуться
 Имъ въ жилища свои
 И въ обличья свои.

Я знаю одиннадцатое—для боя:

Я съ нимъ провожаю въ сраженье друзей.

Я въ щитъ прокричу предъ началомъ сраженья— 155
 И здоровыми храбрые прынуть на брань,
 Воротятся здоровыми съ бранныхъ полей,
 Всѣ безбѣдно придутъ домой.

Я знаю двѣнадцатое—что-бы снялся

Повѣщенный съ вѣтки мертвецъ: 156

Я чертить буду руны, ихъ рѣзать и красить—
 И съ дерева мертвый сойдетъ,
 И со мною начнетъ говорить.

Я знаю тринадцатое—оно нужно,

Когда освящаютъ младенца водой: 157

Заворожу я отъ смерти въ сраженьяхъ—
 Сколько-бъ въ бой ни ходилъ онъ, въ бою
 не падеть.

Я владѣю четырнадцатымъ: перечту я

Всѣхъ небесныхъ свободно, что-бъ людямъ
 ихъ знать.

155, III „въ щитъ“ (когда онъ былъ подходящей формы) вообще кричали и пѣли въ сраженіяхъ: боевой кличъ, боевыя пѣсни—при чемъ щитъ служилъ просто для усиленія звука. Возможно, что при какихъ-нибудь условіяхъ этому дѣйствию приписывалось и магическое значеніе.

157, II Обычай обливать младенца водой, давая ему имя—существовалъ у германцевъ уже въ глубокой древности, задолго до распространенія христіанства.

Имена назову я всѣхъ асовъ и альфовъ— 138
 Это можетъ лишь мудрый имѣть.

.

Я владѣю пятнадцатымъ; въ домѣ у Дѣллингра 139
 Пѣль его Тйбдрэрирѣ, карло искусный;
 Асамъ мощь придавалъ онъ и карламъ отвагу,
 Мудрость вѣщую богу боговъ.

Я владѣю шестнадцатымъ; имъ я склоняю 160
 Равнодушную дѣву къ любви;
 Околдую я чарами душу красавицы,
 Измѣню ея помыслы всѣ.

[Я владѣю семнадцатымъ: имъ охраню я 161
 Отъ измѣны красавицы милой себя.]

.

.

[Всѣ семнадцать заклятій, что назвалъ я, Лбддфафнирѣ, 162
 Будутъ вѣкъ неизвѣстны тебѣ;
 Хоть на благо себѣ ты услышалъ-бы ихъ и на пользу за-
 помнилъ,
 На счастье себѣ научился-бы имъ.]

[Восемнадцатое я заклятье знаю, 163
 Ни жужамъ я, ни женамъ о немъ не скажу.
 Всѣхъ цѣннѣе то знанье, что знаешь одинъ ты:
 Я этимъ завѣты свои заключу.
 Той лишь развѣ откроюсь, съ кѣмъ ложе дѣлю,—
 Или той, кто сестра мнѣ родная.]

159, I Дѣллингрѣ—божество, отецъ Дня.

159, II О Тйбдрэрирѣ больше ничего не извѣстно.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Изреченія Высокаго“, имѣющіяся только въ Codex Regius 2365, представляютъ собою произведеніе собирательнаго характера, въ которомъ позднѣйшимъ составителемъ соединены въ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ, шесть различныхъ пѣсенъ, а, быть можетъ, и больше. Несомнѣнно, что пѣсни эти имѣли первоначально самостоятельныя заглавія, при чемъ только одно изъ нихъ—надо думать, IV (быть можетъ, вмѣстѣ съ послѣдующимъ)—носило названіе „Hovamóí“. Названіе это, по господствующему толкованію, должно быть переведено „Изреченія Высокаго“. Слово Hag (родит. пад. Hova) переводится „Высшій“ или „Высокій“; хотя существуетъ и толкованіе, что слово это означаетъ „Одноокій“¹⁾. Въ обоихъ случаяхъ, названіе это совершенно определенно относится къ Óдину. Послѣдній—не разъ говорящій о себѣ въ пѣсни отъ перваго лица,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже прямо называетъ себя.

Происхожденіе искусственнаго соединенія нѣсколькихъ пѣсенъ въ одну объясняется чрезвычайно просто: аналогичность содержания—житейскія наставленія и афоризмы, отрывки религіозныхъ идей—побудило составителя связать другъ съ другомъ разныя по источникамъ и цѣнности произведенія, объединивъ ихъ общимъ заглавіемъ и, по всей вѣроятности, прибавивъ отъ себя нѣсколько связующихъ стиховъ. Но еще и до этого объединенія, въ каждой отдѣльной пѣсни уже имѣлся рядъ вставокъ (отдѣльных стиховъ или цѣлыхъ строфъ), опять таки очень легко объяснимыхъ: когда дѣло касается старинныхъ изреченій и правилъ жизненной мудрости—тотъ, кто ихъ пишетъ или пересказываетъ, естественно бываетъ склоненъ присоединить подобныя изреченія одни къ другимъ, тамъ, гдѣ они представляются

¹⁾ На этотъ счетъ см. Могкѣ, ст. 32.

ему подходящими. Въ старое время это являлось вполнѣ обычнымъ приѣмомъ: подобный сборникъ изреченій былъ общимъ достояніемъ, и за пересказчикомъ подразумѣвалось право по своему расширять и дополнять его. Конечно, именно въ виду такой свободы вставокъ для изслѣдователя не всегда легко бываетъ опредѣлить размѣры этихъ вставокъ, когда ничто въ ихъ содержаніи не указываетъ опредѣленно на какую-либо эпоху или обстановку; потому что именно въ подобномъ сборникѣ изреченій возможны переходы и сопоставленія, психологическая связь которыхъ, иногда ускользающая отъ позднѣйшаго читателя, могла быть одинаковой и у первобытнаго автора ¹⁾ и первобытнаго составителя. Эту особенность мѣтко подчеркиваетъ Могкъ, которому я въ общемъ слѣдую въ настоящемъ разборѣ.

Въ тѣсной связи стоятъ три первыя части произведенія: первое собраніе изреченій и два эпизода изъ жизни Óдина. Если и мало вѣроятно, что эти части съ самаго начала фигурировали вмѣстѣ, то несомнѣнно, что онѣ соединены были издавна, гораздо раньше, чѣмъ къ нимъ прибавили все остальное. По мнѣнію Могка, II и III являются естественными иллюстраціями къ двумъ мотивамъ предшествующихъ изреченій.

Послѣднія вложены (вѣроятно, уже однимъ изъ первыхъ составителей) въ уста высшему Наставнику—Óдину. Óдинъ—богъ странствій и исканій, онъ Скиталецъ, онъ „Вѣгтамръ“, Привычный къ пути; обойдя множество странъ, онъ многое узналъ, онъ Многоопытный богъ. Исходя отсюда, ему вкладывается въ уста рядъ практическихъ завѣтовъ бывалаго, много видавшаго странника—прежде всего касательно требованій и принциповъ гостепріимства, а затѣмъ и по поводу человѣческихъ отношеній вообще. Могкъ мѣтко подчеркиваетъ въ этихъ завѣтахъ признаки здороваго мужественнаго міросозерцанія и типично-германскаго яркаго самосознанія; съ его

¹⁾ Конечно, объ „авторѣ“ тутъ можно говорить только въ относительномъ смыслѣ. Врядъ ли даже первый авторъ подобнаго произведенія заполнялъ его изреченіями, исключительно принадлежавшими его личному творчеству. Скорѣе всего онъ являлся въ большей степени выразителемъ собирательной народной мудрости, нежели самостоятельнымъ мыслителемъ.

мнѣніемъ объ этической строгости этого міросозерцанія можно также согласиться, если признать позднѣйшею интерполляціею стофы 45 и 46. По поводу яркаго самосознанія отмѣчу мимоходомъ одну характерную черту: высокую цѣнность, придаваемую посмертной славѣ, памяти о славныхъ дѣлахъ:

Сгинеть богатство, умрутъ твои родичи,
 Самъ ты умрешь въ свой чередъ;
 Можетъ одно лишь безсмертнымъ быть въ мірѣ—
 Слава великихъ заслугъ.

Этотъ мотивъ не разъ звучитъ среди изреченій, вкладываемыхъ въ уста вѣщему наставнику (28, 72, 76, 77), и каждый разъ съ такою силою, которая выдѣляется среди спокойнаго тона большинства житейскихъ наставленій; видно, что тутъ высказывается крѣпкое, въ плоть и кровь вошедшее убѣжденіе. Выраженія эддическаго автора въ этомъ случаѣ поразительно напоминаютъ передачу того же мотива у могучаго позднѣйшаго поэта, единственнаго міроваго поэта среди сыновъ средневѣковой Европы, въ жилахъ котораго несомнѣнно текла въ извѣстной мѣрѣ и германская кровь,— Данте ¹⁾, его вдохновенныя слова о посмертной славѣ и страстныя напоминанія ушедшихъ изъ міра душъ, даже грѣшниковъ среди адскихъ мукъ, чтобы ихъ имена не предавались забвенію. Сильный, гордый духъ чувствуется, когда рѣчь идетъ о доблести и славѣ, въ этихъ завѣтахъ вдумчиваго стараго сѣвернаго бойца, такъ же какъ и въ безсмертныхъ словахъ великаго флорентинца на зарѣ Возрожденія. Оба эти вдохновенія взрощены эпохою яркаго, мощно развивающагося индивидуализма, свободнаго, энергичнаго самоопредѣленія человѣческой личности. Для мужественнаго міросозерцанія Нраватѣ характерно также отношеніе къ смерти: несмотря на то, что для языческаго мудреца она является худшимъ изъ золь, что мертвый въ его глазахъ несчастнѣе всякаго живого несчастливца (69, 70, 71) — онъ требуетъ, чтобы человѣкъ без-

1) Фамилія Данте—Алигieri—несомнѣнно германскаго (лангобардскаго или готскаго) происхожденія, какъ показало современное изслѣдованіе. Она возникла либо изъ Altger, либо изъ Adalger — во всякомъ случаѣ изъ древняго германскаго имени. (См. *Œ. X. Fraiſ. Dante*).

боязненно могъ встрѣтить смерть, и съ презрѣніемъ отзывается о трусѣ, который самъ себя портитъ жизнь (15, 48). Высокій духъ чувствуется въ прекрасной строфѣ:

Сынъ королевскій долженъ быть сдержанъ,
 Мудръ и въ сраженіяхъ смѣлъ.
 Бодро и радостно вѣкъ свой живи ты,
 Пока не возьметъ тебя смерть.

(15)

Вслѣдствіе многочисленныхъ вставокъ, не все содержаніе этой части *Hǫvafǫl* равноцѣнно; на ряду съ глубокими и привлекательными нравственными воззрѣніями оказываются иногда самыя обыденныя соображенія (впрочемъ всегда проникнутыя мѣткою наблюдательностью и здравымъ смысломъ), а подчасъ и продукты сомнительной житейской философіи (45, 46). Въ строфѣ 73, а также въ трехъ заключительныхъ строфахъ оказывается богатый подборъ пословицъ и поговорокъ, внесенныхъ сюда явно извнѣ, даже съ нарушеніемъ первоначальнаго ритма пѣсни.

Основное, освобожденное отъ интерполляціи содержаніе этой части *Hǫvafǫl*—носить отпечатокъ большой древности. Оно считается возникшимъ въ Норвегіи, притомъ въ раннюю пору—въ IX вѣкѣ. По мнѣнію Могка, нѣкоторые отрывки (I) являются едва ли не древнѣйшими изъ всѣхъ сохранившихся памятниковъ древне-скандинавской поэзіи. Позднѣйшіе элементы въ этой пѣсни относятся къ X, XI, быть можетъ, даже къ XII вѣку ¹⁾.

Переходя къ эпизодамъ II и III части, нельзя не отмѣтить вмѣстѣ съ Могкомъ ошутительной перемѣны тона. Въ этихъ разказахъ о двухъ любовныхъ приключеніяхъ Óдина—изъ которыхъ въ одномъ онъ оказался обманутымъ, въ другомъ обманщикомъ—нарушенъ серьезный тонъ изреченій первой части, звучитъ мѣстами нѣсколько тяжеловатый юморъ (98); на ряду съ тонкою психологическою наблюдательностью—послѣ такихъ глубокихъ словъ какъ въ строфѣ 92,—бросается въ глаза мало привлекательное легкомысліе и еще менѣе привлекательная проповѣдь своекорыстнаго лукавства (90, 91, 105, 106, 109). Въ общемъ

¹⁾ См. Мюлленгофъ. *M ü l l e n h o f* „Deutscher Affectivitäts-Bunde“.

объ эти пѣсни—II и III—производятъ довольно непріятное впечатлѣніе ¹⁾. И это впечатлѣніе получается не отъ грубости образовъ—извѣстная здоровая грубость всегда присуща старой народной поэзіи и нисколько ей не вредить—а отъ низости нравственного уровня, чувствующагося въ передачѣ обоихъ эпизодовъ. „Лукавая дѣва“ во II и лукавый Óдинъ въ III—вполнѣ достойны другъ друга и не особенно располагаютъ къ себѣ. Но, въ данномъ случаѣ поговорка примѣнима буквально: изъ пѣсни слова не выкинешь.

Встрѣчались и такіе типы, были и такіе элементы въ жизни древне-германскаго духа; и если знакомство съ ними представляетъ мало художественно-привлекательнаго, то съ культурно-исторической стороны они далеко не лишены интереса.

Послѣ части III начинается вторая половина *Hovamóí*, совершенно независимая отъ первой, и сама состоящая изъ трехъ разнородныхъ составныхъ частей: Изреченій Лóддфафнира, Перечня рунъ и Перечня заклѣтій.

Я не вижу необходимости приводить здѣсь разнорѣчивыя мнѣнія о взаимоотношеніи этихъ трехъ частей. Отмѣчу только, что ихъ считаютъ почти съ несомнѣнностью произведениями разныхъ авторовъ, соединенными вмѣстѣ позднѣйшимъ составителемъ, вѣроятно, дополнившимъ ихъ нѣсколькими строфами собственнаго сочиненія. Въ Изреченіяхъ Лóддфафнира впервые оказывается ссылка на Ğара, какъ на перваго возвѣстителя передаваемой мудрости. Эта (IV) часть по внѣшнему построенію напоминаетъ первую: сборникъ изреченій. Но характеръ ея иной. Общій тонъ нѣсколько пессимистичнѣе: изобилуютъ предостереженія противъ дурныхъ людей и коварныхъ женщинъ, противъ лживыхъ друзей, противъ неосто-

¹⁾ Надо только удивляться, съ какимъ художественнымъ тактомъ, безъ всякой искусственности отстраняющимъ все несимпатичное, съ какою (хочется почти сказать: гениальною) чуткостью сумѣлъ использовать ихъ современный поэтъ Феликсъ Данъ; въ особенности II—въ своей прелестной мифологической новеллѣ „*Öðbjin's Nafne*“.

Мнѣ о Гуннлодъ использованъ очень удачно, хотя съ большой свободой, и поэтомъ-композиторомъ Корнелиусомъ въ его необычайно красивой по формѣ оперѣ „*Ginnlöb*“, проникнутой, несмотря на легкій налетъ романтизма, глубокимъ пониманіемъ духа германскихъ мифовъ. (Музыка и текстъ Корнелиуса; издана въ обработкѣ Бауснерна).

рожныхъ споровъ съ глупцами и т. д. Къ предостереженіямъ поэтъ вообще постоянно возвращается. Предостереженія противъ человѣческой лживости, глупости и злобы даютъ основной тонъ всему произведенію. Наряду съ этимъ замѣтно, какъ будто, болѣе тонкое психологическое пониманіе, болѣе развитое представленіе о человѣческихъ отношеніяхъ. Есть прекрасныя строки о дружбѣ (120, 123), видимо вышедшія изъ чуткой, тонко развитой души; но не чувствуется такой цѣльности и силы, какъ въ нѣкоторыхъ афоризмахъ первой части. Съ другой стороны, болѣе замѣтна неровность тона, видимо обусловленная позднѣйшими вставками и передѣлками. Рядомъ съ тонкими психологическими черточками попадаются архаическія предостереженія противъ колдовства (112, 128) и примитивныя житейскія наставленія (111). Въ комбинаціяхъ этихъ разнородныхъ элементовъ изслѣдователямъ пока еще не удается разобраться, не всѣ сходятся въ томъ, что считать интерполяціей и къ какой порѣ ее отнести. Несомнѣнно, однако, что все произведеніе создано гораздо позднѣе первой части и очевидно въ Исландіи.

Въ очень неясныхъ и различно толкуемыхъ строфахъ 138—141 передается недоговоренно и сбивчиво до сихъ порѣ опредѣленно не истолкованный миѣъ объ Óдинѣ, повидимому относящійся къ тому, какъ онъ, первый обладатель рунъ, самъ узналъ и постигъ ихъ. За этимъ, какъ указываетъ Могкъ, долженъ бы слѣдовать перечень рунъ (Rúnatal), подобный слѣдующему затѣмъ перечню заклятій, волшебныхъ пѣснопѣній (Líðpatal). Но первый почти цѣликомъ утраченъ; отъ него осталось только нѣсколько стиховъ (142—143). На мѣсто продолженія попалъ, повидимому, совершенно посторонній отрывокъ относящійся къ почитанію боговъ. Въ этомъ отрывкѣ, однако, есть замѣчательные стихи—начало 144 строфы. Если эта строфа вѣрно читается, то высказываемый въ ней взглядъ на жертвоприношенія заслуживаетъ большого вниманія; это взглядъ, который во всѣ времена оказывался возвышеннымъ и рѣдкимъ—все равно, относился ли онъ къ языческому или къ христіанскому богочитанію:

„Лучше совѣмъ не молиться, чѣмъ жертвовать слишкомъ усердно:

Награжденій за жертву всѣ ждутъ.“

Затѣмъ слѣдуетъ перечень заклинаній. Согласно общепринятому взгляду, въ этой части текста утрачено главно е—самый текстъ заклѣтій—и остались лишь, такъ-сказать, поэтическіе комментаріи къ нимъ.

Я рѣшаюсь здѣсь категорически высказаться противъ этого установившагося мнѣнія—послѣ знакомства съ неоднократно упоминаемымъ мною трудомъ Гвидо Листа „Das Geheimnis der Runen“, который высказываетъ и доказываетъ съ подавляющею убѣдительною, въ особенности для знакомаго съ оригиналомъ Эдды читателя,—что перечень заклинаній дѣйствительно заключается въ соответствующихъ строфахъ пѣсни, съ полнымъ ихъ содержаніемъ и толкованіемъ: только уясняется это изъ разсмотрѣнія эзотерическаго текста пѣсни, являющейся, какъ и „Прор. пров.“ однимъ изъ заповѣдныхъ, вполне доступнымъ только древнимъ посвященнымъ, откровеніемъ древне-сѣверной мистики.

Но разсмотрѣніе текста съ этой стороны составляетъ громадную и сложную задачу, не входящую въ рамки настоящаго труда; здѣсь я лишь считаю долгомъ напомнить еще разъ объ этой, сознательно оставляемой мною здѣсь въ сторонѣ, области. Ей посвященъ будетъ мною специальный, готовящійся къ печати, трудъ „Тайная Эдда“; до выхода его могу указать читателю лишь на названное и другія сочиненія Гвидо Листа (см. Лит. указ.), такъ какъ на русскомъ языкѣ по вопросу о древне-сѣверныхъ герметическихъ ученіяхъ не имѣется ничего, ни оригинальнаго, ни переводнаго.

Имя Лоддфафнира всплываетъ въ предпоследней строфѣ, приписываемой послѣдному составителю, объединившему три различныхъ произведенія и желавшему указать, что и послѣдняя часть относится тоже къ Лоддфафниру.

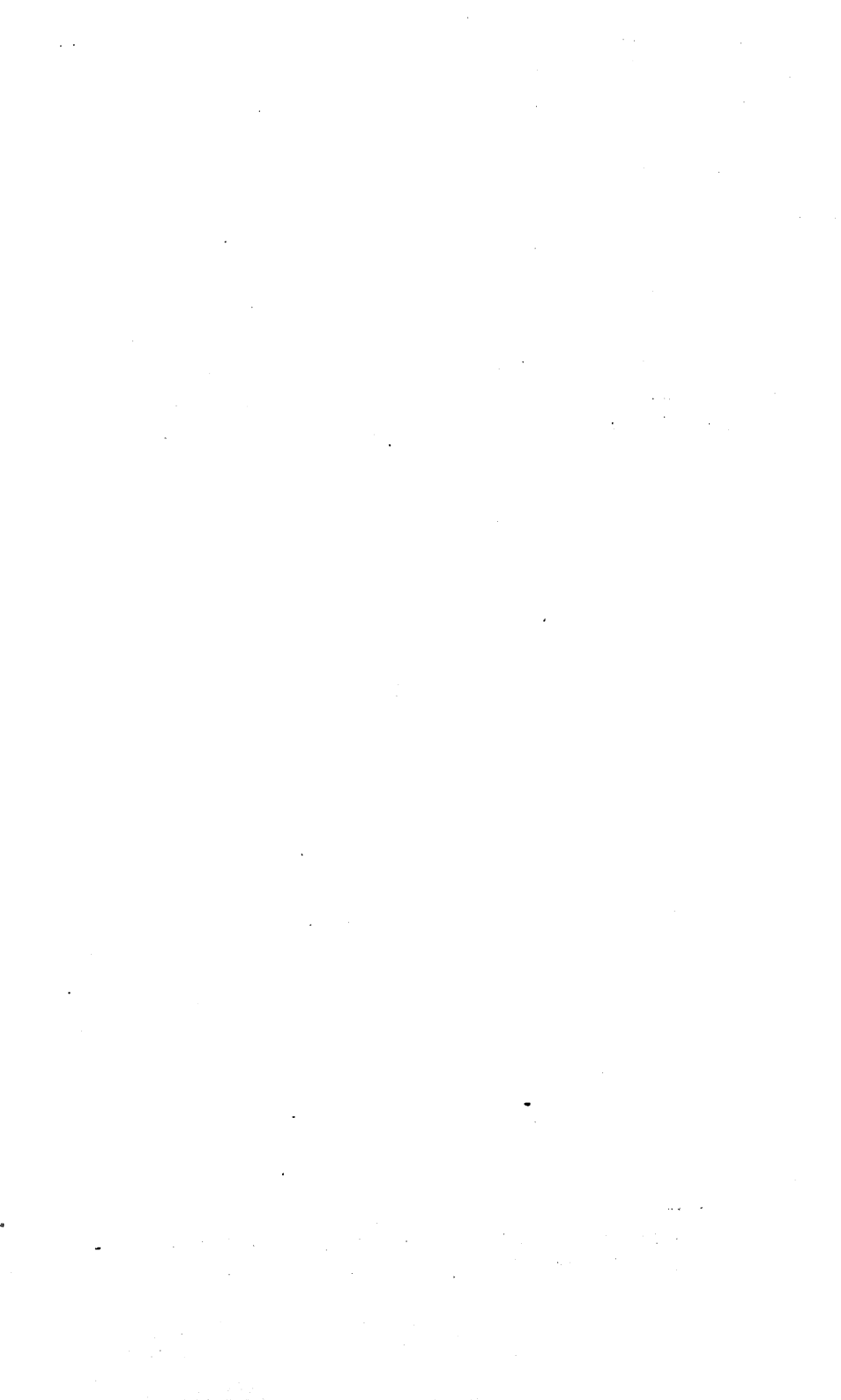
Интересенъ своеобразный мягкій лиризмъ заключительной строфы, гдѣ вѣщій мудрецъ говоритъ о послѣднемъ извѣстномъ ему заклѣтій; этого заклѣтія онъ не назоветъ никому на свѣтѣ.

Той лишь развѣ откроюсь, съ кѣмъ ложе дѣлю;
Или той, кто сестра мнѣ родная.

Мнѣ не представляется нужнымъ вдаваться здѣсь въ болѣе подробный анализъ „Изрѣченій Высокаго“ ¹⁾). Въ особенно распространенномъ комментарий эта пѣснь не нуждается; послѣ всего вышесказаннаго читатель самъ безъ труда разберется въ ея основныхъ элементахъ.

Сравнительно бѣдная мифологическими мотивами, она даетъ очень много съ культурно-исторической точки зрѣнія, освѣщая рядъ сторонъ въ психологii и міросозерцанii древне-сѣвернаго міра и заключая въ себѣ богатѣйшій бытовой матеріалъ, ярко обрисовывая множество чертъ въ домашнемъ, общественномъ и племенномъ существованii современниковъ этихъ „Изреченій“.

¹⁾ Обстоятельный и чуткій научный разборъ этой пѣсни (и ряда другихъ) имѣется у Мюлленгофа.

СКАЗАНИЕ О РИГЪ.

Въ древнихъ сагахъ разсказывается, что одинъ изъ асовъ, который назывался Геймдальльр, шель однажды своею доро- гою по морскому берегу и пришелъ къ жилью, и назвался (тамъ) Ригъ.

Объ этомъ сложена слѣдующая пѣсня.

Въ древнее время, зеленой дорогой,
Ась шель достойный, премудрый и старый—
Доблестный Ригъ, неустанный ходокъ.

1

.

Только въ позднѣйшей прозаической прибавкѣ сказано, что ась, о которомъ идетъ (1) рѣчь—именно Геймдальльр. Почти всѣ комментаторы считаютъ это указаніе правильнымъ. Однако, напр., Могъ держится того мнѣнія, что этотъ ась — не Геймдальльр, а Одинъ; и нельзя не признать, что въ пользу этого взгляда говоритъ многое: прежде всего самое описаніе мудраго, стараго странника; затѣмъ его роль наставника во всякой мудрости, рунахъ и чарахъ, и т. д.

Самое имя Ригъ — кельтское слово, означающее „король“. Я считаю умѣстнымъ сохранять и кельтское написаніе слова: Righ (не прибавляя на концѣ скандинавское „г“).

Во всякомъ случаѣ, сказаніе повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ боговъ, побывавъ на землѣ, послѣдовательно положилъ начало тремъ сословіямъ: рабовъ, свободныхъ земледѣльцевъ и благородныхъ ярловъ, и какъ отъ ярловъ пошла впослѣдствіи королевская власть.

„Сказаніе“ это — позднее, проникнутое извѣстною искусственностью, чуждою народному творчеству, и по идеѣ мало подходитъ къ свободолюбивому и патриархальному складу жизни древнихъ скандинавовъ, гдѣ вовсе не существовало рѣзкихъ преградъ между сословіями и были возможны самыя простыя отношенія между королемъ и любымъ пахаремъ, даже въ такія времена и при такихъ короляхъ, которые отличались большимъ самовластіемъ. (См. саги о Гаральдрѣ Гардрани).

Согласно обычному толкованію, авторъ этого произведенія имѣлъ въ виду прославленіе королевской власти; и, вѣроятно, въ лицѣ опредѣленной династіи. Утрата конца пѣсни не позволяетъ въ точности

Долго онъ шель серединой дороги;
 Прибыль къ жилью онъ съ дверями открытыми. 2
 Въ домъ онъ вошелъ. Быль огонь въ очагѣ.
 Двое супруговъ сидѣли тамъ рядомъ

 Прадѣдъ съ Прабабкой въ старинныхъ одеждахъ.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму. 3
 Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ,
 Слѣва и справа сидѣли супруги.

Хлѣбъ принесла имъ Прабабка къ обѣду,
 Съ толстою коркою, грубой, съ мякиною; 4
 Снѣди другія достала потомъ,
 Миску съ похлебкой на столъ подала.

выяснить, кто являлся главнымъ объектомъ возвеличенія автора. Последній во всякомъ случаѣ стремился показать, что всѣ сословія, особливо же королевское достоинство, обязаны своимъ происхожденіемъ божескому вмѣшательству. Возможно, однако, вопреки единогласному мнѣнію комментаторовъ, иное толкованіе—эзотерическое [не исключющее перваго, какъ и во всѣхъ мистическихъ аллегоріяхъ древняго эпоса, гдѣ общедоступная эзотерическая оболочка мифа никогда не является случайной выдумкой, а лишь заключаетъ истину такъ сказать низшаго разряда, за которою одни посвященные видѣли важнѣйшій смыслъ повѣствованія], а именно, что здѣсь идетъ рѣчь объ основаніи не различныхъ соловій, а различныхъ степеней посвященія, на которыя подраздѣлялись причастники высшей, мистической древней религіозной общины.

См. Общ. замѣч.

С.

(2) Возможно, что пропускъ въ этомъ мѣстѣ текста нѣсколько болѣе двухъ помѣченныхъ строкъ.

2, VI. Въ виду вполне опредѣленнаго значенія, которое имѣютъ въ этой пѣсни имена родоначальниковъ человѣческихъ сословій (Прадѣдъ и Прабабка, Дѣдъ и Бабка, Отецъ и Мать), является болѣе умѣстнымъ переводить эти имена въ самомъ текстѣ.

3, I „училъ ум-у-разуму“—представляется мнѣ наиболѣе подходящею передачей своеобразнаго выраженія подлинника: „kuppe feið gófr at segja“.

С.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
 Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились. 3
 Ригъ посередкѣ улегся на ложь;
 Справа и слѣва супруги легли.

Пробыль у нихъ онъ три дня и три ночи;
 Послѣ отправился сызнова въ путь. 6
 День шель за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

Сынъ у Прабабки родился тогда—
 Волосомъ черный и съ желтою кожею; 7
 Быль онъ водой орошенъ по обычаю,
 Сына родители назвали Трэль.

Кожа была на рукахъ его сморщена,
 Жилисты ноги, суставы въ узлахъ; 8
 Быль онъ сутулый, съ лицомъ некрасивымъ,
 Съ грубыми пальцами, съ толстыми пятками.

Сталь подростать онъ, здоровъ былъ и крѣпокъ;
 Силь набрался и трудился по дому. 9
 Лыко сталъ плестъ онъ, и связывать вѣники,
 Къ дому носилъ онъ валежникъ весь день.

Какъ-то зашла къ нимъ бродячая дѣвушка
 — Вся загорѣлая, въ шрамахъ ступни, 10
 Съ носомъ приплюснутымъ; Тиръ ее звали.

7, II черные волосы и желтая кожа — признаки не-германскаго происхожденія—были обыкновенными отличительными чертами рабовъ, т.-е. военноплѣнныхъ, захваченныхъ во время войнъ съ сосѣдними не-германскими народностями. (По большей части, очевидно, монгольской расы—финны, лапландцы и т. д.)

7, III Орошеніе водою младенца, когда ему давалось имя — древній (языческій) германскій обрядъ.

7, IV Трэль — рабъ.

10, 3 Тиръ — рабыня, невольница.

Въ домѣ сидѣла бродячая дѣвушка,—
 Сѣлъ съ нею рядомъ хозяина сынъ. 11
 Дружно болтали, другъ другу понравились;
 Спать стали вмѣстѣ. И минули мѣсяцы.

Дѣти рождались у Трѣля и Тиръ,
 Ихъ сыновей звали Фйбсниръ и Ёреймръ, 12
 Кѣфсиръ и Фульниръ, Клѣggi и Клурръ,
 Дигральди, Ёбсвиръ, Друмбръ и Дротръ,
 [Лѣggiальди, Лутръ. Всѣ поля удобряли,
 Козъ стерегли они, изгородь строили,
 Торфъ собирали, свиней разводили.]

Звались ихъ дочери Дрѹмба и Кѹмба,
 Окквинкальфа и Арѣннефа, 13
 Исья и Амбэттъ и Эйкентйасна,
 Тотругйфа и Тронубейна:

Отсюда пошло все сословье рабовъ.

Дальше шель Ригъ по дорогѣ широкой.
 Прибыль къ жилью онъ съ дверями открытыми; 14
 Въ домъ онъ вошелъ; былъ огонь въ очагѣ;
 Бабка и Дѣдъ были дома владѣльцами.

(12) Я не перевожу въ текстъ именъ сыновей Трѣля потому, что не для каждаго изъ нихъ установленъ точный переводъ. Особеннаго значенія они, въ отдѣльности, не имѣютъ. Важно только отмѣтить, что всѣ такъ или иначе связаны съ признаками рабскаго сословія: „Смуглы й“ (Ёбсвиръ) „Согбенны й“ (Лутръ) „Хлѣвникъ“ (Фйбсниръ) и т. д.

Посѣщеніе Ригомъ первой пары супруговъ положило начало существованію рабовъ.

(13) Имена дочерей аналогичны по своему значенію именамъ сыновей, они также указываютъ на рабское сословіе „Служанка“ (Амбэттъ), „Одѣтая въ тряпье“ (Тотругйфа), „Обрубокъ“ (Дрѹмба).

Дѣломъ хозяева заняты были.

Дѣдъ самъ трудился надъ ткацкимъ станкомъ:

— Кудри на лбу, борода вся расчесана;

Платье безъ складокъ; и ларь былъ въ углу.

Бабка съ куделью сидѣла, работала;

Ловко пряла она лёнъ для одеждъ.

16

— Лента надъ лбомъ, грудь нарядно повязана,

Шея въ платкѣ, на плечахъ были пружки.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.

{Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ,

17

Слѣва и справа усѣлись супруги.}

Вынесла Бабка имъ хлѣбъ для обѣда,

* Мягкій и чистый, сквозь сито просѣянный.*

18

Много на столъ она кушаній ставила;

Лучшее блюдо тамъ было телятина.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.

Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились.

19

Ригъ посередкѣ улегся на ложѣ;

Справа и слѣва супруги легли.

Пробылъ у нихъ онъ три дня и три ночи;

Послѣ отправился въ путь свой опять.

20

День шель за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

15, IV „Платье безъ складокъ“ — т.-е. хорошо скроенное и хорошо сшитое. Ларь въ углу свидѣтельствуеетъ о достаткѣ.

18, II Пропускъ въ текстѣ, восстанавливаемый мною по смыслу (въ духѣ остальныхъ аналогичныхъ антитезъ) на основаніи стрф. 4.

Сынъ народился у Бабки; водою
Облить онъ былъ, названъ Карломъ, спелёнанъ; 21
Русь былъ онъ, красенъ, съ живыми глазами.

.
Сталь подростать онъ, здоровъ былъ и крѣпокъ.
Дѣлалъ плуги онъ, быковъ запрягалъ, 22
Ставилъ постройки и стояла просторныя,
Поле пахалъ и телѣги сколачивалъ.

Карлу невѣсту во дворъ привезли,
Въ платьѣ изъ мѣха, съ ключами у пояса, 23
Въ брачномъ покровѣ; звалась она Сноръ.
[Бракъ заключенъ былъ, подарены кольца].
Вмѣстѣ супруги свой дворъ завели.

Дѣти рождались у дружныхъ супруговъ.
Гальръ, Дренгръ и Гольдръ сыновья назывались, 24
Тэгнъ, Смидръ и Брейдъ, Бундинскѣggi и Бонди,
Буи и Боди, Браттскѣггръ и Сѣггръ.

21, II Карлъ — древнее названіе свободного земледѣльца.

21, III „красенъ“—въ буквальномъ смыслѣ (не вмѣсто „красивъ“),
въ подлинникѣ: „...гауфан ок гјофан“. Имѣется въ виду красноватый,
грубый цвѣтъ кожи. С.

(23) Карлъ, представитель свободного сословія земледѣльцевъ, заклю-
чаетъ бракъ по народнымъ германскимъ обычаямъ, съ соблюденіемъ
извѣстныхъ установленныхъ обрядовъ,— что не могло имѣть мѣсто по
отношенію къ Трэллю; иноплеменики-рабы естественно исключались изъ
германскихъ правовыхъ отношеній. Прибавленная вполсѣдствіи стрк. 4
еще дополняетъ и подчеркиваетъ это представленіе — упоминаніемъ о
брачномъ обмѣнѣ кольцами. С.

23, IV Сноръ — „сноха“.

(24) Имена сыновей имѣютъ опять прямое отношеніе къ представляе-
мому ими сословію: Буи — „земледѣлецъ“, „пахарь“, Бонди — тоже,
Смидръ — занимающійся ремесломъ, и т. д.

Дочери Карла и Сноръ назывались,
 Снотъ, Брудръ и Свάνни, Св́арри и Спра́кки, 25
 Флйодъ, Спрундъ и Вифъ, Ф́йма и Р́истиль.
 Отсюда пошли земледѣльцы свободные.

Дальше шель Ригъ по дорогѣ широкой.
 Прибыль къ хоромамъ съ дверями на полдень 26
 Незапертыми; кольцо было въ двери.
 Въ домъ онъ вошелъ; полъ соломою былъ застанъ.

Рядомъ сидѣли тамъ Мать и Отець,
 Ласково въ очи другъ другу смотрѣли. 27
 Мужъ тетиву себѣ прочную виль,
 Стрѣлы точиль, лукъ рѣзбой украшалъ.

Мать улыбалась, любуясь собою,
 Платье свое, рукава оправляла, 28
 Поясъ, повязку,—съ монистой на шеѣ,
 Въ длинной одеждѣ съ узорами синими.
 [Брови блестящѣ, груди свѣтлѣ,
 Шея бѣлѣ холодного снѣга.]

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
 Ригъ въ серединѣ жилища сидѣлъ, 29
 Слѣва и справа усѣлись супруги.

мена дочерей—частью обыкновенныя обозначенія жены и хозяйки:
 Флйодъ — „Госпожа“, Снотъ — тоже, Вифъ — женщина, и т. д.,
 частью эпитеты, указывающіе на независимое сословіе: Св́анни — „Гор-
 дая“, Спра́кки — „Надменная“, Спрундъ — „Горделивая“, и т. д.

28, I, II Въ богатомъ жильѣ знатнаго человѣка хозяйка не принуждена
 все время работать; у нея есть досугъ полюбоваться собой и своимъ
 нарядомъ.

Скатерть съ разводами вынула Мать,
 Столъ она тонкою тканью накрыла. 30
 Послѣ блиновъ принесла она плоскихъ—
 Бѣлыхъ, пшеничныхъ, на столъ ихъ поставила.

Полныя были блюда еще поданы,
 Посеребренныя, — столъ весь заставленъ—
 Мясомъ и саломъ, и птицею жареной; 31
 Чаши съ виномъ серебромъ всѣ горѣли.
 Пили, болтали; часъ поздній насталь.

Странникъ хозяевъ училъ уму-разуму.
 Скоро онъ всталъ; на покой всѣ отправились. 32
 Ригъ посередкѣ улегся на ложѣ,
 Справа и слѣва супруги легли.

Пробыль у нихъ онъ три дня и три ночи;
 Послѣ отправился въ путь свой опять. 33
 День шель за днемъ, девять мѣсяцевъ минуло.

Мать родила; сына въ шелкъ завернула;
 Облить водой былъ онъ, названъ былъ Ярломъ. 34
 Бѣлъ онъ лицомъ былъ и волосомъ свѣтелъ;
 Молніей очи сверкали змѣинья.

Сталь подростать онъ въ просторномъ чертогѣ.
 Щить и копье онъ держать научился, 35
 Луки сгибать, тетивы къ нимъ привязывать,
 Стрѣлы готовить и копья метать,
 Плавать въ волнахъ и съ мечемъ управляться.

34, II Ярлъ — знатный вождь (впослѣдствіи иногда — королевскій наместникъ).

34, IV змѣинья. Эпитетъ употребленъ въ похвальномъ смыслѣ: блестящіе, умные глаза.

Ригь къ нему вышелъ изъ лѣса зеленаго,
 Съ нимъ говорилъ, обучалъ его рунамъ;
 Сыномъ признавъ, своимъ именемъ назвалъ.
 Ригь подарилъ ему земли наслѣдныя,
 Земли наслѣдныя, старый чертогъ.

36

[.

Ѣхалъ онъ лѣсомъ обратно во мракъ,
 Прибыль, по скаламъ замерзшимъ, домой.]

37

[Мечъ подымалъ онъ, щитомъ закрывался,
 Копья металлъ, погонялъ онъ коня.

38

Распри онъ вель и поля окровавилъ;
 Храбрыхъ разилъ, добывалъ себѣ землю.]
 Онъ восемнадцать дворовъ приобрѣлъ.

Щедро дарилъ онъ окольнымъ сокровища—
 Быстрыхъ коней, дорогіе уборы;
 Золото сѣялъ, запястья дѣлилъ.

39

Выслалъ онъ сватовъ дорогою водною;
 Къ Гёрсиру скоро послы его прибыли.
 Дочь его, бѣлая, съ тонкими пальцами,
 Стройная, умная, Эртой звалась.

40

Къ Ярлу во дворъ привезли бѣлолицую,
 Въ брачномъ нарядѣ, и бракъ былъ отпразднованъ.

41

36, IV, V Повтореніе въ оригиналѣ.

(37) По всей вѣроятности, пропускъ больше чѣмъ половина строфы. Возможно, что шла рѣчь о какомъ-то новомъ пути, совершенномъ избраннымъ сыномъ Рига. Но возстановить пробѣлъ невозможно. С.

38, V Вмѣстѣ съ Сіймонсомъ, отношу эту строку къ строф. 38; другіе начинаютъ ею 39. С.

40, II Гёрсиръ — названіе ярла, управлявшаго цѣлою областью (Саи нѣм.).

Зажили въ свѣтлыхъ хоромахъ супруги;
Счастливо жили, и дѣти рождались.

Старшій былъ Буръ, а второй звался Барнъ;
Адалъ и Йодъ, Моргъ и Арфи—ихъ братья; 42
Ниддунгръ и Сонръ, Нидръ, Свейннъ и Кундръ.
Младшимъ былъ Конръ. Научились всѣ скоро
Съ ловкостью плавать, въ тавлеи играть.

Ярла росли сыновья. Стали юноши
Дѣлать щиты и коней объѣзжать, 43
Копья кидать и оружье выдѣлывать.

Младшій же, Конръ, былъ и въ рунахъ искусенъ,—
Руны зналъ вѣщія, съ вѣчною силою; 44
Могъ защитить онъ въ сраженьи мужей,
Мечъ затупить могъ и море утишить.

Птичій онъ говоръ разгадывать могъ,
Пламя, и воду, и боль заговаривать. 45

.
Силу имѣлъ онъ восьми человекъ.

Въ мудрости рунъ съ нимъ Ярль Ригъ состязался,
И побѣжденъ былъ отецъ и наставникъ: 46
Конръ получилъ отъ учителя право
Ригомъ назваться и руны хранить.

Конръ проѣзжалъ разъ болотомъ и лѣсомъ;
Птицъ онъ ловилъ, тетеву онъ спускалъ. 47

(42) Имена не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго—кромѣ имени младшаго сына, К о н р ъ. Авторъ видимо связываетъ уже съ его именемъ и придаваемымъ ему эпитетомъ „молодой“—свою основную тенденцію, характеризуя въ его лицѣ носителя королевской власти: konr + ungr—конунгъ, король.

Крикнула съ вѣтки ворона охотнику:

„Конръ молодой, что ты птицъ ловишь здѣсь?

„Было-бы лучше коней погонять,

.....

.....

Въ путь поспѣшить и врага уничтожить.

„Данра и Данпра богаты владѣнья,

Земли ихъ лучше наслѣдїй твоихъ;

Правятъ искусно они кораблями,

Въ битвѣ отважны, въ оружїи свѣдущи“.

.....

48

49

48, IV восполнено по смыслу.

49, I Данръ и Данпръ. Несомнѣнно подразумѣваются датскїе вожди. Утраченный конецъ пѣсни очевидно повѣствоваль о томъ, какъ Конръ завоевалъ ихъ земли и, женившись на дочери датскаго вождя, сталъ первымъ датскимъ конунгомъ, королемъ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Сказаніе о Ригѣ“ сохранилось только въ Codex Wormianus Sp. Ed. (242), причѣмъ конецъ его оказывается утраченнымъ.

Могкъ считаетъ это произведеніе не норвежскимъ по происхожденію, а занесеннымъ изъ Даніи, основываясь на замѣтной тенденціи возвеличенія королевской власти, притомъ именно въ лицѣ датскаго короля ¹⁾. Время его возникновенія позднее, но въ точности не установлено.

Миеологическіе элементы въ немъ не играютъ существенной роли. Слѣдуетъ отмѣтить, что распространенный взглядъ на тождество личности Рига и Геймдальра имѣетъ своихъ противниковъ—между прочимъ въ лицѣ Могка, довольно убѣдительно защищающаго предположеніе, что подъ Ригомъ подразумѣвался не Геймдальръ, а Одинъ ²⁾. Нельзя отрицать, что характеристика Рига въ началѣ пѣсни дѣйствительно въ высшей степени подходит къ Одну ³⁾ и, напротивъ, не включаетъ въ себѣ ничего характернаго для Геймдальра.

Съ художественной стороны сказаніе не представляетъ особеннаго интереса; зато въ немъ заключается богатѣйшій культурно-историческій матеріалъ. Яркое и живое, мѣстами очень подробное изображеніе быта всѣхъ сословій, послѣдовательно выступающихъ въ повѣствованіи, заслуживаетъ большого вниманія и позволяетъ возсоздать довольно полную картину тогдашней повседневной жизни. Считаю необходимымъ здѣсь вкратцѣ высказать лично мой взглядъ на эту пѣснь—до сихъ поръ, сколько

¹⁾ Могкъ, ст. 47.

²⁾ *ibid.* ст. 48. Прозанческій текстъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія; какъ во всѣхъ другихъ пѣсняхъ, онъ является позднѣйшимъ приращеніемъ пересказчика.

³⁾ „Ась достойный, премудрый и старый“. Въ особенности „неустанный холокъ“. Аналогичное значеніе имѣетъ роль Рига, какъ наставника въ высшей мудрости, рунахъ, чарахъ и т. д.

мнѣ извѣстно, этотъ взглядъ не встрѣчается ни у одного изъ комментаторовъ Эдды,—между тѣмъ онъ естественно возникаетъ изъ внимательнаго сопоставленія ея текста съ тѣмъ, что извѣстно о древне-сѣверныхъ герметическихъ ученіяхъ. Мнѣ представляется возможнымъ (не говорю: несомнѣннымъ, но весьма вѣроятнымъ), что и „Сказаніе о Ригѣ“, подобно „Прор. Пров.“ и „Изр. Выс.“—заключаетъ, наряду съ прямымъ экзотерическимъ смысломъ „для толпы“ (не обманнымъ, а достойнымъ смысломъ; лишь не являющимся на дѣлѣ главнымъ содержаніемъ пѣсни)—скрытый смыслъ эзотерическій, доступный лишь древнимъ посвященнымъ мистическаго Сообщества Одина (на которое аллегорически намекають эпическія упоминанія о его „избранномъ воинствѣ“). Въ данномъ случаѣ, сокровенное содержаніе пѣсни составляетъ вовсе не установленіе сословія людскаго общества, но учрежденіе различныхъ степеней посвященія, на которыя раздѣляются всѣ участники каждаго мистическаго братства. Во всѣ времена и во всемъ мірѣ—число основныхъ степеней: 3. (Четвертую группу, низшую, составляютъ стоящія внѣ посвященія лица, соотвѣтствующія „рабамъ“ въ соціальной аллегоріи этой пѣсни). Замѣчу кстати, что названіе „королевскаго“ или „царскаго“ достоинства, какъ обозначеніе высшей (относительно 2-хъ первыхъ) степени посвященія—является также общепринятымъ въ мистической терминологіи всѣхъ временъ; оно удержалось также, напр., у Розенкрейцеровъ и Масоновъ. Размѣры и задачи настоящаго комментарія исключаютъ возможность остановиться здѣсь на изложеніи и обоснованіи этого толкованія данной пѣсни—какъ индизабительнаго изображенія установленія высшимъ духовнымъ Руководителемъ (Одиномъ, а не Геймдальромъ) основныхъ степеней посвященія среди людей. Но мнѣ представляется необходимымъ, во всякомъ случаѣ, указать на возможность такого толкованія—повторяю, высказываемаго здѣсь впервые. Читателю, знакомому съ герметическими ученіями и ихъ литературой, это указаніе даетъ въ руки нить, которая позволить ему отчасти самому прослѣдить въ текстѣ пѣсни элементы, натолкнувшіе меня на эту догадку. (Такъ, напр., ясная для каждаго, знакомаго съ мистической сим-

воликою, аллегорія характернаго образа: божественнаго гостя, покоящагося на ложѣ между двумя супругами; и т. п.). Подробное обоснованіе и изложеніе моего взгляда въ данномъ случаѣ—какъ и касательно всѣхъ остальныхъ, обладающихъ двойнымъ (экзотерическимъ и эзотерическимъ) содержаніемъ, пѣсенъ Эдды, прежде всего „Прор. пров.“ и „Изр. Выс.“— дано будетъ въ моемъ, подготовляемомъ въ настоящее время къ печати, специальномъ трудѣ: „Тайная Эдда“, составляющемъ разборъ эддическаго эпоса съ точки зрѣнія древне-сѣверной герметической науки и религіи—области, донинѣ ни разу даже не затронутой въ русской, переводной или оригинальной, литературѣ.

ПѢСНЬ О ГИ^хНДЛѢ.

Фрѣйа сказала:

Дѣва, проснись! Пробудись ты, подруга!
Гиндла, сестрица, въ пещерѣ живущая!
Черна теперъ ночь; ѣхать надобно намъ
Къ Валгѣллѣ священной, къ чертогамъ боговъ.

Ратей Отца мы попросимъ о милости;
Къ храбрымъ онъ щедръ на дары:
Даль Гѣрмодру шлемъ онъ и крѣпкую броню,
Мощный далъ Сигмундру мечъ.

(1) Фабула пѣсни такова. Молодой витязь Отгаръ изъ Гордаланда, пользующійся благосклонностью богини Фрѣйи, прибѣгнулъ къ ней за помощью въ трудномъ дѣлѣ: онъ побился объ закладъ со своимъ соратникомъ Ангантиромъ о томъ, чей родъ знатнѣе и древнѣе. Мольбами и жертвами Отгаръ добился отъ Фрѣйи согласія доставить ему побѣду въ спорѣ. Фрѣйа волшебствомъ превращаетъ Отгара въ златошерстаго вепря Гильдисвини (подобнаго тому, который имѣлся у Фрѣира) и ѣдетъ верхомъ на немъ къ жилищу вѣщей исполниши Гиндлы, отъ которой она хочетъ услышать перечисленіе всѣхъ древнихъ родовъ и славныхъ героевъ, которымъ Отгаръ приходится родичемъ. (Съ тѣмъ, чтобы Отгаръ на другой день могъ, въ спорѣ съ Ангантиромъ, пересказать все слышанное) Фрѣйа будитъ исполнишу отъ сна и зоветъ ее съ собою въ Валгѣллу, чтобы тамъ, на священномъ мѣстѣ, повѣдать ей свою мудрость.

Несовсѣмъ понятно, почему Гиндлѣ надо для этого ѣхать въ Валгѣллу; быть можетъ, Фрѣйа, скрывающая отъ исполниши, что Отгаръ находится съ нею, хочетъ увѣрить Гиндлу, что она должна говорить для собравшихся въ Валгѣллѣ боговъ, а не для одной Фрѣйи. Быть можетъ, Фрѣйа просто хочетъ выманить исполнишу изъ ея жилища, чтобы она оказалась въ ея власти и въ послѣдствіи была принуждена исполнить другую ея просьбу: дать Отгару волшебнаго „памятнаго пива“—чтобы онъ запомнилъ и могъ использовать полученныя знанія.

2, III Гѣрмодръ—воинственный богъ, сынъ Одина.

2, IV Сигмундръ—витязь, которому покровительствовалъ Одинъ: отецъ величайшаго изъ героевъ, Сигурдра.

[Тому дасть побѣду, другому богатство,
 Иному дасть мудрость и мѣткость въ рѣчахъ; 3
 Скальду даръ пѣсни, пловцу вѣтръ попутный,
 Мощное мужество смѣлымъ бойцамъ].

Буйнаго Торра мольбами и жертвами
 Склоню я, чтобъ милостивъ былъ онъ къ тебѣ. 4

.
 Хоть онъ и не жалуешь женъ исполиновъ.

Проворнаго волка изъ стойла ты выведи;
 Съ тобой я поѣду на вепрь моемъ. 5

Гиндла сказала:

Мало годенъ твой вепрь для дороги къ богамъ!
 Миѣ жъ лиховаго коня утрудать не охота. 1)

Провести меня хочешь ты, хитрая Фрэйа!
 По глазамъ твоимъ вижу, обманъ ты замыслила. 6
 Здѣсь твой милый съ тобою: дорогою мертвыхъ
 Направляется Оттаръ, сынъ Иннстейна юный.

3, 4, V—VIII Объ умиловленіи Торра упоминается особо, такъ какъ среди боговъ онъ — главный врагъ и истребитель исполиновъ, уже отъ одного ихъ вида приходящій въ ярость и готовый разить, не разбирая, великановъ и великаншъ. (Ср. „ . . о Путн.“ Общ. Зам. Также „Ск. о . .“, 41).

3, IV Исполинши и колдуньи ѣздятъ на волкахъ. Своего волка Гиндла и называетъ „лихимъ конемъ“.

6, III дорогою мертвыхъ—т.е. въ Валгáллу, куда бойцы попадаютъ только по смерти.

1) Надо оговорить поправку Бугге „golt míni“, вслѣдствіе которой нужно относить эти 2 стиха къ рѣчи Фрэйи. У Геринга—какъ здѣсь.

Фрѣя сказала:

Бредишь ты, Гиндла! Во снѣ ты, должно быть,
 Мнѣ говоришь, что мой милый со мною. 7
 Здѣсь вѣдь только мой вепрь съ золотою щетиною—
 Гильдисвѣни, скакунъ мой, что карлы искусные
 Дáиннъ и Нáбби когда-то мнѣ сдѣлали.

Время съ сдѣлать сойти намъ; въ чертогъ мы сядемъ;
 Будемъ рѣчи вести о мужахъ благородныхъ, 8
 О томъ, какъ повелся ихъ родъ отъ боговъ.

Объ великій закладъ межъ собою побились
 Ангантирь сильный и Оттаръ, сынъ Иннстейна; 9
 Я на помощь приду молодому воителю,
 Что-бъ досталось ему все наслѣдье отцовъ.

Алтарь изъ камней для меня онъ поставилъ;
 — Въ стекло, отъ огня, переплавился камень, — 10
 Много разъ онъ окрашенъ былъ жертвенной кровью;
 Прѣданъ былъ издавна Оттаръ богинямъ.

Разскажи мнѣ теперь о земныхъ племенахъ,
 Перечти въ каждомъ родѣ потомковъ и предковъ:

(7) Послѣ этой строфы очевидно слѣдовало сообщеніе о томъ, какъ Фрѣя и Гиндла отравились въ путь.

(8) Герингъ объясняетъ эту строфу такъ: Фрѣя и ея спутница при-
 были къ Валгáллъ и сходятъ со своихъ скакуновъ, чтобы начать поучи-
 тельную бесѣду.

Другое толкованіе см. у Могка.

9, IV наслѣдіе отцовъ, очевидно, должно было достаться вы-
 игравшему закладъ.

10, II Жертвы приносилъ такъ обильно и часто, что отъ жертвеннаго
 огня расплавились камни алтаря.

[Кто Скийльдунговъ сынъ, кто Скийлфингамъ родичъ, 11
 Кто изъ Одлинговъ рода, изъ Йльфинговъ кто?]
 Кто владѣльцемъ простымъ, кто отъ знатныхъ родился,
 Кто отпрыскъ отъ племени избранныхъ въ Мидгардѣ?

Гиндла сказала:

Йннстейнъ на свѣтъ произвелъ тебя, Оттаръ.
 Отецъ тому Йннстейну—Старый былъ Альфрѣ. 12
 Альфрѣ сыномъ былъ Ульфра, Ульфрѣ—Сѣфари сыномъ,
 А Сѣфари—Свана, что прозванъ былъ Краснымъ.

Я знаю, что бракъ заключилъ твой отецъ
 Со жрицею Глѣдись, украшенной золотомъ; 13
 Отцомъ ей былъ Фрѣди, а матерью Фриуадъ,
 Прославленъ и древенъ былъ весь ея родъ.

[Былъ нѣкогда Али сильнѣйшимъ изъ витязей.
 А раньше былъ Гальфданрѣ изъ Скийльдунговъ лучший; 14
 Прославленъ въ бояхъ былъ воитель великій,
 По свѣту далеко молва о немъ шла].

ри помощи Эймундра, мощнаго мужа,
 Холоднымъ булатомъ осилилъ онъ Сигттригра: 15
 Женился на Альмвейгъ онъ, доблестной дѣвѣ,
 И было у нихъ восемнадцать дѣтей].

(12) Съ этой строфы начинается длинный рядъ генеалогическихъ свѣдѣнй, которыми устанавливается родство между Оттаромъ и чуть ли не всѣми прославленными героями и властителями древне-скандинавскихъ преданй.

Подробно разбирать эти свѣдѣнйя я не вижу надобности, такъ какъ судьба того или иного изъ упоминаемыхъ лицъ не имѣетъ, въ сущности, никакого отношеня къ „Пѣсни о Гиндлѣ“.

Довольно обстоятельныя указаня имѣются у Геринга въ нѣмецкомъ переводѣ Эдды, ст. 117—126.

[Оттуда всѣ Скійльдунги, Скійфинги тоже,
Оттуда всѣ Йльфинги, также и Ёдлинги. 16
Сословье владѣльцевъ наслѣдныхъ и знатные,
Всѣхъ избранныхъ въ Мидгардѣ племя великое].
[И сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Ёттары]

Гйльдигудръ матерью Фриундъ была.
Родители Гйльдигудръ—Свава и Сэконунгъ. 17
Сродни тебѣ всѣ, неразумный ты Ёттары!
Важно знать тебѣ много—слушать желаешь ты?

[Дагръ Тору взялъ въ жены. Мужей знаменитыхъ
Славная витязей мать родила: 18
Сыны ея Фрадмарръ и Гирдръ, оба Фрѣки,
Амръ и Йбсурмаръ и Старый Альфръ.
(Еще много я знаю—желаешь ты слушать?)]

Быль Кетиль мужъ Гйльдигудръ, Клиппа наслѣдникъ.
Быль онъ отцомъ твоей бабки по матери. 19
Въ прежніе дни еще Фрѣди и Кари
Жили; быль Гѣальфръ отъ Гильдръ рождень.

Помянуть еще надо мнѣ Нанну, дочь Нѣккви.
Ея сына женѣ—братъ родной твой отецъ. 20

16, II Изъ Йльфинговъ родомъ былъ славный герой Гельги.

16, V Всѣ обращенія къ Ёттару считаются позднѣйшими прибавками, такъ какъ по первоначальной концепціи сказанія Гйндла не знаетъ, что Ёттаръ слышитъ ея слова. Вообще въ этой части несомнѣнно много интерполяцій — кромѣ достовѣрно установленныхъ (обозначенныхъ мною въ текстѣ, по обыкновенію, скобками). Читатель долженъ все время имѣть въ виду, что вся эта пѣснь, благодаря обилію вставокъ и пропусковъ, границы которыхъ поддаются лишь приблизительному опредѣленію—представляетъ собою произведеніе совершенно искаженное, очень далекое отъ первоначальнаго древняго подлинника.

С.

20, II Не удалось избѣгнуть неясности въ построеніи фразы. Смысль таковъ: „твой отецъ—родной братъ жены ея сына“.

Многолюденъ ихъ родъ, еще многихъ я знаю;
Ты всѣмъ имъ сродни, неразумный ты Оттаръ!

Былъ Йсульфру, Óсульфру Óльмодръ отцомъ;
И Скүргильдръ, Скéккиля дочь, назову. 21

Со всѣми ты кровными узами связанъ,
Ты всѣмъ имъ сродни, неразумный ты Оттаръ!

Гримръ суровый и Гүннарръ, Стѣна по прозванью,
Тóриръ, Щитъ крѣпкій, и Ульфрръ, Жадный Волкъ, — 22
Знаю я всѣхъ, и Брóдда и Гóрви;
Грóльфу служили тѣ витязи старому.

Гёрвардъ и Гйóрвардъ, Грани и Ангантиръ, }
Бúi, Бра́ми, и Гáддинги оба; 23
Ба́рри и Тиндръ, также Тírфингръ и Рёфниръ.
[Сродни тебѣ всѣ, неразумный ты Оттаръ!]

Родились на востокъ берсёркеры, въ Большѣ,
На свѣтъ произвелъ ихъ отъ Эйфуры Арнгримръ; 24
Вездѣ они, дикіе, сѣяли гибель,
Пожаромъ прошли по землѣ и морямъ.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

Всѣ погибли, богамъ принесенные въ жертву,
Они, молодые сыны Йóрмунрёкра; 25
Былъ въ родствѣ съ нимъ—запомни слова мои!—Сйгурдръ,
Изъ мужей самый славный; имъ Фáфниръ сраженъ.

23, I Восполнено Мунхомъ на основаніи перечня сыновъ Арнгримра въ другихъ источникахъ.

25, II Йóрмунрёкръ—историческое лицо, готскій король Эрмарихъ. Саги рисуютъ его (неизвѣстно, на основаніи ли дѣйствительныхъ фактовъ) беспощаднымъ кровожаднымъ тираномъ, губившимъ своихъ близкихъ, между прочимъ, казнившимъ своего сына Рандвэра.—Одно сказаніе повѣствуетъ о томъ, какъ погибли по винѣ злого совѣтника Йормунрекра всѣ его сыновья.

25, IV Фáфниръ—исполинскій драконъ, котораго убилъ Сйгурдръ, славнѣйшій изъ героевъ.

Изъ Вельсунговъ родомъ былъ Сигмундра сынъ;
 Изъ племени Граудунга Гйордисъ была. 26
 Родился изъ племени Одлинговъ Эйлими.
 [Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

Былъ Гьюкки родителемъ Гогни и Гуннара,
 И Гудрунъ тѣмъ братьямъ родная сестра. 27
 Но Гуттормръ родился на свѣтъ не отъ Гьюкки,
 Хоть третьимъ онъ братомъ считался въ семьѣ.
 [Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

Изъ рожденныхъ отъ Гвэды всѣхъ лучше былъ Гаки;
 Дочерью Гйорвардра Гвэда была. 28

Гпрорекра сыномъ былъ Гаральдръ, Зубъ боя,
 Святель колець, рожденный отъ Аудъ.
 Мудрая Аудъ была дочерью Йвара; 29

26, I, II сынъ Сигмундра—Сигурдръ; Гйордисъ—его мать.

(27) Съ родомъ Гьюкки вступилъ въ родство Сигурдръ.

27, III Гуттормръ, рожденный женою Гьюкки, былъ не сыномъ его, а пасынкомъ.

По другой версиі сказанія не Гуттормръ, а Гогни былъ иного происхожденія, чѣмъ остальные дѣти Гьюкки: его произвелъ на свѣтъ темный духъ, чарами завладѣвшій, во время сна, женою Гьюкки. (Сага о Тидрекрѣ). Въ обѣихъ версіяхъ тотъ же основной мотивъ: потомкомъ темнаго духа является убійца Сигурдра [по однимъ вариантамъ—Гогни, по другимъ—Гуттормръ], прекраснѣйшаго олицетворенія свѣтлыхъ началъ—величайшей чистоты и доблести, воплотившихся въ славнѣйшемъ изъ героевъ. Судьбы всѣхъ поименованныхъ лицъ разсказываются въ циклѣ пѣсенъ о Сигурдрѣ.

29, I Зубъ боя—Hildetan—прозваніе.

29, II Святель колець—вождь, конунгъ, раздающій кольца приближеннымъ. Кольца по большей части замѣняли монету. „Святъ кольца“—означало быть щедрымъ съ воинами, съ дружиною.

Рандвэру Радбадръ родителемъ быть.
[Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!]

.....

[Одиннадцать асовъ въ живыхъ оставалось:
Готовъ былъ для Бальдра костеръ погребальный.

Не медля отмстилъ за умершаго Вали 30

И брата убійцу храбрець умертвилъ.

(Сродни ты имъ всѣмъ, неразумный ты Оттаръ!)

[Бальдра отецъ былъ наслѣдникомъ Бора...

..... 31

.....

.....

[Фрэйръ взявъ въ жены дочь Гимира, Гердръ,—
Аурббда ее родила исполину. 32

(30) Отсюда начинается вставка изъ другой пѣсни, не относящейся сюда. По аналогіи сюжета съ „Прорицаніемъ Провидицы“ ее иногда называютъ „краткою Völuspá“.

30, I О томъ, что асовъ всего 12—упоминается неоднократно. Однако при подсчетѣ всѣхъ тѣхъ, кого называютъ асами, оказывается ихъ большее число.

Вѣроятно, къ старому мифологическому представленію о 12 асахъ прибавились впоследствии божества иного происхожденія. Частью это определению извѣстно. Такъ, водяной богъ Нйордръ и дѣти его, Фрэйръ и Фрэйа—неоднократно упоминаемые въ качествѣ асовъ—по происхожденію принадлежать къ Ванамъ. Лѣки, также причисляемый къ асамъ, связанъ съ ними не родствомъ, а лишь союзомъ съ Однимъ—являясь одинаково чуждымъ и асамъ и ванамъ (и исполнямъ) порожденіемъ извѣчнаго Хаоса. Такъ или иначе, общее число боговъ было болѣе 12—повидимому 18, либо 27; во всякомъ случаѣ, одно изъ мистическихъ чиселъ, разлагаемыхъ на 9 и 6. То же имѣетъ мѣсто и во всѣхъ міровыхъ космогоніяхъ.

31, I отецъ Бальдра, наслѣдникъ Бора—Одинъ.

32, IV Скади, дочь Тйащи, впоследствии стала женой бога морей Нйордра.

И Тйáци былъ сынъ исполиняго племени—
Турсъ необузданный, Скáди отецъ.

[(Ты немало узналъ; еще больше скажу я.)
(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?)] 33

.
[Родились у Грѣмнира Грѣстйофръ и Гейдръ. 34

[Отъ Вѣдольфа въ свѣтѣ явились провидицы,
Отъ Вѣльмейда племя волхвовъ повелось; 35
Изъ рода Свѣртгофди пошли чародѣи,
Изъ племени Ймира всѣ исполины.

[(Ты немало узналъ, еще больше скажу я.) 36
(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?)]

Народился одинъ въ стародавнюю пору
Воитель могучій изъ рода боговъ: 37
Девять тогда исполиншъ породили
Храбраго бога у края земли.

Родила его Гйальпъ, родила его Грейпъ,
Эйргйафа, Эйстла родили его, 38
Ангея, Ульфрунъ родили его,
Имдръ родила, Йсарнсáкса и Áтла.

[Питала взроставашаго сила земная,
Кровь вепря, и воды морей ледяныя]. 39

(34, 35) Въ этихъ и въ послѣдующихъ строфахъ много неяснаго.

(39) Геймдáллъръ, небесный стражъ боговъ, сынъ Óдина и девяти исполиншъ.

Это происхожденіе Геймдáллъра принадлежитъ къ до сихъ поръ темнымъ мифологическимъ вопросамъ. Матери его—по всей видимости, морскія волны. Имена ихъ, не всѣ съ несомнѣнностью переводимыя,—частью, во всякомъ случаѣ, указываютъ на связь съ морскою стихіею („Бурнобѣгущая“, „Шумящая“, „Грозная“ и т. д.).

[Народился одинъ благороднѣ всѣхъ—

Питала взроставащаго сила земная— 40

Изъ всѣхъ повелителей самый онъ лучшій,
Со всѣми онъ семьями въ кровномъ родствѣ.

[(Ты немало узналъ; еще больше скажу я.)

(Много знать тебѣ надо—желаешь ли слушать?) 41

[Отъ Ангрбоды и Лóки родился Волкъ Фенрирь;

И родилъ Лóки Слэйпнира отъ Свадильфари. 42

Всѣхъ чудовищъ страшнѣй порожденье ужасное,
Что на свѣтъ произвелъ еще Бйлейптра братъ.

[Полусоженное женское сердце

Лóки нашель подъ углями, и съѣлъ; 43

Плодь зáchалъ Лоптръ отъ проклятой жены—

И отсюда пошли всѣ чудовища злыя.

.....

[Къ самому небу вздымается море,

Заливаетъ всѣ земли—и воздухъ мертвѣеть; 44

Вьюги снѣжныя воютъ, и вихрь ледяной:

Близится гибель великихъ боговъ.

(40) Неясно, о комъ идетъ рѣчь.

42, III страшнѣе всѣхъ чудовищъ—несомнѣнно, великій міровой Йормунгандръ, котораго также родила отъ Лóки Ангрбода; третьимъ дѣтищемъ этого брака была Гэль—Смерть.

О Бйлейптрѣ, братъ Лóки, нѣтъ болѣе подробныхъ свѣдѣній.

(43) Неизвѣстно, къ какому мнѣю относится эта довольно темная строфа. Если принятое чтеніе текста вѣрно, то изъ него во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что Локи, забеременѣвъ отъ съдѣннаго имъ женскаго сердца, произвелъ на свѣтъ одно или нѣсколько чудовищъ, отъ которыхъ потомъ пошли „всѣ“ остальные.

Едва ли однако по мысли автора дѣйствительно отъ Лóки пошли всѣ чудовища безъ исключенія. Напр., Нйддгоггръ, повидимому, не въ родствѣ съ нимъ.

(44) Здѣсь отрывокъ изъ описанія кончины міра.

Но богъ еще будетъ съ великою мощью—
Имя его я не смѣю назвать. 15
Немногіе знаютъ, что дальше настанетъ
Послѣ боя послѣдняго Одина съ Волкомъ.]

.

Фрѣя сказала:

Сохраняющимъ знанія памятнымъ пивомъ
Дай напитокъ ты вепрю теперь моему. 16
Чтобъ на третій онъ день эти рѣчи всѣ помнилъ—
Какъ свой родъ вспоминать стануть Оттаръ и Ангантиръ.

Гѣндла сказала:

Уходи отъ меня! Отдохнуть собираюсь я.
Ничего не получишь ты, спать я хочу! 17
По ночамъ ты, дружокъ, за мужами гоняешься—
Какъ торопится Гейдрунъ къ козламъ, похотливая.

Одръ любовникъ твой былъ; и немало другихъ
Твой подоль задираютъ, чтобъ быть между бедеръ. 18
По ночамъ ты, дружокъ, за мужами гоняешься.

45, I Въ этой строфѣ видятъ вліяніе христіанскихъ идей. На мой взглядъ, ошибочно; такъ какъ сопоставленіе съ нѣкоторыми строфами Vqlusq и Hqvatqf указываетъ на прямую связь этихъ и аналогичныхъ намековъ на основные мотивы оккультнаго текста Эдды—продукта древней мистики до-христіанской и продолжавшей существовать въ похристіанское время среди сѣверныхъ посвященныхъ Одина [См. G. List. Die Rita der Ario-Germanen, и др. С. Лит. указ.]. С.

47, IV Гейдрунъ—коза въ селеніяхъ боговъ.

48, I Одръ—стихийное божество, возлюбленный Фрѣи.

48, II Въ передачѣ этой строки переводчику справедливо могутъ поставить въ упрекъ крайнюю рѣзкость, быть можетъ даже большую, чѣмъ въ подлинникѣ. Но, не сумѣвъ найти буквальной передачи послѣдняго [текстъ пѣсни таковъ: „Skutosk fer fleire und fyrer Skyrto“], я руководился здѣсь, какъ и всегда, убѣжденіемъ, что грубая прямота выраженія нетолько ближе къ духу первобытнаго эпоса, но и несравненно менѣе неприятна—здоровому воображеніемъ читателю,—нежели смягченная или „модернизированная“ двусмысленность. С.

Фрѣя сказала:

Окружу исполиншу я пламенемъ жаркимъ,
 Невредимую ты не вернешься въ свой домъ. 49

Гиндла сказала:

Вижу я пламя, земля закурилась—
 Съ жизнью разстаться не хочетъ никто! 50
 Возьми же напитокъ для О́тгара памятный;
 Пусть онъ, какъ ядомъ, отравится имъ!

Фрѣя сказала:

Не накличетъ бѣды твое злобное слово,
 Хоть зла и желаешь ты, дочь исполиновъ! 51
 Всѣхъ великихъ боговъ умолю я за О́тгара,
 И счастливцу на пользу напитокъ пойдетъ.

49, I Предполагается, что „жаркое пламя“—только метафорическое обозначеніе занимающейся зари, грозящей великаншѣ гибелью, если она не вернется въ свой домъ до восхода солнца, которое нѣкоторыхъ (повидимому не всѣхъ) исполиновъ, какъ и карловъ, обращаетъ въ камень.

Но возможно, что въ старомъ сказаніи угрозу Фрѣи надо просто понимать буквально.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Полностью „Пѣснь о Ёиндлѣ“ имѣется только въ Flateyjarbók 1105 (и отсутствуетъ, слѣдовательно, въ обоихъ главныхъ спискахъ Эдды). Въ Снорровой Эддѣ есть цитаты изъ нея.

Это произведеніе дошло до насъ въ сильно испорченномъ видѣ, съ крупными и запутанными интерполляціями. Прежде всего въ него внесень позднѣйшимъ переписчикомъ большой отрывокъ не имѣющей сюда никакого отношенія пѣсни, извѣстной подъ заглавіемъ „Краткой Vǫluspá“ и заключающей въ себѣ различныя мифологическія свѣдѣнія. Эта пѣснь, по всей вѣроятности, старѣе „Пѣсни о Ёиндлѣ“ и связана съ нею совершенно некстати (стрф. 35—45).

Самая „Пѣснь о Ёиндлѣ“—какъ видно изъ языка, пріемовъ и изъ самаго содержанія (показывающаго, что цѣлый рядъ мифовъ, время распространенія которыхъ приблизительно извѣстно, существовалъ уже до нея и использованъ авторомъ)—очень позднего происхожденія, быть можетъ XII вѣка, и сложилась въ Исландіи, хотя и на темы норвежскихъ сагъ. (Таково мнѣніе Могка).

Очень возможно, что авторъ былъ уже христіанинъ, для котораго мифологическіе образы являлись только литературнымъ матеріаломъ.

Искусственность построенія—вставленная въ рамки мифа генеалогическая энциклопедія—также говоритъ въ пользу позднего происхожденія пѣсни.

ПѢСНЬ О СВИПДАГРѢ.

•

I.

Заклинанія Провидицы Грѡа.

Свѣпдагръ сказалъ:

Грѡа, проснись! Пробудись ты, родимая!
 Въ мѣрѣ у мертвыхъ услышь меня, мать! 1
 Вспомни, какъ мнѣ ты велѣла за помощьюъ
 На курганъ твой могильный идти.

Грѡа сказала:

Чѣмъ удрученъ ты, сынокъ мой единственный?
 Въ чемъ приключилась печаль? 2
 Что ты зовешь меня, прахомъ покрытую,
 Чуждую всеямъ живыхъ?

Свѣпдагръ сказалъ:

Злая жена, что съ отцомъ дѣлать ложе,
 Зла мнѣ желая, велить 3
 Путь розыскать, всѣмъ живущимъ невѣдомый:
 На поиски Мѣнглодь идти.

(1) Свѣпдагръ („Быстрый День“) еще въ раннемъ дѣтствѣ помолвленъ съ красавицею Мѣнглодь. Оба они растутъ вдаль другъ отъ друга. Мать Свѣпдагра, вѣщая мудрая Грѡа, умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ; передъ смертью она ему сказала, чтобы онъ пришелъ къ ея могильному кургану и вызвалъ ее изъ могилы, если ему понадобится ея помощь. Между тѣмъ, отецъ Свѣпдагра взялъ себѣ въ жены другую женщину, которая не любитъ своего пасынка и посылаетъ его, еще очень юнаго (вѣроятно пятнадцати лѣтъ) на поиски Мѣнглодь—надѣясь, что онъ при этомъ погибнетъ, такъ какъ ему неизвѣстно, какъ найти дорогу къ невѣстѣ и какъ преодолѣть всевозможныя препятствія, ожидающія его на пути.

Свѣпдагръ, вспомнивъ наставленіе матери, вызываетъ ее изъ могилы.
 3, II „Злая жена“—мачиха Свѣпдагра.

Грѡа сказала:

Дологъ твой путь—и опасный, и дальній—
 Но держится дольше любви!
 Доблестенъ будь—и желанное сбудется,
 Если не врагъ тебѣ Рокъ.

Свѣндагръ сказалъ:

Чарами мощными, мать моя мудрая,
 Сына въ пути защити,
 Чтобъ не погибнуть мнѣ въ странствіи трудномъ
 Съ дѣтствомъ недавно простясь.

Грѡа сказала:

Слушай же первое слово заклѣтія—
 Ранъ его принялъ отъ Риндъ:
 Чѣмъ удрученъ, то съ плеча отряхни ты;
 Самъ себя, сильный, спаси.

Слушай второе—вездѣ оно странника
 Въ тяжкомъ пути защититъ:
 Удръ окружи тебѣ крѣпкой оградой
 Всюду, куда ни пойдешь.

Третье внимай—съ нимъ избѣгнешь безбѣдно
 Грозной свирѣпости рѣкъ:
 Горнъ пусть и Рудръ въ міръ подземный направятся;
 Сохни, изсякни, волна.

Слушай четвертое—если отважнаго
 Недруги станутъ тѣснить:

6, II Риндъ—мать бога Вѣли; Ранъ—быть можетъ, прозваніе послѣдняго.

7, III Удръ—одна изъ Норнъ, вѣщихъ дѣвъ судьбы.

8, III Горнъ и Рудръ—имена потоковъ.

Долженъ ихъ духъ тебѣ сдѣлаться дружнымъ,
Къ миру стремиться съ тобой.

Пятое слово пою я—отъ плѣна
Будешь свободенъ ты съ нимъ: 10
Слово заклатья на члены положено—
Узы спадутъ съ твоихъ рукъ.
[Снимется вервѣ съ ногъ.]

Слушай шестое—коль въ морѣ шумящемъ
Буря застигнетъ тебя: 11
Вѣтры и воды почтутъ твою волю,
Берегъ найдешь, невредимъ.

Слушай седьмое—не сможетъ вредить тебѣ
Грозная стужа въ горахъ: 12
Крѣпкій морозъ твоей кожи не тронетъ,
Членовъ твоихъ не скуетъ.

Вотъ заклинанье восьмое—чтобъ ночью
Быль безопасенъ твой путь: 13
Вѣдьма тебѣ волшебствомъ неживая
Не повредитъ никогда.

(13) Особенно опасными считались уже умершія колдуньи, по почамъ выходящія изъ могилъ, чтобы вредить людямъ.

Въ текстѣ стоитъ слово *kristen*—которое, если только чтеніе его правильно, означаетъ христіанская женщина. Такое выраженіе возможно, такъ какъ первымъ представителямъ христіанства языческое население Исландіи относилось съ понятною подозрительностью; и развѣра въ колдуній и вѣдьмъ была общераспространенною, не удивительно, что христіанскія вѣдьмы считались особенно опасными.

Многими предполагается здѣсь описка въ рукописи, различно восстанавливаемая; но общій смыслъ остается тотъ же.

- Слушай девятое—сможешь о мудрости
 Въ споръ съ исполиномъ вступить: 14
 Мыслей уму, и устамъ краснорѣчья
 Много пусть будетъ дано.
- Въ путь свой ступай ты теперь и не бойся;
 Будь тебѣ въ радость любви! 15
 Вѣщихъ заклятій слова я пропѣла,
 Стоя на камнѣ святомъ.
- Пѣснь эту помни, носи ее въ сердцѣ—
 Матери мертвой завѣтъ: 16
 Счастье всю жизнь провожать тебя станеть,
 Если онъ будетъ съ тобой.

(6—15) Эти десять строфъ несомнѣнно заключаютъ, помимо прямого значенія, о культурный смыслъ [какъ и Runatal въ Hǫvamǫl], определенно связанный съ эддической мистикой. Но разсмотрѣнне этой стороны невозможно въ настоящихъ примѣчаніяхъ, изъ которыхъ я сознательно и устраняю всякое соприкосновеніе съ данною областью, какъ залачу, требующую особаго труда и выходящую за предѣлы этого комментарія. Интересующагося герметической стороной текста этой пѣсни (и вообще Эдды) отсылаю еще разъ [впредь до выхода моей спеціальной работы по этому вопросу] къ сочиненіямъ Гвидо Листа (См. Лит. указ.).

С. Свириденко.

15, IV На могильныхъ курганахъ обыкновенно находились большіе камни.

II.

ПѢСНЬ О ФЙОЛЬСВИДРѢ.

На гору быстро къ жилию исполина

Юноша дерзкій всходилъ.

1

Свипдагръ сказалъ:

Что за уродъ во дворѣ тутъ на стражѣ,

Что жаркимъ огнемъ окружень?

Фйольсвидръ сказалъ:

Кто ты, незванный? Чего ты здѣсь ищешь?

Что тебѣ надо, наглець?

2

Прочь отправляйся сырою дорогою!

Здѣсь будешь встрѣченъ, какъ врагъ.

Свипдагръ сказалъ:

Что за уродъ во дворѣ тутъ на стражѣ,

Бранью честващій гостей?

Фйольсвидръ сказалъ:

Добраго здѣсь не дождешься приема;

Можешь домой уходить.

3

Фйольсвидръ зовусь я; умою я извѣстенъ;

На угощенья не щедръ.

4

Гостя во дворѣ не впушу я незваннаго;

Въ лѣсъ отправляйся къ волкамъ!

(1) Въ подлинникѣ другой порядокъ строкъ: III, IV; I, II.

1, IV Обычный эпическій образъ: дворъ Мэнглюдъ окружень огнемъ (ср. „Пѣснь о Скірнирѣ“, циклъ пѣсенъ о Сигурдрѣ).

4, I Фйольсвидръ — „Многомудрый“, „Многознающій“.

Свѣпдагръ сказалъ:

Тотъ, кто увидѣлъ хоромы прекрасныя,
 Неохотно уходитъ отъ нихъ.
 Блещутъ въ чертогѣ столбы золотые—
 Я хотѣлъ-бы здѣсь отдыхъ найти.

Фйольсвидръ сказалъ:

Мальчикъ, отвѣть мнѣ: какъ звался отецъ твой?
 Кто ты и чей, отвѣчай!

Свѣпдагръ сказалъ:

Холодъ мнѣ имя, отецъ мой былъ Стужа;
 Самъ онъ Мороза былъ сынъ.
 Фйольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать:
 Чей это край и хоромы высокія,
 Гдѣ золота столько блещитъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Мѣнглодъ зовется рожденная матерью
 Отъ сына Свѣфртѳрина здѣсь.
 Дѣва владѣетъ страной и чертогомъ,
 Гдѣ золота столько блещитъ.

(6) Отвѣты Свѣпдагра Герингъ объясняетъ тѣмъ, что онъ хочетъ выдать себя, находясь въ странѣ исполиновъ, тоже за потомка исполиновъ, властителей зимы и холода.

Мнѣ кажется, что здѣсь надо видѣть просто наивную хитрость—юноша старается придумать что-нибудь, возможно болѣе непохожее на настоящія имена, свое и своего отца, напоминающія о солнцѣ и теплѣ. Его имя переводится „Быстрый день“, отца его звали Сольбийартъ „Сіяющій какъ солнце“.

C.

8, II Свѣфртѳринъ, слѣдовательно, дѣдъ Мѣнглодъ по отцу. Имена ея родителей остаются неизвѣстны.

10, III Сами ворота въ силу своего волшебнаго устройства схватятъ и удержатъ попытавшагося снять ихъ. Таково общепринятое чтеніе текста. Возможно, однако—и мнѣ это представляется вѣроятнѣе [ибо кому же понадобится снимать съ петель ворота въ чужомъ домѣ?], что слова

Свѣпдагрѣ сказалъ:

Фйольсвидрѣ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай,—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

Что за ворота здѣсь? Входа опаснѣ

Не видали въ предѣлахъ боговъ.

Фйольсвидрѣ сказалъ;

Трумгйолль имъ имя; ихъ строили трое

Карловъ искусныхъ, Сольблѣнди сыновъ;

Схваченъ и скованъ окажется ими,

Кто попытается съ петель ихъ снять.

Свѣпдагрѣ сказалъ:

Фйольсвидрѣ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

Что за стѣна здѣсь? Устройства прочнѣ

Не видали въ предѣлахъ боговъ.

Фйольсвидрѣ сказалъ:

Гатстропнирѣ имя ей; тѣломъ Лейрбрѣмира

Стѣну я эту мостилъ;

Крѣпко стоитъ она, будетъ стоять здѣсь,

Покуда не треснетъ земля пополамъ.

стража относятся къ тому, кто попытается сдвинуть ворота на петляхъ—т.-е., попросту, растворить ихъ. Иначе слишкомъ гиперболчны слова героя объ „опасности“ этого входа: вѣдь нѣтъ же никакой надобности, чтобы войти, снимать съ петель двери или ворота. Въ моихъ глазахъ, стихъ 10, III, IV означаетъ, что волшебныя ворота схватятъ каждаго, кто попробуетъ самовольно отворить ихъ, чтобы войти.

С.

12, I Лейрбрѣмирѣ—„глиняный исполинъ“; по всей вѣроятности, въ данномъ случаѣ просто метафора, обозначающая глину. Возможно, однако, что рѣчь идетъ и о какомъ-нибудь реальномъ существѣ. Въ сказаніи о боѣ Торра съ Грунгйиромъ тоже идетъ рѣчь о глиняномъ исполинѣ—живомъ и чудовищнаго роста, но робкомъ (Мбккуркальфи).

Свѣйпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

13

Какъ называютъ вѣтвистое Дерево,

Весь осынившее мѣръ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Мймамейдръ ясенъ зовется; изъ смертныхъ

Не знаетъ никто его тайныхъ корней.

14

Люди не знаютъ, что смерть причинить ему:

Ни сталь, ни огонь не погубятъ его.

[Свѣйпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣть мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

15

Что же конецъ причинить тому Дереву,

Разъ Ясенъ не сгубятъ ни сталь, ни огонь?]

.

14. Мймамейдръ—„Дерево Мимира“—одно изъ названій мірового ясеня Йггдрасиля, изъ-подъ корней котораго вытекаетъ ключъ Мимира, дающій мудрость.

(15) Послѣ этой строфы пропускъ, по крайней мѣрѣ, въ 2 строфы: утраченъ отвѣтъ Фйольсвидра на 15 я вопросъ Свѣйпдагра, на который отвѣчаетъ слѣдующая реплика. (16).

Но по всей вѣроятности потеряно гораздо больше, чѣмъ 2 строфы.

Далеко не несомнѣнно, чтобы въ 16 рѣчь шла все еще о Ясенѣ; можетъ быть, дѣло касается уже совершенно другого дерева. Если же говорится дѣйствительно о міровомъ Ясенѣ, символизирующемъ совокупность человѣческихъ судебъ въ послѣдовательныхъ воплощеніяхъ—то подъ „плодами“ повидимому подразумѣвается личная „карма“ имѣющаго родиться существа. Знакомые съ оккультными ученіями читатели могутъ воспользоваться даваемымъ здѣсь мною указаніемъ для уясненія себѣ этой строфы. Для общедоступнаго разъясненія затрагиваемаго здѣсь вопроса—я не располагаю мѣстомъ въ данномъ комментарий (См. G. List. о. с.).

Ясно, во всякомъ случаѣ, что всѣ ближайшія строфы, какъ и эта, относятся не только къ прямому предмету діалога Свѣйпдагра и таинственнаго Стража, но имѣютъ общеміровое, космогоническое значеніе. Почему-то это обычно не отмѣчается комментаторами. С.

[Фйольсвидръ сказалъ:

Въ жаркое пламя плоды пусть положить,
 Если женщинѣ трудно рожать: 16
 Выйдетъ наружу, что было внутри—
 Такъ дерево властно надъ тѣломъ людей.]

Свѣпдагрѣ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать: 17
 Какъ тотъ пѣтухъ, золотой весь, зовется,
 Что всѣхъ выше на вѣткахъ сидитъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Видофниръ птица зовется блестящая,
 Ей Мимамейдрѣ служить жильемъ; 18
 Много заботъ непрестанныхъ доставилъ
 Синмарѣ и Суртру пѣтухъ золотой.

Свѣпдагрѣ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать: 19
 Какъ называются псы, что близъ дома
 Съ жадною пастью кружатъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Гэри и Гифръ эти псы называются,
 Разъ тебѣ надобно знать. 20
 Сильны, свирѣпы, стеречь они стануть
 Домъ до кончины боровъ.

18, I Видофниръ, вѣроятно, тождественъ съ пѣтухомъ Гуллинкамби, пѣніе котораго будитъ обитателей Валггаллы.

18, IV Суртру—исполинь изъ огненнаго міра Муспелля. С нимъ а́ра, повидимому, жена его. У нея хранится оружіе, которымъ можетъ быть убитъ Видофниръ.

20, I Гэри и Гифръ. Оба имени означаютъ „жадный“. Гэри зовутъ также одного изъ волковъ Одина.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

21

Въ часть, когда спять они—можетъ ли смѣлый

Тайно пробраться въ чертогъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Оба они чередуются отдыхомъ

Съ тѣхъ поръ какъ на стражѣ двора:

22

Ночью спить первый, а днемъ спить другой.

Въ двери никто не пройдетъ.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

23

Можно иль нѣтъ прикормить ихъ приманкою,

Пока ѣсть они станутъ—войти?

Фйольсвидръ сказалъ:

Можно изъ тѣла златого Видофнира

Сдѣлать два вкусныхъ жаркихъ:

24

Псовъ прикормить только ими возможно,

Пока ѣсть они станутъ—пройти.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

Есть ли оружье въ мірахъ, отъ котораго

Видофниръ свѣтлый умереть?

Фйольсвидръ сказалъ:

Лѣватейнъ мечъ тотъ зовется; коваль его

Лоптръ волшебствомъ, въ мірѣ Смерти самой;

25

Въ ларь онъ желѣзный положень Синмáроу,

Девять затворовъ на немъ.

Свѣпдагрѣ сказаль:

Фйольсвидрѣ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

27

Тотъ, кто достать этотъ мечъ попытается—

Вернется ли снова назадъ?

Фйольсвидрѣ сказаль:

Тотъ, кто достать этотъ мечъ попытается,

Снова вернется назадъ—

28

Если онъ нѣчто, немногимъ доступное,

Доставить богинѣ колець золотыхъ.

Свѣпдагрѣ сказаль:

Фйольсвидрѣ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

29

Есть ли у смертныхъ сокровище рѣдкое,

Что Синмѣра за мечъ свой возьметъ?

Фйольсвидрѣ сказаль:

Серпъ золотой принести ты Синмѣрѣ—

Видофнира птицы перо;

30

Это перо подари исполнишѣ—

Мечъ ты получишь въ обмѣнъ.

28, IV богиня золотыхъ колець. Скальдическая метафора, означающая „женщину“.

(30) Тутъ выступаетъ сказочный мотивъ, реально изображающій невозможность проникнуть къ Мэнглодъ для всякаго, исключая того единственнаго, который предназначенъ стать ей мужемъ. Отъ всякаго, кромѣ Свѣпдагра (какъ окажется впоследствии), дворъ охраняютъ псы, которыхъ можно прикормить только мясомъ Видофнира; послѣдняго нельзя убить ничѣмъ, кромѣ меча Лѣватейна, а этотъ мечъ можно получить только въ обмѣнъ на перо (убитаго) Видофнира—т.-е. оказывается безвыходный кругъ.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

31

Какъ называютъ чертогъ этотъ свѣтлый,

Хранимый волшебнымъ огнемъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Лиръ называютъ чертогъ этотъ свѣтлый,

На копьяхъ вращается онъ.

32

Лишь по наслышкѣ провѣдали люди

Про роскошь огромныхъ хоромъ.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

33

Кто этотъ дворъ ослѣпительный вымостилъ,

Такъ, что горить онъ какъ жарь?

Фйольсвидръ сказалъ:

Ўни и Ёри, Вэгдразиль и Яри,

Бэрри и Дёллингъ и Варъ,

34

Дори мостилъ его, Ори мостилъ его,

Лóки лукавый мостилъ.

Свѣпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—

Вотъ что мнѣ надо узнать:

35

Какъ эту гору зовутъ, гдѣ невѣста,

Дивная дѣва, сидить?

(34) Изъ асовъ, такимъ образомъ, участвовалъ въ постройкѣ двора только Лóки; Дёллингра иногда тоже причисляютъ къ асамъ. Остальные имена—имена карловъ. Всѣ отвѣты Фйольсвидра относятся, опять-таки, не только къ устройству чертога Мэнглодь, но и къ тайнамъ устройства Вселенной. Лóки въ данномъ случаѣ—представитель Хаоса.

Фйольсвидръ сказалъ:

Лифйабергъ имя ея; исцѣляетъ
 Отъ болѣзней и ранъ та гора; 36
 Женщина съ тяжкомъ недугомъ излечится,
 До вершины дошедши ея.

Свѣлдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать: 37
 Какъ прозываются дѣвы, сидящія
 Мирно близъ Мѣнглодь, у ногъ госпожи?

Фйольсвидръ сказалъ:

Глифъ имя первой, Глифтра́са вторая,
 Третью же Тйбдворъ зовутъ; 38
 Аурбода, Фридръ, Бйортъ и Блейкъ, Блидь и Эйръ—
 Вотъ этихъ дѣвъ имена.

Свѣлдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать: 39
 Всѣмъ ли даруютъ поддержку тѣ дѣвы
 При жертвахъ, съ мольбой противъ бѣдъ?

Фйольсвидръ сказалъ:

Всѣмъ эти дѣвы поддержку даруютъ,
 Жертвенникъ жаркій храня; 40
 Смѣлымъ бойцамъ помогаютъ въ невзгодѣ
 Эти свѣтлыя дѣвы всегда.

(36) Что мѣстопробываніе Мѣнглодь—гора Лифйабергъ, „гора жизни“, „гора исцѣленія“,—указываетъ на то, что въ первоначальномъ представленіи Мѣнглодь могла быть благою богинею, покровительствующею людямъ.

На это же указываютъ функціи ея прислужницъ, одаренныхъ высшимъ могуществомъ.

Свѣйпдагръ сказалъ:

Фйольсвидръ, отвѣтъ мнѣ и правду повѣдай—
 Вотъ что мнѣ надо узнать: 41
 Есть ли межъ смертными мужъ, что у Мѣнглодь
 Будеть въ объятяхъ лежать?

Фйольсвидръ сказалъ:

Мужа межъ смертными нѣтъ, что у Мѣнглодь
 Будеть въ объятяхъ лежать— 42
 Кромѣ единого: свѣтлаго Свѣйпдагра;
 Ея онъ женихъ искони.

Свѣйпдагръ сказалъ:

Двери раскрой, отопри ты ворота!
 Свѣйпдагръ стоитъ предъ тобой. 43
 Къ Мѣнглодь спѣши, и спроси у красавицы:
 Хочетъ ли быть мнѣ женой.

Фйольсвидръ (пошелъ къ Мѣнглодь и) сказалъ:

Мѣнглодь, послушай! Явился къ намъ витязь.
 Гостя ты встрѣтъ поскорѣй; 44
 Псы къ нему ластаня, дворъ самъ открылся—
 Свѣйпдагръ навѣрное онъ.

Мѣнглодь сказала:

Пусть тебѣ вороны выключють очи
 Высоко на позорномъ сукѣ— 45
 Если солгалъ ты, что гость мой желанный
 Прибыль ко мнѣ наконецъ.

(Мѣнглодь вышла къ Свѣйпдагру и сказала:)

Прибыль отколь ты? какою дорогою?
 Имя скажи мнѣ свое. 46
 Родъ назови, чтобъ могла я увѣриться—
 Мой ты женихъ или нѣтъ.

Свѣпдагрѣ сказалъ:

Свѣпдагрѣ зовусь я, и Сольбйартъ отецъ мой;
 Шель я—вонъ тамъ, одинокимъ путемъ. 17
 Урдъ приговору никто не противится—
 Сбудется воля Судьбы.

Мѣнглодъ сказала:

Витязь, привѣтъ тебѣ! Въ домъ мой войди ты,
 Вѣрной невѣсты прими поцѣлуй! 18
 Сердцемъ ликуеть въ часъ радостной встрѣчи
 Всякій, кто сильно любилъ.

Долго сидѣла я здѣсь на вершинѣ,
 Долго я здѣсь дождалась тебя; 19
 Кончены скорби, сбылося желанье:
 Свѣпдагрѣ явился ко мнѣ!

Я по любви твоей здѣсь тосковала
 Такъ же давно, какъ по мнѣ ты грустилъ; 20
 Часъ наступилъ, и теперь я съ тобою—
 Вѣчное счастье насъ ждетъ!

(49) Эта строфа характерно напоминаетъ привѣтственные слова, которыми, въ аналогичномъ эпизодѣ сказаній о Сигурдрѣ, встрѣчаетъ его на вершинѣ горы пробужденная героемъ невѣста-валькирія — Брингильда (Siprdrifumol).

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

„Пѣсни о Свіпдагрѣ“ нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ на пергаментѣ, а только въ позднихъ рукописяхъ на бумагѣ. Она принадлежитъ исландской поэзіи конца X вѣка, хотя фигурирующие въ ней мифическіе и фольклорные элементы исходятъ изъ глубочайшей древности.

Что Gróagaldr и Fjolsvinnsmál дѣйствительно представляютъ собою одно произведеніе, при чемъ второе является непосредственнымъ продолженіемъ перваго—это достаточно явствуетъ изъ содержанія, въ частности уже изъ начальныхъ строкъ второй пѣсни; вѣроятно, обѣ пѣсни принадлежали и одному автору.

Авторъ этотъ несомнѣнно язычникъ, даже если надо считать неправильнымъ то чтеніе текста, при которомъ, въ 13 строфѣ Gróagaldr, идетъ рѣчь о „причиняющихъ вредъ христіанскихъ вѣдмахъ“. И помимо этого все произведеніе проникнуто определеннымъ и яркимъ языческимъ духомъ.

Часто указываютъ, что „Пѣснь о Свіпдагрѣ“ составляетъ переходъ отъ мифологическихъ пѣсенъ къ героическимъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея является не богъ, а земной герой, еще сохранившій въ себѣ черты стихійнаго (солнечнаго) божества, но съ вполне определеннымъ человѣчнымъ обликомъ, отчасти уже воплощающимъ идеальный типъ германскаго героическаго эпоса: онъ напоминаетъ Сигурдра своимъ беззаботнымъ безстрашіемъ, своею юношескою заносчивостью при встрѣчѣ съ Фйольсвидромъ, своею радостною увѣренностью въ побѣдѣ. Наивная хитрость, съ какою Свіпдагръ старается скрыть свое имя и происхожденіе, напоминаетъ подобную же попытку Сигурдра назваться вымышленнымъ именемъ на вопросъ Фáfнира (Пѣснь о Фáfнирѣ, 2). Съ другой стороны образъ и личность Фйольсвида, дидактическій характеръ его бесѣды съ Свіпдагромъ—замѣтно примыкаютъ къ мифологическому эпосу. Фабула построена на томъ же фольклорномъ мотивѣ, отголоски котораго имѣются въ „Пѣсни о Скір-

нирѣ“ и которому наиболѣе яркое воплощеніе дано въ циклѣ пѣсень о Сигурдрѣ: герой, послѣ далекаго странствія, преодолевъ преграды, которыя лишь онъ одинъ изъ всѣхъ живущихъ призванъ преодолѣть—находитъ наконецъ отъ вѣка предназначенную ему и съ любовью ожидающую его невѣсту.

Общій многимъ народамъ фольклорный мотивъ надо видѣть и въ обращеніи Свѣпдагра къ умершей матери за помощью и совѣтомъ. Аналогичные моменты есть въ рядѣ сказаній и пѣсень.

За исключеніемъ нѣсколькихъ неясныхъ, очень запутанныхъ и спорныхъ (вѣроятно, сильно испорченныхъ переписчиками) строкъ въ „Пѣсни о Фйольсвидрѣ“, и самой личности послѣдняго, остающейся до сихъ поръ загадочной ¹⁾—замысль поэта развивается просто и стройно.

Несмотря на позднее происхожденіе „Пѣснь о Свѣпдагрѣ“—одна изъ лучшихъ пѣсень Эдды.

Тема разработана естественно и художественно, образы ярки и прекрасны, въ лирическихъ мѣстахъ угадывается творчество настоящаго поэта, прозорливаго и глубоко-чувствующаго духа. Поразительно хороши прощальныя слова матери, напутствующей своего Свѣпдагра въ трудное странствіе за прекрасной далекой невѣстой (15, 16):

Въ путь свой ступай ты теперь и не бойся;

Будь тебѣ въ радость любовь!..

Вѣщихъ зачатій слова я пропѣла,

Стоя на камнѣ святомъ.

Пѣснь эту помни, носи ее въ сердцѣ—

Матери мертвой завѣтъ;

Счастье всю жизнь провожать тебя станеть,

Если онъ будетъ съ тобой.

И яркій, богатый лиризмъ звучитъ въ первыхъ обѣтахъ любви, которыми обмѣниваются на горной вершинѣ Свѣпдагръ и Мэнглюдъ, изначала предназначенные другъ другу, долго любившіе и наконецъ соединенные судьбою.

¹⁾ Я считаю, что здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробный разборъ спорнаго вопроса о личности Фйольсвидра и въ частности отстаивать мое личное предположеніе на этотъ счетъ. Только напоминаю еще разъ объ эзотерической подкладкѣ всего діалога и связи его съ тайными космогоническими ученіями эддическихъ авторов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Предисловіе къ русскому переводу	35

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Пѣсни о божествахъ).

✓	1. Прорицаніе Провидицы (Völuspō)	91
	Общія замѣчанія	113
	2. Пѣснь о Путникѣ (Vegtamskviða)	123
	Общія замѣчанія	130
	3. Пѣснь о Тримрѣ (Þrymskviða)	139
	Общія замѣчанія	149
	4. Пѣснь о Гѣймирѣ (Hymeskviða)	151
	Общія замѣчанія	164
✓	5. Словесная распря Лóки (Lokasenna)	167
	Общія замѣчанія	189
	6. Сказъ о Гáрбардрѣ (Hárbarðsljóð)	201
	Общія замѣчанія	214
	7. Пѣснь о Скíрнирѣ (Skirnesmó)	219
	Общія замѣчанія	231
	8. Рѣчи Вáфтруднира (Vafþrúfnesmó)	233
	Общія замѣчанія	249
	9. Рѣчи Грímнира (Grimnesmó)	251
	Общія замѣчанія	271
	10. Пѣснь объ Áльвиссѣ (Alvissmó)	273
	Общія замѣчанія	283
	11. Изреченія Высокаго (Hórvamó)	285
	Общія замѣчанія	318
	12. Сказаніе о Ригѣ (Rígsþula)	327
	Общія замѣчанія	340
	13. Пѣснь о Гѣйндлѣ (Hyndlóljóð)	343
	Общія замѣчанія	357
✓	14. Пѣснь о Свѣпдагрѣ (Svipdagsmó):	
	I. Заклинанія Провидицы Грóа (Gróogaldr)	361
	II. Пѣснь о Фѣольсвидрѣ (Fjolsvinnsmó).	365
	Общія замѣчанія	376